

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

Корейский полуостров в эпоху перемен

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК [308+32+908](510)

ББК 66.3(5Кор)

К70

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.ф.н. Ким Ен Ун, к.э.н. В.Г. Самсонова, д.э.н. С.С. Суслина,
к.культурологии М.Е. Осетрова

К70 Корейский полуостров в эпоху перемен. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-8381-0312-3

В коллективной монографии, в основу которой легли материалы состоявшейся в марте 2016 г. XX научной конференции корееведов России и стран СНГ, представлены работы корееведов ИДВ РАН и других ведущих корееведческих центров России — от Владивостока до Санкт-Петербурга, а также ученых Казахстана и Узбекистана. Рассматриваются возможности реализации национальных интересов России на Корейском полуострове, состояние и перспективы межкорейских отношений. Значительное внимание уделено анализу новых тенденций в развитии обстановки на Корейском полуострове после четвертого ядерного испытания и очередного запуска спутника в КНДР в январе—феврале 2016 г. Исследуется корейская политика соседних с полуостровом государств США. Анализируются актуальные проблемы экономики РК и КНДР и их внешнеэкономические связи. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического и культурного наследия и его связи с современностью.

The collective monograph, compiled on the basis of papers presented at the XX academic conference of Koreanists of Russia and other CIS countries held in March 2016, contains the works by scholars of the Institute of Far Eastern Studies RAS and other leading Korean studies centers of Russia — from Vladivostok to St. Petersburg, as well as scientists of Kazakhstan and Uzbekistan. The possibility of realization of Russian national interests on the Korean Peninsula, the status and prospects of inter-Korean relations are explored. Considerable attention is paid to the analysis of new trends in the development of the situation on the Korean Peninsula after the fourth nuclear test and another satellite launch in the DPRK in January-February 2016. Korean policy of the states surrounding the Korean Peninsulan is examined. The current problems of economy of South and North Korea and their foreign economic relations were analysed. Separate chapters are devoted to the Korean historical and cultural heritage and its relationship with modernity.

УДК [308+32+908](510)

ББК 66.3(5Кор)

© Коллектив авторов, 2016

© ИДВ РАН, 2016

ISBN 978-5-8381-0312-3

Оглавление

Предисловие

Жебин А.З.

Конференциям российских корееведов в ИДВ — 20 лет 7

Глава 1. РОССИЯ, КОРЕЯ И МЕЖКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Толорая Г.Д., Яковлева Л.Н.

Корейский полуостров: место в азиатской стратегии России
в условиях кризиса 16

Сухинин В.Е.

Российско-южнокорейским отношениям четверть века:
некоторые оценки 28

Ким Ен Ун

Правый поворот в РК: состояние и перспективы
межкорейских отношений 34

Воронцов А.В.

Объединение Кореи. Современные подходы КНДР и РК 45

Глава 2. КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: БОМБЫ, РАКЕТЫ И САНКЦИИ

Асмолов К.В.

Современное состояние китайско-корейских отношений 55

Дьячков И.В.

Северокорейская «водородная бомба» и спутник как напоминание
о трудностях урегулирования ядерной проблемы 69

Евсеев В.В.

Перспективы создания в Республике Корея противоракетной
обороны 79

Кику Д.В.

Беспрецедентные санкции СБ ООН в отношении КНДР:
прелюдия к дальнейшей эскалации или разрядке? 86

Глава 3. КОРЕЯ—ЯПОНИЯ: ПОД ГРУЗОМ ПРОШЛОГО

Иванов К.В.

История колониальной Кореи: политика,
опрокинутая в прошлое 94

Овчинникова Л.В.

Политико-идеологическая обработка корейского населения
японской колониальной администрацией 104

Якимова Д.А.

Общее и особенное в колониальной политике Японии в Корее 114

Лобов Р.Н.

Предварительный этап переговоров о нормализации
двусторонних отношений между РК и Японией 127

Гринюк В.А.

70-летие окончания Второй мировой войны и новые моменты
в отношениях Японии с РК 134

Глава 4. КОРЕЯ: В ЗАПАСНИКАХ ИСТОРИИ

Ванин Ю.В.

Малоизвестная страница истории корейского
освободительного движения 142

Дьякова О.В.

Корёско-чжурчжэньское пограничье: контакты и конфликты 150

Ефимов А.В.

Сближение корейцев, нивхов и иных палеоазиатских народов
на основе этнографических показателей 157

Пак А.В.

Место протестантской церкви в истории Кореи 167

Глава 5. ЭКОНОМИКА РК ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Суслина С.С. Экономика Южной Кореи в поисках сбалансированного роста	176
<i>Синякова А.Ф.</i> Энергетический сектор Республики Корея: обзор и актуальные тенденции	188
<i>Ким Ен Сун</i> Инновационный потенциал Южной Кореи	199

Глава 6. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

<i>Самсонова В.Г.</i> Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество в эпоху перемен	212
<i>Мен Д.В.</i> Казахстан и Республика Корея: 25 лет спустя	224
<i>Расулов Э.Р.</i> Центральная Азия во внешнеполитической стратегии Республики Корея	231
<i>Захарова Л.В.</i> Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы	238
<i>Кирьянов О.В.</i> Текущее состояние и перспективы развития северокорейской торгово-экономической зоны Расон	249

Глава 7. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

<i>Гурьева А.А.</i> Традиционные модели в репрезентации текущих проблем в современных южнокорейских текстах	262
---	-----

<i>Похолкова Е.А.</i> Язык политической корректности в южнокорейских средствах массовой информации	274
<i>Солдатова М.В.</i> Художественно-поэтические строки в городском пространстве как элемент социальной рекламы: вывеска на площади Кванхвамун	290
<i>Хохлова Е.А.</i> Пейзажная живопись раннего Чосона: не «как?», а «почему?»	303
<i>Погадаева А.В.</i> Возникновение и развитие детективного жанра в Корее	314
 Глава 8. РАСШИФРОВЫВАЯ КУЛЬТУРНЫЙ КОД	
<i>Смертин Ю.Г.</i> Корейский шаманизм: прошлое в настоящем	322
<i>Чеснокова Н.А.</i> Место рождения корейца как потенциальный детерминант его будущего: стереотипы и регионализм	334
<i>Носкова Н.Г.</i> Этнонимы чосон и хан в названиях государств Корейского полуострова	346
<i>Цой И.В.</i> Пак Кённи. О понятии <i>мёт</i>	357
<i>Осетрова М.В.</i> Северокорейская кухня как средство публичной дипломатии	369
Список авторов	380
Abstracts	390

Предисловие

А.З. Жебин

КОНФЕРЕНЦИЯМ РОССИЙСКИХ КОРЕЕВЕДОВ В ИДВ — 20 ЛЕТ

Сегодня, по прошествии 20 лет, у российских корееведов достаточно оснований констатировать, что конференции российских специалистов по Корее, проводимые Центром корейских исследований ИДВ РАН ежегодно начиная с 1996 г., имели историческое значение для развития и обретения зрелости современного российского корееведения.

Стартовав в декабре 1996 г. как конференция корееведов Москвы, этот форум быстро стал самой представительной и устойчивой площадкой в России для представления результатов исследований, обмена мнениями, дискуссий и встреч корееведов нашей страны, к которым с 2005 г. стали присоединяться специалисты из Узбекистана, Казахстана, Белоруссии и Украины.

Начиная с 1999 г. (3-я конференция) и по настоящее время форум проводится ежегодно во второй половине марта, что дало возможность членам корееведческого сообщества заранее планировать свою научную работу и подготовку к участию в конференциях. Ни один корееведческий и, более того, востоковедческий научный центр в России не сумел обеспечить столь устойчивого, регулярного проведения общероссийских научных форумов специалистов-страноведов на протяжении двух десятилетий. И это — заслуга не только организаторов — Института Дальнего Востока РАН и Центра корейских исследований, — но и всего корееведческого сообщества России, многие члены которого, несмотря на появление в последние годы различных альтернативных площадок, непростую финансовую ситуацию, продолжают самым активным образом участвовать в нашей работе.

За эти годы на 19 конференциях выступили 160 (165 с учетом нынешней) докладчиков — представителей академической, вузовской и отраслевой науки, сотрудники госорганов, частных компаний, ряда СМИ. Они представляли свыше 50 научных центров, университетов и других организаций из 15 городов России. Среди них — такие известные востоковеды, как академики М.Л. Титаренко и А.В. Торкунов, другие ученые, внесшие огромный вклад в становление и развитие российского корееведения: М.Н. Пак, В.Ф. Ли, В.П. Ткаченко, В.Н. Дмитриева.

В течение всего своего существования конференция пользовалась поддержкой со стороны руководителей корейского направления МИД РФ. Среди ее участников были российские послы в КНДР — Ю.Д. Фадеев, В.И. Денисов, В.Е. Сухинин, А.И. Мацегора — и в РК — А.А. Тимонин. Выступления этих известных специалистов, наряду с докладами ведущих ученых-корееведов, стали настоящей школой востоковедения для растущего количества молодых ученых, аспирантов и магистрантов, студентов старших курсов вузов Москвы и других городов, которые все более активно участвуют в работе конференции.

Время неумолимо. Имена многих из тех, кто участвовал в первых наших конференциях, стоял у истоков современного российского корееведения, уже никогда не появятся в списках докладчиков очередной конференции корееведов России и стран СНГ. Среди них — М.Л. Титаренко, М.Н. Пак, В.Ф. Ли, В.Н. Дмитриева, Ю.Д. Фадеев, А. Иргебаев, Г.Д. Тягай, Б.В. Синицын, Г.С. Яскина, М. Хан, сотрудники нашего Центра корейских исследований Р.В. Савельев, И.Д. Скорбатьюк, Н.М. Кобозев.

Программы первых четырех конференций не предусматривали никакой тематической разбивки, хотя, безусловно, доклады по той или иной тематике группировались вместе. С 5-й конференции (2001 г.) основными тематическими разделами стали политика, экономика, история и культура. С 17-й конференции (2013 г.) появилась самостоятельная секция «Культура». С этого же года доклады, представленные на конференцию, после их доработки с учетом замечаний и комментариев в ходе дискуссии по ним, стали группироваться в тематические главы и публиковаться в виде коллективной монографии. На 19 предыдущих конференциях, было представлено 529 (с учетом нынешней — 564) докладов. Материалы наших форумов вышли в 21 томе (дважды доклады издавались в двух томах) общим объемом 342 печатных листа. С учетом того что на нынешней 20-й конференции представлено такое количество

докладов, как и на прошлой, примерно такого же объема будет и очередная коллективная монография — 28 печатных листов. Таким образом, общий объем публикаций 20-й конференции составит 370 печатных листов.

Среди 564 докладов, представленных на 20 конференциях, 192 были отнесены к разделу «Политика», 159 — «Экономика» и 213 — «История и культура».

Опубликованные материалы наших конференций дают наглядное представление о широчайшем диапазоне исследований, ведущихся в России в области политики, экономики, истории и культуры Кореи, российско-корейских и международных отношений в США.

Один из главных выводов, касающихся российской политики на Корейском полуострове, обоснованный в ходе наших конференций, заключается в том, что российским интересам отвечает поддержание прочного мира и стабильности на полуострове. У нас с Кореей — пусть небольшая, но общая граница. Уже в силу одного только географического фактора интересы безопасности России на полуострове не менее законны и значимы, чем интересы стран, отделенных от Кореи морями и океанами.

Наряду с интересами нашей безопасности, мы заинтересованы в мире на полуострове и по экономическим соображениям. Минувшие 20 лет подтвердили, что без известного уровня доверия, взаимопонимания и сотрудничества между Севером и Югом Кореи оказалось невозможно реализовать в регионе целый ряд трехсторонних энергетических и инфраструктурных проектов. Помимо чисто материальных выгод, их осуществление помогло бы заложить там экономический фундамент новой системы безопасности.

Именно поэтому на наших конференциях в наших работах мы сосредоточивались на поисках путей достижения мира и согласия между Севером и Югом. Российские кореееды никогда не делали акцент на раздорах и разногласиях, тем более не стремились разжигать их, раздуть недоверие и вражду между двумя частями страны, настраивать их друг против друга, что, кстати, присуще, многим «трудам» некоторых западных аналитиков и так называемых американских фабрик мысли, таких как РЭНД или Фонд «Наследие»¹. И если обе корейские стороны нередко смотрели друг на друга через прицелы оружия, то большинство из нас воспринимали Корею и корейцев как одну страну и один народ.

Вопреки подбрасываемому нам мнению, что российское корееведение, мол, не обеспечивает требуемого от современных исследований уровня анализа и особенно прогноза развития ситуации, многие оценки состояния и перспектив развития обстановки в СВА и на полуострове, высказанные на наших конференциях, полностью оправдались.

Мы обращали внимание и на сохраняющиеся в АТР конфронтационные подходы и инерцию холодной войны, и на наличие других серьезные источники напряженности, и на рост военных приготовлений во многих странах Азии².

Вопреки продолжающему доминировать и на Севере и на Юге Кореи тезису об исключительной ответственности «внешних сил» за раскол Кореи, в докладах на наших конференциях были подробно проанализированы внутрикорейские причины раскола и показано, что «факторы внутренней, межэтнической борьбы корейских государств всегда превалировали над интересами общекорейскими», что особенно наглядно проявляется в наши дни³.

Полностью подтвердился прогноз, высказанный на нашей 1-й конференции В.П. Ткаченко, о том, что «объединение Кореи в ближайшей перспективе — 15—20 лет — нереально в силу крайней враждебности двух корейских государств и отсутствия мотивации к сотрудничеству»⁴.

Базовые оценки состояния и перспектив межкорейских отношений, в том числе и экономических связей между КНДР и РК, сделанные два десятилетия тому назад, полностью сохраняют свое значение и выглядят так, будто они сделаны в наши дни. «Углубление экономического сотрудничества Севера и Юга невозможно без политических решений, нацеленных на устранение военных угроз, преодоления взаимной подозрительности и недоверия», — говорил на 1-й нашей конференции один из лучших российских специалистов по экономике Южной Кореи Б.В. Сеницын. Тогда же он высказал удивительно точный прогноз о том, что оживление в этой сфере может произойти не раньше 2000 г., что и случилось после состоявшегося в том же году первого межкорейского саммита⁵.

Сейчас в Южной Корее и США в моде, или в тренде, исследования не о том, как совместно разработать дорожную карту, которая привела бы к мирному объединению страны, а о том, как поступать с северокорейцами после воссоединения, которое, считается априори, произойдет по южнокорейскому сценарию. Уже определено, кому из

северокорейского руководства уготован суд, кому — дорога в лагерь по перевоспитанию, скольким северокорейцам будет разрешено выезжать в южную часть объединенной страны через год, скольким — через два, а кому придется подождать пять и большее количество лет. Такова будет демократическая практика на местности нынешних борцов за свободу и права человека в Северной Корее⁶.

Между тем, российские ученые еще 20 лет тому назад обратились к новаторским и чрезвычайно сложным темам обустройства жизни населения в объединенной Корее, не дискриминирующего жителей какой-то одной ее части.

Среди таких исследований хотелось бы назвать доклад С.С. Суслиной. «Проблемы социальной защиты населения в единой Корее», сделанный на нашей первой конференции в декабре 1996 г.⁷

В своих оценках ситуации на полуострове абсолютное большинство российских специалистов не становились на сторону Севера или Юга, в чем нас нередко упрекали наши корейские партнеры. Мы всегда были и остаемся на российской стороне, рассматриваем происходящее на полуострове с точки зрения интересов обеспечения безопасности и достижения экономического процветания России.

Не секрет, что до конца 80-х годов минувшего столетия наши подходы к корейским проблемам во многом формировались и особенно озвучивались с учетом тогдашних позиций Пхеньяна. После установления дипломатических отношений с РК ситуация изменилась практически на противоположную. В результате в середине 1990-х годов мы утратили доверие Пхеньяна, заинтересованность в нас Сеула, а на Западе при решении корейских проблем о нас стали просто забывать. Стало, наконец, ясно, что интересам России отвечает поддержание равных, сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами.

Не всем это нравится. Продолжаются попытки использовать Россию в своих интересах в межкорейских спорах. Москве по-прежнему пытаются указывать на то, что она якобы «должна» делать или не делать в Корее, адресуются призывы поступать в корейских делах так, как это считают нужным в столицах некоторых стран, а не так, как это представляется целесообразным нам с учетом наших собственных национальных интересов.

Такие тенденции стали наблюдаться и в области академических обменов и сотрудничества. В последние годы в практике южнокорейских партнеров, как на уровне представителей политических, так и ака-

демических кругов, сформировалась устойчивая тенденция к вытеснению из двустороннего научно-политического дискурса, посвященного изучению состояния и перспектив российско-корейских отношений и урегулирования в Корее, ведущих российских корееведов, работающих в специализированных корееведческих подразделениях российских вузов и Академии наук.

По всей видимости, определённые круги в РК сочли, что участие в научных диспутах профессионально подготовленных, знающих в деталях историю и современное состояние корейского вопроса и российско-корейских отношений российских корееведов мешает официальному Сеулу обеспечивать безоговорочную поддержку со стороны экспертного сообщества и общественности России политики РК как в отношении нашей страны, так и КНДР. И в той и другой области, как известно, внешнеполитические декларации Сеула нередко расходятся с его практическими действиями, официальная повестка не совпадает со скрытой.

Достаточно напомнить о столь модном с конца минувшего десятилетия в Сеуле тезисе о «стратегическом партнерстве» с Россией. К настоящему времени уже совершенно ясно, что единственным стратегическим, причем не партнером, а союзником Республики Корея являются США. В угоду геополитическим замыслам Вашингтона Сеул готов предоставить свою территорию для размещения американских комплексов ПРО, непосредственно угрожающим интересам безопасности России и Китая. В угоду этим же планам Сеул фактически сорвал реализацию трехсторонних энергетических и транспортных проектов в СВА с участием России, КНДР и РК.

Показательно, что такая линия совершенно не практиковалась в период администраций Ким Дэ Чжуна (1998—2003) и Ро Му Хена (2003—2008), когда российские специалисты-корееведы, доказывавшие, что диалог и равноправное сотрудничество между Севером и Югом — единственно приемлемый путь разрешения корейской проблемы, были желанными собеседниками для южнокорейцев и в Москве, и в самых высоких кабинетах Сеула, включая «Голубой дом».

Нынешняя позиция начала формироваться с приходом к власти президента Ли Мен Бака (2008—2013), кардинально ужесточившего политику в отношении КНДР, и получила окончательное оформление при нынешней администрации.

Но российские кореееды не намерены менять свои взгляды и на наши двусторонние, и на межкорейские отношения, и на пути обеспечения мира и безопасности в зависимости от того, какая — право-консервативная или либерально-демократическая администрация оказывается у власти в Сеуле. Повторим еще раз: наши подходы основываются на интересах национальной безопасности и экономического развития России.

Разумеется, участники наших конференций не могли обойти своим вниманием периодические всплески напряженности на полуострове, связанные с развитием северокорейских ракетно-ядерных программ и попытками Запада заставить КНДР отказаться от них, а заодно создать предпосылки для смены режима в Пхеньяне.

В нынешнем году исполняется 10 лет со времени 1-го ядерного испытания в КНДР и начала санкционного давления ООН на эту страну с целью заставить ее отказаться от программ создания ОМУ и средств его доставки. Многие российские специалисты, в том числе сотрудники нашего Центра, всегда считали и продолжают утверждать, что одними санкциями эту проблему не решить⁸.

Опыт урегулирования иранской ядерной проблемы, первоначально казавшейся неразрешимой, показал, что необходима разработка совместными усилиями дорожной карты поэтапного урегулирования. КНДР должен быть представлен детально разработанный пакет ответных мер с четкими сроками отмены конкретных санкций после каждого этапа выполнения ею достигнутых договоренностей.

Россия, как известно, поддержала, с незначительными поправками, беспрецедентно жесткий санкционный пакет мер в отношении КНДР, принятый в начале марта 2016 г. СБ ООН после проведенных КНДР четвертого ядерного испытания в январе и запуска ракеты-носителя со спутником в феврале того же года. Нашу безопасность, безусловно, не укрепит появление ОМУ и средств его доставки на Корейском полуострове, как и в любом другом месте по периметру наших границ.

Вместе с тем новые санкции против России, демонстративно объявленные США через несколько часов после голосования в СБ ООН, продолжающиеся усилия ряда западных лидеров представить Россию, наряду с КНДР, едва ли не главной угрозой миру, не могут не породить сомнения в целесообразности, а главное — дальновидности такого подхода. Ученые и специалисты уже только в силу специфики своей про-

фессии не могут не задаться такими вопросами. Какими бы красивыми и политкорректными фразами не укутывали нынешний набор санкций против КНДР, цель его, и она практически не скрывается США и их союзниками, — не решить ядерную проблему, а дестабилизировать, а затем и ликвидировать КНДР либо вызвать военную катастрофу прямо на наших дальневосточных рубежах, за которой кое-кто рассчитывает наблюдать по телевизору за океаном. Породив хаос на севере Африки и Ближнем Востоке, эти силы, похоже, не прочь сделать то же самое и на нашем Дальнем Востоке, таким образом замкнув дугу нестабильности по периметру наших границ от Балтики до Приморья. Не замечать такой опасности и не указать на нее было бы непростительной ошибкой.

Нынешняя ситуация требует от российских специалистов особенно внимательного анализа динамики ее развития и выработки предложений по предотвращению ее сползания в нежелательное как для самих корейцев, так и для граничащих с Корейским полуостровом государств русло.

Примечания

¹ *Bennett B.W.* Preparing for the Possibility of a North Korea Collapse. RAND. September 2013. URL: : <http://www.rand.org>

² *Титаренко М.Л.* АТР на пороге XXI века: вызовы и альтернативы // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. 1. С. 10.

³ См.: *Пак М.Н.* Некоторые уроки из истории Кореи // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. 1. С. 33—37; *Ванин Ю.В.* Внутренние истоки раскола Кореи // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. 1. С. 38—52.

⁴ *Ткаченко В.П.* Конфедерация или сообщество в Корее: возможен ли компромисс // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. II. С. 5—20.

⁵ *Синицын Б.В.* О проблемах экономических предпосылок объединения Кореи // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. II. С. 113.

⁶ PacNet #51 — Start Thinking Now About Transitional Justice in a Post-Transition North Korea. PacNet #51 Thursday, July 11, 2013.

⁷ *Суслина С.С.* Проблемы социальной защиты населения в единой Корее // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. 1. С. 126—143.

⁸ *Жебин А.З.* Корейское урегулирование: уроки и задачи / Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 16—26.

Глава 1

РОССИЯ, КОРЕЯ И МЕЖКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Г.Д. Толорая, Л.Н. Яковлева

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: МЕСТО В АЗИАТСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Начавшийся по инициативе руководства РФ несколько лет назад «поворот на Восток» во внешней политике породил надежды и на повышение роли ее корейской составляющей. Действительно, российское руководство в последние годы повысило внимание к проблемам безопасности на Корейском полуострове. КНДР откликнулась на наши призывы развивать добрососедские отношения, активизировались политические и экономические контакты. Однако в связи с вызывающими действиями КНДР в начале 2016 г. изменился общий градус подхода России к взаимодействию с ней. На смену благожелательно-нейтральному подходу пришел негативный настрой со стороны как официальных кругов, так и общественного мнения¹. Как это скажется на результатах политики России на корейском направлении?

На Корейском полуострове — в зоне российских интересов — сохраняется конфронтационный тупик: после войны 1950—1953 гг. Северная и Южная Корея так и не признали ее результатов и не достигли мирных договоренностей. В 70—80-е годы XX в. КНДР рассчитывала на помощь Китая и СССР, сегодня этих надежд нет. Не исключено, что некоторые горячие головы в Пхеньяне размышляют над возможностью захватить Юг, используя ядерное оружие, однако руководство вряд ли решится на это, даже под влиянием импульсов, которые стали сегодня для него характерны. Вместе с тем такой сценарий в Южной Корее и

США рассматривается как возможный, что предполагает соответствующее реагирование².

На самом деле именно в Южной Корее (а с ее подачи многие в США и Японии) не могут отказаться от ожиданий того, что режим КНДР доживает последние дни. При администрации Пак Кын Хе заложенные ранее консервативными кругами руководства страны идеи на этот счет получили дальнейшее развитие (депутаты договорились даже до необходимости физического устранения Ким Чен Ына)³. Южнокорейские ведомства, занимающиеся вопросами межкорейских отношений, в том числе Министерство объединения Республики Корея (РК), ведут подготовку к решению внутренних проблем Севера и вопросов регулирования международных отношений после объединения. Это не дает надежд на межкорейское сотрудничество, а лишь способствует сохранению подозрительности в Пхеньяне. В 2016 г. РК использовала ядерное испытание и ракетный запуск КНДР как повод для полного свертывания сотрудничества с Севером и закрыла технопарк в Кэсоне⁴.

Тем не менее Корейский полуостров трудно назвать непредсказуемым регионом, здесь налицо значительный внутренний запас стабильности. Военный потенциал Северной Кореи и ее поддержка Китаем практически гарантируют отсутствие в будущем полномасштабных конфликтов с вовлечением великих держав. Хотя это не исключает локальных стычек, на которые во многом и рассчитывает руководство КНДР, чтобы держать в тонусе население страны, «союзников» и выбивать уступки у международного сообщества.

Следовательно, центр тяжести нашей внешнеполитической активности должен быть перенесен с превентивной дипломатии, т. е. усилий по предотвращению конфликтов между государствами Корейского полуострова, к конструктивной, т. е. направленной на наращивание отношений с Югом и Севером, как в связке, так и по отдельности.

Действия в международном формате

На фоне многочисленных неблагоприятных внешнеполитических факторов еще острее становится необходимость выработки Россией четкой и сбалансированной стратегии продвижения национальных интересов в Северо-Восточной Азии (СВА), которая пока отсутствует. Она должна включать приоритеты, этапы и сроки их реализации. Хотя

бы для «внутреннего пользования» партнеров — страны региона — надо ранжировать.

Необходимость в большей инициативности России возрастает в связи с серьезными изменениями политической обстановки на Корейском полуострове после ядерного испытания и ракетного запуска КНДР в 2016 г., введения беспрецедентно жестких международных и односторонних санкций против нее и изменениях в подходах сторон к формату переговоров по северокорейской проблеме. Все это ставит под угрозу стратегические интересы России в регионе, ослабляя ее позиции и создавая риск оказаться исключенной из процесса урегулирования, в частности в случае успеха продвигаемой Китаем идеи переговоров в формате 2+2.

Учитывая такую переменную, позиция России не может остаться неизменной: вероятно, нам придется пойти на рассмотрение возможности участия в пятисторонних переговорах, предложенных Южной Кореей⁵. При этом Россия должна и дальше придерживаться сбалансированного подхода во взаимодействии с Югом и Севером и убедить КНДР в том, что в случае возобновления пятисторонних переговоров она будет учитывать ее позицию.

При таком сценарии основой новой системы безопасности в регионе мог бы стать мирный договор между США и КНДР при юридических гарантиях безопасности последней со стороны других четырех участников урегулирования.

Реализация этого подхода едва ли осуществима ввиду взаимоисключающих позиций США и КНДР. Однако это не повод отказываться от поисков взаимоприемлемых решений.

Активность России на Корейском полуострове служит для стран СВА индикатором ее заинтересованности в решении проблем безопасности и способности к эффективному экономическому взаимодействию в регионе. Здесь Россия сталкивается не только с региональными проблемами, но и с глобальными (в силу вовлеченности в них США и Китая), от решения которых зависит как достижение целей развития дальневосточных территорий России, так и безопасность страны в целом.

Последнее особенно актуально в связи с возможным размещением в Южной Корее американской системы противоракетной обороны (ПРО) THAAD (система высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности). Хотя сама система не направлена против российских ракет (она предназначена для перехвата боеголовок на нисходящем участке траектории, т. е. нацеленных на территорию собственно Южной

Кореи), в России полагают, что размещение ТНААД в Южной Корее — это лишь один из необходимых этапов строительства США полноценного противоракетного щита от Аляски до Юго-Восточной Азии⁶. Это спровоцирует гонку вооружений в регионе и обострит противоречия между США и Китаем, опасаящимся нарушения стратегического паритета в Восточной Азии. Северная Корея, чьи действия придали новый импульс военному присутствию США в регионе, также будет реагировать резко отрицательно.

При попытках возобновления переговорного процесса и поиске решения северокорейской проблемы необходимо исходить из отсутствия на сегодняшний день предпосылок для отказа КНДР от ядерного оружия. Помимо того, что она расценивает его в качестве гаранта безопасности страны и сохранения режима, ядерные испытания и ракетные запуски имеют важное внутривнутриполитическое значение для северокорейского руководства, особенно в преддверии VII съезда ТПК в мае с. г.

В связи с этим переговорный процесс должен быть прежде всего направлен на замораживание развития ядерной и ракетных программ КНДР в обмен на уменьшение экономического и политического давления. В случае успеха можно будет говорить о более далеко идущих целях, для достижения которых, возможно, придется в будущем признать право КНДР на мирный атом и мирное исследование и освоение космоса.

Взаимодействие с ключевыми партнерами

Потенциал России в содействии корейскому урегулированию, в том числе на многосторонней основе, — ее несомненный внешнеполитический капитал, от которого нельзя отказываться. Однако Россия не может достичь прорыва на этом направлении до тех пор, пока США не изменят подход к КНДР и не начнут относиться к ней как к хоть и неприятному, но законному субъекту международных отношений.

Возможно ли это при новом президенте США? Судя по предвыборной кампании кандидатов, это маловероятно. Сегодня очевидно, что если и произойдет отказ США от печально известной политики «стратегического терпения» в отношении КНДР, то лишь в пользу резкого усиления давления на нее и ее изоляции в надежде таким образом заставить отказаться от ракетно-ядерных программ, а также, вероятно, способствовать краху режима.

При этом, как показало голосование в конгрессе США по вопросу о введении дополнительных санкций против Северной Кореи, жесткого подхода придерживаются и республиканцы, и демократы⁷. Констатируется, что курс на вовлечение Северной Кореи «мертв и не воскреснет».

Новация в американских подходах состоит в том, что теперь «менять режим» предлагается при содействии Китая, который, мол, должен быть заинтересован в более вменяемом и подчиняющемся рецептам «мирового сообщества» правительстве соседней страны и должен помочь смене если не политической системы, то руководства КНДР (такой сценарий становится «планом Б» в случае, если не удастся пока добиться объединения Кореи на южнокорейских условиях).

Следует, однако, признать, что руководитель КНДР превысил пределы терпения даже неввраждебно настроенных к Северной Корее стран. Вкупе с репрессивной внутренней политикой в отношении своего ближайшего окружения, это дает основание некоторым экспертам полагать, что и политическая элита, и ближайшие союзники, включая КНР, гипотетически не стали бы возражать против появления более умеренного лидера при условии сохранения политической стабильности в стране.

Кроме того, события этого года показали, что США не останутся перед оказанием давления на Китай по чувствительным для него вопросам: начало официальных переговоров между США и Южной Кореей по размещению ТНААД на территории последней, вероятно, были призваны заставить Китай проявить гибкость⁸. В итоге США удалось достичь определенных успехов на этом направлении.

Для нас взаимодействие с **Китаем**, которого все больше раздражает поведение Северной Кореи, является наиболее сложным. Не исключено, что он будет настаивать на ужесточении позиции России, что ей не выгодно. Кроме того, Пекин обеспокоен попытками Пхеньяна разыграть «российскую карту» против него. Необходимо найти баланс: успокоить его подозрения, но при этом намекать, что интересы России и ее самостоятельную роль в корейском вопросе нельзя сбрасывать со счетов. Необходимо расширять доверительное обсуждение с Китаем корейской ситуации — хотя бы для того, чтобы возможные радикальные действия Пекина на этом направлении не стали для нас неожиданностью, как это уже было при подготовке США и Китаем Резолюции СБ ООН 2270, в которую Россия не была вовлечена.

В связи с этим необходимо проводить самостоятельную линию в СБ ООН, не поддерживая автоматически предложения КНР и без сомнений одобряя результаты его согласований с США.

Теоретически можно было бы активизировать взаимодействие с **Японией**. Несмотря на то что события на Украине негативно сказались на российско-японских отношениях, многие в Японии видят сегодня в России потенциального партнера в вопросах региональной безопасности, учитывая обеспокоенность Токио растущей военной силой Китая, ее чувствительность в корейском вопросе и готовность действовать в нем с меньшей оглядкой на США, чем в других вопросах. Возможна посредническая роль в отношениях между Северной Кореей и Японией, учитывая, что обе страны тяготеют к монополии Китая в корейских делах. Правда, пока не пройдет очередной кризис, это малоактуально.

Южная Корея в контексте межпартийной борьбы и кризиса в дипломатии РК, зажатой между США и КНР, вряд ли может ожидать укрепления доверия с Севером при нынешней администрации. Сегодня можно сделать вывод о том, что Сеул отказался от диалога с Пхеньяном в пользу всестороннего давления, ужесточения санкций (такие меры были названы одной из основ стратегии политики РК в отношении Севера⁹) и демонстрации военной силы.

От России РК будет и дальше требовать ужесточения санкций против КНДР и усиления ее изоляции. В Южной Корее при этом вряд ли действительно верят в успех своих инициатив, поэтому достаточно было бы поддерживать диалог без обострений, но и без обещаний. При этом согласие РК на размещение американской системы ПРО¹⁰ станет аргументом, объясняющим неготовность России к стратегическому партнерству (при этом необходимо путем настойчивой работы с южнокорейцами, включающей как «пряник», так и «кнул», попытаться предотвратить такое размещение).

Надо ли исключать продолжение трёхстороннего сотрудничества, прежде всего по масштабным проектам железнодорожного транзита, прокладки газопровода и объединения энергосистем трёх стран? Конечно, в связи с санкциями против КНДР эти проекты сейчас будут заморожены, по крайней мере до конца срока полномочий нынешней южнокорейской администрации. Южная Корея уже отказалась присоединиться к проекту российско-северокорейского СП «РасонКонТранс»¹¹. Однако эта линия, призванная способствовать миру и сотрудничеству в СВА, носит долгосрочный характер.

Для России трехсторонние проекты имеют особое значение в связи с развитием Дальнего Востока, открывая возможности взаимовыгодного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включения в региональное разделение труда, масштабные инфраструктурные проекты и интеграционные процессы.

Успешная реализация трехсторонних проектов способствовала бы некоторому снижению значения Китая для всех трех стран, рост экономического влияния которого вызывает у них растущее беспокойство.

В условиях, когда заявленные в рамках провозглашенной Пак Кын Хе политики доверия на Корейском полуострове цели так и не были достигнуты, в южнокорейских оппозиционных кругах звучат заявления о необходимости изменения подхода как к межкорейским отношениям¹², так и к сотрудничеству с Россией в сторону более активного взаимодействия с ней в корейском урегулировании и экономике. Есть и те, кто признает, что требования односторонних уступок со стороны КНДР и выдвижение предварительных условий для переговоров с ней стали основной причиной неутешительных итогов политики доверия. Однако эти по большей части отдельные голоса не могут изменить общую картину, а разобщенность южнокорейской оппозиции едва ли позволяет надеяться на изменение внешнеполитического курса Сеула и после смены администрации. Вместе с тем это не основания для отказа от разъяснительной работы по российской позиции.

Проблемы двустороннего сотрудничества с КНДР

Как постоянный член СБ ООН Россия выступает против распространения ОМУ и вынуждена предпринимать меры, препятствующие реализации ядерных амбиций Пхеньяна. Действия КНДР в начале 2016 г. замедлили реализацию проектов, намеченных за время существенной активизации сотрудничества в 2014—2015 гг. Однако это не мешает продолжать выработку стратегических решений. Что касается собственной конструктивной линии, она должна иметь экономическую повестку и помогать хозяйствующим субъектам в нахождении возможностей сотрудничества.

В последнее время нами были предприняты значительные усилия по улучшению отношений с КНДР: окончательное решение проблемы задолженности Северной Кореи по кредитам бывшего СССР в

размере 10 млрд долл.¹³, долгое время затруднявшей развитие экономического сотрудничества, и выработка новой модели взаимодействия — «российские инвестиции и поставки в обмен на доступ к природным ресурсам КНДР»¹⁴, которые выступают в качестве гарантии возврата инвестиций. Однако с принятием Резолюции СБ ООН 2270, запрещающей экспорт из КНДР угля¹⁵, железной руды, золота, титана, ванадия и редкоземельных минералов, для реализации выработанной модели возникли дополнительные препятствия.

Она также ставит под сомнение выполнение амбициозной задачи увеличить двусторонний товарооборот до 1 млрд долл. к 2020 г., для реализации которой стороны перешли на взаиморасчеты в российской валюте. Кроме того, было принято решение о создании Международного российско-северокорейского Торгового дома с представительством в Пхеньяне, который должен оптимизировать двустороннюю торговлю, сведя к минимуму посредничество третьих стран (в настоящее время около трети китайского экспорта — 900 млн долл. — в Северную Корею приходится на российские товары)¹⁶.

В целях увеличения прямых обменов между двумя странами также планируется построить автомобильный понтонный мост через р. Туманган.

В качестве основных направлений российско-северокорейского экономического сотрудничества были намечены энергетика и добыча природных ресурсов, продолжился поиск взаимовыгодных вариантов возобновления технико-экономического содействия в реконструкции северокорейских предприятий электроэнергетики и металлургии. Кроме того, рассматривался вопрос о возможности сотрудничества с КНДР в выполнении геофизических поисков нефти и газа в шельфовых зонах Желтого и Японского морей¹⁷, продолжилось изучение и оценка минерально-сырьевой базы Северной Кореи.

Однако в связи с ограниченностью финансовых ресурсов России и ужесточением санкций против КНДР перспективы реализации этих проектов становятся все более сомнительными.

Несмотря на это, представляется целесообразным дать указания экономическим ведомствам проявить больше внимания к экономическим процессам в КНДР. В частности, это касается поисков возможностей участвовать в процессах приватизации и инвестиционном процессе, которые могут стать в наступивший период более выраженными, а после VII съезда ТПК, возможно, получат официальный статус. Необходи-

димо также развивать непубличные контакты с руководством КНДР, так как демонстрация нашей близости с ней оказывает негативный эффект на наш имидж на Западе и отрицательно воспринимается некоторыми слоями населения в России.

Партнерство с Южной Кореей: возможности и реальность

Даже в условиях нарастания политических противоречий РК остается одним из самых важных партнеров России в АТР, с которым осуществляется сотрудничество практически во всех сферах. Южную Корею и Россию объединяет заинтересованность в искоренении угрозы военного столкновения и ослаблении напряженности в регионе, имеется большой потенциал экономического, научного и технологического сотрудничества.

Кроме того, представляется возможным использовать проявленный Южной Кореей интерес к созданию зоны свободной торговли с Россией. Несмотря на то что в силу структуры российского экспорта на этом направлении встает ряд трудноразрешимых вопросов, необходимо продолжать поиск взаимовыгодных вариантов такого рода соглашений¹⁸. Кроме того, можно было бы рассмотреть возможности сотрудничества в более широком формате — в рамках формирующейся ЗСТ Южная Корея—Китай—Япония.

Вместе с тем переходу к реальному стратегическому партнерству в международных делах препятствует включенность РК в стратегию США по укреплению своих позиций в регионе, которая зачастую вызывает опасения у России. В последнее время возможности движения к стратегическому партнерству еще более сократились. Экономические связи России с Южной Кореей также находятся в сильной зависимости от политических факторов. Нельзя сбрасывать со счетов, что и с экономической точки зрения США остаются для РК первостепенным партнером, на осложнения с которым она не пойдет ради укрепления сотрудничества с Россией.

Будучи одним из основных торгово-инвестиционных партнеров России в АТР, Южная Корея не вошла в число стран — участников блока антироссийских санкций и продолжает уделять значительное внима-

ние сотрудничеству в российских дальневосточных регионах. Однако нельзя исключить возможность того, что в случае увеличения давления со стороны США, а также в зависимости от нашей позиции по КНДР южнокорейская линия в отношении России станет менее конструктивна.

Негативное влияние кризиса на российскую экономику также сокращает наши реальные возможности для экономического взаимодействия с Южной Кореей.

Труднопреодолимой проблемой в отношениях России с РК на протяжении четверти века остается проблема КНДР, точнее — коренная разница в наших оценках необходимости и перспектив смены режима и объединения на южнокорейских условиях. Соответствующим образом расходятся и национальные интересы, что является экзистенциальным противоречием для Сеула.

Наша примиренческая позиция в отношении КНДР вызывает все большее раздражение в правящих кругах РК. Нас подозревают в симпатиях и даже некоем «единстве целей» с Пхеньяном. Южнокорейцы все еще не хотят поверить, что им вряд ли удастся «убедить» Россию встать на сторону РК в этом вопросе, и продолжают активное лоббирование своей позиции на разных уровнях (в том числе на экспертном и по линии гражданского общества). Нас обвиняют в obstructионизме в деле решения задачи объединения.

Наши аргументы о том, что кризис в КНДР и спонтанное объединение имели бы катастрофические последствия прежде всего для корейского народа (не говоря уже о сдвиге в геополитической обстановке в регионе), не слышат и считают продиктованными «российским эгоизмом» и проявлением неоимперского мышления. К сожалению, возможности разъяснять наши подходы сокращаются в связи с сокращением как официальных контактов, так и экспертных обменов (если не считать тех, в ходе которых южнокорейцы намерены гарантированно услышать поддержку своей точки зрения).

Примечания

¹ Заявление МИД России в связи с пуском КНДР ракеты-носителя, 07.02.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2064271

² *Myers B.R.*: «Taking North Korea at its word». 13.02.2016 [Internet resource]. Available at: URL: <https://www.nknews.org/2016/02/taking-north-korea-at-its-word/>

³ Lawmaker urges ‘termination’ of Kim Jong Un, compares him to Hitler — 12.02.2016 [Internet resource]. Available at: URL: <https://www.nknews.org/2016/02/lawmaker-urges-to-terminate-kim-jong-un-comparing-him-to-hitler/>

⁴ Government Statement regarding the Complete Shutdown of the Gaeseong Industrial Complex, 11.02.2016. [Internet resource] Available at: URL: [http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh\[board_no\]=21&srh\[view_mode\]=detail&srh\[seq\]=14173&srh\[detail_no\]=455](http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh[board_no]=21&srh[view_mode]=detail&srh[seq]=14173&srh[detail_no]=455)

⁵ Park proposes nuclear talks without NK // The Korea Times, 22.01.2016 [Internet resource] Available at: URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/01/116_196136.html

⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с решением Республики Корея и США начать переговоры о размещении Соединенными Штатами Америки на территории Республики Корея противоракетных комплексов THAAD, 10.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2072447

⁷ Coats Votes to Strengthen Sanctions Against North Korea, 10.02.2016 [Internet resource]. Available at: URL: <http://www.coats.senate.gov/newsroom/press/release/coats-votes-to-strengthen-sanctions-against-north-korea>

⁸ По итогам встречи с министром иностранных дел Китая Ван И госсекретарь США Дж. Керри заявил о том, что «необходимости в размещении THAAD не будет, если удастся добиться денуклеаризации [КНДР]», подчеркнув, что это является единственным условием для отказа США от развертывания системы ПРО в Южной Корее. — Remarks With Chinese Foreign Minister Wang Yi, 23.02.2016. [Internet resource] Available at: URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/02/253164.htm>

⁹ Рабочий план Министерства объединения РК на 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.unikorea.go.kr/content.do?cmsid=1834&cid=44345&mode=view>

¹⁰ South Korea, U.S. to begin THAAD deployment talks // The Korea Times, 07.02.2016 [Internet resource]. Available at: URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20160207000192>

¹¹ S. Korea suspends logistics project with N. Korea, Russia: sources // Yonhap News Agency, 11.02.2016 [Internet resource] Available at: URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2016/02/11/0401000000AEN20160211003600315.html>

¹² *Сон Хак Кю*: «Для денуклеаризации Северной Кореи необходимо сочетать давление и диалог», 방리 손학규 «북한 비핵화 위해 압박·대화 정책 병행해 오» // Yonhap News Agency, 28.01.2016 [Internet resource] Available at: URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/01/28/0200000000AKR20160128182151080.HTML?ccd77ab8>

¹³ ФЗ от 05.05.2014 г. № 88-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики об урегулировании задолженности Корейской Народно-Демократической Республики перед Российской Федерацией по предоставленным в период бывшего СССР кредитам» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/8080/page.aspx?101047>

¹⁴ *Александр Галушка*: Мы заинтересованы в совместном сотрудничестве с КНДР и на Дальнем Востоке, и на Корейском полуострове, 23.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3052

¹⁵ Запрет не распространяется на добытый за пределами КНДР уголь, «транспортировка которого осуществлялась через КНДР исключительно в целях экспорта из порта Раджин». — Чуркин: санкции против КНДР не мешают строительству железной дороги из РФ // ТАСС. 03.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2713472>

¹⁶ Протокол встречи сопредседателей Межправкомиссии Россия — КНДР зафиксировал взаимные обязательства сторон в рамках развития двусторонних экономических проектов. 19.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3723

¹⁷ МПК Россия—КНДР: Главный принцип — равноправие отношений и реализация экономически оправданных проектов. 27.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3131&sp_hrase_id=26160

¹⁸ Аннотация результатов НИР «Определение перспективных партнеров государств-членов Таможенного Союза по заключению соглашений о свободной торговле» // ЕЭК. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/DispForm.aspx?ID=35>

В.Е. Сухинин

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИМ ОТНОШЕНИЯМ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ОЦЕНКИ

Встреча М.С. Горбачёва и Ро Дэ У в Сан-Франциско в июне 1990 г. и последовавшее вскоре после этого установление дипотношений между СССР и Республикой Корея, оформленное министрами иностранных дел 30 сентября в Нью-Йорке, при всей их неординарности явились результатом нараставших на протяжении более чем десятилетнего периода контактов сторон и укрепления обоюдного понимания неразумности дальнейшего игнорирования объективной реальности существования соседнего государства, несмотря на идеологические расхождения.

Хорошо помнится, как все это происходило, как инцидент с южнокорейским самолетом над Сахалином притормозил процесс сближения и как Сеульская Олимпиада-88, наоборот, ускорила его, как приехал в СССР президент Ро Дэ У в декабре 1990 г. и как уже после распада Советского Союза президент России Б.Н. Ельцин посетил Сеул в ноябре 1992 г. Все это было как будто только вчера, но уже стало историей.

Конечно, чрезмерные надежды, возлагавшиеся друг на друга в наших странах, не оправдались, да и не могли оправдаться, но это не отменяет объективной заинтересованности друг в друге, которая носит фундаментальный характер.

Не излагая хорошо известную историю наших отношений за 25 лет, не говоря уже о предыстории с конца XIX в., посмотрим, чего желали, на что надеялись стороны тогда и к чему они пришли сегодня.

Возможно, это подведет нас к выводу о том, в чем же должны состоять наши дальнейшие шаги в плане укрепления добрососедства и сотрудничества.

В момент установления дипотношений Сеул геополитически видел в Советском Союзе одну из двух сверхдержав и надеялся через взаимное официальное признание укрепить собственные позиции в Северо-Восточной Азии и в мире в целом, особенно в плане противостояния с Пхеньяном и получения преобладающего влияния на Корейском полуострове за счет переформатирования системы союзнических отношений Севера и Юга в свою пользу.

На сегодня можно сделать вывод о том, что подобные задумки Сеула оправдались лишь частично. Безусловно, установление дипотношений с СССР способствовало росту престижа РК в мире, позволило ей вступить в ООН (одновременно с КНДР) и, вероятно, ускорило нормализацию отношений Пекина с Южной Кореей в 1992 г. В результате Сеул получил формальные отношения со всей четверкой крупных соседей: США, Японией, СССР и Китаем. И хотя идея «перекрестного признания» Севера и Юга Кореи была выдвинута в свое время госсекретарем США Г. Киссинджером, ни Вашингтон, ни Токио, к сожалению, не сделали симметричного шага в сторону Пхеньяна, а это способствовало бы стабилизации обстановки на полуострове.

Позиции КНДР в этом аспекте оказались ослаблены. Фактически был положен конец противостоянию на полуострове двух группировок: Южная Корея, США, Япония против КНДР, СССР, Китая. Пхеньян лишился монополии на связи с двумя своими союзниками, чего в КНДР и опасались, выступая против нормализации их отношений с Югом.

Безусловно, Советский Союз тоже стремился укрепить свои позиции на Корейском полуострове и в более широком контексте за счет развития отношений с Южной Кореей при их сохранении с Севером. Однако сложные внутренние процессы в нашей стране привели к распаду СССР менее чем через полтора года после нормализации отношений с РК, а новая Россия столкнулась с многочисленными серьезными трудностями в своем развитии. Соответственно, жгучий интерес Сеула к контактам с нашей страной в значительной мере поостыл. Вместе с тем уже с середины 1990-х годов, начала второго президентского срока Б.Н. Ельцина, Москва скорректировала свою линию на развитие отношений преимущественно с Югом при замораживании и снижении уров-

ня контактов с Севером, что вновь «подстегнуло» РК к активизации связей с Россией.

Более того, после визита в Пхеньян в июле 2000 г. президента В.В. Путина началась полоса наращивания связей России с КНДР. Очевидно, что в Москве не хотят служить инструментом межкорейской конфронтации и использоваться Сеулом против Пхеньяна либо наоборот. Сейчас Россия твердо настроена на продвижение собственных интересов на Корейском полуострове на путях обеспечения здесь мира и безопасности, параллельного развития взаимовыгодных добрососедских отношений и с РК, и с КНДР. Россия хотела бы, насколько это возможно, также способствовать оздоровлению межкорейских отношений, в том числе за счет реализации проектов трехстороннего сотрудничества.

Переходя к экономике, необходимо отметить, что если Сеул при установлении отношений стремился, в первую очередь, к достижению политических целей, то Москва, не игнорируя первые, надеялась получить конкретные экономические дивиденды. Можно в качестве примера привести договоренность о трехмиллиардном кредите, из которого до распада СССР была получена только половина.

И хотя товарооборот между нашими странами за четверть века многократно вырос, достигнув в 2014 г. 25,8 млрд долл. и поставив РК на 3-е место среди партнеров России в Азии, надежды найти в Южной Корее чуть ли не замену Японии, в том числе в качестве поставщика новейших машин и оборудования, не оправдались. Не последовало и мощного притока южнокорейских инвестиций в российскую экономику.

Сеул видит в России прежде всего рынок сбыта для своих промышленных товаров и источник сырья и материалов для своей экономики. Наши надежды на широкую кооперацию с выходом на рынки третьих стран, на масштабные поставки в РК российского вооружения не оправдались. В основном мы просто торгуем с РК (с нашей стороны — главным образом, товарами низкой степени обработки), да и то в гораздо меньших объемах, чем Китай, Япония, США, ЕС, АСЕАН.

Рассуждая о причинах подобной ситуации, южнокорейская сторона обычно ссылается на недостаточно благоприятный инвестиционный климат в нашей стране, большие издержки, в том числе на зарплату и налоги, на неустойчивость законодательства, бюрократизм, коррупцию, хотя эти условия не хуже, чем для других партнеров России. Схожие претензии могут быть предъявлены российской стороной в адрес Сеула: взять хотя бы пример принципиально согласованного еще

в ноябре 2013 года В.В. Путиным и Пак Кын Хе решения о подключении южнокорейской стороны к довольно скромному проекту Хасан—Раджин, который до сих пор остается нереализованным. Дело пока ограничилось тремя пробными рейсами судов из Раджина в Южную Корею с российским углем и ознакомительными поездками с Юга на Север представителей бизнеса и госчиновников. К тому же, не желая следовать «принципу отделения политики от экономики», Сеул фактически приостанавливает любые шаги на северокорейском направлении после любого обострения отношений с Пхеньяном. В последнее же время после четвертого ядерного испытания и запуска очередного спутника в КНДР руководство РК открыто заявило о смене курса в межкорейских отношениях, что исключает какое-либо, даже косвенное сотрудничество с Севером.

Помимо политики и экономики, лежащих в основе наших связей, двусторонние отношения развивались и по другим направлениям: культура, наука, образование, спорт, туризм и пр. Нет необходимости излагать состояние дел на каждом из этих участков. Естественно, что при практически нулевом исходном уровне относительные показатели будут весьма высоки, но в абсолютных цифрах не столь впечатляющи. Например, несмотря на отмену визового режима для краткосрочных поездок с 1 января 2014 г., число туристов двух наших стран, посещающих соответственно Южную Корею и Россию, в десятки раз уступает аналогичным показателям по Китаю, Японии, США. При этом в Турцию, Египет, Таиланд ежегодно выезжали (до приостановки туробмена с первыми двумя странами) или выезжают миллионы россиян. Конечно, существуют объективные причины подобного положения: от климатических (на Корейском полуострове нет возможностей для многомесячного пляжного отдыха) до экономических (довольно высокий уровень цен в РК и сравнительно низкая покупательная способность основной массы россиян) и географических (отдаленность Кореи от европейской части России, где формируются основные туристические потоки).

Руководители наших стран в совместных документах последовательно поднимали определение характера двусторонних отношений: если в Договоре об основах отношений от 19 ноября 1992 г. речь шла о «развитии дружественных отношений и сотрудничества», то в последующем — об «отношениях конструктивного взаимодополняющего партнерства» (1994), «отношениях взаимодоверительного всеобъемлющего партнерства» (2004) и, наконец, об «отношениях стратегического сотрудничества и

партнерства» (2008). Но если первые три определения, на наш взгляд, в целом отражают реальность, то последнее, как отмечают и российские, и корейские исследователи¹, представляет скорее наше стремление, перспективную цель, чем что-то уже достигнутое. И дело здесь не только в недостаточно высоком, по сравнению с другими партнерами, уровне и объеме связей, но и в расстановке акцентов в политике.

Для РК отношения с Соединенными Штатами — своим главным военно-политическим союзником — абсолютный приоритет, что мы не можем не учитывать. И в периоды обострения российско-американских отношений, как сейчас или когда наши и американские позиции по какому-то крупному вопросу кардинально расходятся, Сеул, подобно другим странам прозападной ориентации, как правило, поступает так, как того требуют американцы. То есть поле для их маневра здесь ограничено. И если речь не идет о чем-то очень важном для РК, южнокорейцы предпочитают не противоречить американцам. Именно этим можно объяснить неприезд вслед за Б. Обамой президента РК в Москву на празднование 70-летия Победы. С другой стороны, участие Пак Кын Хе (при отсутствии там Б. Обамы) в торжествах в Пекине по аналогичному поводу как бы противоречит этой логике. Однако южнокорейские собеседники автора в неофициальном порядке прямо объясняли это большей важностью для Сеула отношений с Китаем: несообразностью товарооборота РК с Китаем и Россией, исключительной ролью Пекина в решении северокорейской ядерной проблемы, тесными личными связями Пак Кын Хе с Си Цзиньпином. Конечно, эмоционально нам не очень приятно, что в «табели о рангах» Россию ставят на более низкую ступень, но таковы политические реалии, с которыми приходится считаться.

С другой стороны, отношения с Сеулом для России, как и отношения с Москвой для РК, безусловно, сами по себе имеют немалую ценность, и партнеры вряд ли захотят переходить «красную черту», чересчур раздражая друг друга, даже если их интересы и подходы в том или ином вопросе объективно не совпадают. Из недавних примеров можно назвать сравнительную сдержанность Сеула (по сравнению с США и ЕС) в реагировании на российские действия в Крыму, на событиях на Украине.

Будем откровенны: отнюдь не всё, что делает Россия, нравится Южной Корее и наоборот, даже если отбросить фактор внешнего воз-

действия на Сеул. Но с этим надо мириться, терпеливо обсуждать сложные проблемы и пытаться находить компромиссные решения.

За четверть века наши страны в своих отношениях перешли от открытой враждебности к нормальным контактам, наши народы лучше узнали друг друга. Начиная с нуля, мы совместно создали договорно-правовую базу отношений, наладили регулярные контакты на высшем и высоком уровнях, связи между парламентами, внешнеполитическими и другими ведомствами. Достигнут солидный товарооборот, накоплены крупные инвестиции, россиянам хорошо известны южнокорейские автомобили, бытовая техника и электроника. Десятки, если не сотни тысяч граждан двух стран общаются между собой по линии культуры, науки (чего стоит только сотрудничество в космосе!), образования, спорта, туризма. Все это трудно переоценить, хотя хотелось бы и можно было бы сделать больше.

Конечно, не следует рисовать современные российско-южнокорейские отношения одной розовой или одной черной краской. У нас немало крупных достижений, но есть и проблемы. Задача, очевидно, состоит в том, чтобы приложить максимум усилий на различных уровнях для дальнейшего развития добрососедских отношений сотрудничества во всех сферах, где это выгодно обеим сторонам и возможно с учетом их потенциалов.

Примечания

¹ Например, 홍완석, 한-러 전략적 동반자 관계의 조건과 과제 // 슬라브 연구, 2015년, 제31권 3호. P. 63—90.

Ким Ен Ун

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ В РК: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Под правым поворотом в настоящей статье имеется в виду переход власти в РК в руки правых сил, а не состояние общества в целом.

В настоящее время в южнокорейском обществе происходит постепенный сдвиг в сторону центристских и левоцентристских сил. Эта тенденция связана с общедемократической борьбой народа против военных режимов, в частности режима президента Чон Ду Хвана. Тогда, почти 30 лет назад, общими усилиями всех демократических сил удалось добиться принятия новой конституции и положить начало перехода к гражданскому правлению и росту гражданского общества.

Особенно эти процессы усилились в годы правлений первых невоенных лидеров, Ким Ен Сама и Ким Дэ Чжуна, а также Но Му Хена, чьи правительства носили названия соответственно *문민정부* (мунмин чонбу) — гражданское правительство¹, *국민정부* (кукмин чонбу) — народное правительство, *참여정부* (чамье чонбу) — правительство участия [народа].

При этом весь процесс демократизации происходил в обществе, довольно консервативном в своих устоях, с очень сильной антикоммунистической системой идеологического воспитания, в котором антикоммунизм существует в виде безусловного рефлекса. К тому же, как можно понять из рассказа классика «женской литературы» Южной Кореи Пак Ван Со (1931—2011) («Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях»)², антикоммунизм вдалбливался в тесной увязке с антисоветиз-

мом, русофобией³. К чему может привести русофобия в крайнем своем проявлении, говорят примеры бывшего министра обороны США Форрестала, который выбросился из палаты госпиталя ВМС с криком «Русские идут!», свежие примеры заявления нынешнего министра обороны Польши Антония Мацеревича о якобы террористическом акте, в результате которого погиб в авиакатастрофе президент Польши Лех Качиньский под Смоленском в апреле 2010 г. (этого министра высмеяли депутаты-консерваторы из самой нынешней правящей партии Польши «Право и справедливость», первым руководителем которой был покойный Л. Качиньский), заявления руководителя СБУ Украины Василя Грицака о так называемом русском следе в террористических актах в Брюсселе (за это он удостоился от ряда политиков России малопочтенного звания «придурка»⁴ и «дегенерата»⁵). Увы, такого рода глубоко инфицированных антикоммунизмом и русофобией людей хватает не только в вышеназванных странах, но и в других, в частности в Республике Корея. Понятно, что в таких условиях общество не могло быстро излечиться от «родимых пятен» прошлого. И в этом смысле оно было довольно консервативным, где преобладали правые взгляды в целом.

Это обстоятельство в огромной степени сказалось в том, что на президентских выборах 2007 г. победил представитель правых сил. Причем ситуация была такова, что победить мог любой выдвиженец от правых сил, на тот момент Ханнарадан. Конечно, можно было бы сказать, что в Южной Корее, где многое зависит от личности лидера партии, представитель центристских сил Чон Дон Ен, человек, по всем данным⁶ не менее способный, не менее пригодный для исполнения президентских обязанностей, чем Ли Мен Бак, тем не менее проиграл ему с большим отрывом. Еще раз необходимо подчеркнуть, что на тот момент любого кандидата от правящей партии Елин ури, Переобъединенной демократической партии (대통합민주당 — Дэтхонхап минчжудан), мог победить представитель Ханнарадан.

Ситуация была удивительная, потому что при действовавшем на тот момент президенте Но Му Хене страна достигла наивысшего в своем развитии экономического прогресса, выйдя на уровень более 20 тыс. долл. душевого ВВП, причем за годы его правления этот показатель фактически удвоился. При нем были осуществлены значительные меры по развитию гражданского общества, произведены революционные изменения в положении женщин, представитель страны был избран Генеральным секретарем ООН и т. д., можно многое перечислить.

Но общая ситуация сложилась не в пользу правящей партии и лично Но Му Хена.

Этот успех правых сил был закреплен на президентских выборах 2012 г., когда сложилась ситуация, что победить на выборах мог не всякий кандидат от правящей партии, а только Пак Кын Хе. При этом ей пришлось для победы мобилизовать весь правый политический спектр страны, начиная от правоцентристов, консерваторов и кончая ультра-правыми. При этом в целом в обществе в 2012 г. уменьшилось количество избирателей, проголосовавших за правых и увеличилось число голосов, поданных не только за центристско-либеральные (Демократическая партия), но и за левые (Объединенная Прогрессивная и Прогрессивная партии, образовавшиеся в результате раскола бывшей Демократической Рабочей партии) и левоцентристские⁷.

Если на выборах президента 2007 г. и парламентских выборах 2008 г. 68 % голосов было отдано за правые партии⁸, то на парламентских выборах 2012 г. за них было отдано уже 45,5 % голосов, в том числе 42,06 % за Сэнури, а за либеральные и левые партии — 47,23 %, в том числе 33,99 % за ОДП⁹, хотя, в силу особенностей мажоритарной системы, они и получили меньше депутатских мандатов.

Правящая партия проиграла парламентские выборы в столице, получив менее трети депутатских мандатов (15 из 48 депутатов парламента от Сеула)¹⁰, хотя ко времени выборов располагала более чем тремя четвертями депутатских мест от столицы. Она также проиграла выборы в пров. Кенги, где проживают на миллион человек больше, чем в Сеуле (21 депутатский мандат из 52 от провинции)¹¹. Оппозиционная Объединенная демократическая партия провела в парламент от Сеула 31 депутата.

А на президентских выборах через 8 месяцев, 19 декабря 2012 г., в которых приняли участие 75,8 % зарегистрированных избирателей, единый кандидат правых Пак Кын Хе получила 51,6 % голосов¹². В истории прямых президентских общенародных выборов президента еще ни один победитель не получал поддержки абсолютного большинства избирателей¹³. Она получила большинство голосов в 7 из 9 провинций и в 5 из 7 городов-мегаполисов. В этих административных единицах проживает более двух третей населения страны. Даже в Сеуле, где партия Сэнури в апрельских парламентских выборах потерпела серьезное поражение, она получила поддержку 48,2 % избирателей.

Вместе с тем кандидат от оппозиции, соратник бывшего президента Но Му Хена, Мун Чже Ин получил поддержку 48 % избирателей. Это также наивысший показатель поддержки, полученной проигравшим выборы кандидатом (в 2002 г. Ли Хве Чан получил 46,6 % голосов, в 2007 г. кандидат Чон Дон Ен — 26,1 %). Кроме того, Мун Чже Ин получил в столице поддержку 51,4 % избирателей. Возможно, еще большее значение имеет тот факт, что в оплоте Сэнури — г. Пусане он получил поддержку 39,8 %, в центре судостроения, тяжелой дорожной техники и автомобилестроения Ульсане — 39,78 %, в пров. Кенсан-намдо — 36,2 % голосов избирателей¹⁴, в столичной провинции Кенги — 49,19 %. Никогда до этого кандидат от Демократической партии не получал в этих регионах такой поддержки.

Можно было бы сделать вывод об определенном политическом равновесии в стране между правящим правым блоком и оппозиционным либерально-центристским блоком. Но исполнительная и законодательная власть осталась в руках правых сил. Причем, в отличие от предыдущих избирательных циклов, начиная с 1987 г. правые сумели сплотиться, что позволило при меньшей, чем в предыдущие избирательные циклы, поддержке избирателей сохранить обе главные ветви власти в своих руках.

Для анализа предложений по межкорейским отношениям президентов правых сил, вступивших в должность в 2008 и 2013 гг., уместен будет, по-видимому, хронологический порядок. У Ли Мен Бака при вступлении в должность было два основных политических лозунга. Первый, сформулированный им еще в бытность кандидатом в президенты, это всем, по-видимому, известная программа «Денуклеаризация, открытость, 3000» (비핵화 [пихэкхва], 개방 [кэбан], 3 천 [самчон]). Вторым лозунгом после вступления в должность он в качестве принципов выстраивания межкорейских отношений провозгласил «Сансэнь гонен» (상생 공영 — сосуществование, соцветение). Этот политический принцип был не нов, потому что его провозгласил еще в 1993 г. президент Ким Ен Сам.

Как шла реализация этих инициатив президента Ли Мен Бака? Денуклеаризации нет, открытости Северной Кореи в том виде, в каком это понимает Ли Мен Бак, он не дождался как президент, и, полагаем, не дождется как гражданин Южной Кореи. 3000 долл. северокорейского ВВП на душу населения до сих пор нет. К тому же по разным причинам

сам Ли Мен Бак приложил все силы, чтобы Северная Корея не сумела увеличить в три раза ВВП на душу населения.

С одной стороны, это связано с ядерными и ракетными испытаниями КНДР, которые привели к принятию санкционных резолюций Совета Безопасности ООН в отношении Северной Кореи, что значительно ограничило ее возможности в области внешнеэкономической деятельности и внешней торговли. С другой стороны, инцидент с гибелью южнокорейской туристки в горах Кымгансан в июле 2008 г., гибель корвета «Чхонан» в марте 2010 г., вина за которые была возложена на северного соседа, привели к прекращению действовавших совместных проектов в сфере туризма (Кымгансанский туристический проект, туристический проект г. Кэсона, предполагавшийся туристический проект «Пэктусан»).

24 мая 2010 г. по результатам расследования гибели «Чхонана» Республика Корея наложила экономические санкции на КНДР в виде прекращения всех торговых операций, совместных проектов на территории Северной Кореи, запрета захода ее судов в порты Южной Кореи, а также полной отмены всех проектов экономического сотрудничества объемом от 11 до 14 млрд долл., достигнутых во время второго межкорейского саммита в октябре 2007 г. Само собой разумеется, была полностью прекращена помощь зерном и удобрениями. При президенте Ли Мен Баке были прерваны шестисторонние переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова.

Таким образом, за годы правления Ли Мен Бака ни одна из его инициатив в области межкорейских отношений не была реализована, а эти отношения были отброшены на 20 лет назад, т. е. вернулись к периоду начала 1980-х годов. В этом анализе причин такого положения не самое главное сейчас — поиск виновника: важен результат, а его нет, и даже стало хуже.

Следует, как представляется, еще отметить следующий важный момент. При формировании правительства РК избранный президент Ли Мен Бак в начале 2008 г. под предлогом сокращения раздутого правительственного аппарата предлагал вообще ликвидировать главный орган, отвечающий в стране за межкорейские отношения — Министерство объединения. Имелось в виду его функции передать Министерству иностранных дел. То есть строить межкорейские отношения как отношения между обычными иностранными государствами. Это, между прочим, противоречило всем подписанным межкорейским основополагающим

документам 1974, 1991, 2000 и 2007 гг., которые характеризовали межкорейские отношения как особые внутринациональные отношения (우리민족끼리 — *уриминчжоккири*).

Большие ожидания были связаны с президентом Пак Кын Хе, вступившей в должность 25 февраля 2013 г. Она предложила впечатляющие программы и проекты межкорейских отношений: «Процесс доверия на Корейском полуострове», «Сотрудничество в Северо-Восточной Азии», «Евразийская инициатива». Содержание этих предложений и проектов в общем известно, поэтому можно не останавливаться на их сильных и слабых сторонах. При этом в ходе предвыборной кампании Пак Кын Хе говорила, что военную ядерную программу КНДР невозможно принять, вместе с тем к ее прекращению нужно идти поэтапно. И эти этапы виделись следующим образом: установление отношений доверия между двумя корейскими государствами (через так называемый процесс доверия), затем широкое экономическое сотрудничество между ними для укрепления доверия и на этой базе денуклеаризация КНДР.

Этот подход к решению важнейшей международной проблемы был отвергнут через два месяца после вступления в должность президента РК, потому что с того времени неизменно на первый план ставится задача денуклеаризации Северной Кореи. И президент, и министр объединения, и глава правительства, и правящая партия всегда в течение прошедших трех лет на первое место ставили ядерное разоружение Северной Кореи и все меньше говорили о процессе доверия.

Прошло три года президентских полномочий Пак Кын Хе. Меньше чем через два года они закончатся. За это время всякое может произойти в мире и в межкорейских отношениях. Но представляется, что уже сейчас можно сделать некоторые выводы. С учетом проводимых совместных военных маневров США и РК, ставящих задачу отработать все детали выполнения так называемого OPLAN 5015, т. е. оперативного плана действия США и РК в отношении КНДР, где главной задачей ставится ликвидация руководства Северной Кореи (правда, в этом плане и в заявлениях говорится об ударах по высшему ее руководству, что в нормальном понимании и есть уничтожение), ликвидация ядерных и ракетных объектов. При этом имеется в виду нанесение не ответных ударов, а превентивных, т. е. упреждающих ударов, означающих, что будут нанесены удары по этим объектам без объявления войны. В ответ КНДР как бы изменила свою военную доктрину и впервые в

2016 г. заявила о возможности нанесения ею самой превентивных ударов по базам США и президентскому дворцу РК. Ранее Северная Корея всегда говорила, что если нападут на нее, она ответит беспощадной войной, но никогда не говорила о превентивных ударах, т. е. о том, что она первой начнет войну. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что руководство КНДР не собиралось всерьез заниматься нанесением превентивных ударов. Это подтверждается и заявлением ее лидера в докладе VII съезду ТПК 7 мая 2016 г. о том, что КНДР ответит всеми имеющимся в ее распоряжении военными средствами, если нападут на нее¹⁵. В связи с проведенными в КНДР очередным, четвертым, ядерным взрывом в январе 2016 г., а также запуском спутника в феврале 2016 г. принята очень жесткая резолюция Совета Безопасности ООН № 2270, которая фактически блокирует всю внешнюю торговлю Северной Кореи. РК вышла за пределы указанной резолюции СБ ООН и в одностороннем порядке налагает против КНДР ряд еще более сильных санкций. 21 марта 2016 г. между РК и США достигнута договоренность об «усилении давления на Северную Корею, включая полный запрет на направление за границу северокорейских рабочих и полное перекрытие источников финансовых средств»¹⁶. РК, не дожидаясь решения Совета Безопасности ООН, в одностороннем порядке закрыла последний объект межкорейского сотрудничества — Кэсонский промышленный комплекс. Особо негативно КНДР восприняла это решение не только в связи с тем, что ей в свое время пришлось пойти на значительные материальные затраты и меры военного характера (вывод из территории, прилегающей к комплексу, двух сухопутных дивизий и ослабление, таким образом, оборонительных мощностей в районе), и не только в связи с тем, что внезапно без работы остались 53 тыс. работников, а вместе с членами семей в затруднительное положение попадают около 200 тыс. человек, для которых нужно найти новую работу.

Не меньшее, а возможно, большее значение имеет тот факт, что выбор места для этого комплекса был непосредственной инициативой Ким Ир Сена. Известно, что вначале холдинговая компания группы «Хенде» хотела создать промышленный комплекс в Синийчжу исходя из следующей логики. Это портовый город, соответственно там есть необходимая инфраструктура (электроснабжение, связь, железная и шоссейная дороги, портовые причалы, краны, склады, рабочая сила), все снабжение комплекса сырьем будет идти дешевым морским путем. Кроме того, продукция комплекса будет идти на экспорт, следовательно

она сразу грузится в морские суда, что сокращает расходы на транспортировку.

Когда Ким Чен Ир предлагал место около г. Кэсон, он имел в виду обстоятельства, о которых озабоченные выгодами организаторы комплекса со стороны Юга не могли даже подумать. *Во-первых*, южнокорейские работники комплекса могли не уезжать из своих семей, так как они могли в ежедневном режиме приезжать на работу в комплекс. Если бы комплекс был создан в Синьчжу, им пришлось бы на долгие месяцы уезжать из семьи и вести там холостяцкую жизнь со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Так что здесь была проявлена забота о психологическом комфорте для работников.

Во-вторых, путь в 50 км от Кэсонского комплекса до Сеула или до второго по величине порта РК Инчона при современной автомагистрали и железнодорожном сообщении не приносил неудобств для поездок и не влиял как-то серьезно на транспортировку сырья и готовых изделий как в Кэсонский комплекс, так и оттуда. Вопрос энергоснабжения, телефонной связи также решился без особо крупных расходов, потому что потребовалось протянуть электрокабель и телефонный кабель длиной менее 50 км из Южной Кореи к комплексу.

В-третьих, Ким Чен Ир, по-видимому, учитывал, что до Корейской войны 1950—1953 гг. древняя столица г. Кэсон и территория около него были территорией Республики Корея, которая стала частью КНДР в результате войны. 27 июля 1953 г. линия границы между двумя корейскими государствами была проведена по сложившейся на ту дату линии фронта. И, предоставляя эту территорию под Кэсонский промышленный комплекс, Ким Чен Ир фактически давал в аренду, в пользование на 50 лет южнокорейским фирмам их прежнюю территорию, там как бы создавалась мини-южнокорейская промышленная зона. Руководство Северной Кореи, по-видимому, исходило из расчета на то, что со временем, при благоприятном развитии комплекса, эта аренда может быть продлена, а при объединении и вовсе станет территорией единого государства, где уже создан вначале островок Южной Кореи, а затем — прообраз будущей объединенной Кореи.

Поэтому северяне восприняли решение о закрытии правительством Юга Кэсонского комплекса как оскорбление памяти своего «великого руководителя», вечного президента, отца нации. А оскорбление памяти своих предков, как представляется, не прощает никому ни один народ.

В заключение необходимо отметить, что правый поворот во властных структурах РК привел к полному разрушению достигнутых предыдущими президентами мер по некоторой нормализации межкорейских отношений. И на ближайшие годы, по крайней мере как это видится сейчас, до конца полномочий действующего президента ничего позитивного уже не будет. Значительную роль в возникновении такого положения сыграло и нежелание, неспособность понять озабоченности друг друга с обеих сторон, когда каждая сторона пытается навязать как единственно правильную только свою точку зрения.

Какие бы мирные инициативы ни выдвигала КНДР, ни нынешняя администрация США, ни нынешняя администрация РК не откликнутся, как это произошло, например, с выдвинутой Ким Чен Ыном на VII съезде ТПК инициативой о проведении военных переговоров для смягчения напряженности и предотвращения военного конфликта. РК, как известно, инициативу отклонила¹⁷.

Также представляется, что правые силы, пришедшие к власти в РК, взяли курс на удушение экономики КНДР и на свержение в результате этого существующего в ней режима. Именно этим объясняется, что в лексиконе дипломатов и политиков Южной Кореи исчезло слово «уриминчжоккири», что они не считают главными межкорейскими документами Заявление от 4 июля 1972 г., Совместное заявление от 15 июня 2000 г. и Совместную декларацию от 4 октября 2007 г., которые являются документами более высокого уровня и компетенции, чем соглашение 1991 и 1992 гг.

Как видно из заявлений властей РК, они надеются на капитуляцию КНДР, но эта задача невыполнима, по крайней мере, в ближайшие 20—25 лет. А политика, которая ставит заведомо невыполнимые задачи, неизбежно терпит поражение. К тому же за это время вырастет новое поколение, уже четвертое после раскола, которое даже в воспоминаниях живых свидетелей никогда не услышит о расколе и разъединении народа и у которого в лучшем случае в другой части Кореи будут проживать восьмьюродные, а то и десятиуродные братья и сестры, которых, при всех обычаях родниться с людьми из одного семейного клана, все же в большей степени будут воспринимать если не как чужих, то, во всяком случае, как таких далеких родственников, о которых в России говорят «седьмая вода на киселе». И для них единая Корея будет восприниматься как событие «времен очаковских и покоренья Крыма» или еще большей древности.

Если на Юге Кореи объединение по большей части рассматривают как возникновение «еще большей Республики Корея», то на Севере и официально, и идеологически, и ментально объединение — это в лучшем случае — создание конфедерации двух корейских государств.

При таких условиях для восстановлений межкорейских отношений хотя бы до уровня 1998—2007 гг. будет необходимо потратить лет 20 при приходе к власти других политических сил, либо, при сохранении власти правых сил этих отношений не будет еще дольше, а стало быть, объединение все больше превращается в виртуальный мираж, о котором хорошо говорить, хорошо мечтать, но до которого никогда не дойти.

Примечания

¹ В переводе одного из учебников южнокорейского автора по истории Кореи наши переводчики почему-то назвали это правительство «культурным правительством», по-видимому, слишком буквально переведя слог *문* (мун) как первый слог слова «*문화*» (мунхва — культура). При переводе всегда нужно учитывать как фразеологию, так и исторические традиции. В данном случае «*문민정부*» (мунмин чонбу) является противопоставлением *군부정부* (гунбу чонбу — военное правительство).

² *Пак Ван Со*. Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях // Нева. 2010. № 3. С.30—36.

³ См.: Корея: десятилетия новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 24—25 марта 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 51—60.

⁴ URL: <http://ria.ru/world/20160323/1395682911.html> (дата обращения: 23 марта 2016 г.).

⁵ Комсомольская правда. 23 марта 2016 г. С. 5.

⁶ Автор статьи встречался с ним в Сеуле и имел беседы.

⁷ Крыло сторонников бывшего президента Но Му Хена в составе демократической партии, чей представитель Мун Чже Ин был выдвинут единым кандидатом оппозиции на пост президента и который хотя и потерпел поражение, все же добился небывалого для представителя оппозиции успеха в истории Южной Кореи, получив более 48 % голосов избирателей.

⁸ Корея: на пороге перемен. Доклады, представленные на XII научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 27—28 марта 2008 г. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 123.

⁹ URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701020000AKR20120412008500001.HTML> (дата обращения: 12.04.2012).

¹⁰ URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701020000AKR20120412017500004.HTML> (дата обращения: 12.04.2012).

¹¹ URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/chongsun/2012/04/12/4701030000AKR20120412011000060.HTML> (дата обращения: 12.04.2012).

¹² Как известно, в Корее любая дата обозначается следующим образом: год, месяц и число или только месяц и число, а не наоборот, как это принято в России. Например, когда в Корее пишут или говорят 8.15, все понимают, что речь идет о 15 августа, т. е. о Дне освобождения от японского колониального ига. Или 4.19 — День Апрельской революции, свергнувшей диктаторский режим Ли Сын Манна; 6.15. — День обнародования Совместной Декларации Севера и Юга, дата первого межкорейского саммита — 15 июня 2000 г. Когда говорят 5.16, то все понимают, что речь идет о дате военного переворота 16 мая 1961 г. Многим покажется символическим процент голосов, полученных победителем президентских выборов 2012 г. — 51,6 %, другими словами — 5.16, т. е. с явной отсылкой к событиям 15 мая 1961 г.

¹³ В Республике Корея действует пропорциональная система, когда побеждает тот, кто получит хотя бы на один голос больше, чем его ближайший соперник. Бывало даже, что победитель получал всего 33,5 % голосов, так как выступали три примерно одинаковых по влиянию претендента, но каждый из них получил чуть меньшее количество голосов, чем победитель. Президент Но Му Хен был избран в 2002 г., получив 48,9 % голосами, президент Ли Мен Бак получил 48,7 % голосов. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/vote2012/2012/12/20/2901010000AKR20121220011300001.HTML> (дата обращения: 20.12.2012).

¹⁴ Там же.

¹⁵ URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf;jsessionid=9DBE9B5A5467D54270FECF93CE5625FC#this> (дата обращения: 8 мая 2016 г.).

¹⁶ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10052734 (дата обращения: 22 марта 2016 г.).

¹⁷ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=43597¤t_page=2/ (дата обращения: 9 мая 2016 г.).

А.В. Воронцов

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ КНДР И РК

Указанная тема относится к разряду вечных и фундаментальных в рамках широкого дискурса «корейской проблемы». Политические отношения между Пхеньяном и Сеулом в последние годы развиваются в диапазоне между плохими и очень плохими. В начале 2016 г. они опять вошли в фазу острого кризиса. Тем не менее тема объединения именно в этот период вновь актуализировалась, стимулировав соответствующие концептуальные изыскания.

На предшествующих этапах часто в этом вопросе инициативней были северяне, а южане опасались «коммунизации» с Севера. Сейчас, в условиях кардинального сдвига экономического силового фактора в пользу Юга, КНДР, как считают многие эксперты, больше думает о самосохранении, нежели чем о глобальных проектах объединения. Сегодня инициатором активизировавшейся дискуссии следует считать Сеул.

Тому есть ряд причин. Одной из глубинных, видимо, следует считать следующую. Несмотря на то что правительства обеих частей Кореи как мантру повторяют приверженность идее воссоединения полуострова, интерес к ней, особенно на Юге, имеет устойчивую тенденцию к снижению. По опросам общественного мнения в Южной Корее, большинство населения в возрасте до 40 лет не стремится к этой цели. Особенно быстро такие настроения нарастают среди молодежи 20-летнего возраста, среди которой уровень поддержки объединения, по некоторым опросам общественного мнения, упал до 41 %, а старших школьников — до 20 %¹.

С течением времени, а в 2015 г. было отмечено 70-летие раскола нации, личные эмоциональные чувства корейских граждан ослабевают. Количество родственников, проживающих по разные стороны ДМЗ, убывает. Северная часть Кореи для многих молодых южан все более воспринимается как «чужая» страна.

Вместе с этим нарастают настроения, основанные на простом прагматическом расчете — «во что обойдётся объединение, насколько это снизит жизненный уровень, во сколько человеческих жизней обернется необходимость воевать для достижения этой цели?» Бывшие в своё время привлекательными сила примера и даже эйфория сразу после объединения Германии уже давно испарились. Эксперты изучили германский опыт, просчитали цену объединения и пришли к выводу о проблематичности его воспроизведения в Корею — настолько он оказался экономически дорогостоящим даже для мощной Германии.

Как известно, на основе этого анализа появилась южнокорейская программа наведения мостов с Севером при президентах Ким Дэ Чжунге и Но Му Хене (1998—2007 гг.). Суть её заключалась в следующем: нам нужны не война с Северной Кореей, не её коллапс и объединение сегодня, а диалог, постепенное сближение, экономическое сотрудничество и через эти шаги — объединение в будущем. И межкорейское сотрудничество действительно и впервые «пошло в гору».

Но в 2008 г. к власти в РК пришли правоконсервативные силы, которые исповедуют иные верования: «Север на грани коллапса — этому надо только помочь усилением экономических санкций, военно-политического давления, в том числе посредством интенсификации серии американо-южнокорейских манёвров, и т. д. В результате этих и других обстоятельств пхеньянский режим рухнет «не сегодня — завтра».

Следовательно, какие-либо содержательные, конструктивные переговоры не актуальны. Похоже, что нынешние власти в Сеуле убедили в этом себя самих и пытаются убедить в этом международное сообщество и на этой основе привлечь весь мир к усилению давления и изоляции Северной Кореи.

Реальности позитивного социально-экономического развития КНДР за последние годы, постепенного, но последовательного внедрения элементов рыночного реформистского содержания — игнорируются. Упомянутая выше тенденция снижения в южнокорейском обществе поддержки идее форсированного объединения заставляет власти торо-

питься. Предпринимаются попытки введения нового налога «на объединение», как это было при президенте Ли Мён Баке, а в период президентства Пак Кын Хе создаются новые государственные структуры, призванные ускорить данный процесс.

На этом фоне в 2014—2016 гг. руководством двух Корей были озвучены новые и обновленные «старые» редакции предложений по объединению Кореи.

Мирные инициативы Пхеньяна, с которыми тот выступил в последние два года, интерпретировались в Сеуле лишь, как «пропагандистское наступление» и игнорировались. В ответ, президент РК Пак Кын Хе отдавала приказ министру обороны и другим силовым ведомствам усилить меры безопасности против возможных провокаций Северной Кореи². На встрече с президентом Швейцарии — призывала международное сообщество присоединиться к Республике Корея (РК), чтобы усилить давление на КНДР и изолировать её, заставив пойти на изменение своей политики³.

В марте 2014 г. была произнесена «программная» речь президента РК Пак Кын Хе в г. Дрезден, где за дипломатической риторикой исподволь проводилась идея о воссоединении по «германскому варианту», т. е. на основе де-факто «поглощения» Севера. Звучали следующие формулировки: «После объединения Республика Корея достигнет ещё большего веса в мире. Северная часть Корейского полуострова также будет быстро развиваться»⁴. (Обозреватели сразу обратили внимание, что не случайно для этого программного выступления был выбран г. Дрезден — часть поглощённой Восточной Германии.)

Неудивительно, что в Пхеньяне такое предложение вызвало негативную реакцию. Министр иностранных дел КНДР Ли Су Ён, после длительного перерыва принявший участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 2014 г., дал развернутый ответ на такие «мирные» инициативы и напомнил о давно известной концепции объединения Кореи, сформулированной ещё Ким Ир Сенем, — объединение на базе создания «Конфедеративной республики Корё».

Имеется в виду выдвинутая в 1993 г. Ким Ир Сенем Программа великой национальной консолидации всей нации для объединения родины из десяти пунктов, получившая развитие в Меморандуме правительства КНДР от 11 августа 1994 г. по вопросам, связанным с образованием Демократической Конфедеративной Республики Корё.

Суть северокорейской идеи сводится к образованию конфедеративной республики, предусматривающей существование двух общественных систем и двух правительств в рамках одной нации и одного государства. Предлагается использовать общность и гомогенность нации, которая «проживает более пяти тысяч лет на одной территории и связана кровью одних предков», в качестве общего знаменателя, позволяющего подняться над идеологическими разногласиями и политическими различиями.

Данная концепция предполагает поэтапное сближение двух частей Кореи. На первом этапе создаются общенациональные правительственные структуры, осуществляющие международную деятельность нового государства и т. д., но не вмешивающиеся во внутривнутриполитическую жизнь двух субъектов. Затем по мере постепенного сближения предусматриваются шаги к более полной интеграции.

Не утратил актуальность и план лауреата Нобелевской премии мира бывшего президент РК Ким Дэ Чжуна, автора упоминавшейся концепции «солнечного тепла», изложенный в книге «Корейская проблема: ядерный кризис, демократия и воссоединение», опубликованной в 1994 г. в Сеуле⁵.

План объединения Ким Дэ Чжуна, который он разрабатывает более 20 лет, заключается в «Трех принципах и трех этапах». Три принципа: мирное сосуществование, мирные обмены и мирное объединение. Три этапа: конфедерация двух независимых корейских государств в широких рамках гибкой общей конфедеративной структуры; федерация двух автономных региональных правительств Севера и Юга; объединение, при котором осуществляется принцип — одна страна, одна нация и одно правительство⁶.

Нетрудно заметить, что оба рассмотренных проекта весьма близки. Конечно, есть различия, в частности в последовательности стадий сближения и постепенной интеграции двух Корей. Но несомненно, что в обеих программах существует широкая основа для совместной работы по их сближению, поиску компромиссных решений по спорным вопросам.

Мы не склонны преувеличивать значение философских доктрин в процессе практического объединения, подчеркивая решающую роль поэтапной интеграции экономик Юга и Севера, но достижение взаимоприемлемого идеологического компромисса, конечно, облегчит движение по пути воссоединения Кореи.

Однако, к сожалению, на Юге сегодня продвигаются иные подходы.

Позиция КНДР в отношении идеи Сеула об одномоментном объединении — т. е., по сути, поглощении — ясна. При существующих глубоких различиях во всех сферах жизни, высокой военно-политической напряжённости на полуострове — попытка (а она реально может быть только силовая) реализации её в жизнь — это прямой путь ко второй Корейской войне и, следовательно, глобальной национальной катастрофе⁷.

Как известно, одним из приоритетов нынешнего президента РК Пак Кын Хе была заявлена задача создания доверия между Югом и Севером. Однако по прошествии трех с половиной лет аналитики пришли к мнению, что данная установка на практике была подменена политикой форсирования объединения через ускорение «коллапса и смены режима» в КНДР. Сегодня основные дискуссии в Южной Корее ведутся на тему, что и как делать Сеулу после объединения: как восстанавливать разрушенную экономику, на каких принципах (южнокорейских или международных) формировать правовое пространство на «присоединенных» территориях и осуществлять правосудие в отношении «преступной» верхушки нынешней КНДР.

Многим исследователям такая постановка кажется по меньшей мере преждевременной попыткой «делить шкуру неубитого медведя». Тем не менее это реальность современного дискурса политической элиты РК.

Продолжением развития идей «дрезденской речи» стала «евразийская инициатива» Пак Кын Хе, озвученная в ноябре 2013 г.⁸ Безусловно, данная концепция — заявка на новый мегапроект, предназначенный не только для Восточной Азии, но и значительно более широкого пространства.

Однако при анализе «евразийской инициативы» через призму темы нашего исследования видно, что второй ведущей задачей концепции выделена задача под названием «Добьемся мирного процветания Евразии через открытие и денуклеаризацию Северной Кореи». По словам представителя правительства РК, «главной целью мегапроекта является создание гигантской волны мира и процветания в евразийских обществах, которая будет происходить из Европы, Юго-Западной Азии и Среднего Востока как мотив для перестройки, открытия и отказа от ядерного оружия Северной Кореи и улучшения человеческих прав на

Севере. Мы можем использовать евразийские страны в качестве рычага для убеждения Северной Кореи. Однако если Пхеньян откажется, мы увеличим давление на Северную Корею — где прерывается линия евразийского процветания, — чтобы соединить евразийскую линию с Северной Кореей силой. Может ли Пхеньян остановить локомотив евразийского общества, который является кардинальной революцией мировой истории?»⁹

Уверенность в неизбежном скором объединении Кореи на условиях РК постоянно озвучивают высокопоставленные южнокорейские деятели. Министр по делам объединения РК Рю Гиль Чже, выступая в конце 2014 г. в Вашингтоне, призывал старшего союзника не «опускать руки» перед лицом многочисленных прежних неудач в деле реализации задачи «смены режима» в Пхеньяне, но, проявляя изобретательность, изыскивать новые средства и терпеливо идти к заданной цели, вовлекая всё международное сообщество в работу по изменению стратегических интересов Северной Кореи. Рю Гиль Чже утверждал, что «для объединения Кореи нам необходимы “три колеса”»: одно из них — улучшение межкорейских отношений; второе — формирование консенсуса по вопросам объединения внутри южнокорейского общества (поскольку, как признаёт министр, сейчас для многих южнокорейцев, особенно молодых граждан, объединение — далеко не самая приоритетная задача)»¹⁰.

Но самое важное «колесо» — тесное сотрудничество с международным сообществом, так как участие его и особенно США в процессе подготовки объединения совершенно необходимо и обязательно. Именно благодаря их поддержке стало возможным объединение Германии. «Я убеждён, что если США будут твёрдо поддерживать и помогать объединению Кореи, наши мечты о воссоединении Кореи станут реальностью»¹¹.

Неприемлемость и ущербность подобных подходов была подчеркнута лидером КНДР Ким Чен Ыном в новогодней речи 2016 г. «Нашу нацию раскололи не кто иной как внешние силы, ставят палки в колеса делу объединения нашей Родины именно США и плетущиеся в их хвосте силы. Несмотря на это, южнокорейские правители ... прибегают к заговорщическим вылазкам против соплеменников и, нося за пределами страны узелок с внутренним вопросом нашей нации, с вопросом объединения, разыгрывают фарс с выпрашиванием у чужих... Вопросы о межкорейских отношениях и объединении Родины должны

быть решены, исходя из идеала “Общими силами нашей нации”... Никто не дарит, да и не может подарить нашей нации объединение»¹².

Северокорейские учёные решительно вступают в полемику с призывами южан решить задачу объединения путем «поглощения Севера». В докладе Института проблем разоружения и мира МИД КНДР, опубликованном в феврале 2015 г., подчёркивается необходимость объективно оценивать реалии, существующие на Корейском полуострове. А они сегодня таковы, что «две Кореи в течение 70 лет развиваются по различным траекториям, определяемым противоположными идеологиями и политическими системами. При этом ни одна из корейских сторон не желает отказываться от собственной идеологии и политической системы. Поэтому стремление одной из сторон к навязыванию своей системы непременно приведёт к войне и вовлечению в неё соседних государств»¹³. С учётом характеристик военных потенциалов как самих корейских государств, так и их соседей, итогом попытки реализации подобного сценария станет «катастрофический Армагеддон», по сравнению с которым поблекнут трагические последствия Корейской войны 1950-х годов, нынешних военных конфликтов на Ближнем Востоке и на Украине.

Северокорейский автор приходит к выводу, что сосуществование двух систем — единственный реалистичный путь к объединению Кореи. Различия систем — не ахиллесова пята, а причина необходимости их сосуществования. Когда же две корейские стороны объединятся в одном государстве и станут уважать особенности политического устройства друг друга, тогда межкорейское сотрудничество будет развиваться без помех и конечная цель достижения объединения перестанет быть вопросом. При этом в ходе процесса объединения две корейские стороны «не должны слепо копировать опыт других стран, а формировать структуру, соответствующую реалиям и специфике Кореи..., тогда нам не потребуется использовать чужие мозги и испрашивать разрешения у внешних сил об одобрении нашего решения об объединении»¹⁴.

Подчёркивается, что при всём уважении ко всем документам, подписанным в ходе межкорейского общения, в основе объединения должны лежать три принципа, провозглашённые ещё в 1972 г. (независимое, мирное, на базе великой национальной консолидации). Итогом постепенного сближения двух систем естественным образом станет создание единого нейтрального государства.

Развитие этой темы в 2016 г. продолжил другой сотрудник указанного НИИ КНДР Цой Ун Чжу. Он в том числе утверждал, что «южнокорейский план “унификации”, подкрепленный военной мощью США, есть не что иное, как опасный план полномасштабной войны». Северокорейский ученый раскрывает стратегические цели американо-южнокорейского союза: «Южнокорейские власти пытаются найти компромисс между стратегическими интересами США и стран региона, обещая последним “звезды с неба” — что якобы в будущем американские войска не выйдут за пределы 38-й параллели, даже после “объединения” ... В отношении безопасности в СВА это означало бы удаление буферной зоны, предотвращающей физическое столкновение между США и странами региона, и превращение Корейского полуострова в прямую линию ядерного фронта противостояния крупных держав. США обманули мир, пообещав, что НАТО не будет расширяться дальше на восток, если бывший Советский Союз поддержит объединение Германии. Сегодня они пытаются воспроизвести тот же стратегический обман в СВА»¹⁵.

С данными выводами северокорейского аналитика трудно не согласиться, если ознакомиться с прогнозами ведущих американских мозговых центров, предсказывающих, что в случае коллапса КНДР Пентагон будет вынужден увеличить дислоцированные в Южной Корее войска (сейчас 28 тыс. человек) ещё на 150 тыс. военнослужащих¹⁶.

Очевидно, что и сегодня в Пхеньяне смотрят на пути и конечные цели национального воссоединения с прямо противоположных позиций, нежели идеологи в Сеуле. При этом в ряде важных элементов подход северокорейских авторов представляется более реалистичным, менее травматичным и рискованным, а главное — более безопасным как для самих корейцев, так и для их соседей.

Примечания

¹ South Korean youth grow wary of unification. October 17, 2011. URL: http://www.washingtonpost.com/world/south-korean-youth-grow-wary-of-unification/2011/10/14/gIQA3ujmqL_story.html

² President Park Orders Airtight Security Posture against N. Korea. NORTH KOREA NEWSLETTER NO. 297 (January 23, 2014); URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2014/01/22/28/0401000000AEN20140122005600325F.html>

³ President Park Says North Korea Must Be Forced to Change. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2014/01/22/28/0401000000AEN20140122005600325F.html>; NORTH KOREA NEWSLETTER NO. 297 (January 23, 2014).

⁴ An Initiative for Peaceful Unification on the Korean Peninsula. Dresden — beyond division, toward integration», Speech by ROK President Park Geun-hye on Korean unification, delivered in Dresden, Germany on March 28, 2014. URL: <http://www.ncnk.org/resources/publications/an-initiative-for-peaceful-unification-on-the-korean-peninsula.-dresden-beyond-division-toward-integration>

⁵ Chung-in Moon. *The Sunshine Policy. In Defense of Engagement as a Path to Peace in Korea*. Paperback: 280 p., Yonsei University Press; 1st ed. edition (May 29, 2012); URL: http://www.amazon.com/The-Sunshine-Policy-Chung-Moon/dp/8997578421/ref=sr_1_1?ie=UTF8&qid=1390212031&sr=8-1&keywords=sunshine+policy+chung

⁶ *Kim Dae-jung*. «The German Experience and a Prospect for Korean Unification» in *The Korean Problem: Nuclear Crisis, Democracy and Reunification. A Collection of Essays, Speeches, and Discussions* (Seoul: The Kim Dae-jung Peace Foundation Press, 1994). P. 116—117; 121—125.

⁷ Пресс-заявление Института за мир и разоружение (МИД КНДР). ПРЕСС-РЕЛИЗ Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. 2 октября 2014 г.

⁸ President Park Geun-hye's «Eurasia Initiative». One Continent, Creative Continent, Continent of Peace. «Opening and Denuclearization of North Korea through the Peaceful Prosperity of Eurasia»; Spokesperson, 2013-11-01. URL: <http://www.nuac.go.kr/english/sub04/view01.jsp?numm=36>

⁹ Ibid.

¹⁰ RYOO, Kihl-Jae. «ROK-U.S. Cooperation in Preparing for Korean Unification». December 10, 2014. URL: <http://csis.org/multimedia/audio-korea-global-forum-2014-csis-eai-conference-korean-unification>

¹¹ Ibid.

¹² *Ким Чен Ын*. Новогодняя речь. 01.01.2016. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации.

¹³ Well-balanced approach to the issues on the Korean peninsula and Northeast Asia. (Kim Ye Jin, Researcher, Institute for Disarmament and Peace, Ministry of Foreign Affairs, DPRK). *Biuletyn Ambasady, KRL-D, 3 lutego 2015 r.*; www.krld.pl. URL: <http://krld.pl/krld/czytelniateksty/biuletyny//227%20-%20Well-balanced%20approach%20to%20the%20issues%20on%20the%20Korean%20peninsula%20and%20Northeast%20Asia.pdf>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Цой Ун Чжун, научный сотрудник Института разоружения и мира Министерства иностранных дел КНДР. Самостоятельное, мирное объединение и великое национальное единство — основополагающие принципы воссоединении Кореи. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. 24 января 2016 г.

¹⁶ *Timothy M. Bonds, Michael Johnson, Paul S. Steinberg.* Limiting Regret Building the Army We Will Need. Rand Corporation, 2015. P. 11. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1320.html (accessed January 2, 2016); *Katharine H.S. Moon.* The role of the U.S.-ROK alliance in the process of unification: A U.S. view. January 25, 2016. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2016/01/25-alliance-role-unification-moon?>

Глава 2

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: БОМБЫ, РАКЕТЫ И САНКЦИИ

К.В. Асмолов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В определенной мере данный материал продолжает тему, с которой автор выступал два года назад¹. Тогда, в 2014 г., мы изучали, насколько Пекин сохранит неизменность своего курса на Корейском полуострове, и сейчас, после очередного регионального обострения и новых санкций против КНДР, введенных при участии Китая, этот вопрос не теряет актуальности. В ряде СМИ это было подано как «наконец Вашингтон и Пекин осознали опасность пхеньянского режима и стали действовать вместе», но так ли это?

Факторы, влияющие на ситуацию

Два года назад, прогнозируя ситуацию на Корейском полуострове, мы учитывали несколько факторов влияния, как то:

— курс реформ нового руководства КПК, развитие которого теоретически увеличивает идеологические противоречия между Пхеньяном и Пекином. В последнее время к этому добавляют личный фактор, связанный с тем, что у нынешнего председателя КНР, как говорят, не сложился личный контакт с лидером КНДР Ким Чен Ыном, но существуют дружеские отношения с президентом РК Пак Кын Хе;

— растущие претензии Китая на статус региональной сверхдержавы, которые ведут к усилению великодержавных настроений и

взгляда на «ближнюю периферию» в рамках так называемой даннической модели, подразумевающей иерархическую систему связей с Китаем в роли центра и главного арбитра²;

— движение к такой модели вызывает желание сделать «непопулярного соседа» более послушным. Но здесь традиционная чучейская реакция на гегемонизм накладывается на особенности молодого руководителя КНДР, который не любит, когда его пытаются учить жить;

— отметим и поколенческий фактор, связанный с тем, что те, кто воспринимает отношения КНР и КНДР сквозь призму Корейской войны 1950—1953 гг., постепенно уходят. Отношение к КНДР китайских масс лишено приязни и скорее напоминает отношение к Северной Корее в позднем СССР. В сети хватает антисеверокорейских высказываний, жестко себе могут позволить высказаться даже некоторые эксперты (после чего в определенных кругах подобное высказывание интерпретируется как официальное мнение Китая);

— однако претензии КНР на гегемонию и разговоры о «преодолении века позора» встречают сопротивление Америки и ее региональных союзников. С течением времени этот тренд даже усилился, о чем говорит, в частности, существенно возросшая напряженность в Южно-Китайском море. В этом контексте грядущего противостояния КНР нужны союзники или хотя бы предполье;

— основные узлы проблем в отношениях двух стран также не изменились. Стремление КНДР не превращаться в китайского вассала и обеспечить себе пространство для маневра по-прежнему раздражает Пекин. Никуда не делась и дилемма, связанная с необходимостью поддерживать режим ядерного нераспространения, с одной стороны, и пониманием важности приграничной стабильности — с другой;

— при этом продолжается рост китайской экономики, в том числе — экономики Северо-Восточного региона, что требует защищенности китайской инфраструктуры на этом стратегическом направлении;

— наконец, в КНР внимательно анализируют эволюцию политических режимов Севера и Юга и изменений в их внешней политике. В этом контексте отмечаются как определенные преобразования в КНДР, так и «консервативное наступление» в РК.

Таким образом, тренды, определяющие рамки политического контекста, в целом остаются неизменными, и потому можно говорить о том, что, несмотря на определенную волатильность, китайский политический курс в корейском вопросе также остается неизменным.

Именно потому в этот раз мы сосредоточимся на некоторых ключевых моментах, связанных с текущей ситуацией. В первую очередь, это определенное сближение двух стран осенью 2015 г. и изменение ситуации в 2016 г. на фоне проведения КНДР четвертого ядерного испытания и запуска спутника. Также мы отметим некоторые тренды современных китайско-южнокорейских отношений.

Летом—осенью 2015 г. среди южнокорейских политологов была распространена уверенность в том, что «Китай на нашей стороне». Описывая политику Пекина, проф. Мун Хын Хо из университета Ханьян писал, что Пак Кын Хе воспринимается Си Цзиньпином как партнер, с которым можно сотрудничать, а руководитель Северной Кореи как, скорее, проблема, и хотя открыто это не говорится, Си Цзиньпин уверен, что объединение путем поглощения рано или поздно состоится, Север непредсказуем и, значит, надо помогать Югу³.

28 августа, выступая на Международной научной конференции, организованной Институтом национальной стратегии и безопасности РК и американским фондом «Наследие», спецпредставитель РК по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Хван Чжун Гук, указал, что КНР больше не будет принимать сторону КНДР в случае военных провокаций Пхеньяна⁴.

В похожем контексте председатель Комитета по вопросам обороны Национального собрания РК Хван Чжин Ха, выступая на организованном Фондом Карнеги семинаре в Вашингтоне, предложил КНР взять Северную Корею под свой ядерный зонтик в обмен на денуклеаризацию (по аналогии с американской политикой в отношении ядерной программы РК в 1970-е)⁵.

Однако 9 октября 2015 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин направил Ким Чен Ыну поздравительную телеграмму по случаю 70-летней годовщины создания ТПК. В этом тексте Си Цзиньпин отметил, что «под руководством первого секретаря ТПК Ким Чен Ына партия и корейский народ продолжили претворять в жизнь заветы Ким Ир Сена и Ким Чен Ира и достигли позитивных сдвигов в развитии экономики и улучшении народного благосостояния», и подчеркнул, что дружба между КНР и КНДР имеет славные традиции⁶.

Затем, на торжества по поводу годовщины прибыл член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань. Было сказано много дежурных слов, включая характерное выражение «дружба, скрепленная кровью»⁷.

25 октября 2015 г. в КНДР отметили 65-летний юбилей отправки китайских народных добровольцев на Корейскую войну. В связи с этим состоялись торжественные мероприятия, в которых приняли участие зампред президиума ВНС КНДР Ян Хен Себ и министр гражданской администрации КНР Ли Лиго, прибывший в КНДР для участия в церемонии окончания ремонта кладбищ павших добровольцев⁸. Ли Лиго отметил, что партия и правительство Китая неизменно придают большое значение отношениям с КНДР, а непрерывное укрепление и развитие отношений с Пхеньяном является непоколебимым курсом партии и правительства Китая⁹.

В октябре 2015 на территории городского округа Дандун открылась экономическая зона беспошлинной торговли «Гомэньван» площадью 40 тыс. кв. м. В рамках программы по оживлению северо-востока страны власти Китая вложили в ее создание 1 млрд юаней (около 157 млн долл.)¹⁰.

Общество Красного Креста Китая впервые за последние три года выделило 100 тыс. долл. на гуманитарную помощь Пхеньяну для ликвидации последствий летнего наводнения¹¹.

С начала 2016 г. в Северной Корее появилась безвизовая зона для туристов из КНР¹². Она расположена на границе Дандуна и Синьчжу. Китайская сторона инвестировала в строительство зоны 50 млн юаней (около 7,6 млн долл.), на которые было проведено укрепление берега, возведен ряд объектов инфраструктуры, начинается работа по достройке моста между Синьчжу и Дандуном.

Китайцы составляют основную часть иностранцев, посещающих Северную Корею. В 2015 г. КНДР посетили около 70 тыс. граждан КНР¹³, а Китай легально посетили 188 300 северокорейцев, что на 2,16 % больше, чем в предыдущем году. Из них 94 200 корейцев отправились на работу¹⁴.

24 февраля 2016 г. стало известно, что Китай, Россия и КНДР намерены создать в дельте р. Туманган зону международного туристического сотрудничества. В китайской провинции Цзилинь этот проект включен в 13-й пятилетний план развития 2016—2020 гг. Предположительно, зона расположится на стыке границ Китая, России и КНДР. Три стороны планируют обеспечить безвизовый въезд в эту зону¹⁵.

Явным признаком улучшения северокорейско-китайских отношений считался несостоявшийся 12 декабря 2015 г. в Пекине концерт северокорейской женской поп-группы «Моранбон», отмена которого

вызвала множество пересудов¹⁶. Однако в КНР держались версии «проблем с взаимодействием на рабочем уровне». И когда спикера МИДа Хун Лэй спросили о причинах отмены концерта, он процитировал редакционную статью Синьхуа, где было сказано, что «КНР считает культурный обмен с КНДР делом большой важности и готова продолжать работать над развитием двустороннего обмена и сотрудничества в сфере культуры».

Газета Global Times в своей редакционной статье также отметила, что отмена мероприятия не затронет двусторонние связи: «С учетом стратегических отношений атмосфера, окружающая шоу, может оказать кратковременное воздействие, но не заденет основу отношений»¹⁷.

Всплывали даже разговоры о возможной подготовке визита северокорейского руководителя в Пекин (о чем со ссылкой на собственные источники сообщила японская газета «Майнити»¹⁸) или возобновления шестисторонних переговоров по ядерной проблеме (тема всплывала, в том числе, на переговорах Ким Чен Ына и Лю Юншаня)¹⁹.

Испытание ядерного оружия и последующий запуск ракеты-носителя в КНДР в январе-феврале 2016 г. дали почву для мнения о том, что в отношениях двух стран наступит серьезное похолодание, но по сравнению с 2013 г. позиция КНР была менее жесткой, несмотря на то, что Пекин, будто бы, не был предупрежден о запланированном испытании²⁰.

После ядерного испытания МИД КНР заявило решительный протест²¹, но обратим внимание на заявление Синьхуа от 8 января. С одной стороны, действия КНДР подвергнуты осуждению, с другой — отмечено, что «именно антагонистический подход Вашингтона подтолкнул Пхеньян идти дальше по пути развития ядерного потенциала». «Воинственный подход США обострил у Пхеньяна чувство неуверенности и побудил страну продолжать не признавать ограничения, касающиеся нераспространения ядерного оружия»²².

18 января КНР в очередной раз призвала к комплексному решению вопроса, намекая, что северокорейские предложения США о заключении мирного договора стоят рассмотрения²³.

На фоне подготовки к запуску спутника КНР неоднократно обращалась к КНДР с призывами воздержаться от проведения запуска²⁴. В Пхеньян ездил спецпосланник У Давэй, а представители МИДа и сам министр Ван И выступили с рядом заявлений и интервью.

3 февраля 2016 г. официальный представитель МИД КНР Лу Кан также выразил надежду, что «КНДР проявит сдержанность и воздержится от действий, которые могут привести к дальнейшему росту напряженности на полуострове»²⁵. Разумеется, КНДР имеет право на использование космического пространства в мирных целях, но это право в настоящее время ограничено резолюциями Совета Безопасности ООН.

Однако в том же выступлении Лу Кан заявил, что, если Северная Корея настаивает на запуске спутника, Китай не сможет остановить ее²⁶, а также отметил, что «когда шестисторонние переговоры зашли в тупик из-за постоянных воплей определенной страны о давлении и санкциях, КНДР начала ядерные испытания и проводит их снова и снова. В этом смысле, КНДР дала пощечину данной стране».

После запуска спутника Пекин отправил руководству Северной Кореи ноту протеста и вызвал посла страны «на ковер», однако 12 февраля в ходе встречи с госсекретарём США Джоном Керри в Мюнхене²⁷ Ван И дал эксклюзивное интервью агентству Рейтер, где отметил три вещи, которые должен отстаивать Китай:

— ни у кого на Корейском полуострове, будь то КНДР или РК, не может быть ядерных технологий, как произведенных самостоятельно, так и завезенных извне;

— нельзя использовать военные средства для разрешения проблем, это приведет к войне и хаосу на полуострове, а Китай не может допустить этого;

— законные интересы национальной безопасности самого Китая должны эффективно обеспечиваться и гарантироваться²⁸.

Далее началась подготовка новой резолюции СБ ООН, хотя, как заявил Хун Лэй, резолюция сама по себе не может решить ядерную проблему на Корейском полуострове, поэтому стороны должны вернуться на путь диалога и переговоров²⁹. Китай выдвинул идею параллельного продвижения денуклеаризации Корейского полуострова и механизма перемирия³⁰.

Одновременно китайские дипломаты сделали целую серию заявлений о том, что итоговая резолюция должна быть сфокусирована на ядерной программе и программе по разработке ракет КНДР, и санкции не должны затрагивать жизнь обычных граждан³¹.

26 февраля 2016 г. МИД КНР в очередной раз отметил, что проект новой резолюции не должен ударить по «нормальной жизни» народа КНДР³², но 28 февраля во время встречи в Сеуле У Давэй заявил, что

Пекин будет преданно проводить в жизнь новую резолюцию ООН³³, а голосование 2 марта прошло без эксцессов: РФ, США и КНР единогласно проголосовали за американский проект, хотя Москва и Пекин внесли незначительные поправки. Складывается впечатление, что если само испытание КНР восприняла сдержанно, последовавший пуск ракеты-носителя — с гораздо большим раздражением.

Не секрет, что политика Пекина в корейском вопросе связана с балансом двух трендов. Это — недовольство своеволием Пхеньяна и желание «укоротить поводок» и американо-китайское противостояние, в рамках которого Север является ценным плацдармом для Китая, а возможно, — и союзником. Однако Соединенные Штаты понимают этот момент и, в свою очередь, поднимают ставки, пытаясь загнать Китай в неприятную для него вилку. Либо КНР начинает всерьез ссориться с США из-за какой-то Северной Кореи (причем тогда, когда она еще не готова к противостоянию), либо в этом вопросе она все-таки пойдет у них на поводу. И потому, хотя дата обсуждения резолюции несколько раз переносилась, а проработка деталей заняла больше времени, чем обычно, Китай вынудили продемонстрировать единство.

Также можно отметить, что, хотя, судя по некоторым сигналам, не все китайские замечания были приняты, КНР отказалась поддержать полный запрет на поставки нефти в КНДР, поскольку это нанесёт ущерб северокорейскому населению³⁴.

С другой стороны, санкции дают КНР очень мощный рычаг давления. Так как Китай контролирует 70 % торгового оборота КНДР и имеет с ней протяженную сухопутную границу, суровость санкций может быть компенсирована реальным уровнем их исполнения. И здесь Китай может либо делать все по букве закона, перекрывая Пхеньяну кислород, либо на многое смотреть сквозь пальцы, — но выглядеть это будет как личное одолжение, безусловно требующее ответных услуг. Автор уже сталкивался с мнением о том, что, хотя в течение ближайшего времени КНР будет демонстративно соблюдать санкции до последнего пункта, как только вред от них действительно начнет чувствоваться, Ким Чен Ыну «сделают предложение, от которого сложно отказаться». Не исключено, что именно в расчете на такой вариант КНР поддержала санкции в их нынешнем виде.

Любопытным маркером состояния отношений КНР и КНДР, вероятно, станет то, как будут освещаться в китайских СМИ грядущий VII съезд ТПК и какого уровня делегация на него приедет.

Рассмотрим также ситуацию с точки зрения противостояния Пекина и Вашингтона.

Во-первых, это прямые попытки США вынудить Китай активно играть на его стороне. Обратим внимание на ряд заявлений дипломатов и политиков США о том, что КНР — главный виновник случившегося обострения: именно его политика и желание продолжать курс на шестисторонние переговоры превратились в попустительство по отношению к Пхеньяну. Как, например, высказался Госсекретарь США Джон Керри, «у Китая был конкретный подход к КНДР ... Но теперь очевидно, что этот подход не сработал»³⁵.

Дональд Трамп, скандально-известный кандидат в президенты США, также заявил 10 января 2016 г., что Китай должен решить проблему либо будет вынужден наблюдать, как страдает его торговля с США³⁶.

В этом же контексте американские СМИ начинают активно муссировать вопрос о том, как при помощи Китая власти КНДР несколько десятков лет тайно выводили денежные средства за рубеж через цепочку компаний-посредников³⁷.

Иной вариант вбивания клина — это периодические «вбросы» о преследовании в КНДР этнических китайцев. Последний громкий слух 17 декабря пришлось опровергать на уровне посольства³⁸.

Во-вторых, это попытки превратить территорию РК в площадку для размещения американских противоракетных комплексов ТНААД, направленных далеко не только против Севера. В Пекине хорошо помнят, что разговоры об этом шли весьма давно, и обострение начала 2016 г. является не столько причиной для их размещения, сколько должным оправданием.

В этом контексте американским действиям дают отпор по всем направлениям. Так, в ответ на обвинения Керри в газете The Global Times написали: «Истоки и причины северокорейской ядерной проблемы весьма сложны. С одной стороны, режим Северной Кореи избрал неверный путь для обеспечения своей безопасности, но с другой — «пока США, Южная Корея и Япония не изменят своего подхода к Пхеньяну, нельзя надеяться на решение ядерной проблемы КНДР». Надежда на то, что Пекин все за всех решит и заставит Север отказаться от ядерных амбиций, также «является иллюзией»³⁹.

А при первых признаках того, что решение по ТНААД принято, 7 февраля заместитель министра иностранных дел КНР Лю Чжэньмин

срочно вызвал посла РК Ким Чжан Су: точно также после запуска Пхеньяном ракеты-носителя Пекин выразил протест послу КНДР в Китае Чи Чэ Рёну⁴⁰.

Конечно, возникает интересный вопрос: а не продешевила ли китайская сторона и не была ли солидарность с американским пакетом санкций стратегической ошибкой, вынужденной мерой или действием, принятым под влиянием эмоций. С одной стороны, Китай обретает некую тактическую выгоду, с другой — на пути у этого плана могут возникнуть препятствия.

Во-первых, неясно, насколько Соединенные Штаты воспользуются ситуацией, поскольку неофициальные действия Китая могут быть «разоблачены», и тогда уже у Соединенных Штатов появится определенный рычаг давления, позволяющий публично обвинять Китай в несоблюдении резолюции ООН. Это упирается в вопрос о том, насколько США обладают техническим или агентурным ресурсом для того, чтобы отслеживать действия КНР в этой сфере.

Во-вторых, направленные против Китая действия США, замаскированные под противостояние северокорейской угрозе, никуда не деваются. Размещение ТНААД позиционируется как решенное дело, и даже если за кулисами речь шла о сделке «санкции в обмен на отказ от ПРО», Вашингтон сработал по принципу «Оказанная услуга ничего не значит».

Кроме того, китайские действия могут вызвать противодействие КНДР, которая может ответить очередным повышением ставок, вплоть до пятого ядерного испытания. Ведь у них есть позитивный пример десятилетней давности, когда проведение первого ядерного испытания вынудило даже администрацию Буша отказаться от своей прежней стратегии в пользу конструктивных действий, и в целом 2006—2008 гг. были ознаменованы значительным шагом вперед по пути вероятного урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП).

Наконец, хочется обратить внимание на то, как в течение этого же периода начинают меняться южнокорейско-китайские отношения. Первую часть своего президентского срока Пак Кын Хе в целом пыталась лавировать между Пекином и Вашингтоном. Ее евразийскую инициативу можно было воспринять как попытку вести равноориентированную политику, а поездка в КНР на сентябрьские торжества 2015 г., посвященная «победе Китая во Второй мировой войне», вызвала крайне неодобрение Вашингтона и особенно — Токио.

Некоторые российские эксперты отмечали, что Пекин и Сеул сейчас находятся на историческом пике отношений, включая прорабатываемое с 2005 г. Соглашение о свободной торговле, ратифицированное 30 ноября 2015 г.⁴¹ Китай приглашает РК в проекты «шелкового пути», для чего создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, членом которого является РК. Позитивные шаги на ниве межкорейского взаимодействия встречают традиционное одобрение Пекина.

Даже сложные вопросы пытались решать — 22 декабря 2015 г. в Сеуле состоялся первый раунд официальных южнокорейско-китайских переговоров по вопросу демаркации морских границ, где пересекаются исключительные экономические зоны двух стран, хотя к консенсусу придти так и не удалось⁴².

Однако по комплексу как внешне-, так и внутривластных причин примерно на середине своего президентства Пак Кын Хе сдвинулась вправо, заняв более жесткую и консервативную позицию не только в межкорейском вопросе. В рамках этого движения было принято решение о размещении американской системы ПРО.

В этом контексте отношения КНР и РК потенциально меняются, поскольку не исключено, что Пекин начнет более активно давить на Сеул с целью срыва размещения ТНААД. Пока же 24 февраля 2016 г. посол Китая в РК Цю Гохун был вызван в МИД РК для объяснений⁴³. Повод — его заявление о том, что размещение ТНААД на Корейском полуострове может разрушить результаты усилий двух стран в деле укрепления отношений.

Преследуя свои национальные интересы, КНР, как и РФ, не оказывает определяющей поддержки как Северной, так и Южной Корее. При этом Китай естественно играет на разногласиях двух Корей и на балансе сил.

Можно сказать, что на китайскую политику в корейском вопросе одновременно влияет несколько пересекающихся трендов, в первую очередь — рост «державных настроений» и противостояние КНР и США. Их соотношение в каждый конкретный момент будет определять принимаемые меры по тому или иному поводу, однако вероятность «сдачи» КНДР остается крайне маловероятной: слишком ценная карта в большой игре, чтобы ее разминывать по случайному или малозначительному поводу.

Это не отменяет потенциального роста напряженности в отношениях КНР и КНДР, где Пекин будет пытаться «укоротить поводок», а Пхеньян — обеспечить себе свободу маневра.

Китайцы часто говорят, что у них нет особых связей с КНДР, но это «нет особых связей» в зависимости от ситуации может означать как «у нас нет режима благоприятствования», так и «у нас нет рычагов влияния» и «наши возможности давить на КНДР ограничены».

Соответственно, когда Пекин делает жесткие заявления о том, что некие действия Севера нагнетают напряженность в регионе, это не означает, что аналогичные действия РК и США будут оставлены им без внимания. Более того, Китай однозначно не допустит объединенной Кореи, на территории которой будут располагаться американские войска и американская система противоракетной обороны.

Примечания

¹ *Асмолов К.В.* Китайская политика в корейском вопросе: изменения и прогнозы // Россия и Корея в меняющемся мире. Коллективная монография. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 41—53.

² *Кашин В.Б.* Китайская картина будущего мира и место России в нем // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. Изд. Фонда ИСЭПИ. С. 159—166.

³ *Мун Хын Хо.* Изменения политического курса правительства Си Цзиньпина в отношении Северной Кореи и российско-корейские отношения // Доклад на 27-й международной конференции «25 лет дипотношениям России с Республикой Корея: достижения, надежды и вызовы». ИДВ РАН, Москва 1—2 октября 2015.

⁴ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=40391&id=Po (дата обращения: 06.04.2016).

⁵ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=39829&id=In (дата обращения: 06.04.2016).

⁶ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2015-10/09/c_134697851.htm (дата обращения: 06.04.2016).

⁷ Сообщение информационного агентства РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/world/20151010/1299633280.html#ixzz3o88>; URL: http://russian.news.cn/2015-10/09/c_134697851.htm (дата обращения: 06.04.2016).

⁸ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2015-10/26/c_134748381.htm (дата обращения: 06.04.2016).

⁹ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2015-10/28/c_134759946.htm (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁰ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2015-07/13/c_134408363.htm

¹¹ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=40621&id=In (дата обращения: 06.04.2016).

¹² Российская Газета. URL: <http://www.rg.ru/printable/2016/01/01/zona-site-anons.html> (дата обращения: 06.04.2016).

¹³ Там же.

¹⁴ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42206&id=In (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁵ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2016-02/24/c_135127652.htm (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁶ Международное радио Кореи. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10048689 (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁷ Сообщение информационного агентства Ёнхап. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/12/14/53/0301000000AEN20151214008151315F.html> (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁸ Российская Газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/11/01/posechenie-site-anons.html> (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁹ Сообщение информационного агентства ИТАР-ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-rapogama/2334662> (дата обращения: 06.04.2016).

²⁰ Сообщение информационного агентства BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/01/160106_nkorea_world_threat_experts (дата обращения: 06.04.2016).

²¹ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0107/c31521-9000168.html> (дата обращения: 06.04.2016).

²² Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2016-01/08/c_134991393.htm (дата обращения: 06 апреля 2016).

- ²³ Сообщение информационного агентства Ёнхап. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2016/01/18/0401000000AEN20160118008000315.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- ²⁴ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42425&id=In (дата обращения: 06.04.2016).
- ²⁵ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2016-02/03/c_135072096.htm (дата обращения: 06.04.2016).
- ²⁶ Газета «Хангёре синмун», онлайн-версия. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/729353.html (дата обращения: 06.04.2016).
- ²⁷ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42519&id=In
- ²⁸ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2016-02/13/c_135092731.htm (дата обращения: 06.04.2016).
- ²⁹ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0224/c31520-9020755.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- ³⁰ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42701&id=In (дата обращения: 06.04.2016).
- ³¹ Сообщение информационного агентства РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/world/20160226/1380690827.html>
- ³² Сообщение информационного агентства Ёнхап. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2016/02/26/0301000000AEN20160226010300315.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- ³³ Сообщение информационного агентства Ёнхап. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2016/02/28/4/0301000000AEN20160228000852315F.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- ³⁴ Международное радио Кореи. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42671&id=In (дата обращения: 06.04.2016).
- ³⁵ Российская газета, онлайн-версия. URL: <http://www.rg.ru/printable/2016/01/08/upreki-site-anons.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- ³⁶ Сообщение информационного агентства Ёнхап. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2016/01/11/52/0301000000AEN20160111000400315F.html> (дата обращения: 06.04.2016).

³⁷ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?lang=r&id=news_newsthema&No=10051573¤t_page= (дата обращения: 06.04.2016).

³⁸ Газета «Жэньминь жибао», онлайн-версия. URL: http://russian.news.cn/2015-12/17/c_134927084.htm (дата обращения: 06.04.2016).

³⁹ Сообщение информационного агентства РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/world/20160111/1357940549.html> (дата обращения: 06.04.2016).

⁴⁰ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42453&id=In (дата обращения: 06.04.2016).

⁴¹ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=10048250 (дата обращения: 06.04.2016).

⁴² Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=41871&id=Po (дата обращения: 06.04.2016).

⁴³ Международное радио Кореи. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10051670 (дата обращения: 06.04.2016).

И.В. Дьячков

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ «ВОДОРОДНАЯ БОМБА» И СПУТНИК КАК НАПОМИНАНИЕ О ТРУДНОСТЯХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ

6 января 2016 г. КНДР провела очередное, четвертое ядерное испытание, объявив, что испытана водородная бомба¹. Месяц спустя, 7 февраля 2016 г., КНДР вновь запустила спутник, на этот раз названный «Кванмёнсон-4»². Сам факт проведения КНДР очередных — этот термин, увы, уже уместен — ядерных и ракетных испытаний неудивителен. Некоторой неожиданностью стало заявление, что взорванное устройство было водородной бомбой. Тем не менее это в целом логично вписывается в историческую канву ядерной проблемы и наглядно демонстрирует трудности её урегулирования. Рассмотрим, почему.

1. Недостаток и закрытость информации, идеологизированность проблемы усложняют оценку ядерного потенциала КНДР. Крайний скептицизм или алармизм контрпродуктивны, политическое планирование невозможно без достоверного представления об уровне развития северокорейских ядерных зарядов и средств доставки.

Примечательно, что информационное сопровождение январского испытания готовилось заранее: Ким Чен Ын ещё 10 декабря 2015 г. заявил, что КНДР «смогла стать ядерной державой, способной взорвать ядерную и водородную бомбу»³. К слову, поиск по сайту основного печатного органа ЦК ТПК, газеты «Нодон синмун», вообще не находит

упоминаний водородной бомбы раньше ноября 2015 г., но между этой датой и испытанием обнаруживается около десятка результатов⁴.

Большинство международных экспертов отнеслись к сообщению о появлении у Севера водородной бомбы скептически. Несмотря на все очевидные достижения КНДР на пути к ядерному оружию, пока еще неясно, осуществлен ли качественный прорыв. Кроме того, подобные заявления северокорейцы делали достаточно давно: можно вспомнить хотя бы данное в 2002 г. американскому спецпосланнику обещание для обороны страны «обрести атомное и даже ещё более мощное оружие»⁵.

Мощность взрыва была явно недостаточной для термоядерного заряда, что может быть объяснено тремя путями. *Во-первых*, КНДР, что крайне маловероятно и почти исключено, действительно могла испытывать водородную бомбу, но успешно испытание прошло не в полной мере — подобная картина наблюдалась во время первого ядерного испытания в 2006 г. *Во-вторых*, есть вероятность, что ядерный заряд 2016 г. не отличался от заряда, взорванного в 2013 г. В пользу этой версии говорит то, что ещё с 2014 г. в экспертной среде циркулировали предположения о скором проведении нового ядерного испытания⁶; по некоторым сведениям, подготовка к нему велась одновременно с подготовкой третьего. Кроме того, сейсмическая картина после двух испытаний была весьма сходной. *В-третьих*, возможно, что под водородной бомбой Пхеньян подразумевает заряд, усиленный термоядерным топливом (тяжелым водородом). Хотя это не сама по себе термоядерная бомба (говорить о бомбе, т. е. оружии, вообще некорректно — можно вести речь лишь о взрывном устройстве), изготовленные по такой технологии ядерные заряды более совершенны и имеют большую мощность взрыва, а также, что важно, экономнее расходуют расщепляющийся материал.

Тем не менее даже если в 2016 г. КНДР не испытывала ничего принципиально нового, сам факт испытания говорит о том, что страна, будучи оставленной без международного внимания, совершенствует доступные ей технологии, несмотря на санкции и изоляцию. Вкупе с этим тревожит и то, что в последние годы Северная Корея стала активно заниматься разработкой баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), проведя ряд пусков в 2015—2016 гг. Пока трудно судить о результатах — информация об успешности испытаний противоречива, —

но обретение работающего образца такой ракеты существенно расширит северокорейский арсенал.

Февральский космический запуск, скорее всего, был отработкой уже имеющихся технологий и политическим сигналом, а не следствием научного прорыва. Первые оценки южнокорейских экспертов говорили об увеличении полезной нагрузки ракеты вдвое (с 100 до 200 кг) по сравнению с пуском 2012 г. Однако ракета 2016 г. ничем не отличается внешне от своей предшественницы, за исключением надписи на корпусе: «Кванмёнсон», маркировка спутника, вместо «Ынха», маркировки носителя. Это почти наверняка тот же самый аппарат, и некоторые специалисты говорят, что, хотя в 2012 г. спутник весил 100 кг, ракета уже тогда могла вывести 200—250 кг груза, и головная часть была для этого специально утяжелена⁷.

Отдельные специалисты утверждают, что при использовании как межконтинентальной баллистической ракеты (МБР), без вывода груза в космос, ракета сможет нести большую нагрузку. Однако КНДР пока что не испытывала МБР⁸ (такие испытания ей проводить попросту нелегко в силу размеров страны и отсутствия доступных полигонов), и поэтому нельзя адекватно оценить возможности военного применения этой технологии: ракете нужно не только забрасывать определенный вес на определенную дистанцию, но и сколько-нибудь точно попадать в цель.

Сразу после пуска из-за журналистской ошибки или неосторожности формулировок возникло, но вскоре было опровергнуто подозрение, что Сеул обвинил Россию в передаче КНДР ракетных технологий. Впрочем, «Ынха-3» действительно использовала весьма старые советские технологии. Судя по пуску 2012 г., её первая ступень представляла собой связку из четырёх «Нодонов» (каждый из которых использует четыре двигателя «Скада»), вторая — саму ракету «Нодон», а третья — «Скад» либо твердотопливную ракету, возможно аналогичную используемой в советском комплексе «Точка» 1970-х годов⁹. «Скад» — натовское наименование советских ракет Р-17, партию которых (вместе с партией ракет «Луна-М») КНДР закупила в Египте на рубеже 1970—1980-х годов¹⁰. Северокорейские учёные во второй половине 1980-х годов самостоятельно освоили их производство и разработали ряд модификаций, увеличив дальность (исходная составляла 300 км, самая совершенная модификация могла пролететь 400 км)¹¹.

Иными словами, да — эти технологии изначально советские, но КНДР получила эти ракеты не от СССР, а производство осваивала и совершенствовала вообще самостоятельно. Несмотря на остроумные модификации, технологии не молодеют, точности наведения и большой грузоподъёмности не обеспечивают.

2. Освещение Пхеньяном своих технологических достижений (в частности — тезис о *водородной* бомбе) указывает, что КНДР стремится привлечь внимание мирового сообщества и воспользоваться испытанной тактикой: обменять ограниченные уступки на экономические и политические дивиденды.

Если рассматривать ядерное испытание января 2016 г. не с научно-технологической, а с информационной точки зрения, то, скорее всего, основными «адресатами» были США, Китай и внутренняя аудитория. КНДР давно стремится привлечь внимание Вашингтона, проводя различные военно-политические акции. Конец 2015 — начало 2016 г. — время предвыборной кампании в США, и, по-видимому, Пхеньян надеялся на реактуализацию своего вопроса путём включения его в повестку дебатов между кандидатами. Администрация Б. Обамы после определенного момента упорно стоит на позиции «стратегического терпения», что не только раздражает Пхеньян, но и является одним из факторов, мешавших возобновлению шестистороннего процесса. Отношения Китая с КНДР в последние годы переживали не лучшие времена, и новое испытание, похоже, с одной стороны, является демонстрацией самостоятельности (Пекин всегда резко осуждал опасные опыты Пхеньяна), с другой — своеобразным призывом исправить ситуацию. Кроме того, ракетные испытания и четвертое ядерное испытание важны для северокорейского руководства как показатели успешности оборонного строительства в преддверии VII съезда ТПК (предыдущий проводился в 1980 г., более 35 лет назад)¹². Более того, некоторые эксперты полагают, что известная поспешность четвертого испытания связана как раз с тем, что северокорейским ядерщикам нужно было отчитаться перед начальством о «выполнении плана»¹³.

Тем не менее желаемой международной реакции Пхеньян не дождался. Москва и Пекин осудили действия КНДР, причем ракетный пуск, похоже, раздражил традиционных партнёров Пхеньяна гораздо больше ядерного испытания. Частое повторение столь громких акций не только в определенном смысле дискредитирует тех, кто призывает реагировать на них с пониманием, но и создаёт предлог для дальнейшего

военного усиления США и их союзников на Дальнем Востоке¹⁴. Ракетная и ядерная программы КНДР не составляют большой прямой угрозы для России и Китая, но связанная с ними косвенная угроза американской реакции ощущается гораздо острее.

Так, США уже успели не только заявить, что на провокации последует ответ, и пообещать новые санкции, но и в рамках демонстрации силы отправили бомбардировщик Б-52 на облёт Корейского полуострова, а после пуска ракеты в Южной Корее было развернуто ещё три американских зенитно-ракетных комплекса «Патриот».

Реакция ООН на ядерное испытание последовала в виде заявления председателя Совета Безопасности, а не в формате очередной резолюции¹⁵. С одной стороны, это показывало определённую политическую усталость от ядерного вопроса, с другой — эффективность резолюций достигла определенного предела. КНДР трудно удивить новыми санкциями, и она едва ли прислушается к новым запретам. Тем не менее на ракетный пуск месяц спустя Совбез отреагировал уже жестче, приняв 2 марта резолюцию 2270. Новый документ существенно ужесточает экономические, финансовые и транспортные санкции в отношении КНДР и ограничивает возможности страны по получению «чувствительной» технической информации¹⁶.

Резолюция отмечает, что общий запрет на приобретение угля, перевозимого судами под флагом КНДР, не касается работы северокорейского порта Раджин, модернизированного в рамках совместного с Россией проекта для поставок российского сырья в Республику Корея. Тем не менее позднее Южная Корея в одностороннем порядке закрыла доступ в свои порты всем судам, в течение последних 180 дней побывавших в КНДР, таким образом исключив своё участие в этом начинании, которое, однако, ранее поддерживала.

3. Повторяющиеся межкорейские обострения, прозвучавшие после испытаний заявления отдельных южнокорейских политиков о необходимости строительства своих ядерных сил, постепенная ремилитаризация Японии напоминают, что угрозы военного конфликта и ядерного распространения в регионе нарастают.

Ухудшение связей Сеула и Пхеньяна в последние годы становится важным негативным фактором с точки зрения ядерной проблемы. *Во-первых*, тревожным показателем является участвовавшее скатывание к применению насилия в межкорейских конфликтах. Помимо очевидной опасности эскалации, участвовавшие обострения укрепляют ощущение

угрозы, подталкивают к поиску новых средств обеспечения военной безопасности. *Во-вторых*, длительное разобщение лишает обе стороны средств контроля над отношениями и возможных рычагов урегулирования острых ситуаций. Конфликт, которым не занимаются политики, легко может попасть в «сферу ответственности» военных. *В-третьих*, в случае Северной Кореи активная политика вовлечения со стороны Сеула могла бы помочь заполнить политический вакуум, создаваемый американской политикой «стратегического терпения» (точнее — игнорирования Пхеньяна).

Сеул ответил на северокорейские испытания возобновлением пропагандистского вещания на границе, что фактически обнулило договорённости, достигнутые в рамках урегулирования обострения в августе 2015 г.¹⁷ Ещё менее удачным шагом представляется прекращение южанами работы над совместными проектами в кэсонском технопарке, который оставался последним крупным каналом постоянного взаимодействия двух Корей. На решение, которое было принято Сеулом 10 февраля 2016 г. в ответ на ракетный пуск, северокорейцы отреагировали жесткой критикой, объявлением Кэсона зоной военного управления и обрывом военных каналов связи¹⁸.

Не менее тревожным сигналом была и реакция отдельных политиков из южнокорейской правящей консервативной партии «Сэнури»: лидер парламентской фракции Вон Ю Чхоль заявил о необходимости разработки Республикой Корея своих ядерных средств¹⁹. Несмотря на то что это не официальная позиция Сеула, такой настрой определенной части элит указывает на весьма мрачные перспективы развития ядерной проблемы полуострова, особенно в условиях простоя межкорейских и шестистороннего механизма и с учётом истории южнокорейских ядерных разработок.

4. Остаётся открытым вопрос о перспективах и способах урегулирования ядерной проблемы. Северокорейские испытания демонстрируют, что санкции и игнорирование не приближают решение. Затянувшаяся пауза в шестисторонних переговорах позволяет критикам формата говорить о его бесполезности. Кроме того, непросто убедить Пхеньян окончательно отказаться от военных ядерных разработок: они важны и как гарантия безопасности, и как повод для торга с другими державами.

Так, весьма контрпродуктивным представляется высказанное южнокорейским президентом Пак Кын Хе и поддержанное США пред-

ложение провести *пяти*сторонние переговоры по ядерной проблеме — без КНДР²⁰. Идея не нова: Республика Корея уже предлагала перейти на такой формат в 2009 г.²¹, вскоре после появления первых признаков пробуксовки «шестисторонки». Хочется надеяться, что это заявление — лишь адресованный КНДР сигнал к началу диалога (такой шаг вполне соответствует традиционной «провокационной логике» восточноазиатской политики).

Главным структурным достоинством шестисторонних переговоров является именно включённость в них КНДР: это единственный форум региональной безопасности, принимающий реальные решения, где эта страна участвует. Иными словами — это один из немногих доступных для Пхеньяна *политических* рычагов обеспечения собственной безопасности — как военной, так и экономической. Если же страна его будет лишена, в ход неизбежно пойдут другие рычаги, — о задействовании которых из-за невовлечённости КНДР в жизнь региона и говорит четвертое испытание. Изоляция лишь укрепляет группу факторов, толкающих Северную Корею к ядерному оружию: ощущение угрозы, эффект «осаждённой крепости», узость набора средств ответа на вызовы, экономические и энергетические проблемы и т. п.

Полноценный диалог предоставит и другим сторонам новые политические рычаги, инструмент контроля за ситуацией. На данный момент никто из участников шестисторонки на Пхеньян влиять почти не может — даже Китай, от которого КНДР во многом зависима экономически, и Россия, традиционный партнер Северной Кореи. Угрозы и санкции со стороны США, Южной Кореи и Японии тем более не способны произвести какой-либо эффект, кроме негативного. Возобновление шестисторонних переговоров позволит всем участвующим странам влиять на свою и общую судьбу, на действия партнёров, на будущее безопасности региона.

Политика большинства держав Северо-Восточной Азии в области безопасности пассивна или реактивна, построена на принципе «вызов — ответ». При этом главной формой взаимодействия с оппонентами и парадигмой обработки взаимных претензий является конфликт. Такое сочетание потенциально опасно. Лучший способ преодолеть данную проблему региона — институционализировать общение сторон, сделав его регулярным и постоянным, а не эмерджентным, перейдя к проактивному и бесконфликтному подходу к вызовам и угрозам. Шес-

тисторонние переговоры с точки зрения их структуры, опыта работы и повестки дня подошли бы на эту роль как нельзя лучше.

Решение ядерной проблемы невозможно без снятия ее перво-причины. Иными словами, нужно стремиться лишить КНДР не ядерного оружия (которого у него, возможно, пока нет), а *необходимости* в нём. Диалог не решит проблему сам по себе, но его начало позволит предотвратить наихудшие сценарии и создаст условия для долгосрочного урегулирования.

Примечания

¹ 조선민주주의인민공화국 정부 성명 주체조선의 첫 수소탄시험 완전성공 = Заявление Правительства КНДР. Первое испытание водородной бомбы в чуждейской Корее проведено полностью успешно. URL: http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2016-01-07-0002 (дата обращения: 02.02.2016).

² 조선민주주의인민공화국 국가우주개발국 보도. 지구관측위성 《광명성-4》 호 성과적으로 발사 = Доклад Государственного агентства КНДР по освоению космоса. Успешно запущен спутник для наблюдения Земли «Кванмёнсон-4». URL: <http://uriminzokkiri.com/index.php?ptype=gisa3&no=220080> (дата обращения: 13.02.2016).

³ Цит. по: 경애하는 김정은동지께서 새로 개건된 평천혁명사적지를 현지 지도하시였다 = Любимый товарищ Ким Чжонын дал указания, посещая реконструированный центр истории революции в Пхёнчхоне. ЦТАК: сайт агентства. URL: <http://www.kcna.co.jp/calendar/2015/12/12-10/2015-1210-008.html> (дата обращения: 02.02.2016).

⁴ 로동신문 = Официальный сайт газеты «Нодон синмун». URL: <http://www.rodong.rep.kp/> (дата обращения: 02.02.2016).

⁵ Цит. по: Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 429.

⁶ Торкунов А.В. В США никто не знает, что Крым населён русскими [Электронный ресурс]. URL: <http://mgimo.ru/news/experts/document250835.phtml> (дата обращения: 31.08.2014).

⁷ 北 미사일 광명성호, '은하 3호'와 사실상 같은 발사체 = Северокорейские ракеты «Кванмёнсон» и «Ынха-3» — фактически один и тот же носитель. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/02/09/0200000000AKR20160209027400014.HTML> (дата обращения: 13.02.2016).

⁸ Северокорейский водородный след: испытание терпения международного сообщества [Электронный ресурс] : Круглый стол с участием А. Воронцова, А. Жебина, В. Новикова, В. Сухина, Г. Толорая, Москва, 14 января 2016 г. URL: <http://www.pressmia.ru/pressclub/20160114/950633870.html> (дата обращения: 13.02.2016).

⁹ Лихолетов А. Мистификации по обе стороны Тихого океана // Независимое военное обозрение. 2013. № 39 (780). С. 4.

¹⁰ 조은정. 국제 핵·미사일 통제체제의 구조적 공백과 북한의 핵·미사일 협력 네트워크 = Чо Ёнчжон. Структурные пробелы международных режимов контроля за ядерными и ракетными технологиями и северокорейские сети сотрудничества в ядерной и ракетной областях // 국가전략 = Государственная стратегия. 2014. 제20권 = Т. 20. 3호 = № 3. P. 24.

¹¹ Bazhanov E. Military-Strategic Aspects of the North Korean Nuclear Program // The North Korean Nuclear Program: Security, Strategy, and New Perspectives from Russia. New York : Routledge, 2000. P. 102.

¹² Toloraya G. With 4th test, N.Korea demands serious treatment / G. Toloraya, L. Yakovleva. URL: <https://www.nknews.org/2016/02/with-4th-test-n-korea-demands-equ-al-treatment/> (дата обращения: 02.02.2016).

¹³ Северокорейский водородный след.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Security Council Press Statement on Nuclear Test Conducted by Democratic People's Republic of Korea. 6 January 2016. URL: <http://www.un.org/press/en/2016/sc12191.doc.htm> (дата обращения: 02.02.2016).

¹⁶ Резолюция 2270 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7638-м заседании 2 марта 2016 г. URL: <http://www.mid.ru/documents/10180/2124682/2270.pdf/72d03ccf-37ea-474e-80e5-758089040197> (дата обращения: 03.04.2016).

¹⁷ Toloraya G. With 4th test, N.Korea demands serious treatment.

¹⁸ 개성공업지구가동을 전면중단시킨 민족반역의 무리. 박근혜패당은 가장 비참한 대가를 치르게 될것이다. 조국평화통일위원회 성명 = Безрассудное предательство нации — полностью прекращена работа Кэсонского промышленного района. Клика Пак Кынхе заплатит самым горестным образом. Заявление Комитета по мирному объединению Родины. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2016-02-12-0017 (дата обращения: 13.02.2016).

¹⁹ *Кириянов О.* Правящая партия Южной Кореи высказалась за ядерное вооружение страны [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2016/01/07/korea-partia-site-anons.html> (дата обращения: 02.02.2016).

²⁰ США поддержали предложение президента РК о созыве пятисторонних переговоров. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=42314&id=In (дата обращения: 02.02.2016).

²¹ Сеул обсудит с Москвой возможность созыва «пятерки» по КНДР. URL: <http://izvestia.ru/news/453142> (дата обращения: 02.02.2016).

В.В. Евсеев

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

6 января 2016 г. в 10:00 по местному времени Северная Корея провела очередное (уже четвертое) ядерное испытание. Факт подземного взрыва, вызвавшего землетрясение магнитудой 5,1, подтвердили в США, Южной Корее и Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний¹. Эпицентр взрыва находился в районе полигона Пхунге-ри, ранее использовавшегося для северокорейских ядерных испытаний.

В Пхеньяне заявили, что была успешно испытана водородная (термоядерная) бомба. Одновременно отметили, что проведенное испытание «не оказало негативного воздействия на экологическую обстановку». В результате КНДР «стала обладать самыми мощными ядерными силами сдерживания», и она теперь защищена от «постоянно растущей ядерной угрозы и шантажа возглавляемых США агрессивных сил».

О наличии водородного оружия лидер КНДР Ким Чен Ын заявил 10 декабря 2015 г. в ходе посещения модернизированного оружейного завода в Пхеньяне. Вскоре Управление по химической, биологической и радиологической обороне ВС Республики Корея (РК) сообщило, что Пхеньян проводит подготовительные работы по созданию термоядерных вооружений и, возможно, уже производит необходимый тритий.

В качестве первой реакции Москва выразила крайнюю обеспокоенность информацией о том, что Северная Корея провела испытания водородной бомбы. При этом МИД России призвал не торопиться с принятием решений и продолжить диалог в рамках шестисторонних

переговоров (Россия, Китай, США, Япония, Северная и Южная Кореи). Скорее всего, Пхеньян не уведомил заблаговременно российское руководство о проведении этого ядерного испытания.

Тип испытанного боезаряда

Заявление Пхеньяна об успешном проведении испытания водородной (термоядерной) бомбы не соответствует действительности, так как по имеющейся информации мощность нынешнего подземного взрыва не превышала мощность третьего ядерного испытания, т. е. 6—7 кт. Это мог быть плутониевый или уран-плутониевый боезаряд. Уверенно о термоядерном боезаряде можно говорить только при мощности взрыва свыше 20 кт.

Прямой информации о проведении северокорейскими специалистами работ с целью создания термоядерного оружия нет. В связи с этим можно косвенно использовать информацию из иранских источников, предполагая некоторую согласованность работ в этой сфере. Так, в июле 2010 г. Тегеран проинформировал о начале работ в области термоядерного синтеза. Для финансирования этих исследований был создан специальный фонд. Такие исследования проводились на базе Института по изучению ядерного синтеза. Предполагалось, что к 2020 г. будет введен в эксплуатацию соответствующий ядерный объект (реактор-наработчик трития). Опасность работ в указанной области была очевидна ввиду возможности создания Ираном в некоторой перспективе термоядерной бомбы. В настоящее время эти работы лишь приостановлены на срок выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий от 14 июля 2015 г.

КНДР имеет намного более продвинутую ядерную программу, чем Иран, поэтому исключать проведения северокорейскими специалистами работ в области термоядерного синтеза нельзя. Другой вопрос — текущее состояние такой деятельности и готовность Пхеньяна к проведению полноценного испытания термоядерного взрывного устройства. Даже сейчас такой уверенности нет хотя бы потому, что не завершены работы в сфере создания ядерной боеголовки.

В настоящее время Северная Корея имеет только атомные бомбы свободного падения (10—16 ядерных боезарядов имплозивного типа упрощенной конструкции, из которых 6—8 плутониевых и 4—8 из оружейного урана). Однако их доставить к месту цели невозможно ввиду

отсутствия в КНДР современных воздушных носителей и сильной противовоздушной обороны Республики Корея. Это требует скорейшего завершения работ по созданию ядерной боеголовки для баллистических ракет «Мусудан» наземного и морского базирования.

Тем не менее можно допустить, что в последний раз были проведены испытания бустированного заряда (его усиления с помощью смеси дейтерия и трития, что позволяет существенно уменьшать количество расщепляющегося материала на один ядерный боезаряд)² или элементов термоядерного взрывного устройства (триггера).

Однако для северокорейских специалистов значительную проблему представляет разработка и строительство специализированного реактора по наработке трития (первоначально в Советском Союзе для этих целей использовался комбинат «Маяк», как правило — это тяжело-водный, а не имеющийся у Северной Кореи газографитовый реактор). При этом такие работы невозможно скрыть от современных средств технической разведки.

Помимо этого, перед проведением испытания полноценного термоядерного устройства требуется провести огромное количество различного рода расчетов и осуществить масштабное моделирование. И в результате всего этого можно будет получить лишь водородную бомбу, которую северокорейцы не смогут доставить на территорию Южной Кореи.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что КНДР на момент последнего испытания не располагала готовым термоядерным взрывным устройством. Тем не менее там, по-видимому, активно ведутся работы по созданию термоядерного оружия, что в перспективе может ей позволить создать ядерные боезаряды мегатонного класса.

Другой фактор, который также вызывает в Сеуле серьезное беспокойство, обусловлен реализацией Пхеньяном программы разработки баллистических ракет. При этом считается, что под прикрытием запуска северокорейских спутников на самом деле отрабатываются технологии, необходимые для производства многоступенчатых баллистических ракет большой дальности.

Запуск северокорейского спутника

7 февраля 2016 г. в 09:00 по местному времени (03:30 по Москве) с западного полигона (космодрома) Сохэ был произведен запуск ра-

кеты-носителя «Ынха-3» («Млечный путь-3») со спутником «Кванменсон-4» («Сияющая звезда-4»)³. По северокорейским данным, через 9 мин. 46 сек. космический аппарат был выведен на круговую (полярную) орбиту. Период его обращения вокруг Земли составляет 94 мин. Параметры орбиты: перигей 494,6 км, апогей — 500 км, ее наклонение — 97,4 градуса. Это солнечно-синхронная орбита, удобная для наблюдения Земли (позволяет осуществлять съемку объектов на поверхности Земли под одним и тем же углом Солнца).

«Кванменсон-4» представляет собой спутник видовой разведки. Он имеет вес 200 кг (в два раза больше, чем при старте 12 декабря 2012 г.), что достаточно для размещения фотоаппаратуры (более вероятна съемка в видимом диапазоне спектра), передатчика и панели солнечных батарей. Не исключена возможность передачи полученной информации по радиоканалу в зашифрованном виде. На проверку его работоспособности потребуются несколько дней.

Западный испытательный полигон Сохэ (Тончхан-ни) расположен в пров. Пхенан-Пукто недалеко от северной границы с Китаем: 200 км к северо-западу от Пхеньяна и в 70 км к западу от ядерного центра в Йонбене. Этот полигон занимает площадь около 6 кв. км. Там расположена стартовая площадка, стенд для наземных испытаний ракетных двигателей, здания для проверки и настройки оборудования, а также пункт управления пуском. Ранее Пхеньян использовал в этих целях расположенный на восточном побережье Корейского полуострова полигон Тонхэ в пров. Хамген-Пукто. На Западе он известен как Мусудан-ни — по названию ближайшей деревни.

После старта ракеты-носителя ее отделяемые части упали:

— первая ступень — в Желтое море в 150 км к югу от Корейского полуострова (перед падением она разлетелась на 270 мелких фрагментов, чтобы южнокорейские специалисты не смогли ее поднять со дна моря, как это случилось в начале 2013 г.);

— вторая ступень — в 250 км к юго-западу в Восточно-Китайское море;

— третья ступень — в Тихий океан примерно в 2 тыс. км к югу от Японии⁴.

Запуск модернизированной ракеты-носителя «Ынха-3» преследовал несколько целей. *Во-первых*, отработка более мощных двигателей первой ступени. По имеющимся данным, ее первая ступень представляет собой связку из четырех двигателей типа «Нодон», вторая ступень —

модифицированная ракета «Мусудан», третья ступень — северокорейская версия третьей ступени иранской ракеты-носителя «Сафир» (Safir) (перс. — «Посланник»).

Во-вторых, требовалось отработать не только процесс стабилизации полета спутника относительно поверхности Земли, но и провести съемку военных объектов Южной Кореи и передать эту информацию на северокорейскую станцию приема космической информации (ранее такого опыта северокорейские специалисты не имели).

В-третьих, новые ракетные технологии, отработанные в ходе старта ракеты-носителя «Ынха-3», планировалось использовать для модернизации боевых баллистических ракет. Помимо этого, для создания в будущем такой двух- или трехступенчатой ракеты (сейчас на вооружении КНДР с наибольшей дальностью стрельбы стоит только одноступенчатая ракета «Мусудан») принципиально важным является опыт разведения ступеней ракеты, который был практически отработан в ходе старта северокорейского спутника.

С формальной точки зрения, запуск северокорейской ракеты-носителя противоречит соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН, так как в рамках его проведения используются технологии баллистических ракет. Однако любая ракета-носитель использует технологии баллистических ракет, поэтому этот аргумент является достаточно надуманным. В частности, никто не препятствовал запуску иранских ракет-носителей «Сафир», хотя это государство до последнего времени подозревали в создании ядерного оружия.

Создание в Республике Корея национальной системы ПРО

Несомненно, что проведенное КНДР четвертое ядерное испытание и очередной запуск северокорейского спутника подтолкнули Республику Корея к созданию многоэшелонированных систем противоракетной обороны (ПРО) на основе не только наземных и морских систем перехвата боевых частей ракет, но и тяжелых беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в ударном варианте.

Вскоре после запуска северокорейской ракеты-носителя в Сеуле объявили, что начинают переговоры с США о размещении на своей тер-

ритории новейшей американской системы ПРО, «чтобы укрепить оборону страны в условиях возросшей угрозы со стороны КНДР»⁵.

Как следствие, в ближайшее время на территории Республики Корея будет размещена американская система ПРО THAAD, способная перехватывать баллистические цели на высотах до 150 км, что позволяет защищать некоторые районы на поверхности Земли. Эта система достаточно эффективна только в том случае, если противник не использует комплекс средств преодоления системы ПРО. В противном случае, т. е. прикрытия головной части различного рода ложными целями, реальное ее выявление может произойти на высотах порядка 50 км, когда останется крайне мало времени для перехвата головной части (ее скорость движения может составлять несколько километров в секунду). При этом использование кинетического способа перехвата не допускает уничтожения с помощью одной ракеты системы ПРО THAAD несколько целей. В то же время развертывание этой системы увеличит радиус перехвата головных частей северокорейских ракет до 200 км с нынешних 20–35 км, обеспечиваемых американскими зенитными ракетными комплексами Patriot PAC-2 и PAC-3.

Конечно, размещение в РК системы ПРО THAAD не может мешать старту баллистических ракет КНР в направлении США, так как над этой территорией высота полета китайских боеголовок составит не менее 750 км. Но Пекин учитывает возможность как модернизации ракет ПРО THAAD путем повышения высоты перехвата ими баллистических целей, так и развертывание в перспективе в Южной Корее двухступенчатых перехватчиков типа GB1 (такие противоракеты сейчас развернуты на базе ПРО в Румынии) под предлогом создания КНДР многоступенчатых баллистических ракет.

С целью снижения беспокойства КНР, южнокорейцы обяжутся развернуть радиолокационную станцию (РЛС), которая будет управлять полетом противоракет системы THAAD на максимальном удалении от китайской территории (зато ближе к РФ). Эту РЛС также планируется не задействовать в режиме обнаружения целей (до 1,8 тыс. км), а только в режиме наведения, дальность которого не превышает 600 км.

В отношении РФ южнокорейские специалисты заявляют, что ПРО THAAD не способна перехватывать боеголовки российских межконтинентальных баллистических ракет, так как скорость их полета существенно превышает возможности по перехвату баллистических целей, которые ограничены 5 км/с. Подобная информация не является корректной,

так как скорость падения российских боеголовок у поверхности Земли составляет от 1,5 до 3,5 км/с в зависимости от условий входа в атмосферу. При этом всегда можно найти высоту, с которой система ПРО ТНААД сможет перехватывать российские боеголовки (например, 30 км). Фактически речь идет лишь о снижении их высоты перехвата.

С другой стороны, размещение в Южной Корее системы ПРО ТНААД, наряду с модернизацией морской компоненты ПРО на основе системы управления ракетным оружием «Иджис» с противоракетами SM-3, размещения там американских стратегических бомбардировщиков В-52 и захода в южнокорейские порты американских авианосцев — потенциальных носителей ядерного оружия ведет к нарушению стратегического паритета в близком к России и Китаю районе Восточной Азии. Очевидно, что создаваемая система ПРО направлена не против Северной Кореи, а против Китая. У России это тоже вызывает определенное беспокойство, особенно учитывая проведение в марте—апреле 2016 г. самых масштабных в истории американо-южнокорейских военных учений.

Таким образом, Северная Корея продолжает наращивать свой ракетно-ядерный потенциал. Об этом свидетельствует как успешное проведение четвертого ядерного (но не термоядерного) испытания, так и увеличение полезной нагрузки ракеты-носителя «Ынха-3» до 200 кг, что может свидетельствовать о повышении тяги ее первой ступени. Ответом на это стало создание в Южной Корее национальной системы ПРО на основе не только наземных и морских систем перехвата боевых частей ракет, но и тяжелых БПЛА в ударном варианте. Очевидно, что это приведет к гонке ракетных и других вооружений и ухудшит ситуацию в сфере безопасности на Корейском полуострове.

Примечания

¹ Северная Корея рассказала об успешном испытании водородной бомбы // RT на русском. М., 2016. URL: <https://russian.rt.com/article/140551>.

² *Асмолов К.* Что стоит за испытаниями в Северной Корее // РБК. М., 2016.

³ Справка — ядерная программа КНДР // РИА Новости. М., 2016.

⁴ КНДР запустила ракету-носитель с искусственным спутником Земли // ТАСС. М., 2016.

⁵ Совбез ООН назвал ракетный пуск КНДР заслуживающим осуждения // Интерфакс. М., 2016.

Д.В. Куку

БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ САНКЦИИ СБ ООН В ОТНОШЕНИИ КНДР: ПРЕЛЮДИЯ К ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЭСКАЛАЦИИ ИЛИ РАЗРЯДКЕ?

В начале 2016 г. запрещенная военная деятельность КНДР - испытание ядерного оружия (6 января) и запуск ракеты-носителя (7 февраля) — резко обострили обстановку на Корейском полуострове и в целом в регионе Северно-Восточной Азии. В результате 2 марта Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2270¹ (2016), беспрецедентно ужесточившую режим санкций в отношении КНДР. Представив проект документа для рассмотрения в Совете Безопасности, постоянный представитель США при ООН С. Пауэр заявила, что резолюция несет в себе самый строгий набор санкций за более чем 20 лет практики принятия подобных решений².

Новая резолюция предписывает КНДР соблюдать положения прежних решений Совета Безопасности и отказаться от всех видов оружия массового уничтожения и ракетной программы.

Документ требует от государств — членов ООН инспектировать любые суда, следующие из/в КНДР на предмет наличия запрещенных товаров, а также ввести запрет на поставки легкого стрелкового оружия и легкого вооружения и связанных с ними материальных средств.

В соответствии с резолюцией вводится запрет на экспорт из КНДР угля, железа, железной руды, доходы от которого используются для развития ядерной и ракетной программ, а также предусматривает

полный запрет на экспорт золота, титана, ванадия и редкоземельных минералов, запрещает поставки Пхеньяну авиационного и ракетного топлива.

Странам также предписывается заморозить счета компаний и организаций, связанных с ядерной и ракетной программами Северной Кореи.

Резолюцией предусмотрено включение в санкционные списки 16 северокорейских граждан и 12 организаций, включая Департамент оружейной промышленности Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ЦК ТПК) и Национальное управление по освоению воздушно-космического пространства КНДР, ответственных за проведение ядерного испытания и ракетного запуска в январе—феврале 2016 г.

Резолюция запрещает всем странам открывать филиалы и представительства северокорейских банков, создавать с ними совместные предприятия, а также обязывает государства закрыть в течение 90 дней все отделения, филиалы и представительства банков КНДР и прекратить с ними отношения.

Документ расширяет список запрещенных к поставкам в КНДР предметов роскоши, включая часы класса «люкс», снегоходы, гидроциклы и хрусталь.

Одновременно в резолюции содержится призыв к возобновлению шестисторонних переговоров с участием КНДР, России, Китая, США, Республики Корея и Японии по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Резюме итогового доклада Группы экспертов, учрежденной резолюцией СБ ООН 1874 (2009)

Группа экспертов учреждена резолюцией 1874³ (2009) с целью оказания поддержки Комитету 1718 по КНДР, состоящему из всех государств-членов, представленных в Совете Безопасности ООН.

Мандат Группы экспертов заключается в следующем:

— оказывать Комитету помощь в выполнении его мандата, определенного в п. 12 резолюции 1718 (2006) и п. 25 резолюции 1874 (2009);

— собирать, изучать и анализировать поступающую от государств, соответствующих органов ООН и других заинтересованных сторон информацию об осуществлении мер, в особенности собирать, изучать и анализировать информацию о случаях неисполнения положений резолюций;

— выносить рекомендации в отношении действий, которые Совет Безопасности, Комитет либо государства-члены могут рассмотреть, чтобы улучшить осуществление мер;

— представлять Комитету запланированную программу работы;

— представлять Комитету среднесрочный доклад, а после обсуждения в Комитете представить этот доклад Совету Безопасности;

— представлять Комитету итоговый доклад, а после обсуждения в Комитете представить этот доклад Совету Безопасности.

Группа экспертов работает под руководством Комитета, ее члены назначаются Генеральным секретарем ООН после согласования с Комитетом. Эксперты обладают специальными знаниями в таких областях, как ядерные вопросы, другие виды оружия массового уничтожения и обычные вооружения, таможенные вопросы и экспортный контроль, политика в области контроля и нераспространения оружия массового уничтожения, финансы, морской транспорт и ракетные технологии.

В представленном 5 февраля 2016 г. в Комитет 1718 очередном итоговом докладе (S/2016/157⁴) Группы экспертов подтверждается, что по прошествии 10 лет с момента проведения КНДР своего первого ядерного испытания не наблюдается признаков отказа этой страны от ядерной программы и программы по баллистическим ракетам. Напротив, в январе 2016 г. КНДР провела четвертое ядерное испытание и продолжает запрещенную деятельность по совершенствованию баллистических ракет, включая проведение испытания баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) (доклад был представлен до проведения 7 февраля с. г. Северной Кореей запуска ракеты-носителя). По мнению Группы экспертов, произведенное 8 мая 2015 г. испытание баллистической ракеты подводных лодок является крупным техническим достижением КНДР и подтверждением того, что программа по разработке и принятию на вооружение БРПЛ по-прежнему реализуется. Ввиду заявленных КНДР намерений и наблюдаемых действий по наращиванию масштабов ракетно-ядерных программ и обеспечению их международного признания и легитимизации возникают серьезные вопросы в отношении эффективности действующего режима санкций ООН.

Проведенные Группой экспертов расследования показали, что КНДР удастся успешно действовать в обход санкционного режима. Внесенные в санкционный перечень СБ ООН организации и физические лица скрывают свою незаконную деятельность, внедряя своих агентов в иностранные компании.

Незаконная деятельность КНДР облегчается низким уровнем выполнения государствами-членами соответствующих резолюций Совета Безопасности. Такое положение обусловлено различными причинами, среди которых — отсутствие политической воли и надлежащего законодательства, непонимание резолюций и неотнесение этой задачи к числу приоритетных.

Например, в п. 25 резолюции 2094⁵, принятой 7 марта 2013 г., СБ ООН призвал все государства в 90-дневный срок после принятия указанной резолюции представить доклады о конкретных мерах, принятых ими для эффективного осуществления ее положений. Тем не менее, согласно данным Группы экспертов, в настоящее время насчитывается 90 государств, вообще не представивших свои национальные доклады начиная с 2006 г. — момента введения санкционного режима СБ в отношении КНДР.

Группа экспертов рекомендовала включить в санкционный перечень ряд физических лиц и организаций в связи с их причастностью к запрещенной деятельности или уклонению от санкций. Например, факты причастности Отдела военно-промышленного комплекса ЦК ТПК (в приложении II к резолюции СБ 2270 обозначен как Департамент оружейной промышленности) к ядерной программе КНДР были представлены Группой экспертов в 2010 г. (п. 55, **S/2010/571**⁶) и 2013 г. (п. 37, **S/2013/337**⁷) и учтены при внесении данной организации в санкционный список СБ ООН.

Помимо этой организации к листированию были предложены Национальное управление по освоению воздушно-космического пространства КНДР (позже было подтверждено, что данная организация отвечала за проведение в феврале 2016 г. запуска ракеты-носителя), Министерство атомной промышленности КНДР, Академия национальных оборонных наук КНДР, судоходная компания «Чхончхонган» и торговая компания «Хэсон», на которые в соответствии с резолюцией 2270 были распространены санкционные меры.

Итоговый доклад Группы экспертов и ее выводы ставят серьезные вопросы в отношении общей эффективности режима санкций СБ

ООН, который, несмотря на его постепенное ужесточение на протяжении последних 10 лет, так и не смог пока обеспечить отказ КНДР от своих ракетно-ядерных программ.

Предыстория санкционного режима в отношении КНДР

Первоначальным поводом для учреждения санкционного режима Совета Безопасности ООН в отношении КНДР послужило проведение этой страной 9 октября 2006 г. первого ядерного испытания. В резолюции 1718 (2006)⁸ СБ ООН охарактеризовал такое испытание как вызов Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и международным усилиям, направленным на укрепление глобального режима нераспространения ядерного оружия и мира и стабильности в регионе Северно-Восточной Азии и за его пределами.

Резолюция 1718 потребовала от Пхеньяна не проводить новых ядерных испытаний, немедленно отозвать свое заявление о выходе из ДНЯО, вернуться в него, а также к гарантиям Международного агентства по ядерной энергии (МАГАТЭ).

Был также создан Комитет 1718 по КНДР, состоящий из государств-членов, представленных в Совете Безопасности. Главной функцией Комитета является осуществление контроля за соблюдением санкций, введенных Советом Безопасности.

Следует отметить, что в результате принятия резолюции СБ 1718 переговоры в шестистороннем формате не были приостановлены и продолжались вплоть до апреля 2009 г. 5 апреля КНДР осуществила ракетный запуск, который объявила «успешным» выводом на орбиту искусственного спутника Земли. Совет Безопасности ООН осудил этот запуск. В ответ на соответствующее заявление председателя СБ северокорейцы вышли из «шестисторонки».

Проведенное Пхеньяном 25 мая того же года второе ядерное испытание в нарушение резолюции СБ 1718 вызвало новый виток напряженности. 12 июня Совет Безопасности принял очередную санкционную резолюцию 1874 (2009), которая значительно ужесточила санкционный режим в отношении КНДР.

Реакцией Совета Безопасности на проведение КНДР нового ракетного запуска (12 декабря 2012 г.) и ядерного испытания (12 февраля 2013 г.) стало принятие **резолюций 2087⁹** и **2094**, в соответствии с которыми был расширен перечень предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий в части, касающейся номенклатуры ядерных, ракетных и химических материалов, на которые распространяются санкционные меры, связанные с запретом государствам — членам ООН на предоставление КНДР любой технической и консультативной помощи, оказание услуг, связанных с их поставкой, изготовлением, эксплуатацией или использованием.

Были также дополнены списки физических и юридических лиц, подпадающих под действие адресных санкций, связанных с запретом на поездки и замораживанием активов.

Заключение

В целом необходимо отметить, что принятые Советом Безопасности ООН резолюции являются для Пхеньяна ощутимой мерой воздействия, которой следует пользоваться с осторожностью. Важно исходить из того, что такие решения СБ ООН призваны способствовать урегулированию ситуации на Корейском полуострове, а не вести к кризису.

Как представляется, необходимо использовать все имеющиеся каналы, чтобы убедить Пхеньян в том, что политика нагнетания напряженности наносит ущерб безопасности не только странам региона, но в первую очередь — самой КНДР. В качестве альтернативы этому крайне негативному сценарию необходимо продолжать начатую в рамках шестисторонних переговоров работу над формированием механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, в рамках которого соответствующие гарантии всем участникам будут обеспечиваться политико-дипломатическими средствами.

Именно такой логике отвечает п. 51 резолюции СБ ООН 2270, равно как и соответствующие положения принимавшихся ранее решений, в которых СБ подтверждает, что будет постоянно следить за действиями КНДР и готов усилить, изменить, приостановить или отменить меры в зависимости от выполнения этой страной установленных требований.

Одновременно в документе заявляется о решимости СБ ООН принять дальнейшие серьезные меры в случае осуществления КНДР нового ядерного испытания или ракетного запуска.

При этом необходимо учитывать страновую специфику: КНДР находится в сложном экономическом положении. Усиление давления в известной мере играет на руку руководству страны, которое все беды списывает на «враждебное окружение» и «внешнюю угрозу». В результате все это приводит лишь к большей изоляции КНДР, попыткам еще большего укрепления военного потенциала и наращивания арсенала ОМУ, что, в свою очередь, ведет к усилению напряженности на Корейском полуострове.

В связи с этим важно прислушаться к прозвучавшим со стороны России и Китая призывам к КНДР вернуться в шестисторонний процесс, который должен быть безотлагательно перезапущен.

В своем выступлении 2 марта 2016 г. по мотивам голосования в связи с принятием СБ ООН резолюции 2270 по КНДР постоянный представитель России при ООН В. Чуркин заявил, что санкции не являются самоцелью. Способствуя максимальному перекрытию каналов финансирования ракетно-ядерных программ КНДР, данное решение Совета Безопасности является средством для обеспечения возвращения за стол переговоров всех заинтересованных сторон¹⁰.

В комментарии МИД России в связи с принятием резолюции СБ 2270 особо отмечено, что ее содержание не будет интерпретироваться как основание для усугубления экономического и гуманитарного положения граждан КНДР¹¹.

Примечания

¹ URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2270\(2016\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2270(2016))

² URL: <http://ria.ru/world/20160226/1380570202.html>

³ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1874%282009%29>

⁴ URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/157&referer=/english/&Lang=R

⁵ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2094%282013%29>

⁶ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2010/571>

⁷ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2013/337>

⁸ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1718%282006%29>

⁹ URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2087%20%282013 %29](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2087%20%282013%29)

¹⁰ URL: http://russiaun.ru/ru/news/sc_krsn

¹¹URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124763

Глава 3

КОРЕЯ — ЯПОНИЯ: ПОД ГРУЗОМ ПРОШЛОГО

К.В. Иванов

ИСТОРИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ: ПОЛИТИКА, ОПРОКИНУТАЯ В ПРОШЛОЕ

Все страны мира в определённые периоды своего существования проходили через тяжёлые испытания, оставлявшие свой след не только в историографии, но и в исторической памяти народа. Львиная доля подобных испытаний для большинства народов мира пришлось на XX в.

Для Кореи и корейцев такими испытаниями стал длительный период пребывания в составе Японской империи в 1910—1945 гг. и Корейская война 1950—1953 гг. Трагизм этой войны, связанный с расколом страны на Север и Юг, разделением семей и гибелью множества людей, вполне понятен и неоднократно рассматривался как на научном, так и на публицистическом уровнях.

Сложнее дело обстоит с колониальным периодом истории Кореи (1910—1945 гг.) и предшествовавшим ему периодом нахождения Кореи под японским протекторатом (1905—1910 гг.). Аннексию Кореи, обстоятельства которой довольно хорошо известны, признали все западные державы, в том числе и Россия. Однако это не помешало России сохранять нейтралитет в отношении корейских борцов за независимость и не выдавать их японским властям, несмотря на существовавшие двусторонние договорённости.

Что же касается корейцев, то большинство из них негативно оценивали факт потери Кореей независимости. При этом существовало и противоположное мнение, связанное с желанием корейцев модерни-

ровать — экономически и политически — свою страну при помощи Японии. Для самой Японии на первых порах присоединение Кореи было больше вопросом имперского престижа, а не реальной экономической необходимости. В этом плане можно провести параллели с присоединением к Франции Алжира¹.

В колониальных условиях, помноженных на японское национальное мышление и национализм, было невозможно открыто высказывать недовольство без последствий для себя, примером чего служит Первоапрельское движение 1919 г. и его жестокое подавление. В такой ситуации многие корейские патриоты встали перед выбором: эмиграция или приспособление к колониальным условиям. В 1930—1940-е годы ситуация в Корее всё более ужесточалась: для общественных и религиозных деятелей, предпринимателей, деятелей культуры уже стало необходимым постоянно выражать свою лояльность и готовность сотрудничать с колониальными властями. В противном случае они оказывались под подозрением со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Постепенно негативный термин *чхинильпха* («прояпонская фракция»), который ранее использовался преимущественно в отношении корейских чиновников высокого ранга, постепенно распространился на всех корейцев, замеченных в публичном сотрудничестве с колониальными властями.

После освобождения Кореи в 1945 г. американские оккупационные власти, в силу кадрового голода, неоднократно прибегали к помощи японцев и корейцев — бывших служащих колониального аппарата и полицейских. Судебное расследование против *чхинильпха*, начатое в 1948 г., было замято, так как у Республики Корея появилась куда более реальная угроза — коммунистическая КНДР. В самой Северной Корее проблема *чхинильпха* была решена радикально: бывших служащих колониального аппарата внесли в одну из категорий граждан КНДР, фактически поражённых в правах. На Юге после окончания войны 1950—1953 гг. вопрос *чхинильпха* был фактически снят с политической и научной повестки дня.

Политика ассимиляции корейцев, проводимая японскими властями в 1910—1945 гг., разумеется, также подвергалась безусловной критике после 1945 г. Были, однако, исследователи, которые пытались подойти к изучению колониального периода более взвешенно, не акцентируя внимание на одних негативных процессах и фактах. В качестве примера такого исследователя можно привести историка Ли Бен До

(1896—1989) — учителя и наставника не менее известного учёного Ли Ги Бэка (1924—2004).

Хотя Ли Бен До многими признаётся как основоположник современной корейской историографии, некоторые корейцы относятся к его личности скорее негативно. Например, Институт национальных проблем — известная в РК общественная организация — внесла имя учёного в список *чхинильпха*, включающий в себя почти 4800 человек². В данный список, составленный вышеупомянутым институтом, внесено немало людей, вина которых порой весьма сомнительна. Но, пожалуй, в какой-то особой пристрастности Институт обвинить нельзя, поскольку на равных условиях в список *чхинильпха* включён Лим Мун Хо (1900—1972) — отец Лим Джон Гука (1929—1989), главного вдохновителя создания этого самого Института национальных проблем³.

Публикация подобных списков начиная с 1990-х годов вызывала в южнокорейском обществе смешанную реакцию. Она была вызвана как нежеланием ворошить тёмное прошлое, в том числе по принципу «сын за отца не в ответе», так и тем, что в данном случае объектами исследований и обвинений становились преимущественно корейские граждане. Однако в политической борьбе, преимущественно в ходе предвыборной кампании в парламент или на должность президента, предъявление доказательств сотрудничества предков южнокорейских политиков с японскими властями применяется довольно часто. Наиболее известным примером за последние годы является информационная атака на Пак Кын Хе во время её предвыборной кампании в 2012 г. Разумеется, оппоненты в первую очередь указывали на то, что отец Пак Кын Хе — Пак Чон Хи — был не только диктатором, но также офицером армии прояпонского государства Маньчжоу-Го и выпускником японской военной академии.

Заметную популярность в публичном дискурсе имеет тема культурного геноцида и экономического ограбления, проводимых Японией в 1910—1945 гг. Проводящиеся вне научного поля споры о том, насколько Япония навредила (и навредила ли) Корею по сути малопродуктивны и больше замешаны на эмоциях. Если оставить сухие выводы, то можно сказать, что в рамках Японской империи правительство было скорее заинтересовано в экономическом развитии Кореи, но лишь в той степени, в какой это было полезно для метрополии. Учитывая тот факт, что с середины 1930-х годов экономика Японии переводилась на военные рельсы, а в 1940-х годах перешла к тотальной экономической мобили-

лизации, несложно понять, какой путь развития был предусмотрен для Кореи.

Современные исторические знания о колониальном периоде в Корею можно разделить на три уровня: профессиональный, воспитательный и политический. Под *профессиональным* подразумевается знание, излагаемое профессиональными учёными на страницах монографий и научных статей. Для этого уровня характерно активное использование исторических источников и, что важно, подробной аргументации с перечислением как объективных, так и субъективных факторов.

Под *воспитательным* уровнем понимается та часть исторических знаний, которая в обработанном виде используется для составления учебных программ и учебников, в первую очередь для школ. Для этого уровня характерно выделение исторических символов и мифов, общее упрощение исторической картины и зачастую деление по принципу «плохой—хороший».

Третий, *политический*, уровень представляет собой ту часть исторического знания, которая может использоваться в качестве инструмента политической борьбы. Здесь также активно используется упрощение и мифологизация, однако имеются и определённые требования к наличию источников. При этом зачастую подобранные источники могут отличаться тенденциозностью и не подвергаться какому-либо научному анализу. То есть использоваться только для того, чтобы выбрать нужные для аргументации своей позиции факты, иногда вырывая их из контекста.

Что касается теорий модернизации Кореи, то здесь можно выделить две основные противоположные теории. *Первая* — теория колониальной эксплуатации, — помимо подчёркивания роли Кореи как сырьевой и производственной базы для Японской империи, сосредотачивается на очевидных и легко проверяемых фактах, подтверждающих, что современная экономика РК — скорее плод 1960-х, нежели 1920—1940-х годов.

Можно выделить три ключевых факта: 1) в колониальные годы большая часть промышленных мощностей была расположена на Севере Кореи, т. е. территории, не вошедшей в состав РК; 2) подавляющее большинство технических специалистов были японцы, которые уехали из Кореи после 1945 г., не оставив себе замены; 3) почти все заводы и оборудование, оставшиеся от японцев, были разрушены либо самими

японцами, либо в ходе Корейской войны 1950-1953 гг., а новые заводы были построены уже в 1960-е годы.

Вторая теория — колониальной модернизации — акцентирует внимание не на материальных объектах, а на системе ценностей, институтах повседневной жизни корейцев колониального периода. Сторонники этой теории считают, что становление человека нового типа происходило в первую очередь в нематериальной сфере⁴.

В южнокорейском массовом сознании превалирует скорее точка зрения сторонников теории колониальной эксплуатации, в том числе и потому, что она сформировалась раньше и занимает господствующее место в южнокорейских школьных программах. В политической сфере, разумеется, корейцы также склонны придерживаться теории колониальной эксплуатации. У теории колониальной модернизации гораздо меньше сторонников, преимущественно из среды учёных, наиболее известными из которых являются Кан Ман Гиль и Син Ги Ук. Главным, универсальным аргументом против этой теории служит, мягко говоря, скепсис по поводу того, что в колониальные годы Япония привнесла в Корею хоть что-то хорошее или, по крайней мере, полезное.

В колониальные годы, по мере эволюции экспансионистской политики Японии и расширения театра боевых действий Второй мировой войны, усиливалось и вовлечение корейцев в эти процессы. К 1945 г. сотни тысяч корейцев (как мужчин, так и женщин) прошли через принудительную трудовую мобилизацию. Около 200 тыс. корейцев были мобилизованы для службы в армии⁵. На подписание Сан-Францисского мирного договора 1951 г. представители от Кореи (РК или КНДР) не были приглашены, поэтому о компенсациях РК договаривалась в частном порядке.

Согласно документам, рассекреченным в 2005 г., правительство РК отказалось от японского предложения выплаты индивидуальных компенсаций жертвам военной и трудовой мобилизации (около 1 млн человек) общей суммой 364 млн долл. и потребовало за отказ от дальнейших претензий к Японии около 800 млн долл. в виде экономической помощи и низкопроцентных ссуд⁶.

Подписав в 1965 г. Базовый договор об отношениях, правительство Республики Корея фактически отказалось от дальнейших претензий в отношении Японии и требований компенсаций за совершённые последней до 1945 г. преступления⁷. Это вызвало сильное негодование в самой Корее, однако в условиях диктатуры протест быстро сошёл на

нет. Несмотря на то что в современной РК порой критикуют Договор 1965 г., о том, чтобы его дезавуировать, ни разу речи не шло, что позволяет правительству Японии периодически ссылаться на него, аргументируя свой отказ от дальнейшей выплаты каких-либо компенсаций.

Поэтому, а также по ряду других причин, до конца 1980-х годов вопрос требования от Японии дополнительных компенсаций на повестке дня не стоял. Однако в условиях демократизации конца 1980-х — начала 1990-х годов в общественно-политическом и научном дискурсах стали затрагиваться темы, ранее табуированные. Помимо вышеупомянутой проблемы прояпонских деятелей — *чхинильхва*, важное место в южнокорейском массовом сознании заняла трагедия так называемых женщин для утешения, или *вианбу*.

До 1990-х годов вопрос о *вианбу* практически не поднимался. По различным оценкам, через так называемые станции утешения прошло от 20 до 300 тыс. женщин. Нужно заранее отметить, что к работе в «станциях утешения» привлекались не только кореянки, но также жительницы Китая, Филиппин, Вьетнама, Бирмы и других территорий Юго-Восточной Азии, оккупированных Японией, в том числе несколько сотен голландок из Голландской Ост-Индии (ныне Индонезия)⁸. Справедливости ради следует добавить, что в военных борделях, особенно в первое время, работали и японки.

О проблеме *вианбу* уже написано достаточно много как научных, так и публицистических работ, поэтому здесь заострим внимание на следующем. После волны публикаций, посвящённых «женщинам-утешительницам», в СМИ Восточной Азии, в первую очередь в Корее, а также после определённого внешнеполитического давления в 1992 г. премьер-министр Японии Киити Миядзава принёс извинения за привлечение кореянок к подобной деятельности, однако подчеркнул, что насильственный характер этого привлечения не доказан. В 1995 г. другой премьер-министр Японии Томиити Мураяма принёс официальные извинения народам, пострадавшим от японской оккупации, и поспособствовал созданию Фонда азиатских женщин, через который выплачивались компенсации бывшим «женщинам для утешения»⁹.

Всего было произведено выплат на сумму, эквивалентную примерно 45 млн долл.¹⁰ Деньги при этом распределялись между Южной Кореей, Филиппинами, Тайванем, Индонезией и Нидерландами¹¹. Денежные средства Фонд получал от государства и частных лиц, при этом формально он являлся общественной организацией, управляемой част-

ными же лицами. Это вызывало критику в Южной Корее, где считали, что подобные выплаты должны производиться исключительно государством, а не частным фондом.

Помимо того, начиная с января 1992 г. напротив посольства Японии в Сеуле стали проводиться так называемые демонстрации по средам, призванные напомнить Японии о необходимости принесения официальных извинений, выплаты компенсаций жертвам японских военных преступлений, освещения этой проблемы в японских учебниках, а также установку мемориала, посвящённого *вианбу*¹². В 2011 г. общественной организацией, занимающейся поддержкой жертв действий японской армии, в Сеуле напротив японского посольства был установлен бронзовый памятник в виде девушки, сидящей на стуле.

При этом с каждым годом бывших *вианбу* в Южной Корее остаётся всё меньше в силу их преклонного возраста. Из нескольких сотен женщин, признанных жертвами японских военных, к марту 2016 г. в живых осталось лишь 44 человека¹³. Возможно, это является одной из причин, по которой в декабре 2015 г. главы внешнеполитических ведомств Японии и Кореи в лице Фумио Кисиды и Юн Бен Се соответственно объявили о достижении соглашения по вопросам принесения извинений и выплаты компенсаций в размере 1 млрд иен¹⁴. По состоянию на начало апреля 2016 г. пока что имеется лишь декларация о намерениях, однако, учитывая, что премьер-министр Японии Синдзо Абэ выступил с подтверждением декларации, заявленной японским МИДом, вероятно, извинения всё же будут принесены, а компенсации — выплачены. Есть вероятность, что с исками в отношении Японии выступят бывшие «женщины для утешения» из других стран. Однако скорее всего удовлетворены эти иски не будут, особенно учитывая то, что в самой Японии сильны настроения в духе «хватит каяться».

Несмотря на подвижки по проблеме *вианбу*, у Южной Кореи и Японии есть ещё как минимум два конфликтных вопроса. Первый, о котором вкратце упоминалось выше, связан с требованиями корейской стороны внести исправления в японские школьные и университетские учебники, добавив в них больше разоблачений преступлений японской военщины на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, и в первую очередь, разумеется, Кореи. Конфликт этот вряд ли в ближайшие годы разрешится, поскольку, несмотря на то что в Японии присутствует немало пацифистских организаций, правка учебников, в отличие от

проблемы *вианбу*, является сугубо внутренним делом Японии, и в этом плане на неё очень сложно оказать существенное давление.

Второй конфликт, который, кстати, также упоминается в контексте споров о японских учебниках, — это дискуссия вокруг о-вов Лианкур (Токто), которые фактически контролируются РК и считаются частью пров. Кёнсан-Пукто. Однако Япония рассматривает эти острова (именуя их Такэсима) как свою неотъемлемую территорию и с 1905 г. включает их в состав префектуры Симане. Хотя по решению Верховного командования Союзных сил в 1946 г. японский суверенитет перестал распространяться на о-ва Лианкур, в Сан-Францисском мирном договоре об этих островах не упоминается.

Несмотря на то что в ближайшем будущем, вероятнее всего, сохранится статус-кво, обе стороны ведут активную пропаганду своей точки зрения в других странах мира. В обеих странах большое внимание уделяется исследованию и публикации исторических источников, которые подтверждают их, «правильную» точку зрения. Разумеется, в школьных учебниках вопросу принадлежности островов уделяется особое внимание. Мало того, и в РК, и в Японии учреждены особые памятные даты: День Токто (25 октября; с 2000 г.) и День Такэсимы (22 февраля; с 2005 г.) соответственно. В эти дни, как правило, проводятся разного рода научные и общественные мероприятия, а также массовые демонстрации.

В определённой степени с историей связан и спор между Кореей и Японией касательно топонимики Японского моря, которое Корея предлагает называть Восточным. Для аргументации этой позиции в первую очередь использовались данные с зарубежных карт. При этом, по корейским данным, начиная с XVI в. страны Западной Европы, а чуть позднее и США чаще использовали топоним «Корейское», либо «Восточное море», и лишь в XIX в. название «Японское море» незначительно вытеснило «Корейское». По информации же японских исследователей, приводящих несколько иные цифры, в XIX в. топоним «Японское море» использовался в 4 раза чаще, чем «Корейское»¹⁵. Сложно сказать, насколько в данном случае вероятна смена топонима, однако южнокорейское правительство прилагает к этому заметные усилия.

Подводя итоги, хотелось бы выразить надежду на скорейшее достижение договорённости между РК и Японией по проблеме бывших *вианбу*, благо к этому есть неплохие предпосылки. Однако нельзя не заметить, что сама проблема *вианбу* как инструмент внешнеполитиче-

ского давления была во многом возвращена южнокорейскими властями и СМИ. То же можно сказать и о Токто, и уж тем более о «колониальном ограблении Кореи Японской империей». Конструирование определённого ореола вокруг исторических вопросов и проблем колониального периода может иметь задачу не только создать инструмент внешнеполитического давления на Японию, но и сформировать в обществе РК представление о Корее и корейском народе как о вечных жертвах более сильных соседей. Таким образом, появляется как удобное оправдание неудач в прошлом, так и лишний аргумент в пользу выпячивания современных достижений. Представляется сомнительной ценность возвращения у любой нации подобных комплексов, которые скорее нанесут вред самой нации и её взаимоотношениям с соседями.

Примечания

¹ Babicz Lionel. Japan-Korea, France-Algeria: Colonialism and Post-Colonialism // *Japanese Studies*, 2013. Vol. 33. No. 2. P. 201—211.

² Чхиниль инмёнъ саджон : [Биографический словарь чхинильпха]: в 3 т. / Чхиниль инмёнъ саджон пхёнчхан вивонхва. Сеул: Минджок мундже ёнгусо, 2009.

³ Там же.

⁴ Более подробно о теории модернизации в южнокорейской историографии см.: *Ким Н.Н.* Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // *Восток (Orient)*. 2014. № 3. С. 177—185.

⁵ Ильдже синминджибэва канъджедонъвон : [Японское колониальное правление и насильственная мобилизация]. Сеул, 2010. С. 172—175.

⁶ *Transitional Justice in Unified Korea* / ed. by Baek Buhm-Suk, Ruti G. Teitel. Palgrave Macmillan, 2015. P. 102.

⁷ *Чан Пакчин.* Синминджи кванге чхонъсанын вэ ируоджилъ су опсоннынга (Почему не могла быть оформлена ликвидация колониальных отношений). Сеул: Нонъхёнъ, 2009. С. 484—487.

⁸ Hall I : *Japanese Military and Comfort Women* // Digital Museum. The Comfort Women Issue and the Asian Women's Fund / Asian Women's Fund. URL: <http://www.awf.or.jp/e1/index.html> (дата обращения: 13.02.2016).

⁹ Asian Women's Fund. URL: <http://www.awf.or.jp/e1/index.html> (дата обращения: 13.02.2016).

¹⁰ 40 млн долл. составили деньги, перечисленные правительством Японии, а 5 млн долл. были собраны частными лицами — подданными Японии.

¹¹ History Issues Q&A // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/q_a/faq16.html (дата обращения: 27.11.2015).

¹² The Korean Council for the Women Drafted for Military Sexual Slavery by Japan War & Women's Human Rights Museum. URL: <https://www.womenandwar.net/contents/home/home.nx> (дата обращения: 13.02.2016).

¹³ Another former sex slave dies // The Korea Times. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/02/113_198525.html (дата обращения: 20.02.2016).

¹⁴ Хан-иль, вианбу мундже хэгэль хабый... (Корея и Япония достигли согласия по проблеме вианбу) // Ханрёре. URL: <http://www.hani.co.kr/arti/politics/diplomacy/723743.html> (дата обращения: 29.12.2015).

¹⁵ The Issue of the Name of the Sea of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/maritime/japan/#5> (дата обращения: 15.05.2015).

Л.В. Овчинникова

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ОБРАБОТКА КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЯПОНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
АДМИНИСТРАЦИЕЙ
(по страницам служебных изданий
японского генерал-губернаторства)**

Тема колониальной Кореи продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Одним из важных источников изучения данного периода истории Кореи можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства, в частности публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Материалы для служебного пользования, изданные в Сеуле на японском языке в 1920—1930-х — начале 1940-х годов раскрывают как положение в Корее в довоенный период, так и методы управления и контроля японских властей в колонии. Отраженные в полицейских изданиях методы подавления освободительной борьбы корейского народа, его политико-идеологическая обработка японской администрацией представляет для исследователей самостоятельный интерес.

При рассмотрении этих вопросов архивы тайной полиции, другие издания генерал-губернаторства правомерно рассматривать как ценные первоисточники. Они раскрывают многообразие мер, направленных на поддержание «общественного спокойствия», их продуманность, изощренность, маневренность. Учитывалась меняющаяся ситуация в стране, в зоне корейского освободительного движения, а также общая ситуация в мире.

Так, после народного движения 1919 г. японские власти были вынуждены пойти на реформы. Они показали маневренность и гибкость японской колониальной политики. Хотя это время реформации было названо периодом «культурного управления», японские источники свидетельствуют, что аппарат подавления в конце 1910-х и в 1920-х годах был еще более укреплен и продолжал функционировать. Японские издания позволяют проследить методы управления и контроля колониальной администрации и в первой половине 1930-х годов, которые, как и ранее, были гибкими, учитывая меняющуюся ситуацию, многоплановыми.

Судя по материалам, японскую администрацию беспокоила антиколониальная и усиливающаяся антивоенная направленность деятельности корейских патриотов. Ультраревolutionный курс радикалов, деятельность так называемых красных союзов как непосредственная опасность вряд ли воспринимались всерьез и в значительной степени облегчали полиции выявление инакомыслящих.

Устраивал японские власти и курс левых сил, направленный против единства действий с националистами. Наряду с репрессиями, продолжающимися арестами предпринималась система мер, преследующих углубление раскола патриотических сил с помощью самих корейцев (засылка провокаторов в патриотические организации, инспирирование в них групповой борьбы и др.). Японские издания дают возможность представить и определенную степень результативности применяемых мер.

В связи с усилением подготовки Японией к войне и ролью, отводимой ею Корее, в колонии расширялся аппарат подавления народного недовольства. В крупных промышленных городах создавались специальные пункты по надзору и борьбе с «идеологическими преступлениями», штурмовые и всякого рода специальные террористические отряды. После начала войны в Китае репрессии властей в большей степени стали сочетаться с идеологическим воздействием.

Трансформирование методов подавления освободительной борьбы объяснялось прежде всего возросшей потребностью в прочном, «спокойном» корейском тыле, нуждами войны. Кроме того, освободительная борьба народа во второй половине 1930-х годов также охарактеризовалась переменами: отходом от левачества, новой тактикой «народного фронта», стремлением к объединению антияпонских, антиколониальных сил.

Меры управления и контроля, предпринимаемые колониальной администрацией в эти годы, также отражены в служебных изданиях

японского генерал-губернаторства. Неизменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Усиление милитаризации Японии, захват ею Маньчжурии, подготовка к большой войне в Китае усложняли положение в Корее. Шло дальнейшее превращение её в военно-стратегический плацдарм для продвижения на материк.

В стране вводились дополнительные меры по «успокоению» тыла. Ограничиваться репрессиями становилось все труднее, и изыскивались новые пути поддержания «общественного порядка». Применявшиеся преимущественно карательные методы, система надзора и сыска дополнялись новыми приемами. Японские издания генерал-губернаторства раскрывают все многообразие мер, их продуманность, изощренность, маневренность, учет меняющейся ситуации в стране и в зоне борьбы за освобождение. Была разработана и приведена в действие продуманная система дополнительных приемов. Она включала меры по расколу и разобщению патриотических организаций, по недопущению создания единого антияпонского и антивоенного движения, инспирирование и разжигание групповых распрей, насаждение в массах недоверия, подозрительности, настороженности друг к другу. Этого оказалось недостаточно, поэтому был взят курс на идеологическую обработку населения колониальной Кореи.

Во второй половине 1930-х годов методы управления и контроля японской администрации стали приобретать новые черты. Колониальная администрация разработала целую систему идеологического воздействия на народные массы. Японское издание «30 лет управления Кореей» пишет, к примеру, что «основа политики управления Кореей заключается в том, чтобы корейский народ проникся идеей государственного строя нашей Империи, чтобы он твёрдо осознал, что он является подданным нашего императора и через полное слияние Японии и Кореи прославил “путь императора”»¹. Генерал-губернатор Минами в своей речи на конференции губернаторов провинций весной 1937 г. во главе пяти основных принципов японской политики поставил принцип «Кокутай мэйтё:» («Разъяснение государственного строя»). В июле 1937 г. началась война в Китае, и Япония, как указано в этом издании, «стремительно пошла по пути строительства нового порядка в Восточной Азии»². Для этого необходимо было мобилизовать все духовные и материальные силы государства.

Положение Кореи как «передовой базы», как части японской империи на материке приобрело еще большую важность. Необходимо, как указывалось в японских изданиях, чтобы «23 млн человек соотечественников на материке оказали полное содействие осуществлению континентальной политики. Для быстрейшего превращения корейцев в подданных императора и слияния с Японией самым лучшим является усиление движения за мобилизацию национального духа (кокумин сэйсин со:до:ин ундо:)³.

Задачами движения издание генерал-губернаторства «Положение в Корее» («Тё:сэн дзидзё:») называет единение цели, воспитание стойкости и выносливости, а также воспитание подлинного патриотизма. При этом подчеркивалось, что это движение не является каким-то временным явлением, а стало политикой, рассчитанной на длительный срок. Постоянно проводились конференции губернаторов провинций, заседания Центрального совета, беседы с влиятельными лицами в народе; с этой целью был создан Корейский центральный информационный комитет. Колониальная администрация хотела придать движению за мобилизацию национального духа форму народных организаций. Служебные японские издания приводят их структуру: во главе — как центральная организация — стоял Корейский союз; затем шли провинциальные союзы и являющиеся их составной частью патриотические группы; далее шли производственные союзы.

Служебные издания генерал-губернаторства неоднократно указывают, что с началом китайских событий велась активная работа по подъёму «японского духа», осознания происходящих событий и мобилизации «народного духа». Как указывает издание «30 лет управления Кореей», для усиления единства тыла и контроля над народным движением нужно было создать эффективную «народную» организацию под руководством правительства. Так, в июле 1938 г. был создан *Кокумин сэйсин со:до:ин тё:сэн рэммэй* (Союз всеобщей мобилизации национального духа). (В 1940 г. эта организация была переименована в *Кокумин со:рёку рэммэй* (Союз общенациональных сил). У руководства этого союза стояли военные, главы правительственных учреждений, финансисты, ученые; почетным президентом был назначен вице-генерал-губернатор, а затем — командующий корейской армией Кавасима. Хотя корейская армия и не была включена в структуру союза, для «правильного развития» деятельности этого союза она оказывала ему самую активную помощь.

В вышеупомянутом издании приводится структура союза: Корейский союз — провинциальные союзы — «*фу*», «*гун*», «*то*» *рэммэй* — «*ю*», «*мэн*» *рэммэй*, «*бураку*» *рэммэй*. Все эти местные организации подчинялись непосредственно вышестоящей. Кроме того, были созданы производственные союзы при муниципальных учреждениях, школах, банках, компаниях и т.п. Самой активной и эффективной минимальной единицей были *айкокухан* — «патриотические группы», объединяющие 10 дворов или 30 человек (создавались и производственные патриотические группы). На июнь 1939 г. количество патриотических групп по данным японских изданий генерал-губернаторства достигало 350 тыс., а членов — 4 млн 600 тыс. человек. В 1940 г. число этих групп и их членов возросло до 438 тыс. и 7 млн 80 тыс. человек соответственно⁴. Нужно иметь в виду, что в этих цифрах учтены только главы семей, а это значит, что практически все население входило в патриотические группы. Они были призваны воспитывать в массах верноподданнические чувства к Японии, обеспечивать поддержку её политики, всех мероприятий военного времени. Базировалась деятельность групп на принципе круговой поруки: все члены коллективно отвечали за выполнение возложенных на них задач. В их обязанность входило следить за своевременной уплатой налогов, приобретением облигаций военных займов, выполнением продовольственных поставок, оказывать помощь в наборе военной силы. Главной задачей было выявление «опасных» мыслей и их носителей.

Авторы изданий генерал-губернаторства пишут, что основой пяти принципов политики генерал-губернатора Минами было следующее: необходимо воспитать, поднять дух народа, объединить его, направить на выполнение поставленных задач, поднять его готовность преодолевать трудности. Для этого нужно было провести реформу образования, смысл которой заключается в том, чтобы проводить в жизнь *кокутай мэйтё*: (разъяснение государственного строя), вести пропаганду идеи единства Кореи и Японии, тренировать перенесение трудностей. Считалось, что существо этих принципов выражено в Присяге императору, установленной в октябре 1937 г., а также в принятом тогда же курсе на проведение физической подготовки подданных императора. Все это было нацелено на то, чтобы уничтожить все национальные различия и обычаи, слить воедино японцев и корейцев и направить их на священное дело — «строительство нового порядка в Восточной Азии».

Присяга имела два варианта: первый предназначался для начальной школы; второй — для средней, высшей школы и всего народа.

Причем подчеркивалось, что изучение её не ограничивается только школьным обучением, а является основой, определяющей все стороны повседневной жизни народа. Чтение присяги было отнесено к общественному воспитанию вообще. Необходимо было при всех удобных случаях зачитывать присягу — в школах, правительственных учреждениях, банках, заводах, магазинах и пр., распространять ее через газеты, радио, кино⁵. К мерам политико-идеологического обработки местного населения можно отнести и введение «патриотического дня». Корейцев призывали терпеть трудности войны, распространять «путь императора», показать всему миру мощь империи.

Была также введена система добровольчества для корейцев, которая, как сказано в издании «30 лет управления Кореей», была «результатом всех прежних стараний и воспитанием сознательности корейского народа». (Мужчины — подданные императора в возрасте от 17 лет, желающие поступить на военную службу, могли быть зачислены на действительную службу или в резерв 1-й очереди)⁶. Было разработано и положение о создании *кунрэнсё* — школ («военных площадок») для обучения и тренировки добровольцев. *Кунрэнсё* находились в ведении генерал-губернаторства, в них добровольцы получали соответствующую физическую закалку и другие виды обучения. Количество проходящих тренировку в *кунрэнсё* к концу 1930-х годов возросло от 400 человек (1938 г.) и 600 человек (1939 г.) до 3000 человек (1940 г.)

Важными для общественного воспитания считались и библиотеки. Их стали открывать на государственные деньги с 1923 г., их число к 1937 г. возросло до 28.

Целью создаваемых во второй половине 1930-х годов «трудовых патриотических отрядов» было, как написано в японских изданиях, укрепление обороны страны, воспитание духа самопожертвования, привитие любви к труду, закалка в трудностях и объединение корейцев и японцев, хотя основной их задачей, конечно, были разработка целины, посадка леса, починка дорог и пр.

В рассматриваемый период большое внимание уделялось и физической подготовке подданных императора. Издание генерал-губернаторства «30 лет управления в Корее» так объясняет широкое внедрение физической подготовки подданных императора: «Веря в то, что основой древнего японского духа является бусидо, воспитанное военным искусством, и следуя этому духу, все, кто умеет обращаться с мечом и кто не умеет, должны повседневно заниматься военным искусст-

вом, закалять свое сердце и тело и тем самым воспитать в себе мораль верных подданных императора»⁷. Пропагандировалась важность общей физической подготовки, за которую отвечали созданные ранее общества физической подготовки «*Тё:сэн тайику кё:кай*» и «*Тё:сэн дзингу*».

Для координации всех этих мероприятий по политико-идеологической обработке корейского населения в каждой провинции была создана *Кё:кадантай рэнго:кай* (Ассоциация просветительских организаций), которая финансировалась полностью из государственных средств. Кроме того, была образована *Тё:сэн кё:кадандай рэнго:кай* (Корейская ассоциация просветительских организаций).

Еще большее внимание, чем прежде, власти уделяли воспитанию молодежи, студентов, учитывая их высокую активность в борьбе за освобождение, в антивоенных, антиимпериалистических и демократических организациях. Значительную роль в этом сыграла молодёжная организация полувоенного — полуфашистского толка «*Сэйиндан*» («Молодёжный корпус»). К концу 1930-х годов практически все школьники считались членами молодёжных групп, входящих в эту организацию. (В 1940 г. этих организаций насчитывалось около 4 тыс., а их членов — около 170 тыс.) В 1939 г. была организована *Тё:сэн рэнго: сэйиндан* — Корейская лига молодёжных организаций. С 1929 г. существовали и молодёжные школы «*Сэйэн кунрэнсё*» («Молодёжные площадки»); на январь 1940 г. их насчитывалось 140 (126 общественных и 14 частных организаций), а к концу года — уже 785⁸. На них была возложена задача стать одним из звеньев в «великом деле строительства Восточной Азии».

С 1938 г. для работы в деревне создавались такие организации, как Союз деревни по мобилизации национального духа (*Кокуминсэйсин со:до:ин бураку*) и Общество возрождения деревни (*Но:сон фукко:кай*). Учитывая особое положение Кореи, в отношении юношей и девушек, которые должны занять руководящее положение, проводилась особая политика, для того чтобы «прочно внедрить в их сознание идеи государства, качества подданных империи и поручить им руководство во всех общественных просветительских мероприятиях». В пров. Тюсэй Намдо было отведено специальное место, куда каждый год по рекомендации губернатора провинций посменно в течение пяти сроков направлялись 500 юношей и девушек для прохождения специального обучения. Эта «школа» была открыта 1 августа 1939 г.⁹

В рассматриваемый период создавались и другие прояпонские общества и организации. Так, в 1937 г. появилась Лига патриотических

идей, задачей которой было содействие властям в борьбе с «идеологическими преступлениями», с антивоенными настроениями и акциями, а также пропаганда идей сотрудничества корейского и японского народов. В 1938 г. была создана и Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом. Согласно уставу, целью этой организации, кроме искоренения «коммунистических» идей, был всемерный подъем японского духа у корейцев. Другой пример — основанное в том же году Общество прогресса Кореи, широко пропагандировавшее идею единства Кореи и Японии и девиз «Все углы мира под одной крышей».

Важно отметить, что в рассматриваемый период в деятельности разного рода объединений, союзов, групп, насаждавшихся колониальной администрацией, а также в деятельности полицейских органов стала заметнее проявляться осторожность, особенно в сферах, связанных с национальными традициями, укладом жизни, а также учёт национальных чувств, уязвлённого самолюбия народа и национального характера. Разжигая шовинистический угар, власти подчёркнуто изображали уважительное отношение к корейцам как к «собратьям». Внедрялась концепция единства, содружества метрополии и колонии, пропагандировалась идея «Япония и Корея — одна семья»¹⁰. Всячески подчеркивалась мысль, что Корея — передовая база на материке, что почётна и ответственна сама миссия корейцев укрепить её.

Целью этой политики было поднятие патриотизма, внедрение в общественное сознание идей величия Японии, необходимости всячески содействовать ее победе и т.п. Усиленно внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое» призван был ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повысить их усердие в труде. Для материализации этого лозунга японская колониальная администрация применяла разнообразные меры политико-идеологической обработки корейского населения.

Примечания

¹ 30 лет управления Кореей : [Сисэй сандзю:нэнси]. Сеул, 1940. С. 827.

² Там же.

³ Там же. См. также: Обстановка в Корее : [Тё:сэн дзидзё:]. Сеул, 1943. С. 272.

⁴ История Кореи. М., 1974. Т. 2. С. 121. См. также: архивы А.И. Шабшина.

⁵ Издание «30 лет управления Кореей» помещает текст присяги: 1-й вариант:
«Мы являемся подданными императора.

Мы, объединив сердца, посвящаем себя служению императора!

Мы, закаляясь в трудностях, станем прекрасным, сильным народом!»

2-й вариант:

«Мы, подданные Империи, верую служим монарху.

Мы, подданные императора, взаимной любовью и сотрудничеством, укрепим единение!

Мы, подданные императора, воспитаем выносливость в трудностях и прославим путь императора!»

⁶ Там же. С. 807. См. также: Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время : [Сайкин-ни окэру Тё:сэн дзиан дзё:кё:]. С. 250.

⁷ Там же. С. 815.

⁸ Там же. С. 827.

⁹ Там же. С. 815.

¹⁰ Там же. С. 21—22.

Список исследуемых закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Корее

1. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время : [Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё:]. Сеул, 1939 («секретно»).

2. Вестниках идеологии : [Сисо: ихо:]. Вып. 1934 г. № 12. 1936 г. № 6. 1937 г. № 11. 1938 г. № 14 и 16 («секретно»).

3. Корейская полиция : [Тё:сэн кэйсацу]. Сеул, 1938 («секретно»).

4. Словарь тайной полиции : [Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн]. Сеул, 1935 («секретно»).

5. Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства : [Тё:сэн со:току дзикёку тайсакай симонган санко:сё]. Сеул, 1938.

Издания:

а) Общественные учреждения и мероприятия («секретно»).

б) Движение за возрождение корейской деревни («секретно»).

в) Внешняя торговля Кореи («секретно»).

г) Промышленные ресурсы Кореи («секретно»).

- д) Справочник по бюджету генерал-губернаторства («секретно»).
- е) Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи («сов. секретно»).
- ж) Организация сухопутного транспорта («секретно»).
- з) Телеграф, почта, радио («секретно»).
6. 25 лет управления Кореей : [Сисэй нидзюгонэнси]. Сеул, 1935.
7. 30 лет управления Кореей : [Сисэй сандзюнэнси]. Сеул, 1940.
8. Обстановка в Корее : [Тё:сэн дзидзё:]. Сеул, 1941.
9. Беспорядки в Корее : [Тё:сэн со:дзё дзикё:]. Сеул, 1930.
10. Исследование поселков в Корее : [Тё:сэн буракутё: тё:сахо:коку]. Ч. 1. Сеул, 1924.
11. Город Сеул : [Кэйдзё: фу:сэй иппан]. Сеул, 1942 («секретно»).
12. Ежегодник национального движения в Корее : [Тё:сэн миндзоку ундо: нэнкан]. Сеул, 1932 («секретно»).
13. Приложение к законам и указам в Корее : [Тё:сэн дзикёку канкэй хо:ки цуйроку]. Т. 8 — Законы и указы в Корее на 1 июля 1941 г. : [Тё:сэн Гё:сэй гаккай хакко:]. Сеул, 1941.

Д.А. Якимова

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ В КОРЕЕ

Япония позднее других империалистических государств вступила в борьбу за колонии, поэтому японское руководство старалось в кратчайшие сроки закрепить своё господство и избавиться от влияния западных держав на подконтрольных территориях. Поскольку у Японии было мало опыта в области колониальной политики, японцы перенимали опыт у мировых держав.

Для того чтобы разобраться в особенностях японского подхода в области колонизации и ассимиляции Кореи, сравним колониальную политику Японии в Корее с политикой Великобритании в Индии и Ирландии, Франции в Алжире и Германии в Эльзас-Лотарингии. Безусловно, характеристика японской политики была бы неполной без изучения опыта Японии в области колонизации Тайваня, поскольку чуть позже именно эту модель управления японское руководство использовало в отношении Кореи.

Существовало два основных подхода, которые были изучены японским руководством: колонизация и ассимиляция. Премьер-министр Японии Хара Такаси (1918—1921) противопоставлял британскую политику, основанную на самоуправлении (колонизацию), политике Франции и Германии, использовавших ассимиляционный подход (соответственно в Алжире и Эльзас-Лотарингии). По словам Хара Такаси, Тайвань должен быть присоединён не на правах колонии, как её понимают англичане, а как продолжение метрополии (Японии). В области админи-

стративной политики на Тайване Хара Такаси предлагал ориентироваться на ассимиляционную модель. В дальнейшем он предложил использовать подобную политику и в отношении Кореи¹. Хара был уверен, что ассимиляционный подход поможет успешно интегрировать Корейский полуостров в политические, экономические и социальные институты Японии².

Условия колонизации и стратегическое значение колониальной территории

Индия находилась под властью Великобритании с 1757 по 1947 г. Как большинство колониальных европейских держав, Великобритания вторглась в Индию в поисках источника дешёвого сырья и рынка сбыта готовой продукции. Британцы стали скупать хлопок, джут, индиго и другие природные ресурсы Индии, использовать их в своём промышленном производстве, а потом снова продавать индийскому населению, но уже в виде готовой продукции.

По словам военного министра Франции генерала Жерара, завоевание Алжира «отвечает самой настоятельной необходимости, тесно связанной с интересами поддержания общественного порядка во Франции и даже во всей Европе: оно даст выход нашему избыточному населению и обеспечит рынки, куда мы сможем направлять товары наших мануфактур в обмен на недостающие нам продукты»³. Кроме того, Алжир стал важнейшим бастионом французского колониализма в Африке и ключевым плацдармом в Средиземноморье.

Бисмарк в своём выступлении в Рейхстаге в марте 1874 г. сказал следующее: «Мы аннексировали Эльзас-Лотарингию не для того, чтобы осчастливить местных жителей, мы воздвигли крепость для защиты от совершившихся на протяжении последних двухсот лет вторжений диких и воинственных народов на территорию нашей страны»⁴. Кроме того, земли Лотарингии были богаты железной рудой, что представляло не меньшую ценность, чем контрибуция от Франции, составлявшая 1 млрд долл.⁵

Ирландия имела важное стратегическое значение для Англии в борьбе за господство на море: «Ирландия богата гаванями на южном и западном побережьях и является ближайшей к Америке частью Ев-

ропы», — писал Ричард Хаклуйд, пропагандист морской экспансии Англии⁶.

Остров Тайвань отошёл Японии на основании Симонсэцкого договора (1895), ознаменовавшего окончание японо-китайской войны 1894—1895 гг. Формоза должна была стать передовым пунктом для распространения влияния Японии в южном направлении, а также ценным источником природных ресурсов для империи⁷. «Колонизация Тайваня открыла дверь для дальнейшего проникновения в Азию»⁸.

Что касается Корейского полуострова, то с самого начала периода Мэйдзи Япония рассматривала стабильность в Корее как главную гарантию национальной безопасности. По словам Аритомо Ямагата (1838—1922), «...Токио должен защищать сферу своих жизненно-важных интересов. Корейский полуостров входит в сферу интересов Японии; если кто-либо займет полуостров, тот сосредоточит в своих руках полный контроль над всей Восточной Азией»⁹.

Административная политика

С 1858 г. Индия стала составной частью Британской империи, а королева Виктория получила титул императрицы Индии. Управляя страной генерал-губернатор, получивший позднее титул вице-короля.

В результате земельной реформы, проведённой британским руководством, индийские крестьяне превратились в одно из самых бедных сословий в Индии. Согласно Декларации королевы Виктории 1858 г., индийское население получило возможность попасть на государственную службу¹⁰. В 1885 г. был создан Индийский национальный конгресс, в 1906 г. — Мусульманская лига. Реформы Морли—Минто 1909 г. позволили индийцам свободно высказывать свои жалобы и предложения посредством законодательных советов Индии. Благодаря законам о Конституции и правительстве Индии 1935 г. местное население получило доступ к государственному управлению. Индийцы могли участвовать в выборах в министерства провинций¹¹.

Алжир как колониальная территория всегда находился в особом положении. Данная колония была в ведении министерства внутренних дел (а не министерства колоний). Правительственные акты, касающиеся Алжира, имели подпись президента республики. Многие крупные фео-

дали сохранили земли и привилегии, а многие из них даже стали чиновниками колониальной администрации¹².

В период с 1885 по 1900 г. французы заключали официальные соглашения с туземными властями Алжира, а французские администраторы имели статус «резидентов»¹³. Позднее, в 1900—1914 гг., теория внутреннего протектората уступила место идее прямого управления и «казарменного авторитаризма». Во главе администрации Алжира с 1902 г. находился генерал-губернатор. С 1914 г. французское руководство вновь обратилось к принципу косвенного управления¹⁴. В 1947 г. алжирцы получили статус французских граждан.

Верховная власть над аннексированными территориями Эльзас-Лотарингии принадлежала германскому императору и Бундесрату. Все распоряжения приходили непосредственно из Берлина от канцлера, которого представлял в Страсбурге обер-президент. С июня 1873 г. на территории имперской земли действовала Конституция империи 1871 г. Начиная с 1874 г. от провинций Эльзаса и Лотарингии выбирались 15 представителей в Рейхстаг. Кроме того, по императорскому указу создаётся совещательный орган, региональный комитет, но его представители не были допущены ни в Бундесрат, ни в Имперский исполнительный совет¹⁵.

Первым генерал-губернатором Эльзас-Лотарингии стал фельд-маршал Эдвин Карл Рохус фон Мантейфель (1879—1885). Именно он провозгласил, что превратит земли Рейха в «самые немецкие из всех немецких земель»¹⁶.

В 1911 г. Эльзасу и Лотарингии была дарована Конституция, однако её п. 1 ст. 2 гласил: «Кайзеру принадлежит суверенитет Эльзас-Лотарингии»¹⁷. Согласно новой Конституции, Эльзасу и Лотарингии даровались три места в Бундесрате, хотя на самом деле эти три голоса принадлежали Пруссии.

Ирландия — это уникальное явление для Великобритании. Она входила в состав Соединённого Королевства, но управлялась как колония. «Ирландия представляла собой провинциальную окраину Соединённого Королевства, не имевшую собственного законодательного органа»¹⁸.

В результате англиканской реформации Генрих VIII стал главой ирландской церкви. Наибольшее значение в подчинении Ирландии сыграла аграрная реформа 1534 г., которая заключалась в «сдаче и новом пожаловании поместий» лояльным ирландским вождям, а также в мас-

совой конфискации земель у ирландцев¹⁹. Официально колонизация Ирландии началась в XVI в. Были созданы президентства, осуществлявшие управление всеми графствами. В Дублине был образован Государственный совет по подобию Тайного совета в Лондоне, учреждён Суд королевской скамьи, Суд замковой палаты, а также Казначейский суд.

После заключения Унии в 1801 г. Ирландия формально была включена в Соединённое Королевство. Однако ирландцы-католики до 1829 г. не были допущены в объединённый Парламент.

Выделяют несколько периодов японского административного управления Тайванем: завоевание Тайваня (1895—1898), период «научного управления» (1898—1906); период активного усмирения диких племен острова (1906—1919); период «просвещенного управления» (1919—1936); период военного управления, форсированной ассимиляции и империализации (коминка) (1936—1945)²⁰. Главой администрации Тайваня являлся генерал-губернатор. До 1920-х годов представителям полиции было разрешено занимать должности в гражданской администрации²¹. Система коллективной ответственности (кит. — *баоцзя*, яп. — *хоко*) служила вспомогательным институтом при полиции для осуществления контроля за местными жителями.

В период «просвещённого правления» был назначен первый гражданский генерал-губернатор и была прекращена практика назначения полицейских на административные должности, разграничены полномочия гражданских и военных полицейских. В 1921 г. был создан орган самоуправления — законосовещательный совет. Однако члены совета назначались губернатором²². По словам генерал-губернатора Тайваня Дэн Кэндзио (1919—1923), народ Тайваня стремился получить право на самоуправление, как британская Канада или Австралия. Однако это будет возможно только тогда, когда культурный уровень местного населения сравняется с культурным уровнем народа Японии²³. Японцы старались не допускать тайваньцев на административные должности. Стоит отметить, что к 1942 г. на Тайване только 1—1,5 % госслужащих были представителями местного населения²⁴.

Генерал-губернатор Кореи назначался императором Японии, обладал законодательной инициативой, назначал судей и отвечал за военную мобилизацию. Почти все генерал-губернаторы Кореи до 1919 г. были действующими генералами японской армии. Все вышестоящие должности в местных и центральных аппаратах управления, а также в полиции были заняты японцами²⁵. С помощью Восточной колониальной

компании, основанной в 1908 г., японцы прибрали к рукам почти все корейские земли.

В японской административной политике в Корее в период «военного управления» (1910—1919) важную роль играла японская жандармерия кэмпэйтэй. Генеральный резидент Кореи Ито Хиробуми считал, что представители военной полиции «... должны взять в свои руки контроль над юридическими вопросами, даже если возникнет необходимость прикрываться именем корейских властей»²⁶.

В рамках политики «культурного правления» (1919—1945), которую сами корейцы называли «политикой бархатной кошачьей лапы»²⁷, была упразднена военная полиция, растёт число корейцев на административных постах. Однако с 1931 г. снова ужесточается цензура и административный контроль. От «военного» управления, «сабельной политики», политики национального угнетения к политике «культурного» управления, политике обмана, дележа добычи с корейской буржуазией — такова эволюция японской политики в Корее, по словам журналиста Исимори²⁸.

Культурная и образовательная политика

Великобритания проводила в Индии либеральную политику в области культуры и образования. Англичане никогда не пытались навязать силой свой язык и культуру местным жителям. Они хотели сформировать «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума»²⁹.

Колониальная политика Великобритании отражалась в концепции «бремени белого человека», что означало ответственность метрополии за всех подданных империи³⁰.

В отличие от Великобритании, в области культурной политики Япония, Франция и Германия сделали ставку на ассимиляцию.

На картах, созданных после 1871 г., Эльзас и Лотарингия были обозначены как немецкие территории. В местных школах упор делался на изучение истории родного края, ученикам прививалась любовь к Родине (Heimat), под которой подразумевалась Германия. Школьников учили говорить, писать и петь песни и гимны на немецком языке³¹.

В XVII в. протестантизм стал основой цивилизаторской миссии англичан в Ирландии. Дети ведущих землевладельцев, торговцев, обще-

ственных деятелей-католиков должны были посещать колледж Тринити в Дублине, дабы они «...были воспитаны в духе английских обычаев и религии»³². Ирландским пэрам было предписано отправлять своих сыновей на обучение в Англию. В 20-е годы XIX в. в национальном движении Ирландии главенствующее место занял религиозный вопрос. В 1829 г. парламент принял закон об «эмансипации католиков»³³.

Англичане не признавали успехов культуры Ирландии, постоянно говоря о вечной отсталости и не способности этой страны к самостоятельному развитию. Однако, по мнению Энгельса, «...английское нашествие отняло у Ирландии всяческую возможность развития и отбросило её на столетия назад... начиная с XII в.»³⁴.

Образовательная политика являлась важнейшим компонентом культурной ассимиляции на Тайване. Основной задачей было превращение формозцев в преданных подданных империи. В начальных или «общих» школах преподавали японский язык, арифметику и другие науки, пение, спортивные занятия³⁵. Запрет на среднее и высшее образование для всех жителей колонии сохранялся до 1915 г. Тайваньцам предлагались краткосрочные программы по обучению в Японии во время каникул³⁶.

При генерал-губернаторе Дэн Кэндзио (1919—1923) ученики, которые хорошо владели японским языком, могли учиться в школах для японских детей. Среднее и специальное образование также стало одинаково доступным как для японцев, так и для местного населения³⁷. Однако власти всегда сохраняли привилегии за японскими учениками. Представители японской администрации продолжали рассматривать тайваньцев как «дно пирамиды»³⁸.

В годы Второй мировой войны образовательная и культурная политика японского руководства была направлена на то, чтобы привить формозцам «японский дух». Для этого создавались «реальные вспомогательные школы», «молодёжные школы», «молодежные союзы», «скаутские союзы» и «оборонные союзы», в которых преподавалась военная подготовка³⁹. С 1937 г. проводилась кампания по Всеобщей мобилизации гражданского духа. В сентябре была создана Ассоциация процветания гражданских обычаев. С 1938 г. начинается Движение за производство на пользу Родины⁴⁰.

Первый закон «О постановке дела народного образования в Корее» был издан 1 ноября 1911 г.⁴¹ В курс начального образования входило изучение национального, т. е. японского, языка и усвоение общепри-

нятого нравственного кодекса, т. е. почитания императора Японии и преданности ему⁴². В начальных школах обучение велось по учебникам, написанным на японском языке. Большая часть популярной литературы была переведена на японский язык.

Японцы провозглашали родство японской и корейской наций. Полагалось, что если корейцы и не совсем японцы, то они могут ими стать в результате ассимиляции. Согласно теории «кадзоку кокка» («государство как семья»), отцом японской нации считался император Японии, а включённые в состав японского государства народы, в том числе и народ Кореи, считались детьми японской императорской семьи.

В середине 1930-х годов корейский народ провозглашается субъектом Японской империи «комин», преданным японскому императору, как и сами японцы. Политика «империализации» («комин-ка») была обусловлена внешнеполитической ситуацией — войной с Китаем. Именно в этот период начинается кампания по Всеобщей мобилизации. В это время пишется «присяга поданных Японской империи» (коококу синмин но сэйси)⁴³ и разрабатывается «гимнастика для подданных империи» (тэйкоку синмин но тайсо)⁴⁴. Все эти меры должны были служить «поднятию морального духа корейского народа, преданного империи и императору». Наряду с этим японское руководство проводит кампанию по принудительному посещению синтоистских храмов и изменению корейских имён и фамилий на японские («соси каймэй»).

Анализ колониальной политики европейских держав и Японии в Корее и на Тайване позволяет сделать вывод, что, несмотря на то что европейские колониальные державы тоже насаждали свою культуру и язык, только Япония делала упор на культурную ассимиляцию. В области административного руководства японцы, как и французы в Алжире, использовали принцип прямого управления. Англичане на протяжении многовекового господства в Ирландии пытались заручиться поддержкой местной элиты. Японцы, наоборот, старались не допускать местное население к управлению как на Тайване, так и в Корее. Несмотря на то что и Франция, и Германия прибегали к помощи жандармерии для контроля над колониями, система японской военной полиции в Корее и на Тайване была уникальным в своём роде явлением. В период «военного управления» (1910—1919) представители кэмпэйтай в Корее принимали участие во всех сферах жизни общества — от строительства дорог до здравоохранения. На Тайване для оказания помощи военной полиции существовала система коллективной ответственности «баоцзя».

Что касается политики в области образования, то Япония так же, как Германия и Франция, проводила политику культурной ассимиляции. Японское и немецкое руководство спекулировало историческими фактами и этнической близостью с местным населением, представляя аннексию как воссоединение братских народов. Япония и Германия уделяли большое внимание распространению соответственно японского и немецкого языка в качестве государственного на территории своих колоний. В отличие от Великобритании и Франции, немецкое и японское руководство практиковали патриотические занятия в школах. Население в Корее и на Тайване в принудительном порядке заставляли посещать синтоистские храмы. В Эльзас-Лотарингии и Ирландии колониальное руководство также всячески притесняло местное население, исповедовавшее католицизм. Укита Кадзутами, редактор журнала «Таё», утверждал, что ассимиляции ирландцев и эльзасцев помешали религиозные, расовые и культурные различия⁴⁵. В случае с Японией и Кореей, по мнению Укита, подобные проблемы не должны были возникнуть, так как японцы и корейцы — представители одной нации с общей культурой и традициями.

До 1930-х годов политика Японии в Корее и на Тайване была схожей с политикой Франции в Алжире и Германии в Эльзас-Лотарингии. В дальнейшем японская ассимиляция приобрела более радикальный характер.

Несмотря на то что японское руководство в отношении Кореи применяло ту же политику, что и на Тайване, по отношению к местному населению колониальное управление на Корейском полуострове было более репрессивным. Причиной этого стало то, что на протяжении всей своей истории Корейское государство было самостоятельным; кроме того, корейский народ, в отличие от тайваньцев, обладал этнической однородностью. Поэтому корейцы в большей степени, чем формозцы, стремились к независимости от Японии. «Остальные субъекты Японской империи, такие как тайваньцы, ...столкнулись с той же ситуацией, что и корейцы, но последние в период японского господства были, возможно, самыми подавленными и разочарованными, так как были самыми независимыми»⁴⁶. Японский учёный Нитобэ Инадзо (1862—1933) исследовал различия между японской колониальной политикой в Корее и на Тайване. В своей статье под названием «Японская колонизация» в 1920 г. Нитобэ писал, что история Тайваня не такая длинная, как история Кореи; корейцы очень гордятся своей многовековой историей, счи-

тая себя «одной из древних наций на Земле». Поэтому идея самоопределения получила большую популярность в Корее, чем на Тайване⁴⁷. В тексте петиции о создании тайваньского парламента (1921 г.) тайваньцы признавали суверенитет Японии над Тайванем («Тайвань принадлежит Японской империи и является ее частью»)⁴⁸.

После мартовских событий 1919 г. премьер-министр Японии Хара Такаси признал ошибочным использование западной административной политики в Корее, так как родство между корейской и японской нациями было намного ближе. Хара утверждал, что «ключевым словом для этой политики (японской политики в Корее. — Д.Я.) является единство [toitsu]: единство между отечеством в лице Японии и колониальной территорией в лице Кореи»⁴⁹. Он выступал за совместное обучение и проживание корейцев и японцев как ключ к успешной ассимиляции. По мнению Хара Такаси, «...дискриминация подвергает риску успех политики [ассимиляции]»⁵⁰. Тем не менее именно дискриминация корейского населения стала главной причиной провала японской политики в Корее. Все заявления о родстве и единстве японского и корейского народа оставались на уровне демагогии. В своей книге «Нация и миграция в имперской Японии» (1994) М. Вайнер писал, что «центральным мотивом японского империализма было представление о том, что корейцы и другие азиатские народы в некотором смысле уступают [японской нации]»⁵¹.

Европейская и японская ассимиляционная политика в Корее и на Тайване не завершилась успехом, причиной этого является ее преимущественно насильственный характер. Вероятно, если бы новая культура не насаждалась путём репрессий, то колонизаторам удалось бы добиться успеха.

Примечания

¹ *Mark E. Caprio*. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910—1945. Seattle and London, 2009. P. 123.

² *Mark E. Caprio*. Neo-Nationalist Interpretations of Japan's Annexation of Korea: The Colonization Debate in Japan and South Korea // *The Asia-Pacific Journal*, 44-4-10, November 1, 2010. P. 3.

³ *Ланда П.Г.* История Алжира. XX век. М.: ИВ РАН, 1999. С. 12.

⁴ *Barry Cerf*. Alsace-Lorraine since 1870. The Macmillan Company, 1919. P. 19.

⁵ Ibid. Op. cit. P. 22.

⁶ Сапрыкин М.Ю. Английское завоевание Ирландии XII—XVII. М.: Высшая школа, 1982. С. 92.

⁷ Перминова В.А. Тайвань — «образцовая» колония Японии (1895—1945 гг.): Особенности социально-экономических преобразований». М.: Институт Востоковедения РАН. 2016. С. 94.

⁸ Huang-Wei Lai. The turtle woman's voices: Multilingual strategies of resistance and assimilation in Taiwan under Japanese colonial rule, Master theses 1896 — february 2014, University of Massachusetts, paper 60, 2007. P. 33.

⁹ Marlene Mayo. Attitudes toward Asia and the Beginnings of Japanese Empire, in John Livingston, Joe Moore, and Felicia Oldfather, eds., *Imperial Japan, 1800—1945* (New York: Random House, 1973). P. 214—215.

¹⁰ Khaled Mortuza. Aspects of colonialism in Asia: a comparative study of the Japanese in Korea (1910—1945) and the british in India (1757—1947) // The Materials of the 1st World Congress of Korean Studies, Embracing the Other: The Introduction of Korean and Foreign Cultures. Seoul: the Academy of Korean Studies, 2002. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358731305.pdf (03.04.2014). P. 9.

¹¹ Khaled Mortuza. Op. cit. P. 11.

¹² Ibid. P. 25.

¹³ Ланда Р.Г. Указ. соч. С. 34.

¹⁴ Сурягин С.Ю. Традиционные институты власти тропической Африки в системе местного управления британской и французской колониальных администраций. URL: Pravmisl.ru

¹⁵ Barry Cerf. Op. cit. P. 32.

¹⁶ Ibid. P. 36.

¹⁷ Ibid. P. 45.

¹⁸ Британская империя в XX веке, Пегушев А.М. (ред.), М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. С. 145.

¹⁹ Сапрыкин М.Ю. Указ. соч. С. 87.

²⁰ Перминова В.А. Указ. соч. С. 95

²¹ Там же. С. 98.

²² Там же. С. 103.

- ²³ *George W. Mackay*. Japanese Administration in Formosa // *The Journal of Race Development*. Vol. 2. No. 2 (Oct., 1911). P. 634.
- ²⁴ *Калашиников Н.И.* Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // *Восток*. 1999. № 6. С. 28.
- ²⁵ *Khaled Mortuza*. Op. cit. P. 10.
- ²⁶ *Matsuda Toshihiko*. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904—1919. Nichibunken Monograph Series No. 12, International Research Center for Japanese Studies. Kyoto, 2011. P. 16ю
- ²⁷ *Кузнецов С.И.* Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885—1945). Иркутск, 1996. С. 64.
- ²⁸ *Ким Ник*. Эволюция японской политики в Корее. С. 92.
- ²⁹ *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 2. Ч. 3. М.: Высш. шк., 1994. С. 17.
- ³⁰ *Остапенко Г.С.* Особенности британского колониализма // *Сб. Британская империя в XX в. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 54.*
- ³¹ *Stephen L. Harp*. Learning to be Loyal: primary schooling as nation building in Alsace and Lorraine. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 1998. P. 16.
- ³² Ireland and the British Empire. P. 34.
- ³³ История Ирландии / отв. ред. Л.И. Гольман. М.: Мысль, 1980. С. 75.
- ³⁴ *Сапрыкин М.Ю.* указ. соч. С. 76.
- ³⁵ *Patrisia E. Tsurumi*. Education and assimilation in Taiwan under Japanese Rule, 1895—1945. *Modern Asian Studies*, 13,4(1979). P. 617—641, 619.
- ³⁶ Ibid. P. 622.
- ³⁷ Ibid. P. 624.
- ³⁸ Ibid. P. 626.
- ³⁹ *Головачёв В.Ц.* Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895—1945) // *Общество и государство в Китае. XXXIX научная конференция. Ин-т востоковедения РАН. Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1. М.: Вост. лит., 2009. С. 217.*
- ⁴⁰ Там же. С. 218—219.
- ⁴¹ *Шумаев В.И.* Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895—1912). М., 1964. С. 219.

⁴² *Inaba Tsukio*. Chosen shokuminchi kyoiku seisakusi no saikento. (Новое исследование по истории образования в колониальной Корее). Kyushu Daigaku, 2010. P. 8.

⁴³ Ibid. P. 142.

⁴⁴ Ibid. P. 143.

⁴⁵ *Mark E. Caprio*. Japanese assimilation policies in colonial Korea 1910—1945», University of Washington Press, 2009. P. 82.

⁴⁶ *Huang-Wei Lai*. Op. cit. P. 6.

⁴⁷ *Mark E. Caprio*. Op. cit. P. 204.

⁴⁸ *Перминова В.А.* указ. соч. С. 111.

⁴⁹ *Mark E. Caprio*. Op. cit. P. 124.

⁵⁰ Ibid. P. 124.

⁵¹ *Weiner Michael*. Race and Migration in imperial Japan. London: Routledge, 1994. P. 21—24.

Р.Н. Лобов

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РК И ЯПОНИЕЙ

Взаимоотношения между РК и Японией традиционно считаются непростыми, вместе с тем двусторонние отношения ближайших соседей за 60 с лишним лет развития, по существу, демонстрируют заметный прогресс. 65 лет тому назад двусторонние контакты приходилось начинать едва ли не с чистого листа.

С чего начинался переговорный процесс между РК и Японией? Какие факторы располагали к тому, чтобы начать длительный процесс налаживания двусторонних отношений? Какова вообще была роль внешних акторов, в первую очередь — США?

Утверждение о том, что тень колониального прошлого оказывает влияние на развитие отношений между РК и Японией, давно является трюизмом. Действительно, если обратить внимание на современное состояние отношений Сеула и Токио, то станет очевидным, что проблемы трактовки исторического прошлого оказывают немалое влияние на климат двусторонних отношений, хотя, казалось бы, с момента освобождения Кореи от японского колониального господства прошло без малого 70 лет, сменилось несколько поколений корейцев, да и сама страна изменилась с тех пор до неузнаваемости. (В нашем случае, конечно, с учетом того, что сама повестка двусторонних переговоров является прямым следствием японского колониального правления, «тень колониализма» — далеко не фигура речи.)

В начале 1950-х, когда РК предстояло только встроиться как в региональную, так и глобальную систему международных отношений,

которая, по сути, только формировалась, колониальное наследие оказывало определяющее влияние на состояние умов. Вместе с тем задача установления дипломатических отношений с Японией была актуальной во внешнеполитической повестке дня по целому ряду причин.

Во-первых, с самого начала своего существования КНДР и РК вступили на путь противоборства, соперничества, и это сказывалось, в частности, в сфере дипотношений. Если в настоящее время практика одновременного признания КНДР и РК является во многом устоявшейся, то в начале 1950-х такой дипломатический «плюрализм» невозможно было себе представить: необходимо было сделать выбор — устанавливать дипломатические отношения с Севером либо с Югом Корейского полуострова. Практика одновременного признания и КНДР, и РК устоялась существенно позднее — в конце 1980-х годов — с распадом мировой социалистической системы и общей либерализацией внешнеполитического курса РК.

Конечно, ответ на вопрос о том, был ли возможен вариант нормализации двусторонних отношений между КНДР и Японией на данном этапе (т. е. в начале 1950-х годов), в настоящее время представляется очевидным: это было невозможно в силу политической линии США в отношении Японии. Вместе с тем, оказавшись впоследствии южнокорейское руководство более косным, чем оно было, скажем, в 1960-е годы, то вариант дипломатического признания КНДР и Японии в начале 1970-х годов, во время «никсоновских шоков», которые и привели к довольно оперативной нормализации двусторонних отношений между Японией и КНР, был бы вполне реален (тем более что в начале 1970-х и КНДР приступила к развитию дипломатических отношений с Японией).

Во-вторых, этому способствовала и политическая линия США в Восточной Азии в означенный период. Представляется вполне естественным, что усилия американской дипломатии также не следует недооценивать.

Стоит отметить, что к началу 1950-х годов американская дипломатическая линия в регионе претерпела радикальный поворот, связанный не в последнюю очередь с провозглашением Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Победа коммунистов в Гражданской войне спутала все карты в американской стратегии на Дальнем Востоке, поскольку предполагалось, что форпостом влияния США в регионе станет гоминьдановский Китай. Японию же собирались максимально «зачистить», дабы не допустить реставрации японского милитаризма. Од-

нако выход континентального Китая из зоны влияния США внес заметные коррективы в американскую стратегию в регионе. В частности, ключевыми военно-политическими партнерами США в регионе становятся Япония и Республика Корея.

Очевидно, что сколько-нибудь серьезные трения и противоречия между двумя стратегическими союзниками были не в интересах США. Потому одной из задач американской дипломатии стало содействие нормализации двусторонних отношений между этими странами.

В-третьих, следует отметить, что при всем антияпонском настрое южнокорейского правящего класса, в Сеуле все же осознавали необходимость урегулирования двусторонних отношений. Да, внешнеполитический курс президента РК Ли Сын Мана был подчеркнута антияпонским. И, тем не менее, сам факт тяготения официального Сеула к переговорному процессу демонстрирует и довольно прагматичные нотки в южнокорейском подходе в отношении Японии.

При этом южнокорейская сторона изначально рассчитывала на участие в подписании Сан-Францисского мирного договора с Японией. Южнокорейское руководство демонстрировало заметный и вполне объяснимый к этому интерес, поскольку участие РК в подписании мирного договора в определенной степени легитимизировало бы ее статус на международной арене в условиях соперничества двух корейских государств за дипломатическое признание. Кроме того, за участием в подписании Сан-Францисского договора южнокорейская сторона усмотрела возможность получения репараций со стороны Японии. Вместе с тем правительство США оппонировало попыткам Сеула продвинуть идею о репарациях, поскольку это в тот момент противоречило американскому внешнеполитическому курсу в отношении Японии. В итоге РК не получила приглашения на конференцию в Сан-Франциско, поскольку Временное правительство РК, находившееся с 1940 г. в Чунцине, так и не объявило войну Японии, а следовательно, в клуб стран — победительниц японского милитаризма РК войти не могла.

Тем не менее Ли Сын Ман не оставил желаний заключить мирный договор с Японией. Более того, южнокорейское правительство запросило содействия Верховного командования союзных сил (SCAP) по организации переговоров между РК и Японией сразу после подписания Сан-Францисского договора¹.

Конечно, круг вопросов, которые неминуемо были бы вынесены на обсуждение в двустороннем формате, был достаточно широк. Впо-

следствии, на первом этапе переговоров между Сеулом и Токио в 1952 г. именно эти темы и станут основой для повестки дня.

Речь идет, *во-первых*, о вопросах, связанных с теми договорами, которые были заключены между Кореей и Японией до 1910 г. Естественно, особое внимание при этом уделялось Договору об аннексии (буквально — «слиянии») между Кореей и Японией (кор. — *한일병합조약*; *日韓併合条約*), а также Канхвасскому договору от 1876 г., который, собственно, и начал новый период в корейско-японских отношениях. *Во-вторых*, на повестку дня были вынесены проблемы, связанные с компенсациями и имущественными спорами. В-третьих, довольно важной проблемой для южнокорейского руководства был статус корейцев, проживающих в Японии. Корейская сторона заявляла, что все они «являются гражданами Республики Корея», при этом японская сторона не возражала против такой постановки вопроса — японским корейцам подданство так и не было предоставлено. *В-четвертых*, традиционно важной проблемой оставался территориальный спор по поводу островов Токто.

Предварительный этап переговоров продолжался с 20 октября по 4 декабря 1951 г. Делегацию РК на переговорах возглавлял Ян Ю Чхан (посол РК в США), делегацию Японии — Садао Игути². Переговоры состоялись в Токио при активном содействии Верховного командования союзных сил.

Изначально предполагалось, что предметом предварительных переговоров станет, *во-первых*, обсуждение проблемы корейцев, проживающих в Японии, а *во-вторых* — определение рамок повестки дня переговоров³. Характерно, что инициатива выдвижения именно такой темы для предстоящих переговоров принадлежала южнокорейской стороне, что в общем объясняется известным дипломатическим соревнованием между двумя корейскими государствами. При этом Японии такой подход к определению повестки дня был также во многом на руку. С одной стороны, наличие большой корейской общины, которая была на тот момент практически не инкорпорирована в японское общество, вызывало в Японии некоторое беспокойство. С другой стороны, среди целого ряда проблем в двусторонних отношениях проблема японских корейцев была, пожалуй, наименее конфликтогенной, хотя могла таить в себе определенный деструктивный потенциал.

Глава дипломатической секции Верховного командования союзных сил Уильям Себальд заявил: «В то время когда насилие так гос-

подствует в мире, обнадеживает то, что представители двух наций сели [за стол переговоров] в духе спокойствия, будучи искренне нацеленными на поиск решений их взаимных проблем»⁴. Тем самым представитель американской дипломатии выразил надежду на то, что сторонам удастся договориться и, следовательно, создать фундамент для формирования двусторонних отношений, а также сделать шаг к попытке урегулировать имеющиеся противоречия.

В свою очередь, глава японской делегации Игути Садао отметил, что дискуссия по «вопросу о гражданстве» (т. е. — о статусе корейцев, проживающих в Японии) в конечном итоге приведет к обсуждению проблемы создания основополагающего соглашения, которое бы регулировало будущее взаимоотношений двух стран⁵.

Ответствуя своему визави, Ян Ю Чхан, глава корейской делегации, заявил: «Будучи близкими соседями, Корея и Япония должны сейчас приложить усилия к тому, чтобы сделать свои дипломатические и коммерческие отношения функционирующими к моменту вступления в силу мирного договора с Японией. (...) Правительство Республики Корея неоднократно публично декларировало свою волю к тому, чтобы зарыть топор [войны] и продвигать сотрудничество с Японией перед лицом коммунистической агрессии (дело происходит во время Корейской войны. — *Р.Л.*), которая угрожает миру и безопасности в Тихоокеанском регионе и, более того, — всему миру»⁶.

25 октября 1951 г. японская делегация озвучила свои предложения относительно проблемы статуса корейцев в Японии.

Во-первых, с точки зрения японской стороны, предполагалось, что все корейцы, проживающие в Японии, потеряют японское подданство и получат гражданство Республики Корея после того, как Сан-Францисский мирный договор вступит в силу.

Во-вторых, корейцев, проживающих в Японии, должны были выявлять по семейным родословным книгам.

В-третьих, натурализация должна была быть разрешена согласно японскому Закону о гражданстве⁷.

30 октября 1951 г. глава делегации РК Ян Ю Чхан сообщил о том, что представители южнокорейской делегации встретились с японским руководством для того, чтобы рассмотреть методы обеспечения полных прав корейцев в Японии, защиты собственности, возможностей для ведения бизнеса, гарантий против судебной депортации и прав человека корейского населения в Японии⁸.

Глава южнокорейской делегации выразил удовлетворенность тем, что двусторонняя встреча продолжается с полной преисполненностью обеими сторонами важности решения поставленных проблем, что «ляжет в основу будущих гармоничных и взаимовыгодных отношений между двумя странами».

8 ноября 1951 г. японская сторона озвучила свои предложения по дальнейшему регламенту двусторонних отношений. Поскольку намечалось расширение круга обсуждаемых вопросов, — таких как установление дипломатических отношений, соглашения о претензиях между РК и Японией, правах на рыболовство и о многом другом, то представители делегации Японии предложили провести встречи 24 ноября 1951 г. в Токио (о собственности и правах), 5 января 1952 г. в Пусане (о рыболовстве) и 21 января 1952 г. (о коммерции и морской навигации)⁹.

Однако уже в начале декабря 1951 г. переговоры были завершены в связи с отбытием главы южнокорейской делегации в США «для исполнения своих обязанностей» в качестве посла США.

Важным и ключевым итогом предварительного этапа переговоров между РК и Японией по поводу нормализации двусторонних отношений стало определение повестки дня. Если изначально на обсуждение выносились только вопросы, связанные со статусом корейских граждан в Японии, то уже к концу предварительного этапа переговоров на обсуждение стали выноситься и иные вопросы, которые впоследствии станут основой диалога между РК и Японией на протяжении 14 лет. Несмотря на то что переговоры между РК и Японией замышлялись как своего рода аналог Сан-Францисской конференции для тех, кто «не успел», дипломатам, участвующим в переговорном процессе, по всей видимости, удалось заложить основу для последующего диалога. Первый этап переговоров между РК и Японией состоялся уже в феврале 1952 г.

Вместе с тем ожидать иных итогов от двусторонних предварительных переговоров, которые стали пробным шаром, было бы несколько наивно. Как еще не раз покажет история переговорного процесса между РК и Японией, редкая тема из списка значимых для двусторонних переговоров не стала бы источником противоречий и, как следствие, бурных дискуссий, переходящих в очередной дипломатический скандал.

Примечания

¹ *Chong-Sik Lee*. Japan and Korea: the political dimension. Stanford, 1985.

² *Штаев В.И.* Япония и Южная Корея. М., 1981.

³ 한일회담 관련 공개 문서全文 다운 받기. URL: http://www.donga.com/news/d_story/politics/K_J_agreement65/data.html

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

В.А. Гринюк

70-ЛЕТИЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НОВЫЕ МОМЕНТЫ В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ С РК

Выступление премьер-министра С. Абэ 14 августа 2015 г.

Официальная позиция японского руководства по проблемам войн, развязанных милитаристской Японией в 30—40 годы XX в., и колониального господства Японской империи была в общих чертах обозначена ещё в начале 2015 г. 5 января в ходе первой в наступившем году пресс-конференции премьер-министр С. Абэ подчеркнул, что заявление его правительства по поводу 70-й годовщины окончания Второй мировой войны будет составлено с опорой на «коллективную мудрость, в нём прозвучит раскаяние по поводу войны, документ включит в себя положения о шагах, предпринятых Японией в послевоенный период в качестве миролюбивой нации и о вкладе, который Япония намерена сделать в развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и мира».

Далее премьер продолжил: «Как я всегда говорил, правительство Абэ придерживается позиции признания [действий Японии во время войны], сформулированной всеми предыдущими правительствами, включая и заявление Т. Мураямы. Более того, мы будем и впредь придерживаться этой позиции»¹.

Генеральный секретарь кабинета министров Японии Суга Ёсихидэ в начале января 2015 г. заявил по телевидению, что правительство «унаследует во всей полноте» подходы, изложенные в заявлениях пре-

мьер-министра Т. Мураямы и премьер-министра Дз. Коидзуми в связи с 50-летием и 60-летием окончания Второй мировой войны².

Выступление премьер-министра С. Абэ, посвящённое 70-й годовщине окончания Второй мировой войны, стало знаковым событием политической жизни Японии. Значение текста, озвученного японским лидером на пресс-конференции 14 августа 2015 г., очень велико. Подобно речи премьер-министра Т. Мураямы от 15 августа 1995 г. и речи премьер-министра Дз. Коидзуми от 15 августа 2005 г., посвящённых соответственно 50-й и 60-й годовщинам окончания войны³, последний по времени документ долго будет рассматриваться как эталон официальной оценки Токио колониальной политики и войн, которые Страна восходящего солнца вела в прошлом. Речь премьер-министра Т. Мураямы 15 августа 1995 г. содержала извинения за то, что Япония своим «колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб народам других, в особенности азиатских, стран»⁴. Речь премьер-министра Дз. Коидзуми 15 августа 2005 г. была полным повторением речи Т. Мураямы.

За восемь дней до памятной даты, 7 августа 2015 г., в японских газетах был опубликован доклад специально сформированной в помощь премьер-министру С. Абэ группы экспертов — «Совещания по разработке концепций XXI в.», которую возглавил президент Почтовой корпорации Японии Т. Нисимура. По мнению подавляющего числа членов этой группы, глава японского правительства в выступлении, посвящённом 70-летию окончания Второй мировой войны, должен был предпринять однозначную самокритику по поводу агрессивных действий Японской империи до 1945 г. Аналогичную позицию относительно выступления действующего лидера страны изложил в письменном интервью газете «Ёмиури симбун» и видный японский политик, бывший премьер-министр Я. Накасонэ. Он полагал необходимым следовать духу заявлений Т. Мураяма и Дз. Коидзуми, выразивших извинения за агрессию и колониальное правление Японской империи⁵.

Но реально озвученный 14 августа 2015 г. текст выступления премьер-министра Японии, утверждённый решением кабинета министров как официальная позиция правительства, вошёл в противоречие с пожеланиями специалистов. Выступление С. Абэ отличалось неясными, уклончивыми формулировками. Так, по поводу колониальной политики японский лидер сказал следующее: «Более 100 лет назад в мире распространялись обширные колонии, которыми владели в первую очередь

западноевропейские государства. Волна колониального господства, основанного на подавляющем превосходстве колониальных государств в технике, в XIX в. подступила к Азии. Ощущение опасности колониального угнетения стало для Японии движущей силой модернизации. Япония первой в Азии стала проводить конституционную политику и защитила собственную независимость. Русско-японская война вдохновила многие народы Азии и Африки, бывшие объектами колониального владычества»⁶. Можно подумать, что Япония была в авангарде борьбы азиатских и африканских народов против колониализма. Премьер-министр Японии как бы выносит за скобки то, что к началу русско-японской войны Японская империя уже около 10 лет осуществляла колониальное управление Тайванем и далеко продвинулась в подчинении Кореи — ещё одной собственной колонии. К тому же Япония вела войну против России, опираясь на военный союз с Великобританией — одной из главных колониальных держав.

Заявление С. Абэ содержало слова «инцидент», «агрессия» и «война», но они были приведены в обезличенной и абстрактной манере, без прямых указаний на Японию как на виновника этих преступлений. Эта часть текста звучит так: «Инцидент, агрессия, война. Нельзя вновь использовать в качестве средств разрешения международных конфликтов угрозу применения силы и насилия. Нужно навсегда распрощаться с колониальным господством и сделать нормой в мире уважение всех наций на самоопределение»⁷.

Руководитель Японии отметил наличие проблемы «женщин для утешения», составляющей сегодня едва ли не главное препятствие для развития отношений между Токио и Сеулом. Но и это упоминание лишено конкретики: «Нельзя забывать, что оборотной стороной боёв было существование женщин, чести и достоинству которых были нанесены глубокие раны»⁸.

Формально С. Абэ подтвердил приверженность линии прежних лидеров Японии, выразивших извинения и чувства покаяния за деяния милитаристов. Вместе с тем выступление С. Абэ содержало пассаж, что «наши дети, внуки и представители последующих поколений, не имеющие никакого отношения к тем войнам, не должны жить с предопределённостью необходимости извиняться»⁹.

Бывший премьер-министр Японии Т. Мураяма резко критически отозвался о выступлении С. Абэ. «Оно не означало ни подтверждение, ни отрицания речи премьер-министра Т. Мураямы от 15 августа

1995 г. — комментировал 91-летний ветеран японской политики. — Слова С. Абэ было трудно понять, так как основная идея его послания затушёвана»¹⁰. В редакционной статье газеты «Асахи» говорилось, что «выступление премьер-министра Японии С. Абэ, посвящённое 70-летию окончания Второй мировой войны, заставило удивляться: с какой целью и для кого оно было составлено?.. Послание затеняет тот факт, что Япония как раз та страна, которая совершила агрессию и осуществляла колониальное правление. Документ лишь косвенно упомянул о сожалении и извинениях в связи с войной, сославшись на то, что прежние кабинеты министров Японии выражали такие настроения»¹¹.

Критические комментарии на выступление японского лидера были отмечены и за рубежом. После опубликования текста документа первый заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Есуй вызвал посла Японии в КНР М. Китэра в МИД и изложил ему позицию китайской стороны: «Япония должна чётко объяснить природу агрессии, а также свою ответственность за войну и принести искренние извинения пострадавшим народам... Японии не следует пытаться наводить глянец на серьёзные и фундаментальные проблемы»¹².

Лишь косвенное упоминание в выступлении С. Абэ понятий «сожаление» и «извинения» вызвало негативную реакцию и в Южной Корее. Президент Республики Корея Пак Кын Хе в речи 15 августа по поводу Дня национального освобождения указала, что выступление С. Абэ «содержало фрагменты, достойные сожаления», но вместе с тем отметила, что в выступлении «была ясно обозначена позиция признания истории, которую занимали прежние правительства Японии»¹³. Как сообщили источники в правительстве Республики Корея, после опубликования выступления С. Абэ 14 августа министр иностранных дел Японии Ф. Кисида вынужден был звонить по телефону своему южнокорейскому коллеге Юн Бен Се и убеждать его в том, что «понимание истории, высказанное прежними правительствами Японии, останется незыблемым и в будущем». Юн Бен Се ответил, что «важнее всего искренние действия японского правительства»¹⁴. В то же время не связанная соображениями дипломатической корректности представительница оппозиционной партии Южной Кореи «Новый политический альянс за демократию» сказала, что «хотя выступление С. Абэ содержало все ключевые термины, он, подобно умелому правонарушителю, постарался избежать ответственности»¹⁵.

С. Абэ — политик правого толка, и его консервативная позиция проявляется в трактовке исторического прошлого. В апреле 2013 г. он заявил в верхней палате парламента Японии, что не существует ни научного, ни международно-правового определения понятия «агрессия». Японские эксперты указывают на некорректность данного высказывания премьер-министра. В первую очередь, понятие «агрессия» определено в ст. 39 Устава ООН¹⁶.

В выступлении 14 августа 2015 г. С. Абэ был вынужден подтвердить свою приверженность прежним подходам японского руководства к проблеме исторической ответственности его страны. Однако ревизионистский подход премьер-министра Японии к истории не вызывает сомнений.

Новые подвижки в японо-южнокорейских отношениях

Между тем затянувшийся застой в отношениях Токио с Сеулом не только вызывает озабоченность у руководства Японии и Республики Корея, но и беспокоит американскую администрацию. Вашингтон, желая более тесной сплочённости Японии с Южной Кореей в военной сфере ввиду противостояния с КНДР, а также с учётом конфликтной ситуации в Южно-Китайском море, рассчитывает на скорейшее разрешение японо-корейских разногласий в трактовке исторического прошлого. В докладе исследовательской службы конгресса США об отношениях Японии с РК от 6 октября 2015 г. говорилось: «Несмотря на общее позитивное состояние взаимоотношений между США и РК, двусторонние связи подвергались испытаниям из-за развития ситуации в тех областях, где у двух стран время от времени возникают разногласия. Наиболее ярко это проявляется в вопросе о том, как Южной Корее развивать отношения с Японией»¹⁷.

И в Токио, и в Сеуле искали возможности для налаживания контактов между главами двух государств. Такой шанс предоставили трёхсторонние переговоры руководителей РК, Японии и КНР в Сеуле 2 ноября 2015 г.

Если со времени своей инаугурации в феврале 2013 г. до ноября 2015 г. президент РК Пак Кын Хе упорно и демонстративно избегала двусторонних встреч с японским лидером на полях многосторонних форумов, то на этот раз президент заранее выразила желание провести

саммит с С. Абэ. В связи с этим Пак Кын Хе 29 октября впервые дала подробное письменное интервью ведущим японским газетам «Асахи» и «Майнити». В переданном японским СМИ тексте руководитель Республики Корея чётко призвала руководство Японии до конца 2015 г. разрешить проблему компенсации бывшим *вианбу* («женщинам для утешения»). Пак Кын Хе выразила недовольство застоём в отношениях между двумя странами, однако не выдвинула конкретных предложений по исправлению ситуации, как бы предоставив инициативу в этом вопросе японской стороне. Как отмечается в публикации «Асахи», президент РК «указала, что причиной ухудшения японо-корейских отношений является проблема понимания истории» и призвала к тому, чтобы «РК и Япония на основе верного понимания истории преодолели прошлое и сделали предстоящий саммит поворотным моментом и отправной точкой для движения в новое будущее»¹⁸. Пак Кын Хе также подчеркнула важность того, чтобы «японское правительство как можно скорее предложило приемлемые для пострадавших и убедительные для народа нашей страны меры по разрешению проблемы». Понимая, что руководство Японии хотело бы окончательно решить вопрос *вианбу*, глава РК заявила, что она «искренне заинтересована в том, чтобы обе стороны больше не страдали от ран, вызванных событиями прошлого, и чтобы не возникало споров по этому поводу»¹⁹.

2 ноября 2015 г. на полях трёхсторонней встречи лидеров РК, Японии и КНР в Сеуле состоялся японо-южнокорейский саммит. Хотя по его окончании не было опубликовано никаких документов и не проведено пресс-конференции об итогах, встреча сама по себе была долгожданным и весьма важным событием. Руководители двух стран договорились форсировать двусторонние переговоры по скорейшему урегулированию проблемы «женщин для утешения». В ноябре и декабре 2015 г. состоялись заседания японо-южнокорейской рабочей группы по данной теме.

Важно отметить, что политический фон для усилий по разрешению сложной коллизии был непростым. В последние месяцы 2015 г. пресса Южной Кореи и Китая обсуждала перспективы совместных шагов представителей КНР и РК с целью добиться регистрации темы *вианбу* в регистре Всемирной памяти ЮНЕСКО. С другой стороны, 14 декабря 2015 г. в Сеуле начался суд над профессором университета Седжон Пак Ю Ха по обвинению в клевете. Поводом стала опубликованная профессором в 2013 г. книга «“Женщины для утешения” империи». Ав-

тор изображала *вианбу* как проституток, добровольно занимавшихся своим промыслом, а не как сексуальных рабынь по принуждению. Она утверждала, что большую роль в привлечении *вианбу* играли не японские военные, а корейцы²⁰.

В конечном счёте японское руководство проявило политическую волю, и 28 декабря 2015 г. было объявлено о достигнутом важном соглашении с Южной Кореей. Япония выразила извинение и пообещала передать в фонд помощи бывшим «женщинам для утешения» сумму в 8,3 млн долл.

Впрочем, детали двустороннего японо-южнокорейского соглашения не до конца ясны. Похоже, что в Токио и Сеуле имеются разногласия в трактовке соглашения. Так, непонятно, является ли предварительным условием выплаты японской стороной денег в фонд помощи бывшим *вианбу* проведение южнокорейскими властями демонтажа статуи девушки — символа сексуального рабства, установленной вблизи здания посольства Японии в Сеуле²¹.

По сообщениям прессы, общественность Южной Кореи критикует своё правительство, видя в его действиях nepозволительные уступки Токио и обвиняя его в «предательстве жертв сексуального рабства»²². В частности, активисты «Корейской ассоциации по решению проблемы корпуса волонтеров» (организации, выступающей в защиту бывших *вианбу*), утверждают, что правительство РК должно было добиваться разрешения проблемы на уровне международного права с официальной выплатой компенсации. Организация проводит регулярные демонстрации у статуи *вианбу* в Сеуле с участием нескольких сотен человек и угрожает установить новые статуи сексуальной рабыни в разных регионах мира²³.

* * *

Застарелая вражда и накопившееся взаимное недоверие японцев и корейцев друг к другу мешает преодолеть прошлое. Дело усугубляется из-за упорного стремления нынешнего лидера Японии оправдать преступления японского милитаризма. Ревизионистский подход премьер-министра С. Абэ к истории, проявившийся, в частности, в его заявлении по поводу 70-летия окончания Второй мировой войны, вызывает в Южной Корее сомнения в искренности намерений Японии урегулировать сложные двусторонние конфликты.

Примечания

¹ Przystap James J. Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Japan-China Relations. Gaining Traction//Comparative Connections. URL: <http://csis.org/publication/comparative-connections-v17-n1-japan-china>

² Ibid.

³ 15 августа 1945 г. император объявил по радио о капитуляции Японии, и этот день рассматривается в стране как дата окончания Войны на Тихом океане.

⁴ Ёмиури симбун. 07.08.2015.

⁵ Там же.

⁶ Асахи симбун. 14.08.2015.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Асахи симбун. 15.08.2015.

¹¹ URL: <http://ajw.asahi.com/article/views/editorial/AJ201508150031>

¹² URL: http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201508150051

¹³ URL: http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201508150060

¹⁴ URL: http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201508150051

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ёмиури симбун. 07.08.2015.

¹⁷ *Stephen Noeprer*. «US-Korea Relations: Summitry, Strength, and a Fourth Nuclear Test.» *Comparative Connections*. Vol. 17. No. 3. Jan. 2016. P. 46.

¹⁸ Асахи. 30.10.2015.

¹⁹ Там же.

²⁰ *David Kang and Jiun Biang*. «Japan-Korean Relations: A Litigious Time of the Year.» *Comparative Connections*. Vol. 17. No 3. Jan. 2016. P. 130.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Канкокуианфу [сиэндантай] нотайнитикосаку (Антаяпонская деятельность южнокорейской [организации помощи ианфу]). Сюкан бунсюн. 14.01.2016. С. 131—133.

Глава 4

КОРЕЯ: В ЗАПАСНИКАХ ИСТОРИИ

Ю.В. Ванин

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В историографии КНДР и, соответственно, в советской историографии длительное время была «закрытой» тема пребывания партизанского отряда Ким Ир Сена в первой половине 1940-х годов на советском Дальнем Востоке. Доступной для исследователей эта тема стала лишь после выхода в свет мемуаров Ким Ир Сена «В водовороте века». 8-й том мемуаров, вышедший в Пхеньяне на русском языке в 1998 г., почти целиком посвящен «советскому» периоду деятельности Ким Ир Сена и его отряда, их возвращению на родину после освобождения Кореи в августе 1945 г. Этот том требует отдельного, углубленного и объективного анализа. Мы коснемся лишь некоторых его страниц.

В России к настоящему времени опубликованы несколько работ о 88-й отдельной стрелковой бригаде Дальневосточного фронта, существовавшей в 1942—1945 гг. В эту бригаду входил и корейский батальон под командованием Ким Ир Сена (его тогда звали капитаном Цзин Жичэном). Но исследования в основном посвящены китайским подразделениям бригады. Корейская ее часть освещена крайне слабо. Полнее других она представлена в книге В.И. Иванова «В тылах Квантунской армии. Правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта» (ИДВ РАН, 2009). В ней, среди прочих источников и материалов, использован и 8-й том мемуаров Ким Ир Сена. На эти две книги опирался автор данной статьи.

Как известно, в конце 1930-х — начале 1940-х годов Япония усилила карательные акции против партизан и подпольщиков в Мань-

чжурии и Корею. Это было связано с необходимостью «зачистки» тыла перед развязыванием Японией тихоокеанской войны. Под натиском карателей многие партизанские отряды и группы подпольщиков вынуждены были укрываться на советской территории.

В ноябре 1940 г. в пределы СССР перешел и отряд Ким Ир Сена (около 30 человек). По словам Ким Ир Сена, он прибыл по приглашению Коминтерна для участия в «совещании военных командиров трех стран — Кореи, Китая и Советского Союза»¹. В таких случаях обычно заранее обговаривались время, маршрут и прочие условия перехода границы. Ничего этого не было сделано. Советские пограничники встретили отряд пулеметным огнем и продержали некоторое время в карантине, пока не выяснили все, что требуется.

Совещание состоялось в Хабаровске и продолжалось с декабря 1940 по март 1941 г. О нем рассказал в мемуарах Ким Ир Сен. Все участники подробно информировали на нем о положении в своих странах и своих боевых делах, обсуждали вопросы взаимодействия и т. д. Они одобрили идею Ким Ир Сена о необходимости в создавшихся тогда условиях перехода от борьбы с противником крупными партизанскими отрядами к действиям «малых отрядов» и даже групп. Как показано в мемуарах, на совещании возникла конфликтная ситуация. Представители советского командования предложили включить все партизанские отряды, находившиеся на территории СССР, в состав советских воинских частей под советским командованием. Против этого категорически выступили руководители китайских партизан. Напряженность на совещании, пишет Ким Ир Сен, снял он, предложив, чтобы все отряды сохраняли самостоятельность, но вели совместную с советской Дальневосточной армией борьбу, формы и методы которой можно будет определить позже.

«По нашему мнению, — сказано в мемуарах, — формы и методы совместной борьбы должны быть полезными для Советского Союза, и в то же время соответствовать интересам как корейской, так и китайской революции»².

В связи с ростом числа партизан, переходивших из Маньчжурии и Кореи на территорию СССР, Советское командование организовало для них в 1941 г. два строжайше засекреченных лагеря: Северный в с. Вятском под Хабаровском и Южный возле г. Ворошилов (ныне Уссурийск). Отряд Ким Ир Сена располагался в лагере Южном. Для обустройства этих лагерей были выделены армейские палатки, предметы бы-

та и т. д. Продовольственное снабжение обеспечивалось частично из местных военных фондов, но по большей части — созданными при лагерях подсобными хозяйствами, на которых трудились сами партизаны³.

Судя по мемуарам, Ким Ир Сен критически воспринимал отношение в СССР к действиям партизан у советских границ. «В те дни, — пишет он в связи с упоминавшимся выше совещанием партизанских командиров, — пожелания советских товарищей в наш адрес выглядели примерно так: посидите на Дальнем Востоке, занимайтесь учением, ходите на военную разведку мелкими группами — и оставайтесь в покое. Зато, по их мнению, у Японии не будет повода к нападению на Советский Союз.

Однако мы были не вправе пассивно вести революционную борьбу. Если бы мы бесполезно проводили время за такими занятиями, то это было бы очевидным тунеядством, не более»⁴.

Отряд Ким Ир Сена в апреле—августе и сентябре—ноябре 1941 г. совершил рейды по территории Восточной Маньчжурии, прилегающей к пограничной горе Пэктусан, и по приграничным районам Северной Кореи. На Пэктусане, как сообщается в мемуарах Ким Ир Сена, находилась тайная опорная база корейских партизан⁵. Именно здесь, между прочим, как утверждают в КНДР, родился Ким Чен Ир. Во время рейдов отряд наносил удары по японским войскам и полиции, помогал созданию новых партизанских отрядов, вел пропагандистскую работу среди населения. В ходе первого рейда в отряд пришло известие о начавшейся 22 июня 1941 г. советско-германской войне.

Важной задачей отряда постоянно являлась разведка. «Обобщив собранные нами в те дни разведывательные сведения, указывал Ким Ир Сен, — можно было сделать вывод, что Япония фактически не готова к нападению на СССР, что ее стремление показать в различных районах советско-маньчжурской границы концентрацию своих сил является отвлекающим маневром, чтобы скрыть свои планы выступления на юг. Такие сведения позволяли предположить, что Япония готовится к выступлению не на север, а на юг. Это оказало большую помощь Советскому Союзу при разработке военно-стратегического плана действий против Японии»⁶.

Китайские и корейские партизанские командиры ставили перед Советским командованием вопрос о помощи в боевой подготовке своих отрядов, обеспечении их оружием. Этот вопрос обсуждался на встречах в июле 1942 г. с командующим Дальневосточным фронтом генералом

армии И.Р. Опанасенко, в которых участвовал и Ким Ир Сен. И.Р. Опанасенко объяснил командирам, что для борьбы с японской Квантунской армией нужна более серьезная и тщательная боевая подготовка, и предложил проводить ее в составе войск Дальневосточного фронта.

Получив согласие командиров, командование Дальневосточного фронта решило создать отдельную интернациональную бригаду, укомплектовав ее добровольцами из числа китайских и корейских партизан и на $\frac{1}{3}$ советскими гражданами, подлежащими призыву в Красную Армию, в том числе китайцами, корейцами, нанайцами и др. 30 июля 1942 г. последовал приказ Наркома обороны СССР о создании 88-й стрелковой бригады, включении ее в состав войск Дальневосточного фронта и подчинении непосредственно Военному совету ДВФ⁷. Ким Ир Сен в мемуарах утверждает, что он еще весной выдвинул идею создания такой бригады, но он ее называл «Объединенные интернациональные войска» (ОИВ)⁸.

По мнению Ким Ир Сена, «в результате формирования ОИВ военно-политическое положение на Дальнем Востоке изменилось в пользу мировой революции. Это касается прежде всего Советского Союза. Он имел военно-политическую мощь, способную активно противостоять агрессивным проискам Японии, и новый отряд особого назначения, созданный специально для военных операций на Севере Китая и в Корее.

Существование ОИВ создало благоприятные условия и обстоятельства и для корейской и китайской революции»⁹.

88-я отдельная стрелковая бригада была сформирована из четырех батальонов (корейского и трех китайских) и ряда других подразделений. 1 августа 1942 г. в с. Вятском состоялся торжественный парад бригады по случаю ее создания. На нем присутствовали генерал армии И.Р. Опанасенко, другие военачальники. Как вспоминал про этот парад Ким Ир Сен, «первым шел корейский отдельный отряд. Он показал себя с лучшей стороны»¹⁰. Тогда же был оглашен приказ командующего ДВФ о назначениях в 88-й бригаде. Командиром бригады стал опытный китайский партизан, майор (позже подполковник) Чжоу Баочжун, командиром 1-го (корейского) батальона — Ким Ир Сен в звании капитана. В бригаде действовала своя организация Компартии Китая, одним из заместителей секретаря которой был Ким Ир Сен¹¹.

С созданием 88-й бригады корейский батальон перебазировался в Северный лагерь, в с. Вятское. В составе батальона числились 103 бойца и командира. Заместителем командира батальона был советский офицер капитан Мальцев. Помимо него служили также около 30 советских корейцев, командированных по мобилизации из Казахстана и Средней Азии. О некоторых из них рассказано в книге Д.В. Шина, Б.Д. Пака и В.В. Цоя «Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (М.: ИВ РАН, 2011), изданной в серии «Российские корейцы». Перед началом войны с Японией 25 военнослужащих батальона были направлены в 25-ю армию, освобождавшую Корею, для работы в качестве переводчиков и проводников. Таким образом, к 9 августа 1945 г. батальон насчитывал 78 человек¹². Все бойцы и командиры 88-й бригады, в том числе и корейского батальона, считались военнослужащими Советской Армии.

Основным предназначением 88-й бригады была разведывательно-диверсионная деятельность. С этими целями в разные районы Маньчжурии и Кореи направлялись ее «малые отряды». Ким Ир Сен сообщает в мемуарах: «Я сам не раз бывал вместе с малым отрядом в глубине Кореи»¹³. Важной задачей являлась интенсивная боевая и политическая подготовка личного состава бригады, изучение будущего противника (Квантунской армии) и театра военных действий. Соответствующая учеба, прежде всего изучение советского боевого опыта, была организована и для командного состава. В июне 1945 г., накануне войны с Японией, программу подготовки дополнили вопросами административно-хозяйственной деятельности местных органов власти и общественных организаций¹⁴. В этой учебе принимал участие и Ким Ир Сен, который лагерь под Хабаровском часто называл «учебной базой». По его словам, ветераны впоследствии нередко писали, что окончили «88-е военное училище»¹⁵.

Ким Ир Сен в мемуарах опровергает выдумки, что он якобы во главе крупной воинской части участвовал в Сталинградской битве и даже во взятии Берлина¹⁶. Зато он подробно описывает поездку в Москву незадолго до начала войны с Японией. Вместе с другими командирами 88-й бригады, или ОИВ, как он ее называл, Ким Ир Сен участвовал в совещании, созванном Генеральным штабом Советской Армии. Участники совещания одобрили предложенный им план освобождения Кореи. В Москве Ким Ир Сен встречался с маршалами Г.К. Жуковым, А.М. Василевским, К.А. Мерецковым, генерал-полковником Т.Ф. Шты-

ковым, членом Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым. Последний при встрече сказал, что «много слышал о корейском партизане Ким Ир Сене от товарищей Сталина и Штыкова»¹⁷. К сожалению, документальные свидетельства о таких встречах в российских архивах не обнаружены.

Когда началась война с Японией, Чжоу Баочжун обратился в главнокомандующему советских войск на Дальнем Востоке маршалу А.М. Василевскому с просьбой направить 88-ю бригаду в Маньчжурию для участия в боевых действиях. В свою очередь, Ким Ир Сен в письме маршалу А.М. Василевскому докладывал о готовности к боям корейского батальона и ходатайствовал о направлении его в Корею. Эти обращения командиров 88-й бригады остались без ответа. Но неофициально им было разъяснено: «Придет и ваше время»¹⁸.

Советское командование не стало привлекать 88-ю бригаду к участию в боевых действиях. Считалось, что малочисленная бригада, вооруженная только стрелковым оружием, не сыграет существенной роли в боях и лишь понесет большие потери в кадрах, необходимых для решения других задач. Командир бригады Чжоу Баочжун получил 15 августа 1945 г. приказ о распределении личного состава по фронтам для работы в советских военных комендатурах. 1-му Дальневосточному фронту надлежало выделить 161 человека, в том числе 30 человек — для работы в Северной Корее. Из них 10 человек намечались на должности заместителей, 11 — помощников советских военных комендантов¹⁹. По плану, составленному Ким Ир Сеном, военнослужащие корейского батальона должны были направиться по 2-3 человека в 23 города Северной Кореи и 30 человек во главе с ним самим — в Пхеньян²⁰.

Военнослужащие корейского батальона возвращались на родину разными путями. Ким Ир Сен с группой из 30 человек пытался пройти туда через Маньчжурию, но на их пути мосты и туннели были взорваны японцами, дороги разрушены, поэтому пришлось вернуться на базу и добираться поездом до Владивостока. Оттуда их отправили в Корею на советском военном корабле «Емельян Пугачёв». «Оставив родных, близких и товарищей, павших на чужбине, — писал Ким Ир Сен, — я возвращался на Родину через двадцать лет и был охвачен глубокими, не выразимыми ни словами, ни пером чувствами, в которых перемежались радость и печаль.

Мы высадились в порту Вонсан 19 сентября 1945 года (подчеркнуто автором. — Ю.В.)²¹.

Командующий 2-м Дальневосточным фронтом генерал армии М.А. Пуркаев издал 15 октября 1945 г. приказ о расформировании 88-й бригады и исключении ее из состава Советской Армии. Все ее китайские и корейские военнослужащие как участники Великой Отечественной войны были награждены медалью «За победу над Японией». Ряд офицеров наградили орденами и медалями СССР²². Ким Ир Сен был удостоен ордена Красного Знамени.

История 88-й бригады и ее корейского батальона известна у нас гораздо меньше, чем того заслуживает. Она широко освещена в мемуарах Ким Ир Сена, но там очень многое, особенно то, что касается освобождения Кореи в августе 1945 г., расходится с российской историографией. Отсюда вытекает задача активизации изучения указанной темы российским корееведением.

Примечания

¹ *Ким Ир Сен*. Мемуары «В водовороте века». Т. 8. Пхеньян, 1998. С. 93—94.

² Там же. С. 142.

³ *Иванов В.И.* В тылах Квантунской армии. Правда о китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 97.

⁴ *Ким Ир Сен*. Указ. соч. С. 146.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 235—236.

⁷ *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 97—99.

⁸ *Ким Ир Сен*. Указ. соч. С. 276, 280.

⁹ Там же. С. 280.

¹⁰ Там же. С. 281.

¹¹ *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 199.

¹² Там же. С. 105, 200.

¹³ *Ким Ир Сен*. Указ. соч. С. 405.

¹⁴ *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 108.

¹⁵ *Ким Ир Сен*. Указ. соч. С. 371.

¹⁶ Там же. С. 282.

¹⁷ Там же. С. 526.

¹⁸ *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 146—147.

¹⁹ Там же. Указ. соч. С. 117—118.

²⁰ Там же. С. 214—215.

²¹ *Ким Ир Сен.* Указ. соч. С. 553.

²² *Иванов В.И.* Указ. соч. С. 129.

О.В. Дьякова

КОРЕЙСКО-ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ

Корейские и тунгусо-маньчжурские племена в силу географического положения являлись давними соседями, и их история оказалась тесно переплетена. Особенно достоверно это можно проследить для средневековой эпохи, поскольку кроме археологических источников появляется значительное количество письменных документов, отражающих события тех времен, дающих возможность сделать перекрестную проверку фактов. В китайских летописях генеалогическая цепь тунгусо-маньчжурских племен зафиксирована следующим образом: сушени—уци—мохэ—бохайцы—чжурчжэни — маньчжуры. Эти племена были многочисленные и занимали обширную территорию: Приморье и Приамурье России, северо-восток Китая (Маньчжурия), часть северо-востока Кореи, прослежены отдельные выплески на Японский архипелаг (Хоккайдо)¹. За всю историю тунгусо-маньчжуры сумели создать три государства: Бохай (698—926), Цзинь (1115—1234), Цин (1644—1911). При этом они оказались единственными «восточными варварами», дважды захватывавшими и правившими Китаем (империи Цзинь и Цин). Отношения с окружающим миром и ближними соседями в разное время складывались по-разному. Корейско-чжурчжэньские контакты носили разноплановый характер и представляли весь спектр политико-военно-экономических взаимодействий. Им предшествовала яркая, часто трагическая, предыстория, базировавшаяся на сложных перипетиях событий дальневосточных этносов.

Когурёско-мохэско-бохайские контакты. Когурёсцы и мохэсцы знали друг друга хорошо не только как соседи, имеющие общую

границу. Несколько родов племени сумо мохэ, впоследствии создавшие государство Бохай, проживали на северо-востоке Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.). Мохэсцы имели сильную конницу, регулярно оказывали Когурё военную помощь, выступая против Тан, ведшей в VII в. активные завоевательные войны. В 630 г. империя Тан уничтожила Первый тюркский каганат, затем разгромила два корейских государства — Пэкче (660 г.) и Когурё (668 г.). Союзником Китая в этих войнах выступило третье корейское государство — Силла². В китайских хрониках сохранились такие сведения: «В 645 г. китайские войска воевали с Гаоли (Когурё. — *О.Д.*). На стороне Гаоли выступили мохэсцы, на китайской — тюрки... Мохэсцы привели 50 тыс. вспомогательных войск...»³

После двух неудачных для Китая военных походов (в 647 и 648 гг.) против Когурё в 650 г. в связи со смертью императора Тайцзуна военные действия прекратились. Но вскоре после временной передышки война вспыхнула вновь и привела в 668 г. к разгрому Когурё. В результате «Китайцы забрали пять провинций Когурё с 176 городами и 5 млн населения; а 30 тысяч когурёсцев переселили в Китай на реки Гян и Хуай»⁴. Часть племён сумо мохэ, входивших в состав Когурё, переселили в северные пограничные районы Китая (современный г. Чаян). Но через некоторое время сумо мохэ, воспользовавшись осложнившейся ситуацией между Китаем и киданями, снялись с отведенных им мест и вернулись на свою родину — на Сунгари. В 698 г. они создали мохэское государство Чжэнь, переименованное в 713 г. в Бохай, куда вошла и часть северо-восточной территории Кореи. Собственно, это территория, на которой проживало несколько родов сумо мохэ. Следовательно, наблюдается обратная ситуация — уже не несколько родов сумо мохэ проживает в государстве Когурё, а часть когурёсцев оказывается в большом полиэтничном по составу тунгусо-маньчжурском государстве Бохай. Как свидетельствуют археологические материалы, это были преимущественно ремесленники-гончары, военные зодчие, возводившие каменные крепости, и отчасти чиновники, имевшие опыт государственного управления. В китайской литературе сохранились сведения о том, что бохайцы потребовали от Тан вернуть им захваченные когурёские крепости: «Великий кэду страны Бохай посылает письмо танскому императору. С тех пор как ты занял Корею и приблизился к нашему государству, твои пограничные войска неоднократно захватывали наши земли. Думаю, что все это происходит по твоей воле. Теперь я не желаю больше терпеть этого. Посылаю тебе гонцов для объяснений. Ты должен усту-

пить нам 176 городов Кореи, а у меня найдутся хорошие вещи, которые я подарю тебе взамен. Лекарственные травы с горы Тайбо, холст из Наньхая, барабаны из Чжачэна, олени из Фуоя, свиньи из Чжэнсе, кони из Шуайбиня, парча из Вочжоу, карпы из рек Мэй и То, сливы из Цзюду, груши из Лоюя — всего получишь понемногу. Если же ты и на это не согласишься, я подыму войска, которые вступят с тобой в отчаянную битву. Тогда посмотрим, кто потерпит поражение и кто победит!»⁵ Когурёские крепости бохайцы не получили и были вычеркнуты из истории Тан, поскольку позволили объявить свой собственный девиз. Однако Бохай погубили не Тан, и даже не Силла, а его давние заклятые враги — монголоязычные кидани. Произошло это почти одновременно с возникновением государства Корё (918—1392). Бохайцы многократно, но безуспешно пытались взять реванш и сбросить иго киданей.

Нельзя сказать, что корёсцы в этой ситуации совсем оставались безучастными к судьбе бохайцев, временами даже оказывали поддержку для обеспечения безопасности северного пограничья своей страны. В результате значительная часть населения Бохая оказалась уничтожена, а наиболее активная его часть переселена вглубь киданьской империи. Этнические когурёсцы, вероятнее всего, нашли убежище в Корё. Приведённая историческая ретроспектива предшествовала началу формирования корёско-чжурчжэньских взаимоотношений.

Корёско-чжурчжэньское пограничье. Северо-восточными соседями Корё были чжурчжэни, ведущие своё происхождение от хэйшуй мохэ (чернореченские мохэ). В отношениях чжурчжэней и Корё историки выделяют два этапа: догосударственный (X—XII вв.) и государственный (XII—XIII вв.), что обусловлено историей развития чжурчжэньской общности⁶.

Догосударственный период. В целом этот период можно определить как добрососедский. В X—XI вв. чжурчжэни представляли собой еще не единый, а только складывающийся союз племён. В письменных источниках не раз отмечалось, что чжурчжэни оказывали существенную военную помощь Корё в борьбе с киданями и «проявляли особый героизм на полях сражений». Для чжурчжэней, прежде всего проживавших к югу от р. Туманган, Корё традиционно считалось «старшим государством». Поэтому отдельным («мирным») чжурчжэньским вождям присваивались почетные корёские чины и титулы. Им вместе с родом даже позволялось переселяться в приграничные зоны Корё, что отмечено в записях: «...4-м месяце 1018 г. в Корё переселились 200 чжурчжэньских

семей, а с 1020 г. по 1115 г. на постоянное место жительства в Корё прибыли 4700 семей чжурчжэней»⁷. Факт проживания чжурчжэней подтверждают и обнаруженные на северо-востоке КНДР археологические артефакты, имеющие явно чжурчжэньское происхождение (планировка жилищ, детали пояса и пр.). По сути дела, чжурчжэни селились на тех же землях, где до них проживали отдельные рода племени сумо мохэ во времена Когурё. Для Корё переселение чжурчжэней в приграничные зоны было чрезвычайно важным с точки зрения укрепления безопасности северо-востока страны. К тому же чжурчжэни были прекрасными воинами, способными дать отпор неприятелю. Между Корё и чжурчжэнями осуществлялись многосторонние контакты: постоянно велась активная торговля, большую популярность приобрели культурные посещения чжурчжэнями Корё. За 20 лет, с 1030 по 1050 г., в Корё побывали 8100 чжурчжэней. Видимо, через Корё чжурчжэни познакомились с буддизмом. На это, по мнению специалистов, указывает чжурчжэньское слово «тайёла» («буддийский храм»), происходящее от корейского слова «чоль». Археологические артефакты свидетельствуют, что чжурчжэньские мастера хорошо освоили корёскую систему обработки (технологии) цветных металлов, в частности серебра. Однако обстановка не всегда была благоприятной. Случались разного рода конфликты и вооруженные столкновения: «...в 1011 г. отмечен пиратский налет боевых лодок чжурчжэней на бывшую силласкую столицу Кёнджу, в 1028 г. на 15 кораблях восточные чжурчжэни высадились в районе Ёнчжинчжина и захватили в плен 70 корёсцев, в 1029 г. 400 чжурчжэней вторглись в Корё в район уезда Тонсан и совершили разбойные нападения на местное население. Корё предпринимало ответные действия. В 1080 г. 30 тысячное корёское войско перешло северо-восточную границу и уничтожило 10 чжурчжэньских поселений»⁸.

Таким образом, к концу XI в. в корёско-чжурчжэньских отношениях нарастала обоюдная агрессивность. Особенно это проявилось после усиления чжурчжэньского рода Ваньян, проживавшего в среднем течении р. Сунгари (правого притока Амура) и происходившего от племен чернореченских мохэ. Вокруг этого рода консолидировались остальные чжурчжэньские племена, требовавшие увеличения территории, в первую очередь на северо-востоке. Для решения этой проблемы ваньянский старейшина Уясу отправил отряды в корёское пограничье и объявил своими данниками проживавших там чжурчжэней. Корё постаралось усмирить «непокорных чжурчжэней», но было в 1104 г. разбито

чжурчжэньской конницей и пошло на унижительный мир. Корё жаждало реванша. По предложению полководца Юн Гвана Корё срочно сформировало новое войско (*Пёльмубан*). В его состав вошли: кавалерийский (*синггун*) и пехотный (*синбогун*) корпуса, специализированные отряд копейщиков и лучников, подразделения монахов, зависимых монастырских крестьян (*ханмагун*). Хроника вооруженных столкновений между Корё и чжурчжэнями выглядит следующим образом: «В 3-й и 4-й месяцы 1104 г. корёские войска были вынуждены дважды оказывать сопротивление чжурчжэням у крепости Чончжу. В 3-м месяце 1106 г. кавалерия клана Ванъян снова напала на крепость Чончжу. Тогда в следующем 1107 г. из столицы Корё на северо-восток было послано огромное войско из пяти армий во главе с Юн Гваном общей численностью порядка 170 тыс. человек, включая флот. К концу 1107 г., разгромив чжурчжэней, корёсцы продвинулись вплоть до р. Туманган. Были убиты 400 чжурчжэньских вождей и старейшин, сожжено 150 крепостей и сёл, взяты заложниками 346 пленных, а на чжурчжэньских землях к югу от р. Туманган возведено девять крепостей: Ёнчжу, Унчжу, Покчу, Кильчжу, Хамчжу, Конхончжин, Суннёнчжин, Чиньянчжин, Тхонтхэчжий, населенных корёскими военными поселенцами. Для лучшей охраны отвоеванной территории, которую корёсцы считали бывшей землей Когурё, т. е. по праву принадлежащей их государству, планировалось переселить туда до 70 тыс. крестьян с юга Кореи. Чжурчжэни решили не сдаваться. Уже во 2-й месяц 1108 г. начались регулярные нападения на новые корёские крепости. Основные силы чжурчжэней были брошены на крепости Ёнчжу, Унчжу и Кильчжу. Сражения продолжались в 1108 и 1109 гг. Уже в 1109 г. чжурчжэни потребовали снести девять корёских крепостей, а земли вернуть. Поскольку стало очевидным, что Корё после отхода военных сил не сможет защитить крепости, то в 1109 г. было принято требование Уясу о сносе девяти корёских крепостей и возвращении чжурчжэням всех захваченных земель. Взамен чжурчжэни обязывались больше не нападать на Корё и исправно платить корёсцам «дань». Крепости были снесены, корёские воины и поселенцы покинули чжурчжэньские земли. Результатом войны 1107—1108 гг. стало относительное спокойствие на северном пограничье Корё вплоть до создания чжурчжэньской империи Цзинь»⁹.

Государственный период. В 1115 г. Агуда был провозглашен императором чжурчжэньского государства Цзинь (1115—1234) и получил имя Тайцзу. Основное внимание чжурчжэней было сосредоточено

на войне с киданями. В конце 1115 г. чжурчжэни решили захватить крепости Нэвон и Почжу. Эти фортификации изначально принадлежали Корё, но почти 100 лет назад их захватили кидани. Корё воспользовалось ситуацией и после нападения чжурчжэней на «киданьские» крепости потребовало от Ляо вернуть Нэвон и Почжу. Кидани из опасения очередного нападения чжурчжэней заявили в начале 1117 г. о возврате крепостей Корё и покинули их. Когда же чжурчжэни решили захватить крепости Нэвон и Почжу, то там уже находились корёские войска, успешно отразившие атаку Цзинь. Но, несмотря на получение Корё двух форпостов, надежно защищавших северо-западное пограничье, Корё пришлось согласиться с тем, что с 1117 г. Агуда стал «старшим братом» корёского государя, а с 1125 г., после разгрома Ляо, признало «вассалитет» Цзиньской империи и подношение чжурчжэням дани. К середине XII в. чжурчжэни захватили значительную часть Сун и стали главной силой в Поднебесной. Однако Корё, вслед за Китаем, по-прежнему считало чжурчжэней варварами, «зверьями в человеческом обличье», «грабителями».

В Корё в это время из-за противоборства пхеньянской в лице Мёчхона и силлаской в лице Ким Бу Сика группировок произошло ослабление государственной власти. В 1129 г. Мёчхон и его сторонники предложили объявить корёского вана Инджона «императором», а Корё — «империей», равной Сун и Цзинь. Они хотели первыми напасть на Цзинь и расторгнуть «вассальный договор». Курс Мёчхона на «покорение Цзинь» встретил сопротивление со стороны Ким Бу Сика (1075—1151), потомка правящего клана Силла и сторонника осторожной политики в отношении Цзинь. Ему удалось отговорить вана от борьбы с Цзинь, так как в условиях сложившейся к 1141 г. военно-политической ситуации в регионе (поражение Южной Сун) это неизбежно привело бы Корё к гибели и превратило Корейский полуостров в провинцию империи Цзинь. В результате Корё заняло нейтральную позицию по отношению к Цзинь, отвергло предложения Сун об антицзиньском союзе, просьбу о посредничестве в переговорах о возвращении плененного чжурчжэнями императора и признало «сюзеренитет» Цзинь, но при этом не прервало с Южной Сун торговые и культурные контакты. Таким образом, благодаря достаточно гибкой политике Корё удалось сохранить этническую идентичность и государство.

Примечания

¹ *Дьякова О.В.* Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (4—10 вв.). М.: Наука. 1984. С. 125.

² *Воробьев М.В.* Культура чжурчженей и государства Цзинь (X—1234 г.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983.

³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М. 1950. С. 115.

⁴ *Матвеев З.Н.* Бохай. Из истории Восточной Азии VIII—X вв. // Тр. Дальневост. гос. ун-та. Сер. 6. № 8. Владивосток. 1929. С. 34.

⁵ *Дьякова О.В.* Государство Бохай: археология, история, политика. М: Наука-Восточная литература. 2014. С. 319.

⁶ *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Санкт-Петербургское лингвистическое общество. 2010. С. 361.

⁷ *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи. Т. 1. С древнейших времен до 1904 г. // Труды Института восточных культур и античности. Вып. 41. М.: Наталис, 2011. С. 533.

⁸ *Ван Шэньжун, Чжао Минци.* История Восточного Ся. Харбин: 1990. С. 304. на кит. яз. *Rogers, M. C.* «P'yonnyon T'ongnok: The Foundation Legend of the Koryo State» // *The Journal of Korean Studies*. Vol. 4. 1982—83. P. 3—72. — на англ. яз.

⁹ *Shultz, E. J.* Military Revolt in Koryo: The 1170 Coup d'Etat // *Korean Studies*. Vol. 3. 1979. P. 19—48. — на англ. яз.

А.В. Ефимов

Сближение корейцев, нивхов и иных палеоазиатских народов на основе этнографических показателей

Существование у различных народов сходных черт хозяйственной и духовной жизни, включая даже те народы, которые в данный момент не имеют никаких контактов, при условии наличия лингвистических связей может рассматриваться как один из признаков родства этносов. В нашей работе в качестве примера взяты связи корейцев с палеоазиатскими народами.

Вначале коротко о точках соприкосновения в материальной культуре. В случае с корейцами и нивхами (другое название — гиляки) эту роль можно возложить на использование довольно сложной системы отопления, проходящей под полом дома (кор. — *ондоль*). Конечно, нивхский вариант под названием *к'ол* имелся лишь в зимнем жилище (полуземлянке) и прокладывался лишь под нарами, служившими одновременно и местом для сна, и заменой стульев, если брать за основу европейский вариант обустройства дома. Но подобные различия обусловлены отсутствием у нивхов в зимнем варианте их жилища пола как такового.

Еще один, хотя и не столь очевидный аргумент, — употребление нивхами в пищу собачьего мяса¹, считающегося у корейцев деликатесом. Правда, сейчас в Южной Корее, в отличие от Северной, а также от российских корейцев, из-за западных веяний этот продукт ценят далеко не все. Практически то же самое можно утверждать и в отношении нивхов. Ослабляет эту посылку то, что самого верного друга человека

рассматривают как источник пищи, по сведениям Л.И. Шренка, и живущие по соседству айны², которые отнюдь не родственны корейцам по языку и иным показателям.

Если же говорить о факторах духовной культуры, можно указать, прежде всего, на следующий: у корейцев и нивхов принято называть взрослых людей прозвищами, образованными от имен детей. Например, кор. *Самчхоль абочжи* — отец Самхчолья, нивх. «*Паян ытыка*» — отец Паяна, *Ршыск ымыка* — мать Ршыска³.

Еще один сходный этнографический индикатор, сближающий корейцев и нивхов, — временное проживание молодоженов после свадьбы в доме родителей жены. Этот обычай, судя по тем данным, которые нам удалось собрать среди российских корейцев, практиковался в их среде еще в 1920—1930-х годах. В принципе, в Южной Корее эта традиция жива до сих пор, но дело может ограничиваться лишь посещением дома родителей новобрачной. На существование подобного обряда среди нивхов указывал Л. Штернберг: «По обычаю, после женитьбы зять вместе с женой приезжают в гости к тестю, где живут иногда подолгу и пользуются гостеприимством» (Штернберг, 1908, с. 60)⁴.

Знаменательно сходство корейских и нивхских воззрений на божество домашнего очага. У обитателей Корейского полуострова это дух с китайским названием *Чо-ван* (буквально: Господин очага), мыслившийся существом женского пола почтенного возраста, от которого зависела судьба семьи, проживающей в доме с очагом. Церемонию в его честь проводили раз в год. У нивхов это *тугур-мам*, «маленькая сгорбленная старушка, живущая в очаге и часто видимая среди огня», ей приносят жертвы — кормят, рисом, табаком, водкой⁵. Характерно, что у китайцев, в отличие от нивхов и корейцев, бог очага *Цзао-ван* является существом мужского пола, при этом корейцы заимствовали в Поднебесной имя бога домашнего очага, но отнюдь не его функции и представления об облике.

Сходство общепалеоазиатских этнографических показателей с корейскими наблюдается по нескольким направлениям. У северной палеоазиатской народности, кереков, имеется обычай сооружения на жертвенных местах деревянных столбов, заканчивающихся стилизованным изображением лица человека. Заменой подобному культовому сооружению могли служить челюсти кита вперемежку с моржовыми⁶. Это прямой выход на устанавливаемые корейцами при въезде в населенный пункт деревянные столбы духов-охранителей (кор. — *мёнсын чангун*),

которые увенчивались резным изображением человеческого лица. Довольно пугающая гримаса корейских столбов-охранителей может быть объяснена как раз тем, что они в прошлом могли заменяться костями добытых животных, однако с уменьшением роли добывающего сектора хозяйства, а именно охоты, корейцы отказались от более архаичного варианта в пользу «модернизированного».

Похожее правило существовало и у других палеоазиатов — ительменов и коряков. У первых — это отработка за жену, временное матрилокальное поселение жениха в общине невесты⁷, у коряков практиковалась отработка женихом в течение от нескольких месяцев до трех лет, довольно часто будущий тесть заставлял своего возможного зятя выполнять самую унижительную работу, при этом не было никакой гарантии, что молодому человеку отдадут в жены его избранницу⁸.

У соседних с ними чукчей обычай отработки за жену был распространен повсеместно, что может быть пояснено не только традицией, но и заинтересованностью в использовании бесплатного труда. Для бедняков, добывающихся руки дочери стадовладельца или хозяина байдары, отработка за жену была тяжким бременем. Иногда отработка длилась два-три года и могла закончиться безрезультатно, при этом сватавшийся не получал никакого вознаграждения. У оседлых чукчей отработывающий за жену трудился по дому, охотился, всю добычу приносил будущему тестю⁹. Обычай отработки за невесту существовал и у эскимосов. При этом женщина в семье обладала довольно высоким статусом¹⁰.

И все же наибольшее сходство с вышеупомянутым корейским обычаем временного проживания новобрачных у родителей жены или нивхского посещения тестя и тещи демонстрирует чукотский обычай «путешествие из-за скуки», которое совершалось после переселения невесты в ярангу жениха и представляло собой поездку молодоженов с родственниками в гости к родителям жены. В подарок везли оленей, иногда две-три упряжки, и обрядовое угощение. В стойбище родителей невесты опять совершались обряды помазания и жертвоприношения¹¹.

Брак с отработкой за невесту у другого палеоазиатского народа, эскимосов, был преобладающим. Следует отметить также в данном контексте предположения российских ученых о существовании у этой народности материнского рода, которые, однако, разделяются не всеми¹².

Все вышеперечисленные черты общественного строя корейцев и палеоазиатских народов, конечно, указывают на сильную роль мате-

ринского рода. Одновременно нельзя не вспомнить, что у всех этих народов существует мифологический цикл (палеоазиаты) либо фактически заменяющий его основополагающий миф о браке человека и медведицы (корейцы — миф о Тангуне), который является отправной точкой нынешнего мироустройства либо вносит коррективы в старый миропорядок. Такая черта, по-видимому, связана с тем, что если одно из сильнейших диких животных, медведь, выступает в роли женщины, то ей следует оказывать такие же почести, как и этому хозяину тайги.

Помимо упомянутых корейского и гиляцкого культов хозяйки огня, которые проявляют определенные черты сходства, культ Хозяйки Огня существует также и у юкагиров, стоящих несколько особняком от других палеоазиатов. Согласно представлениям последних, этот дух, мыслившийся существом женского пола, живет в семейном очаге и путешествует вместе с семьей. Без нее невозможно зажечь огонь. Её юкагиры представляют как маленькую голую девочку, у которой на голове отсутствуют волосы. Её кормят кусочками еды и просят об удаче на промысле¹³.

Кроме этого, можно указать также на сходство обычаев изготовления кукол: изображений умершего сородича у коряков — каменная *анияпэль* (маленькая бабушка), у нивхов *қ'ақ*, что созвучно корейскому *как-си* (кукла с изображением новобрачной). Характерно, что у коряков *анияпэль* использовалась при выборе имени новорожденного, т. е. при исполнении дел, тем либо иным образом связанных с браком и супружеской жизнью, что опять же намекает на понимание роли корейской *как-си*, которое, помимо прочего, имеет также значение «жена, супруга».

Может быть не случайным совпадение названия растения сарана, которое являлось компонентом повседневного чукотского блюда — кровяной похлебки. По-чукотски сарана звучит как *кимчак*. В него входит еще и черемша (дикий лук). Последний компонент неизбежно должен придавать блюду острый вкус. Но ведь существует корейское повседневное блюдо под очень похожим названием «*кимчи*», без которого не обходится ни один прием пищи. Оно также имеет острый вкус. При этом этимология слова «*кимчи*» неясна.

Сходство корейской и нивхской мифологий. Корпус мифов, центрируя воспоминания об отдельных событиях, может в некоторых случаях говорить о контактах или древнем родстве двух народов, кото-

рые, если смотреть на их современное состояние, не должны иметь между собою ничего общего.

Нам удалось выявить несколько еще сохраняющих свое культовое значение как в Южной Корее, так и среди нивхских мифов сюжетов. Они, как нам представляется, несомненно, доказывают родство двух этих дальневосточных народов. Подобное сходство должно вызывать тем больший интерес, если учесть, что «нивхские... сюжеты стоят особняком в мифологии нижеамурского региона», «перекликаясь с мифами американских индейцев, что было отмечено еще Л. Штернбергом»¹⁴. За недостатком места приведем лишь некоторые из них.

В корейском варианте этот миф представляет собой часть *шаманского сказания* (кор. — *муга*) о «*Девушке Тангым*», который до сих пор употребляется в Южной Корее при исполнении шаманского камлания, имеющего своей целью добиться ниспослания сына бездетным родителям. Мы будем опираться на его вариант, помещенный в книге «Корейские обычаи»¹⁵, к анализу которого мы обращались еще в студенческие годы. Необходимо пояснить, что в нем первоначальная общая для корейцев и нивхов мифологема играет роль связующего звена в мифологическом цикле, впитавшем в себя несколько других важных мифов, которые, как мы покажем ниже, имеют несколько разное происхождение.

Итак, в корейском повествовании, как мы уже отметили, имеется несколько эпизодов, часть из которых мы, в целях облегчения понимания, вынуждены будем вынести «за скобки». Это касается мифа, помещенного в начале сказания «*Тангым Агасси*» («*Девушка Тангым*»), который рассказывает о сотворении мира двумя демиургами — *Буддой Шакьямуни* (кор. — *Сокка*) и его неудачливым соперником. Согласно этому мифу, Буддой грядущего *Майтрейей* (кор. — *Мирык*). Наше знакомство с корейской шаманской мифологией показывает, что этот сюжет может использоваться в несколько расширенном виде, а также и самостоятельно. Помимо этого данный эпизод несет весьма глубокие черты сходства с преданиями сибирских народов, в частности бурят. К данной теме мы обратимся несколько позднее. Самостоятельное хождение может вполне иметь и финальный сюжет — поиск детьми *Тангым Агасси* своего отца, хотя он довольно часто сопровождает основной сюжет о девушке, родившей детей от божества. Он, например, служит основой для шаманской легенды об *Оннёпуин* (букв. — *Яшмовой Даме*).

Данное мифологическое повествование открывается описанием идеальной картины мира, где правитель Кореи и его поданные сосуществуют в гармонии. У одного чиновника рождаются дети — дочь и сын, *Тангым Агасси* и ее брат (девочка старше, мальчик младше). Изначально о наделении их сверхъестественными способностями в тексте ничего не говорится. Подразумевается, что все идет своим чередом. Однако при ближайшем рассмотрении складывается довольно необычная ситуация — родители по делам службы отправляются в Сеул, оставляя детей одних — положение вещей довольно странное не только для древней и средневековой, но и для современной Кореи (как, впрочем, и для любой другой страны). Мать запрещает дочке открывать дверь кому-либо, появляться на улице. *Тангым Агасси* в точности выполняет наказ матери: «через затворенные ворота не пролетит птица, не проберется зверь». Девушка, оставшись, как она ошибочно полагает, под надежной защитой, занимается типично женским делом — она прядет. Однако, к своему удивлению, оставленная родителями *Тангым Агасси* обнаруживает внутри ограды дома буддийского монаха, который просит сделать подаяния на буддийский храм. Он, конечно, проник в дом, используя свои способности применять магию. В некоторых вариантах фигурирует сам *Будда Шакьямуни*, в непосредственно рассматриваемой нами части произведения — *Соинним*, т. е. «господин монах», однако во вступительной части об этом же персонаже говорится как о *Будде Шакьямуни*.

Увидев девушку, *Шакьямуни*, пораженный ее красотой, пытается под любыми предлогами задержаться: он отказывается от предлагаемого ему риса, ссылаясь на его якобы низкое качество. «Эта гниль не может быть преподнесена в качестве пожертвования буддийскому монастырю», — безапелляционно заявляет Будда-монах. Когда же, наконец, отыскивается подходящий рис, незваный гость подставляет для наполнения им мешок с прорванным дном. Подобным образом он тянет время до наступления ночи. Ссылаясь на невозможность передвижения в темное время суток, Будда-монах просит оставить его на ночь. Волею неволей девушке приходится согласиться и на это. Наступает следующий этап: главный мужской персонаж уже пытается улечься поближе к тому месту, где будет спать *Тангым Агасси*. Это ему вполне удается, и в результате ночью он овладевает ею. Девушке снится сон, который предвещает рождение детей. Проснувшись, наша героиня рассказывает о своем сне Будде-монаху и просит его остаться. Однако он отказывается и восходит по радуге на Небо. *Тангым Агасси* занедужила настолько

сильно, что все окружающие, в том числе и родители, приняли ее состояние за смерть и поместили ее в глубокую яму, выжить в которой ей помогают три журавля. *Тангым Агасси* дает жизнь трем близнецам. Здесь мы сталкиваемся со вторым противоречием: дети рождаются от фактически ушедшей в мир иной девушки. В рамках корейской традиции это противоречие решить нельзя. Следующая часть повествования рассказывает о поисках тремя сыновьями-близнецами *Тангым Агасси* своего отца. Беглый Будда-монах был найден ими на Небесах. Отметим лишь, что, как утверждается в этой шаманской песне-муга, *Тангым Агасси* стала *Самбуль Чесок* — тремя духами, ведающими рождением детей.

Нивхское сказание «О женщине-лисе» (нивхск. — «*K'эк ранг*») ¹⁶ оперирует весьма сходным набором понятий и персонажей: в нем мы видим отца и мать, оставивших детей и отправившихся на добывание пищи — отец на охоту, мать на сбор ягод. Они также наказывают своим детям — дочери и сыну (они так же, как и в корейском варианте, распределены по возрасту — дочь старше, сын младше) не открывать дверь, если кто-нибудь придет. Дети играли в доме, их покой нарушило появление красивой женщины. Ее появление было внезапным, как и появление *Соиннима*. Как и главный корейский персонаж, лукавая, как и в эпосе большинства народов мира, женщина-лиса скрывает свои истинные намерения — она прячет свои острые когти в кулак. Поиграв с детьми и войдя к ним подобным образом в доверие, женщина-лиса предложила им удалить из волос головы вшей. Мотив вычесывания головы, надо отметить, во многих мифах северных народов связан со сном. Например, алеутско-эскимосском эпосе девушки — пересмешницы таким образом усыпляют и обманывают ворона, пытавшегося наказать их за издевательство ¹⁷.

В нивхском мифе первой на предложение лисы откликнулась девочка, лиса же лишь глубоко поцарапала когтем голову девочки, отчего ребенок уснул. На вопрос мальчика, что стало с его сестрой, оборотень ответил, что та «уснула». Сюжет «раскручивается», и теперь лисица-оборотень предлагает мальчику очистить волосы на голове от назойливых насекомых-паразитов. Однако тот, разглядев у женщины-лисы острые когти, смог понять, каковы истинные замыслы рыжей хищницы. Брат прошел в другую сторону дома, взял сушеную рыбу (нивх. — *юкола*) и, разжевав ее, плюнул в обидчика своей сестры. Красивая женщина вновь приняла свой первоначальный вид и вынуждена была retirовать-

ся. Позже мальчик поведал обо всем возвратившимся домой родителям, которые, применяя магию (привязывание лисьей шерсти к руке дочери) и медицину, смогли вылечить свою дочь. После этого, как утверждает нивхский текст, лиса больше не наносила вреда детям.

Сопоставим эти два произведения устного народного творчества.

	Корейский вариант	Нивхский вариант
Функционирование	Практически всегда с сюжетом о поисках детьми героини своего отца, реже осложняется сюжетом о сотворении мира.	Отдельно.
Главные герои	Сестра и брат.	Сестра и брат.
Наличие родственников	Отец и мать.	Отец и мать.
Начало действия	Уход отца и матери в столицу на службу.	Уход отца и матери на охоту.
Место действия	Дом, в котором находятся дети.	Дом, в котором находится <i>Тангым Агасси</i> и ее младший брат.
Изменение ситуации	Неожиданный приход в дом женщины-лисы.	Неожиданное проникновение в дом монаха, просящего подаяние.

Как видим, неожиданная отлучка родителей на службу в столицу, не получая должного объяснения с точки зрения логики ни нормальной семьи, ни нормального общества, может быть понята лишь при сравнении нивхского и корейского вариантов: у нивхов родители попросту отправляются добывать пищу на охоту.

Сюжет о кознях лисы, приводящих к драматическим последствиям, является сквозным для нивхской мифологии, поэтому он характерен не только для данного произведения. Еще Л. Штернбергом был зафиксирован на Сахалине небольшой миф под названием «Женщина, вышедшая замуж за лисицу» о том, как лису удалось хитростью взять в жены простую женщину. Характерно, что способом избавления от напасти послужило то же средство, что и в приведенном нами выше мифе — в лис плюют сушеной рыбой (юколой), если быть точным — икрой. В результате погибает все многочисленное семейство лисы, однако

так как их души не смогли переселиться через пролив, эти животные стали с тех пор жить на Сахалине¹⁸. Связывает последний сюжет с упомянутыми выше еще одна деталь. Женщину полностью освобождают от уз лисьего колдовства ее родители, в данном мифе физически убившие всех лис.

Укажем еще на одну деталь — лисица представлена как исключительно вредоносный персонаж, который по определению не может отблагодарить человека или сделать ему добро, как поступают другие персонажи нивхского эпоса — медведь, тигр, либо, в отдельных случаях, даже тюлень. Впрочем, в некоторых мифах лисица играет положительную роль — в мифе о хозяине неба это животное помогает своему супругу, убитому хозяином неба и его женой, вновь вернуться к жизни. И все же определенными отрицательными чертами это животное наделено для того, чтобы заставить своего избранника вступить в брак, лисица едва ли убивает его¹⁹.

Л. Штернберг увязывает данный миф с айнским, так как существует предание этой народности, поясняющее, что первоначально лис на Сахалине не было²⁰, что опять же говорит о связях, но отнюдь не родстве, этих двух соседних народов.

Заключение

Все вышеприведенные черты, по нашему мнению, свидетельствуют о наличии пока еще не получивших должное освещение в этнографической литературе связях корейцев и населяющих крайний Северо-Восток Евразии палеоазиатских народов.

Примечания

¹ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. 1—2, СПб., 1883. С. 125.

² Там же.

³ Таксами Ч.М. История и культура нивхов: Историко-этнографические очерки, СПб., 2007. С. 106.

⁴ Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фоклора. СПб, 1909. С. 60.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Народы Северо-востока Сибири. Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. Кереки. Коряки. Нивхи. Чуванцы. Чукчи. Эскимосы. Юкагиры, Москва, 2010. С. 289.

⁷ Там же. С. 180.

⁸ Там же. С. 349.

⁹ Там же. С. 549.

¹⁰ Там же. С. 607, 608.

¹¹ Там же. С. 553.

¹² Там же. С. 606—608.

¹³ Там же. С. 669.

¹⁴ *Фетисова Л.Е.* Традиционный фольклор и этническая история тунгусо-маньчжурских народов // сб. Первые Шавкуновские чтения, Владивосток, 2008. С. 327—338.

¹⁵ На корейском языке: Хангугый пхунсок (обычаи Кореи), Сеул. 1970. С. 201—220.

¹⁶ На японском языке: Сказание о Женщине-лисе — Кэк ранг URL: <http://www.nels.nij.ac.jp/els/110004599188.pdf> (дата обращения — 20 сентября 2008 года).

¹⁷ *Муравьева Т.В.* Кто есть кто в мировой мифологии, М., 2011. С. 333.

¹⁸ *Штернберг Л.Я.* Указ. соч. С. 194—197.

¹⁹ *Муравьева Т.В.* Указ. соч. С. 319—320.

²⁰ Там же. С. 197.

А.В. Пак

МЕСТО ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ КОРЕИ

В современном корееведении есть ещё немало тем, достаточно известных широкому кругу специалистов, и, тем не менее, в силу самых разных обстоятельств ещё недостаточно глубоко проработанных. Одной из таких тем является вопрос о месте протестантизма в истории Кореи.

Первые контакты европейских протестантов с корейцами в первой половине XIX в. по причине закрытости тогдашнего корейского общества носили поверхностный, а подчас и нежелательный для корейцев характер. Таким, например, было прибытие в Корею немецкого пастора Чарльза Гутслафа, который в 1832 г. на судне «Лорд Амхерст» остановился на временную стоянку у корейских берегов¹. Встретившись с противодействием власти и необщительностью местного населения, он сделал скоропалительный и неверный вывод о том, что корейцы не знакомы с христианством, хотя на тот момент в Корее уже существовали католические общины².

Следующим стал в 1866 г. миссионер Р.Д. Томас, погибший у берегов Кореи, поскольку волей судьбы он оказался в составе американского торгового судна «Генерал Шерман», незаконно проникшего в эту страну с целью мародёрства и грабежа³.

Лишь в начале 70-х годов XIX в. состоялся первый серьёзный контакт между представителем шотландской пресвитерианской церкви Джоном Россом и корейцами, причём состоялся он не в самой Корее, а за её пределами, в соседней Маньчжурии, в силу того что страна ещё не была открыта для контактов с иностранцами.

На тот момент пастор Джон Росс занимался проповеднической деятельностью в Китае, где уже давно и основательно трудились его соотечественники. Будучи талантливым проповедником, он не только смог блестяще овладеть китайским языком, но и основательно изучил конфуцианскую литературу, уже тогда придя к выводу, что пропаганда христианства в Азии должна строиться не на отрицании, а на адаптации и взаимном дополнении местной культурной традиции⁴.

Главными инновациями Джона Росса на почве пропаганды протестантизма среди корейцев стали следующие.

Во-первых, перевод Библии на корейский алфавит *хангыль*, который был понятен простому народу. «Корейский алфавит настолько сказочно прост, — утверждал шотландский миссионер, — что даже дети могут овладеть им; результатом перевода Библии на этот алфавит будет от 12 до 15 миллионов читателей и эта цифра не будет завышена...»⁵

Во-вторых, Джон Росс первым из миссионеров сумел разработать верную и понятную как для самих корейцев, так и для будущих европейских проповедников религиозно-понятийную терминологию, в частности — слово «хананим». Органично влившись в терминологию протестантизма, простонародный термин «хананим», означавший ранее главного духа, приобрёл совершенно иное смысловое значение. Теперь он стал обозначать «Единственного, достойного Уважения», т. е. «Одного, который и является Богом». Насколько удачной находкой было использование этого простонародного термина для обозначения христианского бога, доказывает тот факт, что с 1882 по 1905 г. «хананим» по частоте своего использования в переводе Библии и другой религиозной литературы на корейский язык занимает 1-е место, оставив далеко позади все прочие, позаимствованные из китайского языка⁶.

В-третьих, он сумел в короткие сроки не только наладить перевод части Библии на простонародный язык, но и организовал систему быстрой и надёжной доставки религиозной литературы в Корею. Говоря о распространении христианской литературы в Стране утренней свежести, следует сделать оговорку, что, несмотря на то что открытая пропаганда христианства в стране была официально запрещена, на практике цензура действовала достаточно формально, поэтому при желании запрет всегда можно было обойти.

К сожалению, став первопроходцем на ниве распространения протестантизма, Джон Росс не сумел воспользоваться плодами своей работы, поскольку первоначально Корея была не готова к массовому

обращению в христианство, а когда благоприятное время для этого наступило, плоды богатого урожая собрали уже другие.

Религиозная и политическая обстановка в 80—90-х годах XIX в. изменилась кардинальным образом. Корею раздирали коррупция и борьба придворных группировок за власть, страна стала объектом экономических и военных притязаний великих держав и Японии. Росло обнищание народа и массовая иммиграция из страны (в одном из таких потоков оказались и далёкие предки автора, перебравшиеся в Россию).

К моменту открытия страны для контактов с европейскими державами и Японией из представителей всех направлений христианства лишь проповедники из Америки сумели добиться в Корее наибольшего успеха. Миссионеры из США были первыми, кто в конце XIX — начале XX в. привнесли в корейское государство прогрессивные идеи западной культуры.

В своей работе по христианизации корейцев американские проповедники активно использовали не только свои оригинальные наработки (такие, как метод Невиуса), но и опыт своих духовных предшественников, в частности пастора Джона Росса, по активному использованию простонародного корейского языка в религиозной терминологии и в практической пропаганде. При этом следует осознавать, что создание ими школ, больниц и благотворительных заведений, столь хорошо известных российским востоковедам, было лишь внешней стороной их деятельности и далеко не самой главной.

С одной стороны, не без участия протестантских миссионеров шла трансформация традиционной корейской культуры: появлялись новые виды спорта (футбол, теннис, бейсбол, регби и т. д.), европейская музыка, новые увлечения и пристрастия. Главным механизмом ненавязчивого внедрения новых ценностей стали миссионерские школы, которые являлись не только чисто образовательными учреждениями, но своеобразными центрами культурной жизни для местных корейских общин. Не случайно в христианских колледжах часто проходили зрелищные спортивные соревнования, концерты самодеятельных ансамблей, которые пользовались заслуженной популярностью у местных жителей⁷. Этот процесс постепенного изменения традиционных конфуцианских ценностей шёл как среди элиты корейского общества, которая видела в идеях протестантизма духовный двигатель обновления и мо-

дернизации, так и в среде простонародья, которое благодаря обучению в христианских школах приобщалось к новым знаниям.

Вот как вспоминал о своём личном опыте пребывания в новом христианском сообществе один *янбан*:

«Четыре месяца назад мне было стыдно находиться в *саран пан* [комнате для гостей], и когда прихожане во время молитвы склоняли свои головы, я чувствовал себя очень неловко, стараясь выпрямиться, но через некоторое время я тоже начал кланяться, как все, и чувство стыда ушло... Да, я *янбан* [дворянин], но Бог не сотворил одного человек *янбаном*, а другого *санномом* [быдлом]. Это придумал человек. Бог создал всех людей равными»⁸.

С другой стороны, корейская церковь практически с самого своего зарождения стала приобретать собственные национальные черты. Проявлялось это как во внешнем облике церквей, которые даже по стилю архитектуры совсем не походили на европейские, так и в духовном содержании, и поэтому довольно скоро они перестали восприниматься местными жителями как нечто чуждое и иноземное.

Основной причиной, по которой местная церковь стала стремительно «корейзироваться», стало то, что ведущую работу по пропаганде христианства в среде простого народа вели не европейцы, а сами корейцы. Именно они в качестве учителей, миссионерских переводчиков, странствующих распространителей Библии *квонсо*⁹ и *чхондо пун* («библейских женщин»)¹⁰ не только налаживали контакты с неверующими корейцами, разъясняя им суть христианства, но и самостоятельно открывали новые церкви, обучали окрестных жителей грамоте.

Не случайно успехи в просветительной деятельности, начатой американскими миссионерами в конце 80-х — 90-х годов XIX в., совпали по времени с движением *Тоннип хёнхве* («Общества независимости»), многие лидеры и рядовые члены которого были протестантами. Причём весьма любопытно, что после того как Общество в 1898 г. развернуло деятельность по открытию по всей стране своих филиалов, его наибольшая социальная активность проявлялась как раз в тех районах, где располагались протестантские церкви¹¹.

Также важным моментом того периода являлось то, что с середины 90-х годов наибольшую активность в плане принятия христианства стали проявлять корейцы, проживавшие на северо-западе и северо-востоке (провинциях Пхеньян и Хамгён), которые быстрее, чем их соплеменники в центральной и южной части страны, стали интегрировать-

ся как в западную культуру, так и в новые капиталистические отношения.

Насколько сильны были позиции протестантов в северной части Корейского полуострова, показывают лишь некоторые цифры. Так, за 10 лет (1885—1895 гг.) в одном только Пхеньяне было основано 135 церквей, имелось 185 мест для публичных молитв, был возведён в сан 21 местный пастор, работали 185 местных евангелистов, была открыта 41 христианская школа¹². Кстати, именно в этом городе располагались крупнейшая в Корее Пхеньянская теологическая семинария и Сунсильский христианский колледж, в котором наряду с другими видными политическими деятелями учился и отец будущего лидера КНДР Ким Ир Сена.

Вот что писали японские дипломаты, обычно скупые на похвалы в отношении корейцев, о быстром росте протестантских церквей на севере Кореи:

«Просто поразительно, насколько процветают церкви в районе Пхеньяна. Тех, кто ходит на воскресные богослужения, насчитывается свыше 14 тыс. верующих, при том что полное население города составляет всего 40 тыс. человек. Выходит, что процент христиан занимает больше чем одну треть от целой провинции... Если эта тенденция продолжится и дальше, возможно, что в течение следующих десяти лет число христиан составит больше миллиона человек»¹³.

Развитие протестантской церкви продолжалось и в трагический для истории Кореи период с 1905 по 1910 г., когда страна фактически потеряла национальную государственность. Причём корейская церковь продолжала развиваться не только как вполне самостоятельная религиозно-культурная организация, но и как легальное прикрытие для национально-патриотической деятельности, поскольку указами колониальных властей корейцам было запрещено участвовать в деятельности любых общественных организаций, за исключением религиозных¹⁴.

Всё это закономерно привело к тому, что множество корейцев стали активно пополнять ряды протестантов. К 1910 г. в Корее насчитывалось 687 церквей, а из 200 тыс. верующих христиан 144 261 были пресвитерианами и 37 722 — методистами¹⁵. При этом практически каждая церковь имела свою частную школу, а многие протестантские общества даже издавали свои газеты, в которых выходили статьи не только на религиозные темы.

Протестантские церкви не просто были хаотично разбросаны по различным провинциям, а имели чёткую и отлаженную структуру, своих местных лидеров, многочисленную паству и широкую коммуникационную сеть по всей Корее.

И хотя структура церкви, христианские идеи и просветительство не были приспособлены для политической деятельности, корейцы в особых условиях колониального правления сумели адаптировать их для нужд национально-освободительного движения. Именно стихийный союз между церковью и корейским антияпонским движением стал основной причиной быстрого роста протестантизма во время раннего колониального периода. Не случайно во время Первомартовского движения за независимость 1919 г. корейские христиане, как католики, так и протестанты, оказались в первых рядах активистов уличных митингов и демонстраций.

Иногда преданность корейских протестантов церкви, особенно в дни гонений со стороны японцев, доходила до смешного. Однажды во время одного из самых жестоких преследований христиан, когда японская полиция бросала корейцев в тюрьмы без разбора, один местный евангелист с тревогой сказал своему знакомому американскому миссионеру:

«Пастор, а может что-то неправильное есть в нашей церкви? Я боюсь, нам недостаёт истинной веры. Уже тридцать семь пресвитериан находятся в японской тюрьме и только один методист. Наверное, Бог не считает нас достойными перенести это испытание»¹⁶.

Эпоха суровых испытаний в истории корейской протестантской церкви не исчерпывалась событиями 1919 г. В 30—40-е годы лучшие из корейских протестантов мужественно сопротивлялись указу колониальных властей о насильственном посещении синтоистских святилищ. Отказ посещать эти символы японской веры стоил тем, кто на это отважился, не только карьеры, но подчас и самой жизни¹⁷.

Так или иначе, протестантская церковь, пережив все трудности суровых колониальных десятилетий, подошла к моменту освобождения Кореи в качестве доминирующей общественно-политической силы. К 1944 г. на Корейском полуострове насчитывалось около 5500 церквей с общим числом верующих 450 тыс. человек¹⁸.

Не вдаваясь в подробности трагической истории фракционной борьбы и идеологического размежевания по обе стороны 38-й параллели в 1945—1948 гг., следует лишь отметить, что религиозный фак-

тор сыграл важную роль в формировании самостоятельных корейских государств как на Севере, так и на Юге. Влияние христианских идей нашло отражение даже в биографиях таких выдающихся политических деятелей, как Ли Сын Ман, который стал протестантом ещё в эпоху *кэхва ундон*, и Ким Ир Сен, который сам происходил из протестантской семьи.

Не случайно Ли Сын Ман в одной из своих ранних работ, посвящённых корейской независимости, прямо говорил о том, что будущее обновлённой Кореи он видит в повсеместном внедрении в ней западных демократических ценностей, культуры и протестантизма¹⁹. Примечательно, что и у Ким Ир Сена в его мемуарах нашлось немало тёплых строк в отношении христианства, в частности о том, что «христианский дух и его идеология не противоречат друг другу», что оствляет тем самым для будущих поколений исследователей возможность поразмышлять над духовными истоками идеологии *чучхе*²⁰.

Однако и после того как корейский полуостров разделился на Север и Юг, история протестантской церкви на этом не закончилась. Христиане Южной Кореи не только внесли немалый вклад в формирование идеологии своей правящей элиты, но в период нахождения у власти военных авторитарных режимов активно боролись за демократические права и свободы, не упуская из виду и проблем национального объединения. При этом, борясь за права человека, церковь не забывала и о гуманитарной деятельности, ибо протестанты были одними из первых, кто протянул руку помощи Северной Корее во время продовольственно-го кризиса 90-х годов XX в.²¹

В эпоху глобализации и новых технологий христианская церковь также занимает важное место в культуре, политической жизни и истории своей страны. Так, по данным статистики за 2005 г., при общей численности населения Южной Кореи в 47 410 433 человек, общее число верующих в этой стране достигало цифры в 24 970 766 человек (53 %), причём 10 726 463 из них (22 %) составляли буддисты, протестанты — 8 616 438 (18 %), католики — 5 146 147 (10 %), конфуцианцы — 104 675 (0,22 %), представители других конфессий — 37 943 человек (0,8 %)²².

Прошло около двух веков с того момента, как первый протестантский миссионер посетил Страну утренней свежести. А ныне протестантская церковь существует и развивается по законам и правилам корейской жизни, став неотъемлемой частью национальной традиции. В её

истории были взлёты и падения, но одно оставалось неизменным: с самого момента своего зарождения она шла бок о бок с народом, жила его интересами, надеждами и устремлениями. Каким будет её место в нынешнем столетии, покажет будущее.

Примечания

¹ История Кореи. Т. 1. М., 1974. С. 311.

² *L.G. Paik*. The protestant missions in Korea 1832—1910. Seoul, 1987. P. 45.

³ *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи. СПб., 2002. С. 299.

⁴ *C.S.Chang*. John Ross and Bible women in the early Protestant mission of northern Korea and Eastern China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rethinkingmission.org.uk>

⁵ *David W. Kim*. Religious Transformation in Modern Asia: A Transnational Movement. Boston, 2015. P. 55.

⁶ *Oak Sung Deuk*. The making of korean christianity. Texas, 2013. P. 317.

⁷ *Fisher J.E.* Democracy and mission education in Korea. New York, 1928. P. 95.

⁸ *Park Chung-Shin*. Protestantism and politics in Korea. Seattle, 2003. P. 57—58.

⁹ *Чан Джэён*. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М., 1997. С. 67.

¹⁰ *Hyaweol Choi*. Gender and mission encounters in Korea: new women, old ways. Berkeley, 2009. P. 67.

¹¹ *Park Chung-Shin*. The protestant church as a political training ground in modern Korea // International journal of Korea history. Vol. 11. 2007. P. 52—53.

¹² *Min Kyoung Bae*. A History of Christian Churches in Korea. Seoul, 2005. P. 181.

¹³ Ibid. P. 181.

¹⁴ *Park Chung-Shin*. Protestantism and politics in Korea. P. 33.

¹⁵ Ibid. P. 33.

¹⁶ *Arthur Judson*. The mastery of the Far East. New York, 1919. P. 507.

¹⁷ *Чон Сонгу*. Пасторы протестантской церкви в Кореи. М., 1996. С. 34.

¹⁸ *Park Chung-Shin*. The protestant church as a political training ground in modern Korea. P. 47.

¹⁹ *Syngmen Rhee*. The spirit of independence, Honolulu, 2001. P. 282.

²⁰ *Ким Ир Сен*. В водовороте века: в 8 т. Пхеньян, 1994. Т. 1. С. 125.

²¹ Christianity in Korea. Honolulu, 2006. P. 253.

²² *Cho Kyuhoon Cho*. Another Christian right? The politization of Korean Protestantism in contemporary global society // *Social compass*. 2014. Vol. 61 (3). P. 324.

Глава 5

ЭКОНОМИКА РК ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.С. Суслина

ЭКОНОМИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ В ПОИСКАХ СБАЛАНСИРОВАННОГО РОСТА

Оценки текущего состояния экономики Республики Корея

Общие оценки экономического развития Южной Кореи за первые 15 лет XXI в. носят противоречивый характер. В рейтинге стран ОЭСР в течение последних 10 лет РК находилась на 6-м месте по темпам экономического роста, поскольку ежегодный прирост ее экономики за 2005—2014 гг. составил 3,7 %¹. Это более чем в 2 раза превышает средний показатель по ОЭСР. Даже после финансового кризиса (2008—2009 гг.) на фоне значительного снижения темпов роста во многих развитых странах РК сохранила средний уровень в 3 %. Устойчивое положение экономики Южной Кореи характеризовалось и ее достаточно высокой позицией в мире (7-е место по состоянию на декабрь 2015 г.) по запасам валютных резервов². Вполне репрезентативны были показатели экономического развития страны в оценке по паритету покупательной способности (табл. 1).

Однако рост южнокорейской экономики за 2015 г., как отмечается в докладе Банка Кореи, опубликованном 6 января 2016 г., предварительно оценивается в 2,6 %, что считается в южнокорейских экономических кругах неплохим результатом, учитывая влияние многих от-

рицательных факторов, прежде всего внешнего характера (снижения динамики роста в КНР, сокращения в связи с этим экспорта РК, понижения цен на нефть, финансовую нестабильность в мире и т. д.).

Таблица 1. Основные экономические показатели РК

Производство и доход	Ед. изм.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
ВВП на душу населения	В текущих ценах (ППС), долл.	27 872	28 718	28 393	30 465	31 327	32 022	33 089	34 356
ВНД на душу населения	В текущих ценах (ППС), долл.	27 787	28 716	28 326	30 496	31 512	32 351	33 325	34 622
Располагаемый доход домохозяйств	Ежегодный прирост, %	2,9	1,4	1,1	3,5	2,0	1,5	4,0	2,6

Источник: The Bank of Korea. Press Release. Korea's Official Foreign Reserves (January 2016).

В то же время в динамике темпов прироста экономики РК прослеживаются тенденции торможения и нестабильности в развитии (табл. 2).

Таблица 2. Динамика экономического развития

	Ед. изм.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Номинальный ВВП	Годовой прирост, %	5,5	2,8	0,7	6,5	3,7	2,3	2,9	3,3
Чистые накопления в располагаемом доходе домохозяйств	%	2,9	2,9	4,6	4,7	3,9	3,9	5,6	...
Инвестиции в производственные фонды	% от ВВП	5,0	-0,9	0,3	5,5	0,8	-0,5	3,3	3,1

Источник: The Bank of Korea. Press Release. Korea's Official Foreign Reserves (January 2016).

Если в 2001—2005 гг. темп прироста экономики страны сохранялся в среднем на уровне 5 %, то после глобального финансового кризиса он понизился до 3 %. По некоторым прогнозам и в 2018 г. этот показатель также не превысит 3 %.

Причины кроются в несовершенстве социально-экономической модели РК, которая была сформирована за годы догоняющего развития и уже подвергалась неоднократной корректировке после Азиатского финансового кризиса, а также последнего мирового финансового кризиса. Внешнеориентированная стратегия экономического развития РК превратила страну в либеральную экономику, глубоко включенную в глобальную экономическую систему. Это ключевой фактор ее развития, позволивший ей получить недостающие ресурсы для ускоренного развития, но и сделавший ее чрезвычайно уязвимой от всех колебаний мировой конъюнктуры. Учитывая воздействие таких негативных для мировой экономики факторов, как замедление темпов роста в Китае и повышение учётной ставки в США³, Южной Корее, по мнению экспертов МВФ, также следует ожидать дальнейшего снижения темпов ее экономического развития. Достоверность такого прогноза подкрепляется высокой степенью зависимости РК от результатов ее внешней торговли, которая в 2012—2014 гг. в отношении к ВВП составляла 104,2 %, причем экспортная квота превышала 50 %. Снижение международной конкурентоспособности южнокорейского производства определяется потерей эффективности устаревающей модели экономического развития РК. Южная Корея в 2014 г. по экспорту занимала 7-е место в мире, а по импорту — 9-е. По торговле услугами: по экспорту услуг — 16-е место в мире, а по импорту — 8-е. Доля РК в мировом экспорте в 2014 г. достигла 3,01 %, а в импорте — 2,75 % (табл. 3). Поэтому ухудшение условий торговли для РК в 2015 г. явилось сокрушительным ударом, прежде всего для ее товарооборота, который сократился с 1101 млрд до 977,5 млрд долл⁴. Экспорт составил 548,9 млрд, а импорт — 428,6 млрд долл. Торговое сальдо выросло до 120,4 млрд против 88,9 млрд долл. в 2014 г⁵.

Особого внимания заслуживает рассмотрение географической структуры внешней торговли Южной Кореи, которая также отражает «узкие» места, делающие ее весьма уязвимой от состояния мировой конъюнктуры и условий торговли на рынках стран — ведущих партнеров (табл. 4).

Характерной чертой является доминирующая доля экспорта и импорта РК, приходящаяся на рынок КНР, при том что традиционные

рынки США и Японии ушли на 2—4-е места. При этом если для Южной Кореи торговля с КНР и США сводится с позитивным балансом, то с Японией и странами ЕС РК имеет в последние годы дефицит (табл. 5).

Таблица 3. Значение внешней торговли для ВВП Южной Кореи

Торговля	Ед. изм.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Импорт товаров и услуг	% ВВП	38,1	50,0	42,9	46,2	54,3	53,5	48,9	45,3
Экспорт товаров и услуг	% ВВП	39,2	50,0	47,5	49,4	55,7	56,3	53,9	50,6
Баланс торговли товарами	Млрд. долл.	14,7	-13,3	40,4	47,9	29,1	49,4	82,8	88,9
Импорт товаров	Млрд. долл.	356,8	435,3	323,1	415,9	558,0	554,1	535,4	524,1
Экспорт товаров	Млрд. долл.	371,5	422,0	363,5	463,8	587,1	603,5	618,2	613,0
Баланс торговли услугами	Млрд. долл.	-12,2	-5,3	-6,0	-8,5	-6,0	5,8	6,2	
Импорт услуг	Млрд. долл.	85,1	95,7	79,6	95,7	101,2	105,7	106,8	
Экспорт услуг	Млрд. долл.	73,0	90,4	73,6	87,2	95,2	111,5	113,1	
Текущий платежный баланс	% ВВП	2,0	0,6	3,5	2,5	2,1	4,0	5,4	

Источник: составлено по OECD. Country statistical profile: Korea 2015; ITC TRADE MAP. Trade statistics for international business development; ITC calculations based on Korea Customs and Trade Development Institute (KCTDI) statistics since (January, 2015). ITC calculations based on UN COMTRADE statistics until (January 2015). URL: http://kosis.kr/statHtml/print.do?orgId=115&tblId=DT_115_2009 H3001

Таблица 4. Географическая привязка экспорта и импорта РК в 2014 г., %

Географическая структура экспорта		Географическая структура импорта	
1. КНР	26,1	1. КНР	16,1
2. США	11,1	2. Япония	11,6
3. ЕС (28)	8,8	3. ЕС (28)	10,9
4. Япония	6,2	4. США	8,1
5. Гонконг	5,0	5. Саудовская Аравия	7,3

Источник: URL: [http://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(ryd2z2vhu5sas12otb2cfxre\)\)/Bilateral_TS.aspx](http://www.trademap.org/(X(1)S(ryd2z2vhu5sas12otb2cfxre))/Bilateral_TS.aspx)

Таблица 5. Торговля Южной Кореи с КНР, США, Японией, странами ЕС и РФ, млрд долл.

Страна	Товарооборот	Экспорт РК		Импорт РК		Сальдо торгового баланса		Доля от всего экспорта и импорта РК, %	
		2014	2015	2014	2015	2014	2015	2015	2015
Годы	2015 (2014)	2014	2015	2014	2015	2014	2015	Эксп.	Имп.
Китай	227,4 (235,4)	145,3	137,1	90,1	90,3	+55,2	+46,9	26,0	20,7
США	114,3 (116,1)	70,6	70,1	45,5	44,2	+25,1	+25,9	13,3	10,1
Япония	71,4 (85,9)	32,2	25,6	53,8	45,9	-21,6	-20,3	4,9	10,5
Страны ЕС	157,0 (77,3)	71,7	66,2	85,3	75,3	-13,6	-9,1	12,1	17,6
Россия	18,06 (27,3)	9,0	4,6	18,3	13,5	-9,26	-8,94	0,9	3,1

Источник: составлено и рассчитано по данным:

URL: http://global.kita.net/kStat/byCo unt_AllCount.do;

URL: <http://www.customs.go.kr/keshome/trade/TradeCountryList.do?layoutMenuNo=21031>

URL: [http://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(ryd2z2vhu5sas12otb2cfxre\)\)/Bilateral_TS.aspx](http://www.trademap.org/(X(1)S(ryd2z2vhu5sas12otb2cfxre))/Bilateral_TS.aspx)

URL: <http://www.kita.org/index.do>

В доминирующей по объему взаимной торговле РК с КНР уже накапливаются негативные тенденции, о чем свидетельствует анализ баланса товарооборота по отдельным товарным статьям, который складывается далеко не в пользу Южной Кореи. Это происходит потому, что РК теряет конкурентоспособность на китайском рынке по все большему числу товаров, которые Китай научился производить на уровне Южной Кореи, но значительно дешевле.

В то же время РК пока имеет профицит по своим товарным статьям в торговле с США, что объясняется сохраняющейся ценовой конкурентоспособностью из-за более низкой стоимости рабочей силы, а также действием Соглашения о свободной торговле. Торговля РК с Японией сокращается по причине ухудшения политических отношений. По многим позициям торговли с Японией у РК сохраняется отрицательное сальдо, что является отражением технологического отставания РК от Японии в производственной сфере и в силу этого сравнительно низкой производительности труда.

Следует отметить, что и другой важный канал привязки экономики РК к глобальному рынку — **движение прямых иностранных инвестиций (ПИИ)** и их значимость для современной экономики РК — показывает существенную волатильность. Так, в 2014 г. заявленные ПИИ в РК составили рекордную за последние пять лет сумму в 19 млрд долл., что более чем на 30 % превысило показатель в 14,55 млрд долл. 2013 г. и 16,3 млрд долл. 2012 г. За 2015 г. он перевалил отметку в 20 млрд долл. В 2014 г. крупнейшим инвестором РК стали США по заявленным фондам. Американские инвестиции составили в 2014 г. 3,61 млрд долл. (на 2,4 % выше, чем в 2013 г.). Следом шла Япония, вложив 2,49 млрд долл. Далее страны ЕС, включая Нидерланды, Великобританию и Люксембург, инвестиции которых суммарно достигли 6,5 млрд долл. (на 35,4 % выше предыдущего года). На 4-м месте — Сингапур, вложения которого увеличились на 288 % по сравнению с 2013 г. и составили 1,7 млрд долл. На 5-е место вышла КНР, прирост составил 147,2 % и в сумме 1,19 млрд долл.⁶ Инвестиции Китая в экономику РК растут, и кооперационные связи между КНР и РК углубляются в результате действия подписанного между странами Соглашения о свободной торговле. Складывается и некоторая специализация в сфере иностранного инвестирования в экономический сектор РК. КНР интересуется инвестициями в туристический бизнес (о. Чечжудо), в разработку мобильных игр, в производство товаров для здоровья и детской одежды.

Наиболее продвинутыми и приоритетными отношениями в области инвестиционного сотрудничества для РК являются связи с США. (табл. 6).

Таблица 6. Движение ПИИ между США и РК

Прямые иностранные инвестиции США в РК, млрд долл.						
Годы	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Накопленные инвестиции	226,2	228,2	332,2	333,0	334,9	—
Приток за год	22,7	33,3	11,8	22,5	22,5	—

Источник: Bureau of Economic Analysis (latest available as of September 20, 2015).

Прямые иностранные инвестиции РК в США, млрд долл.						
Годы	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Накопленные инвестиции	217,2	219,7	325,0	330,9	334,8	—
Приток за год	22,2	34,8	16,3	26,2	24,1	—

Источник: Bureau of Economic Analysis (latest available as of September 20, 2015).

Интересно отметить, что, по данным американской статистики, в 2012 г. на южнокорейских фирмах в США были заняты свыше 38 тыс. наемных рабочих. Стоимостной объем научно-исследовательских работ, проводимых американскими филиалами южнокорейских компаний, составлял 411 млн долл. Южнокорейские компании, действующие в США, давали прирост экспорта США на суммарную стоимость в 10 млрд долл.⁷

В прошлом году Южная Корея получила 20,9 млрд долл. заявленных ПИИ, что явилось рекордным результатом за последние годы, выше на 10 % уровня 2014 г. Наибольший объем пришелся на инвестиции из США, Китая и стран Ближнего Востока⁸. Одновременно растёт сумма южнокорейских инвестиций в китайскую экономику, составившая в период с января по ноябрь прошлого года 3,7 млрд долл. Это на 700 млн долл. больше суммы японских инвестиций.

Кроме рассмотренных выше аспектов неоднозначного влияния приоритета внешнеэкономического сотрудничества на южнокорейскую

экономику, следует отметить, что ориентация на внешний рынок породила дисбаланс в развитии внутреннего и внешнего секторов экономики. А в условиях ухудшения международных условий торговли для РК в последние годы обострила ситуацию с внутренним рынком, обнажив его слабую ёмкость в связи с невысокой динамикой развития внутреннего производства, недостаточным платежеспособным спросом. Среди внутренних факторов снижения потенциального роста на первый план вышли давно обозначившиеся проблемы: демографические (старение общества в целом и обострившаяся проблема физического и профессионального пополнения рабочей силы); финансовые (относительное сокращение инвестиций в производственные мощности и перенос производства за рубеж); недостаточно интенсивного развития (отставание по росту производительности труда в производстве и низкая производительность в сфере услуг, сравнительно высокая энергоемкость экономики) и многое другое.

Меры руководства страны и их позитивные и негативные результаты

Для преодоления наметившегося застоя правительство РК в течение уже ряда лет предпринимает активные усилия. В конце 2014 г. им был обнародован план экономического развития страны на 2015 г.⁹ По прогнозам правительства, рост южнокорейской экономики в 2015 г. должен был составить 3,8 % при условии оживления внутреннего спроса, для чего планировалось проводить особую расширительную макроэкономическую политику по поддержке внутреннего рынка. Бюджетные вливания должны были повысить темпы роста ВВП до 3,8 %, что на 0,4 % выше, чем в 2014 г. Инфляция ожидалась на уровне 2 %. Предполагалось некоторое снижение профицита платёжного баланса — с 89 млрд до 82 млрд долл. в 2015 г. при том что ожидался рост экспорта на 3,7, а импорта — на 3,2 %. Таким образом, исходя из этих экономических индикаторов, прогнозировалось улучшение общеэкономической ситуации в стране.

Руководство РК сформулировало и опубликовало стратегический план проведения структурных реформ, главная цель которых — вывести страну из затяжного экономического спада. Реструктуризация

экономики должна охватить самые разные сферы, но в первую очередь образование, рынок труда, финансовый сектор и бюджетную сферу. Некоторые меры, на наш взгляд, носят поверхностный характер, как, например, в образовании: перенос начала учебного года на осень. Сейчас образовательные учреждения начинают учебный год в марте, тогда как в США и странах Европы — в сентябре. Планируется пересмотр правил регулирования рынка частичной занятости, что должно повысить общую гибкость рынка труда. Правительство планировало создать 450 тыс. дополнительных рабочих мест для женщин и молодёжи.

В целом южнокорейское руководство исходит из того, что на современном этапе очень важно укреплять фундаментальные экономические показатели, которые помогут провести реформы на фоне общей социальной поддержки. Поставлена задача активнее создавать новые отрасли и «двигатели» экономического роста, реструктурировать промышленность, ориентируясь на будущее. Предусматривалось запустить несколько программ поддержки частных инвестиций, которые должны были распределить риски и привлечь 27 млрд 300 млн долл. дополнительного капитала. Меры, направленные на смягчение регулирования иностранных инвестиций, должны открыть новые возможности для иностранных инвесторов и способствовать выходу национального бизнеса на мировой рынок.

В 2015 г. планировалось обратить серьёзное внимание на три группы рисков: рост частной потребительской задолженности, неустойчивость фирм на грани банкротства и бегство капитала. Пока самой большой угрозой считается растущая потребительская задолженность чуть менее 1 трлн долл. В скором времени банки начнут выдавать частным лицам только долгосрочные кредиты по фиксированной ставке, и это должно помочь справиться с проблемой.

Ещё один риск — это корпоративная реструктуризация. Реорганизация тех предприятий, которые находятся на грани банкротства, должна проходить быстрее. Правительство может оказать помощь фирмам в строительстве, на транспорте, в судостроении при условии их работы над повышением конкурентоспособности. Южнокорейцы обеспокоены угрозой бегства капитала, которую создают такие внешние факторы, как падение мировых цен на нефть и перспектива роста процентных ставок Федеральной резервной системой США. В этом случае они предполагают, что отток иностранных инвестиций с рынка РК может произойти очень быстро.

14 января 2016 г. экономический блок правительства РК¹⁰ представил совместный отчёт, в котором отражена политика, направленная на активизацию экономики путём сбалансированного развития экспорта и внутреннего рынка. Экономическая стратегия РК, описанная в совместном отчёте министерств экономического блока, подразумевает активное привлечение иностранных инвестиций, а также широкую маркетинговую, финансовую и исследовательскую поддержку пяти направлений экспорта. Это: косметика, продукты питания, бытовые принадлежности, товары для детей и сфера моды. Подготовлены меры по поддержке конкурентоспособности малых и средних компаний на мировом рынке. Правительство РК также намерено значительно расширить вливание финансов в экономику и ликвидировать структурные факторы, сдерживающие потребление. Население страны пока не почувствовало значительных улучшений, хотя план по реформированию экономики реализуется уже три года. Основные причины сдерживания экономического роста:

- сокращение в течение 11 месяцев экспорта;
- ценовая конкурентоспособность южнокорейских компаний по отношению к японским производителям ослабла из-за политики количественного смягчения, реализуемой Токио. В декабре Синдзо Абэ был переизбран премьер-министром Японии. Это значит, что его политика поддержки экономики с помощью избытка денег и соответствующего роста экспорта будет продолжаться;

- сохраняется нестабильность в странах Европейского союза. Многие европейские страны страдают от дефляции — сочетания низкой инфляции и низкого роста. Между тем Европа — это второй крупнейший рынок для южнокорейских товаров;

- китайская промышленность продолжает активно повышать уровень технологического развития;

- сохраняются такие отрицательные факторы, как дополнительное повышение учётной ставки в США и замедление темпов роста в Китае.

Среди рисков на внутреннем рынке самым серьёзным является накопление потребительской задолженности. Сейчас она составляет примерно 960 млрд долл. Ещё один внутренний риск — это угроза продолжительной дефляции, т. е. сохранение низкой инфляции и низкого роста ВВП. В 2015 г. Банк Кореи был вынужден снизить учётную ставку дважды, так как было очевидно, что для восстановления потребитель-

ского рынка и инвестиций в основной капитал нужен дополнительный стимул. Дешёвая нефть должна простимулировать внутреннее потребление и инвестиции, необходимые для восстановления экономического роста. Меры, предложенные правительством, включают дополнительные государственные расходы и дерегуляцию. Это должно привести к росту частных расходов, корпоративных инвестиций и восстановлению рынка недвижимости.

Заключение

В свое время Республика Корея смогла преодолеть экономическую отсталость за счёт индустриальной и научно-технической революции в условиях либерализации рынка и привлечения внешних факторов развития. Однако ее динамичное продвижение застопорилось впоследствии, когда ее экономике так и не удалось перейти от дорогой и неэффективной модели развития к более интенсивному росту на основе увеличения производительности труда. В современном мире Южная Корея теряет конкурентоспособность и может оказаться в положении Японии 1990-х годов. Во втором десятилетии XXI в. РК сталкивается с еще более острыми вызовами ее экономической модели. Она все более ощущает угрозу со стороны воздействия неблагоприятных для нее внешних факторов, которые ранее, наоборот, вытягивали ее из нищеты, отсталости и зависимости. В категорию рисков входят: условия торговли для Южной Кореи на мировом рынке, которые становятся все менее благоприятными; повышенная волатильность притока и оттока иностранного капитала в стране, связанная с падением конкурентоспособности южнокорейского производства в целом, с подъемом Китая, Индии, Индонезии, Таиланда и других стран. Все эти риски проявляются на фоне активного процесса экономической интеграции РК в мировую экономику. Глубокая вовлеченность южнокорейской экономики в мирохозяйственные связи усиливает воздействие на нее экономик ведущих стратегических партнеров. Выход — в обретении устойчивости за счет параллельного развития внутреннего сектора экономики. Решение этой задачи требует серьезной корректировки социально-экономической модели РК.

Примечания

¹ OECD. Country statistical profile: Korea 2015

² The Bank of Korea. Press Release. Korea's Official Foreign Reserves (January 2016).

³ Банк Кореи снизил прогноз потенциального роста экономики РК. Опубликовано: 07.01.2016.

⁴ ITC TRADE MAP. Trade statistics for international business development. URL: http://kosis.kr/statHtml/print.do?orgld=115&tblld=DT_115_2009 H3001

⁵ По данным таблицы «Текущий баланс РК». URL: http://kosis.kr/statHtml/print.do?orgld=115&tblld=DT_115_2009 H3001

⁶ Foreign direct investment hits record in 2014. Jan 05, 2015. URL: <http://www.Korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=124506>

⁷ FDI Markets (data from Jan 2003 — Jan 2015).

⁸ According to data from the Ministry of Trade, Industry and Energy. Service sector businesses were the top attraction. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/photo/6151078.cms>; URL: <http://economictimes.indiatimes.com/photo/6151078.cms>

⁹ Экономическая программа РК на 2015 год. KBS WORLD: 29.12.2014.

¹⁰ Экономические ведомства поделились планами на этот год. KBS WORLD: 14.01.2016.

А.Ф. Синякова

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ОБЗОР И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ*

Республика Корея является одной из крупнейших стран — импортеров энергоносителей в мире. По итогам 2014 г. она занимала 9-е место в мире по объемам энергопотребления¹. РК также входит в пятерку основных мировых импортеров сжиженного природного газа (СПГ), угля, нефти, нефтепродуктов, причем поставки нефти и СПГ осуществляются исключительно посредством танкерного флота. Однако, несмотря на практически полное отсутствие собственного энергетического сырья, одни из крупнейших и наиболее современных нефтеперерабатывающих предприятий являются южнокорейскими. Также с целью обеспечения национальной энергетической безопасности нефтяные и газовые корпорации стремятся находить возможности для разработки зарубежных месторождений.

Экономическая конъюнктура Республики Корея обуславливает высокое внутреннее энергопотребление, а экономический рост, в свою очередь, связан со значительной долей экспорта в сфере электроники, полупроводников, судостроения. Наблюдаемое на протяжении послед-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16-03-00602.

них нескольких лет сужение южнокорейских экспортных рынков является вызовом, с которым экономика страны уже столкнулась и отреагировала снижением темпов экономического роста. Падение биржевых цен на нефть на протяжении всего 2015 г. и продолжение этой тенденции в 2016 г. является новым вызовом для нефтехимической отрасли страны, нефтеперерабатывающих компаний и южнокорейских энергетических корпораций, инвестировавших в зарубежные добывающие проекты.

С середины 1990-х годов и до 2014 г. наблюдалось постепенное снижение потребления нефти и нефтепродуктов с 66 до 39 % в структуре потребления первичной энергии на фоне роста использования газа, угля и атомной энергии². После аварии на Фукусиме в Японии южнокорейское правительство было вынуждено пересмотреть в сторону сокращения долгосрочные планы по использованию атомной энергетики. На протяжении последних нескольких лет правительство РК стремилось к диверсификации используемых энергоносителей и их источников на фоне уменьшения доли атомной энергии, а также к снижению спроса на энергоносители за счет развития энергосберегающих технологий и возобновляемых источников энергии.

По итогам 2014 года Южная Корея заняла 10-е место в мире по объемам потребления нефти и нефтепродуктов — 2,4 млн баррелей в день, значительная их часть используется для нефтеперерабатывающих предприятий, причем 3 из 10 крупнейших мировых нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) расположены в Республике Корея, что делает ее ведущим экспортером нефтепродуктов в Азии³. По объемам нефтепереработки Южная Корея занимает лидирующее положение в Азии, обладая шестью по масштабам мощностями в мире. В основном южнокорейские НПЗ экспортируют свою продукцию в следующие страны: Китай, Сингапур, Японию, Индонезию. Также РК участвует в проектах строительства НПЗ в ближневосточных странах как в качестве строительного подрядчика, так и совладельца актива.

В 2014 г. РК экспортировала около 1,1 млн баррелей в день нефтепродуктов преимущественно в форме средних дистиллятов, в том числе дизтопливо и авиатопливо. Импортируемые нефтепродукты составляли преимущественно лигроин и мазут. С учетом возрастающего спроса на азиатских рынках на протяжении десятилетия экспорт нефтепродуктов южнокорейского производства рос быстрыми темпами, однако в настоящее время спрос снижается в связи с замедлением темпов

развития мировой экономики. Внутренний спрос на нефть в самой РК также был подвержен циклическим колебаниям. Рост спроса на нефть в 1990-е годы сменился спадом в 1997 г., за которым снова последовал рост, продолжавшийся до 2007 г. Затем в 2008 г. наблюдалось снижение внутреннего спроса на нефть, после которого наблюдалось его постепенное увеличение до 2014 г.

Основную долю (более 45 %⁴) в структуре потребления сырой нефти занимают нефтехимический и промышленный секторы. В долгосрочной перспективе маловероятно ожидать прироста потребления нефти в прочих отраслях экономики в связи со снижением численности населения, его старением, введенными мерами, связанными с повышением энергоэффективности, а также с расширением использования других видов энергоносителей. Корейский институт энергоэкономики (Korea Energy Economics Institute — KEEI) прогнозировал снижение доли нефти в первичном потреблении энергоносителей до 33,8 % к 2018 г. по сравнению с 37,8 % в 2013 г.⁵ По итогам 2014 г. РК стала пятым по масштабам потребителем сырой нефти, импортируя порядка 2,5 млн баррелей в день. Основную долю поставок нефти (около 84 %) в страну обеспечивают компании с Ближнего Востока, доля российской нефти в суммарном объеме южнокорейского импорта составляет 4 % (7-е место среди стран-поставщиков)⁶.

Энергетический сектор РК объединяет нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие компании. Государственная Корейская национальная нефтяная корпорация (KNOC) является крупнейшей в стране по объемам добычи на зарубежных месторождениях в рамках инвестиционных проектов или посредством участия в сделках-поглощениях. Корпорации, традиционно занятые нефтепереработкой, в том числе SK Energy, несколько лет назад стали проявлять интерес к добывающему сектору и инвестировать в соответствующие зарубежные проекты. Эти инициативы получили дипломатическую и финансовую поддержку на государственном уровне, в том числе в форме предоставления Экспортно-импортным банком РК налоговых льгот и преференциальных кредитных линий. В результате с 2008 по 2014 г. энергетические корпорации РК инвестировали более 57 млрд долл. в разработку зарубежных месторождений⁷. Однако инвестирование в зарубежные нефтяные проекты привело к аккумулярованию значительного долга, и правительство было вынуждено пересмотреть свою энергетическую политику, обозначив с начала 2013 г. целью снижение у корпораций соотношения заем-

ного капитала к собственному. Эта цель выбрана в качестве приоритетной на период до 2017 г. для всех ключевых госкорпораций, таких как KNOС, Korea Gas Corporation (KOGAS), Korea Electric Power Corporation (KEPCO). Например, финансовый леверидж в KNOС достиг 170 % (в 2007 г. — 64,4 %) и должен быть снижен до 130 %, а в компании KOGAS целью заявлено сокращение данного показателя до 274 % в 2017 г. (по сравнению с 438 % в 2012 г.).

В целях достижения заявленного показателя корпорация KNOС сообщила о прекращении ряда зарубежных проектов. В том числе о расторжении контракта по разработке нефтяного месторождения блока 4 в Йемене (при сохранении участия в блоке 70 на шельфе в Эль-Махра), продаже доли 42,5 % в казахстанском проекте освоения газового месторождения Южное Карповское, прекращении проекта разведочных работ в Узбекистане. Также из нефтегазовых проектов Чуст-Пап и Наманган-Тергачин в Ферганском районе KNOС вышла спустя минимально допустимый контрактный срок в три года, к тому же корпорация вышла и из международного консорциума по геологоразведочным работам в узбекистанской части шельфа обмелевшего Аральского моря⁸. Кроме того, заявлено о намерении продать ранее приобретенные доли в блоке на шельфе юго-восточного побережья Суматры (Индонезия), в блоках в Сангаве и Базиане (Ирак). Также рассматриваются возможности продажи доли в полностью южнокорейском проекте Harvest Operations в Канаде. Отмечается, что KNOС ищет покупателей среди южнокорейских частных компаний, что отвечает стратегическим интересам страны. Что касается компании KOGAS, то она также планирует продать доли в своих зарубежных проектах в Ираке, Канаде и Узбекистане⁹.

По объемам импорта СПГ РК в 2014 г. занимала 2-е место в мире после Японии. При этом объемы потребления возросли вдвое с 2000 по 2014 г. Однако с 2014 г. и по настоящее время отмечается снижение потребления газа при росте потребления более дешевых энергоносителей: угля и атомной энергии, а также стремительно дешевеющей нефти. Рыночным монополистом является корпорация KOGAS, ранее она заявляла своей среднесрочной целью рост поставок СПГ с собственных зарубежных месторождений до 25 %, по сравнению с 9 % в 2012 г. Однако рост издержек и задолженности на фоне снижающихся темпов экономического роста в мире заставил ее поменять планы и передать часть иностранных проектов частным южнокорейским компаниям. По итогам 2014 г. РК импортировала 1,8 трлн куб. футов (1 куб. фут = 0,03 куб. м)

СПГ, что составляет 15 % его мирового объема торговли¹⁰. Основными поставщиками являются Катар (35 %), Индонезия (14 %), Оман (10 %), доля российского газа составляет 5 % (7-е место среди поставщиков)¹¹.

Что касается угля, то в связи с ростом потребления электроэнергии и на фоне временного сокращения производства на АЭС объемы его потребления с 2005 по 2014 г. выросли на 59 %. При этом 60 % потребляемого объема угля шло на нужды производства электроэнергии, в число основных поставщиков входят Австралия, Индонезия, Россия. В производстве электроэнергии основную долю (66 %) занимают органические ресурсы, 30 % вырабатывается на АЭС, оставшиеся 4 % — доля возобновляемых источников энергии. При этом отмечается, что в долгосрочной перспективе доля АЭС будет расти вместе с ростом спроса на электроэнергию. Временно сократившаяся доля атомной энергии вслед за аварией в Японии и скандалом с поддельными сертификатами на компоненты действующих АЭС в РК в 2012—2013 гг. практически восстановилась в 2014 г.¹² Тем не менее долгосрочный энергетический план Южной Кореи был пересмотрен: изначально прогнозировался рост доли атомной энергетики в производстве электроэнергии до 41 % в 2030 г., а теперь прогноз снижен до 29 % в 2035 г.¹³

Для конечных потребителей электроэнергии цена является хотя и прогрессивной, но сравнительно низкой, что не способствовало экономии электроэнергии и приводило к ее дефициту в периоды пикового потребления. Резкое снижение цен на нефть в 2015 г. оказало влияние на структуру энергопотребления в Республике Корея. Суммарное потребление энергии в 2015 г. выросло по сравнению с 2014 г. лишь примерно на 1 %. Низкие цены на нефть привели к росту ее потребления, но при этом прирост суммарного потребления энергии в РК незначителен из-за снижения экономической активности в целом. Потребление нефти в первой половине 2015 г. возросло на 2,5 % по сравнению с тем же периодом 2014 г. в основном за счет роста ее использования в транспортном секторе и в отопительных целях. В структуре потребления доля нефти составила почти 38 %. Потребление угля также выросло на 2,5 % до 30 % в суммарном потреблении энергоносителей за счет роста производства электроэнергии.

Корейский институт энергоэкономики прогнозирует улучшение экономической ситуации в 2016 г. и рост суммарного спроса на энергоносители на 3 % до 293,9 тонн нефтяного эквивалента (т.н.э.) в соответствии с темпами экономического прироста. В том числе по данным ин-

ститута продолжится рост спроса на нефть на уровне примерно 2 %, значительно вырастет спрос на уголь — до 10 %, в основном для генерирующих мощностей. Параллельно вырастет потребление атомной энергии на 8,4 % в 2016 г. после возобновления работы ряда АЭС и ввода в действие новых, в том числе электростанций, работающих на базисную нагрузку. Также вырастет потребление электроэнергии, а спрос на природный газ, напротив, сохранит тенденцию к снижению, и по прогнозам он уменьшится на 12 % в 2016 г.¹⁴

Прогнозируемые изменения в спросе на энергоносители связаны с изменениями в структуре потребления различных отраслей экономики. Замедление темпов экономического роста в промышленности, а особенно спад в металлургической отрасли по итогам 2015 г. стало причиной невысокого роста спроса на энергоносители. Тогда как в транспортно-перевозочной сфере, наоборот, был отмечен значительный рост спроса в связи с увеличением пассажиропотока, который не был ожидаемым на фоне распространения в азиатских странах вирусных заболеваний.

Снижение биржевых цен на нефть, которое изначально кажется выгодным для стран нетто-импортеров нефти, в том числе Южной Кореи, в средне- и долгосрочной перспективе может оказать негативное влияние на национальную экономику. Экспортноориентрированные отрасли южнокорейской промышленности, в первую очередь нефтехимия, судостроение, строительная отрасль, уже столкнулись со снижением спроса на зарубежных рынках. На фоне снижающейся цены на сырье экспортные цены на южнокорейские нефтепродукты и нефтехимию упали на 30 %. В условиях экономического подъема такая ситуация привела бы к росту суммарного объема экспорта, но в период глобальной рецессии этого не произошло, что свидетельствует о снижении международного спроса в промышленном секторе экономики. Это подтверждается статистическими данными по торговле. В частности, по итогам 2015 г. товарооборот РК впервые за последние пять лет не превысил 1 трлн долл. и страна заняла 6-е место в мире по объемам экспорта после Китая, США, Германии, Японии и Нидерландов. По данным Министерства промышленности, торговли и энергетики, объем экспорта в 2015 г. составил 527,2 млрд долл., импорта — 426,8 млрд долл., с сохранением положительного сальдо торгового баланса. Прогнозные показатели на 2016 г. также не превышают 1 трлн долл.

Непростая ситуация сложилась и в судостроительной отрасли РК. Южнокорейские судостроительные компании, которые ранее зани-

мали пять верхних строчек по показателю объема заказов, по итогам 2015 г. уступили 5-е место китайской Shanghai Waigaoqiao Shipbuilding¹⁵. А лидеры этой отрасли — компании Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering, Samsung Heavy Industries и Hyundai Heavy Industries суммарно насчитали убытки в размере более 4 млрд долл.¹⁶ по итогам первой половины 2015 г. из-за отложенных или отмененных заказов, а также роста издержек. Отмечается, что сохранение конкурентоспособности возможно за счет отказа от выхода в новые сферы бизнеса и концентрации на традиционно сильных сторонах производства. Строительство морских буровых платформ, потенциал которого был оценен южнокорейскими компаниями как исключительно высокий, в условиях снижающихся нефтяных котировок теряет свою привлекательность. Контракт на строительство торгового судна стоит максимум 300 млн долл., а морской платформы в среднем 2 млрд долл.¹⁷ Южнокорейские судостроители, обладая крупнейшими в мире доками, которые позволяют строить такие платформы, ощущали себя практически монополистами в отрасли. Однако недостаток опыта подобного масштабного строительства привел к задержкам в сдаче в эксплуатацию зарубежных проектов и, следовательно, к выплате значительных неустоек заказчикам. Например, компания Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering выиграла контракт стоимостью 2,4 трлн вон на строительство четырех буровых установок для норвежской фирмы Songa Offshore. Однако превышение сроков строительства на полгода привело к неустойке в размере 1 трлн вон. Два других лидера рынка столкнулись с похожими ситуациями при реализации других международных проектов: Samsung Heavy Industries понесла убытки в размере 1,7 трлн вон во время реализации проектов для нигерийской компании Nigeria Egina FPSO и австралийской Australia Ichthys CPF, а Hyundai Heavy Industries потеряла порядка 600 млрд вон из-за задержек в сдаче саудовских проектов нефтяных электростанций в Джидде и в Эш-Шукаике¹⁸.

Также произошло 30%-ное снижение сумм международных контрактов на строительство в энергетической отрасли, выигранных южнокорейскими подрядчиками. А число контрактов, подписанных в ближневосточном регионе, сократилось вдвое. Это связано с тем, что заказчики отказываются от проектов или откладывают сроки их реализации. Например, крупнейшая нефтяная компания Saudi Aramco в 2015 г. отказалась от планов строительства завода экологически чистых видов топлива на территории своего нефтеперерабатывающего завода в

Рас Тануре из-за снижения цены на нефть. Проект предполагал инвестиции в размере 2 млрд долл. По той же причине компания Qatar Petroleum отказалась от продолжения нефтехимического проекта в Аль Караане¹⁹. Подрядчиками в обоих проектах были южнокорейские компании, специализирующиеся на строительстве нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий. В итоге они столкнулись с резким снижением спроса на предоставляемые ими услуги.

Положительное влияние от падения цен на нефть смогли испытать авиаперевозчики. В частности, максимальный рост прибыли с 2012 г. анонсировала южнокорейская авиакомпания Korean Air преимущественно за счет снижения операционных расходов, в том числе топливных на почти 35 %²⁰. Пассажирам также предоставлялись некоторые преференции, например с сентября 2015 по март 2016 г. компания не взимала топливный сбор. И, несмотря на то что с марта 2016 г. топливный сбор опять взимается по ряду направлений, на азиатских направлениях он пока не берется.

Замедление темпов экономического роста в мире означает, что южнокорейским нефтеперерабатывающим, нефтяным, судостроительным и строительным корпорациям потребуется время для восстановления после спада. Стоит отметить, что для южнокорейского бизнеса в целом получение экономической выгоды имеет приоритет перед вопросами политического характера. Например, несмотря на санкции в отношении Ирана, в РК продолжали свою деятельность представительства иранских банков. Объем товарооборота увеличивался, доля иранской нефти превышает долю российской нефти в южнокорейском импорте, осуществляются ежедневные рейсы авиакомпании Korean Air в Тегеран, ведутся переговоры об участии компании KOGAS в строительстве газопровода Иран—Оман.

Что касается российско-южнокорейского сотрудничества в энергетической сфере, то можно отметить, что его развитие во многом зависит от желания или нежелания партнеров идти на ценовые уступки. Цена СПГ увязана с ценой на нефть, а в период высоких нефтяных цен, по мнению аналитиков рынка, цены по долгосрочным российско-южнокорейским контрактам были необоснованно низкими²¹. Это позволило российскому СПГ занять часть индонезийской доли в южнокорейском импорте. Цены на тот период соответствовали нефтяным котировкам 25—31 долл. за баррель при реальных рыночных ценах выше 100 долл. за баррель. В нынешних условиях РК будет продолжать настаи-

вать на нецелесообразности пересмотра ранее зафиксированных цен, тем более что сейчас нет аргументов для их повышения. На наш взгляд, едва ли стоит ожидать в ближайшей перспективе расширения доли российского сырья на южнокорейском рынке. Ближневосточные партнеры имеют более долгий опыт сотрудничества с РК в энергетической сфере, и снижать их долю в пользу России РК станет только при более выгодных ценовых условиях. При этом, по нашему мнению, в процессе переговоров южнокорейские партнеры, используют аспект важности сохранения традиционных поставщиков, для того чтобы добиться понижения цены контракта. Что касается импортных поставок угля, доля России в которых 14 % (3-е место), то увеличивать объем российского угля за счет снижения доли австралийского Южная Корея готова лишь при получении выгоды в стоимости и без необходимости финансовых вложений в инфраструктуру для разработки российских месторождений. При этом в 2014 г. Австралия занимала 1-е место по объемам поставок угля в РК (42 % от всего объема поставок).

В заключение необходимо отметить, что на международных нефтяных рынках сохраняется волатильность, в условиях которой Южная Корея воздерживается от активных действий и занимает выжидательную позицию. Снижение цен на нефть несет в себе как плюсы, так и минусы для южнокорейской экономики. На наш взгляд, экономика РК может ощутить подъем, особенно в краткосрочной перспективе и в условиях роста внутреннего спроса, когда удешевление энергоресурсов создаст «эффект богатства» для южнокорейских потребителей. Однако неблагоприятная для промышленного экспорта РК ситуация, характеризующаяся снижением спроса и потребления на внешних рынках, может нивелировать положительный эффект внутри страны. Падение нефтяных котировок также приводит к волатильности на фондовых и финансовых рынках и вызывает как рост опасений глобальных инвесторов, так и снижение курса южнокорейской воны. К тому же одновременное ухудшение показателей китайской экономики после длительного периода роста и сужение экспортных рынков для южнокорейских экспортеров не позволяют уверенно прогнозировать заметное улучшение экономической ситуации в РК в 2016 г.

Примечания

¹ BP Statistical Review of World Energy 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).

² *Jane Chang*. South Korea cuts future reliance on nuclear power, but new plants likely / Jane Chang // Reuters. January 13, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-nuclear-korea-idUSBREA0D06G20140114> (дата обращения: 15.02.2016).

³ Korea South, EIA U.S. Energy Information Administration [Electronic resource]. URL: <http://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=KOR> (дата обращения: 15.02.2016).

⁴ Korea Energy Statistics Information System. [Electronic resource]. URL: <http://www.kesis.net/flexapp/KesisFlexApp.jsp?menuId=Q0109&reportId=&chk=Y> (дата обращения: 15.02.2016).

⁵ Mid-Term Korea Energy Demand Outlook (2013—2018), Korea Energy Economics Institute. May 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.keei.re.kr/keei/download/outlook/MOL14e.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).

⁶ Korea Energy Statistics Information System. [Electronic resource]. URL: <http://www.kesis.net/flexapp/KesisFlexApp.jsp?menuId=Q0109&reportId=&chk=Y> (дата обращения: 15.02.2016).

⁷ Cho Jin-young. Public Energy Corporations Concerned over Low International Oil Prices /Cho Jin-young //Business Korea. December 2, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/english/news/industry/7573-57-trillion-investment-public-energy-corporations-concerned-over-low> (дата обращения: 15.02.2016).

⁸ Korean KNOC completes geological exploration works in two projects in Uzbekistan. Trend News agency. [Electronic resource]. URL: <http://en.trend.az/business/economy/2187378.html> (дата обращения: 24.04.2016).

⁹ Energy Economist, Issue 395, September 2014. P. 30. Platts. McGraw Hill Financial [Electronic resource]. URL: <http://blog.moorgategroup.com/wp-content/uploads/2014/09/energy-economist-natixis-russian-oil.pdf> (дата обращения: 22.03.2016). С. 30.

¹⁰ BP Statistical Review of World Energy 2015. BP Global [Electronic resource]. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>; World LNG Report-2015 Edition. International Gas Union. [Electronic

resource]. URL: http://www.igu.org/sites/default/files/node-page-field_file/IGU-World%20LNG%20Report-2015%20Edition.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

¹¹ Ibid.

¹² Nuclear Power in South Korea. World Nuclear Association [Electronic resource]. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/south-korea.aspx> (дата обращения: 24.04.2016).

¹³ Ibid.

¹⁴ KEEI Korea Energy Demand Outlook (Fall 2015) [Electronic resource]. URL: <http://www.keei.re.kr/keei/download/outlook/OL1703e.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).

¹⁵ South Korea's stranglehold on the shipbuilding industry loosens, but only just. The Hankyoreh [Electronic resource]. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_business/724425.html (дата обращения: 24.04.2016).

¹⁶ Ekomeri Offshore & Energy Information and Technologies [Electronic resource]. URL: <http://www.ekomeri.com/offshore-plants-high-reward-high-risk-korea/> (дата обращения: 24.04.2016).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ekomeri Offshore & Energy Information and Technologies [Electronic resource]. URL: <http://www.ekomeri.com/offshore-plants-high-reward-high-risk-korea/> (дата обращения: 22.03.2016).

¹⁹ Qatar Petroleum and Shell Not to Pursue Al Karaana Petrochemicals Project. Shell Global [Electronic resource]. URL: <http://www.shell.com/media/news-and-media-releases/2015/qatar-petroleum-and-shell-not-to-pursue-al-karaana-petrochemicals-project.html> (дата обращения: 15.02.2016).

²⁰ Kwon Sang-Soo. Plummeting Oil Prices Are Plague for Today's Korea / Kwon Sang-Soo // Korea JoongAng Daily December 9, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=3012566> (дата обращения: 15.02.2016).

²¹ Цены на российский СПГ для Южной Кореи необоснованно низкие. Gas Week еженедельное обозрение. [Electronic resource]. URL: <http://gasweek.ru/index.php/комментарии/687-tseny-na-rossijskij-spg-dlya-yuzhnoj-korei-neobosnovanno-nizkie> (дата обращения: 22.03.2016).

Ким Ен Сун

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Считалось, что факторы производства и управления производны от природных ресурсов и вряд ли смогут сами создавать национальное богатство. Создание инновационной, а потом и креативной экономик стали доказательствами несостоятельности этого утверждения. Если исходить из сущности категорий влияния и результата, то инновационная экономика представляется скорее результатом, а инновационный потенциал — его источником, способностью нации к промышленному прогрессу, генерации новых социальных отношений, гармонизации отношений с окружающей средой и партнёрству в глобальных международных проектах. Инновационный потенциал Южной Кореи, сформированный за последние 25—30 лет и продемонстрировавший миру как успехи, так и противоречия быстрого роста, является уникальным материалом для исследований подходов управления интеллектуальной собственностью.

1. Составляющие инновационного потенциала

По мнению С. Комилова, инновационный потенциал включает триедино существующие элементы: ресурс, управление и результаты¹. Если ресурсная составляющая представляет физические и материальные возможности, то результат есть форма, итог трансформации имевшихся возможностей в виде, например, нового продукта, полученного в ходе инновационного процесса. В свою очередь, без управления — «рычага воздействия» — невозможно обеспечить результативность процесса.

Концепцию национальной инновационной системы как основы передовой экономики заложили такие экономисты, как К. Фримэн (1995), Б. Лундвалл (1992) и Р. Нельсон (1993). Они указали на наличие связи между инвестициями в НИОКР и уровнем экономики страны².

Компиляция исследований южнокорейского инновационного чуда позволяет выделить четыре составляющих успеха: доступность концептуальных НИОКР промышленно развитых стран; прагматизм в управлении ресурсами и инвестициями; высокое качество образования; патентная активность.

2. Место НИОКР промышленно развитых стран в инновационном потенциале Южной Кореи

При разработке инновационной стратегии Южная Корея столкнулась с проблемой опыта в инновациях. Любые разработки в креативных экономиках мира рождались в результате многолетних проб и ошибок. Такого опыта у РК не было. Вплоть до начала 1970-х годов государство не поддерживало НИОКР³. Однако сегодняшние успехи страны в освоении технологий, патентов, детализации конструктивных решений, строительства, монтажа и ввода в эксплуатацию высокотехнологичных объектов неоспоримы. Примерами являются реализация проектов Инчонского аэропорта⁴, моста к Инчонскому аэропорту и т. д. Но скудость собственного исследовательского потенциала заставляла заимствовать концептуальные разработки за рубежом⁵: в судостроении — у британцев, в электронике — у японцев, немцев и американцев, в автомобилестроении — у японцев и американцев⁶. Именно они послужили мощным толчком для создания собственной базы НИОКР: приобретённое высокотехнологичное оборудование демонтировалось через определённое время и исследовалось для создания южнокорейских аналогов.

Сегодня заимствование технологий и разработок продолжает оставаться актуальным для страны: отрицательное сальдо по торговле НИОКР имеет устойчивую тенденцию роста даже на фоне увеличения экспорта собственных технологий, в отличие от стран с креативной экономикой (табл. 1).

Таблица 1. Сальдо поступлений и выплат по использованию НИОКР в Республике Корея, млн долл.

Год	2011	2012	2013	2014
Платежи	7415	8616,6	9836,8	10368,6
Поступления	4399	3902,9	4328,1	5150,9
Сальдо	-3016	-4713,7	-5508,7	-5217,7

Источник: The World Bank⁷.

В последнее десятилетие в РК наблюдается явление, характерное больше для развитых стран: переход от импорта технологий к «импорту мозгов». Для ведущих южнокорейских компаний, технопарков свойственно привлечение высококвалифицированных мигрантов, в основном из США. Иностранцы активны в патентных разработках страны, несмотря на некоторое снижение этого показателя в последние годы (рис. 1).

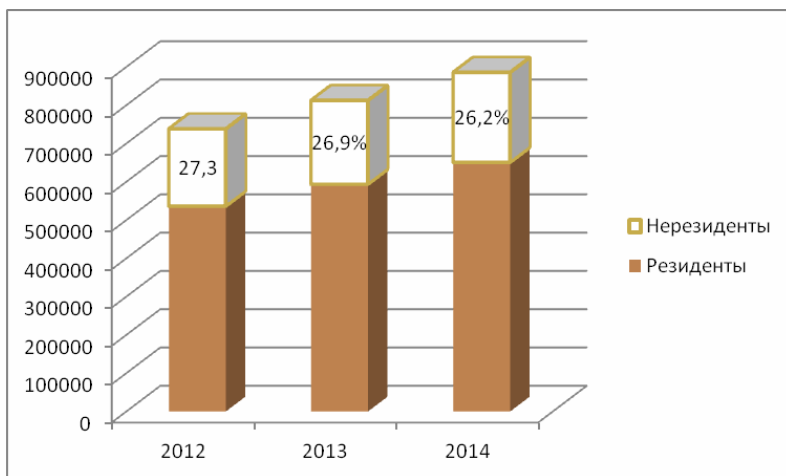

Рис. 1. Структура поддерживаемых патентов резидентов и нерезидентов Южной Кореи за 2012—2014 гг. *Источник:* World Intellectual Property Indicators. WIPO Economics & Statistics Series⁸.

У Запада заимствовались не только оборудование и технологии, но и модели процессов. Однако Южная Корея столкнулась с неготовностью бизнеса осваивать новые технологии, поэтому при передаче технологий по программе «Север—Юг» (от развитых стран развивающимся) одним из вариантов преодоления проблемы стала так называемая модель «черного ящика» Ямашито (Yamasita's Black Box Model). Она предполагает, что вместе с экспортом технологии будет проводиться подготовка менеджмента, обучение сотрудников и квалифицированных рабочих, а также предоставление технической помощи, внедрение НИОКР⁹. При высокой формализации процессов, как показал опыт

японской послевоенной индустриализации, дефицит образования работающих отходит на второй план. Актуализируются жесткая дисциплина, строгое соблюдение иерархических канонов, консолидация усилий трудового коллектива для обеспечения национального процветания и безопасности. Поэтому процессные технологии, как правило, американского происхождения, пришлось внедрять в южнокорейское производство, но по философии японского менеджмента.

3. Управление инвестициями и ресурсами как составляющая инновационного потенциала страны

Профессор Джон Дон Ли из Сеульского национального университета в своём исследовании *Time for Accumulation. Suggestions for the Future of Korea* выделяет четыре этапа экономического развития и четыре соответствующие этапам парадигмы государственного управления инновациями¹⁰.

На **I этапе** (1960-е годы — 1973 г.) развитие НИОКР практически не поддерживалось, но был принят закон о поддержке науки и техники и создано Министерство науки и технологий (MEST). Главными задачами правительства стало проведение индустриализации страны, развитие импортозамещающих технологий, расширение экспортно-ориентированных отраслей¹¹. Стимулировалось поступление валютных средств путем выдачи экспортных займов и кредитов, введения налоговых льгот и благоприятного обменного курса.

II этап (1973—1986 гг.) начался после 2-го энергетического кризиса. В ответ на внешние вызовы правительство решило поддержать шесть капиталоемких отраслей: сталелитейную, электронную, нефтехимическую, автомобиль- и судостроение, тяжелое машиностроение. Был создан Национальный инвестиционный фонд, предоставлявший отраслям преференциальные займы на условиях софинансирования. Открываются центры профессионального обучения, выделяется земля под верфи. Государство демонстрирует прагматизм в поддержке уникальных технологий, когда вопрос цены и экономической отдачи НИОКР становится ключевым. Например, стимулируются технологии для развития наукоемких отраслей промышленности и ограничивается импорт технологий для капиталоемких отраслей и проектов с длительным сроком окупаемости. Параллельно государство способствует успешному проведению реинжиниринга производственных процессов, сломавшего феодальные стереотипы управления и внедрившего дух корпоративной консолидации.

III этап (1986—1997 гг.) приходится на период спада производства, роста инфляции, ухудшения платёжного баланса. В 1984 г. выходит Акт индустриального развития, провозгласивший курс на либерализацию экономики и поддержку частного сектора. Дерегулирование сопровождалось усилением контроля над *чеболями* и его снижением над финансово-кредитными институтами. Теперь вместо стимулирования определённых отраслей промышленности и корпораций правительство минимизирует входные барьеры для малых и средних предприятий (МСП) и новых высокотехнологичных производств. Делаются не совсем удачные попытки вовлечения МСП в инновационную сферу. Увеличиваются бюджетные инвестиции в фундаментальную науку. По инициативе правительства создаётся Корейский исследовательский институт биологических наук и биотехнологий, ставший ведущим центром исследований биоматериалов, развития фармацевтики, внедрения биоинформационных технологий. Государство участвует в создании Юго-Восточного промышленного района с нефтеперерабатывающим, автомобилестроительным, судостроительным заводами в г. Ульсан. Принимается специальный закон о научно-технологических инновациях и первый 5-летний план НИОКР, предусматривавший увеличение государственных инвестиций до 5 %, в фундаментальные исследования — до 20 % бюджетных расходов государства, обеспечение подготовки квалифицированных исследователей (40 человек на 10 тыс. человек населения)¹². Происходит переход от сметной системы финансирования на проектно-ориентированную. Для повышения эффективности исследований, взаимодействия институтов и обеспечения активной коммерциализации НИОКР вводятся специальные исследовательские советы по координации деятельности исследовательских институтов. В 1999 г. создаётся Корейский институт оценки и планирования в области науки и техники (KISTEP) в структуре MEST.

IV этап начался после Азиатского финансового кризиса конца 1990-х годов и продолжается до настоящего времени. Усиливается поддержка высокотехнологичных предприятий, но информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся приоритетом. В научно-технической и инновационной политике происходит переход на средние и долгосрочные перспективы. Формируется бизнес-среда, благоприятная для венчурных организаций. Создаются два консультативно-координационных органа: Совет по национальной науке и технологиям (NSTC) и Президентский консультативный совет по науке и технике

(PACST). С целью интеграции науки и технологий с образованием расширяются полномочия MEST, которое совместно с Министерством экономики (МКЕ) становится ответственным за инновационную политику. MEST отвечает за выработку политики в области науки и технологий, инвестиций в НИОКР и поддержку университетов, государственных и частных НИИ, продолжая активно работать с промышленностью. МКЕ выделяет около 40 % своих средств для поддержки инноваций МСП¹³. Кроме этого, многие правительственные ведомства создают фонды прямой финансовой поддержки инновационной инфраструктуры МСП. Всем компаниям предоставляются налоговые льготы на затраты на НИОКР и развитие человеческого капитала¹⁴. Однако для перехода к креативной экономике недостаточно просто увеличения финансирования НИОКР, которое только за период 2000—2013 гг. выросло с 2,18 до 4,15 % ВВП и стало одним из самых высоких в ОЭСР и мире (рис. 2).

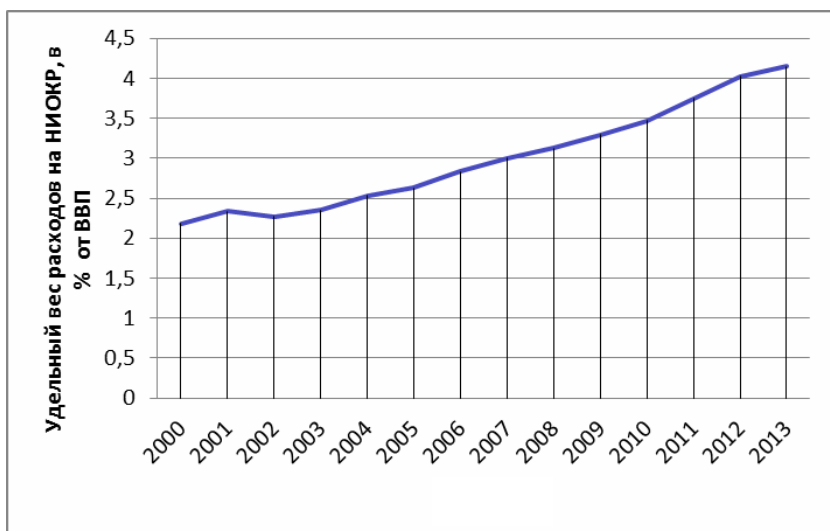

Рис. 2. Динамика доли расходов на НИОКР от ВВП, %.

Источник: The World Bank¹⁵.

В 2011 г. создаётся Национальная комиссия по науке и технологиям с широкими полномочиями распределения средств бюджета на НИОКР. В правительственной инициативе «5-7-7» комиссия устанавли-

вает новые приоритеты: космос, авиационная радиоэлектроника, физика высоких энергий, строительство судов и морское судоходство, возобновляемые источники энергии, ИКТ, системы чиповых полупроводников, светодиоды, машины и технологическое оборудование. Планирование инвестиций комиссия осуществляет на основе переговоров с США и Европейским союзом. Основная сумма расходуется в соответствии с пятилетними планами. На фоне оптимизации государственных инвестиций в НИОКР вопрос участия крупных корпораций на условиях государственно-частного партнерства (ГЧП) в поддержке стратегических НИОКР становится как никогда актуальным. Растёт заинтересованность самих корпораций (Samsung, Hyundai, LG Electronics, KIA MOTORS) в НИОКР: к 2004 г. они увеличивают долю инвестиций с 2 % в 1994 г. до 3,5 % от объема продаж¹⁶.

4. Высшее образование как составляющая инновационного потенциала

Система образования рассматривается правительством Республики Корея как один из активов инновационной экономики. Сегодня в РК уровень грамотности составляет примерно 98 %, 65 % населения в возрасте до 35 лет имеют университетское образование. Всемирный экономический форум (ВЭФ) присудил РК 1-е место среди 144 стран по показателям охвата университетским образованием и удельного веса студентов, обучающихся по направлениям науки и техники (31 %)¹⁷. За последнее 10—15 лет государственные инвестиции в создание специализированных образовательных программ — основ взаимодействия университетов с корпорациями — значительно улучшили кооперацию университетов с корпорациями, а также повысили рейтинг национальных вузов. В 2012 г. Сеульский национальный университет, Корейский институт перспективных научных исследований и технологий (KAIST) и Пхоханский институт науки и технологий (POSTECH) вошли в топ-50 мирового рейтинга Times Higher Education и в топ-10 в рейтинговом листе 100 лучших университетов за 50 лет¹⁸. Следует отметить, что университетское образование находится под большим влиянием американской высшей школы. В частности, более половины профессоров Национального университета Сеула получили степень PhD в США. Кроме этого, происходит проникновение общих настроений и предпочтений, свойственных европейскому и американскому образованию, в систему высшей школы РК. С 2005 г. в стране наблюдается увеличение выпускников по социальным наукам и снижение выпускников по инженерным

направлениям. При этом попытка решения этой проблемы за счёт привлечения этнических корейцев из-за рубежа столкнулась со сложностями освоения корейского языка¹⁹.

В обществе растёт неудовлетворенность качеством университетского образования. Несмотря на государственную поддержку сферы фундаментальных исследований, университетская наука пока не демонстрирует революционных открытий. Теоретизированный характер подготовки, насаждение механического запоминания, громоздкие планы с неактуальными для промышленности курсами, формальность аттестационных испытаний становятся основными причинами плохой адаптации выпускников вузов к производственным реалиям. Отсюда частые суициды, а также высокая безработица среди выпускников. 90 % южнокорейского инженерного персонала филиалов иностранных компаний и национальных корпораций после окончания национальных университетов вынуждены стажироваться в ведущих зарубежных университетах, опять же при поддержке государства.

Семейные традиции и дискриминация женщин по оплате труда, неожиданно для многих, сыграли отрицательную роль в оценке эффекта инвестиций в образование. Страна имеет низкий уровень участия женщин в рабочей силе (108-е место из 135 стран)²⁰, несмотря на высокий уровень образованности женской половины общества. В условиях продолжающегося падения рождаемости и ускорения темпов старения населения это явление содержит риски иммобилизации определённого интеллектуального ресурса из инновационной сферы.

5. Патентная активность и патентная специализация Республики Корея

По данным Korean Intellectual Property Office (KIPO) за последние 10 лет при небольшой волатильности наблюдается в целом растущий тренд в количестве разработок (рис. 3). Спад разработок наблюдался в 2009 г., когда вся мировая экономика находилась в рецессии.

В 2012—2014 гг. Южная Корея занимает 4-е место в мировом рейтинге патентной деятельности благодаря внедрению международных стандартов патентования и активному вовлечению в процесс генерации разработок иностранцев²¹. По итогам 2015 г. страна становится лидером в инновационном рейтинге агентства Bloomberg²².

Но значение индекса Герфиндаля (табл. 2) за 2010—2014 гг. по ключевым направлениям разработок свидетельствует о монополизме рынка патентов. Снижение в 2013 г. индекса с 454,3 до 343,54 пунктов

указывает на признаки свободной конкуренции на рынке НИОКР. Но переход индекса за 400 пунктов в 2014 г. диагностирует возврат к монополизму и удержанию рынка НИОКР в руках 10—20 игроков²³.

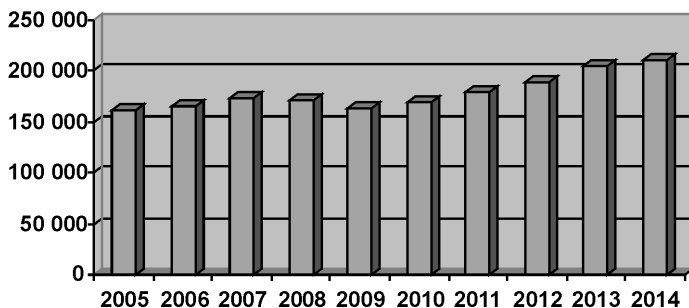

Рис. 3. Динамика патентной активности в Республике Корея за 2005—2014 гг.²⁴

Таблица 2. Патентная специализация Республики Корея, %

Направления разработок	2010 г. ²⁵	2011 г. ²⁶	2012 г. ²⁷	2013 г. ²⁸	2014 г. ²⁹
Электрооборудование и его компоненты	15,3	14,8	16	13	13,8
ИКТ	8,7	10,1	7,6	7	10,9
Электрокоммуникационные технологии	11	9,1	7,7	7,3	8,5
Измерительные приборы	7	7,1	8,1	8,5	7
Итого по ключевым направлениям разработок	42	41,1	39,4	35,8	40,2
Прочие направления разработок	58	58,9	60,6	64,2	59,8
Индекс Герфиндаля	479,78	454,27	438,66	343,54	430,5

Источник: Annual report: Statistics: Korean International Property Office 2010—2014.

Слабую диверсификацию рынка НИОКР можно объяснить технологической отсталостью МСП и концентрацией инновационного по-

тенциала в госкорпорациях, не восприимчивых к стратегической диверсификации. Монополизация НИОКР и высокая патентная активность могут привести в периоды кризиса и стагнации монопольных отраслей к невестребованности технологий, как это случилось в Японии.

6. Заключение

Проведём SWOT-анализ инновационного потенциала страны по данным исследования (табл. 3).

Таблица 3. SWOT-анализ инновационного потенциала Республики Корея

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Самый высокий уровень грамотности в странах ОЭСР.</p> <p>Государственные инвестиции в науку, технику, инженерии и образование.</p> <p>Государственная поддержка импорта «мозгов».</p> <p>Современная инфраструктура НИОКР, созданная на основе ГЧП с <i>чеболями</i>.</p> <p>Доступность технологий и разработок ведущих инновационных экономик.</p> <p>Высокая патентная активность.</p> <p>Растущие инвестиции в НИОКР южнокорейских компаний — мировых лидеров промышленной наукоёмкой и высокотехнологичной продукции.</p> <p>Прагматизм управления инновациями.</p>	<p>Слабая адаптация высшего образования к потребностям производства.</p> <p>Ограниченность природных ресурсов.</p> <p>Низкая эффективность вложений в образование женщин.</p>
Возможности	Угрозы
<p>Положительные результаты внедрения процессных технологий.</p> <p>Государственная поддержка специальных образовательных программ подготовки с участием <i>чеболей</i> и университетов.</p> <p>Налоговые льготы для компаний, занимающихся НИОКР.</p>	<p>Высокие социальные издержки быстрых преобразований в экономике.</p> <p>Небольшое количество высокопроизводительных крупных компаний и значительный сектор слабразвитых МСП.</p> <p>Низкая диверсификация инновационных разработок.</p> <p>Неразвитость фундаментальных исследований.</p>

Таким образом, сильные стороны и возможности связаны, прежде всего, с акцентами государственной политики в сфере развития инновационного потенциала. Слабые стороны и угрозы отражают, на наш взгляд, последствия психосоматики нации, попавшей в условия ломки веками существовавших устоев и представлений о ценностях и месте страны в мире.

Примечания

¹ *Комилов С.Д.* Оценка инновационного потенциала социально-экономического развития региона. С.Д.Комилов, М.К.Файзуллоев //Проблемы современной экономики. № 3 (47). 2013. URL: <http://www.m-economy.ru/find.php>

² *Gupta N.* Innovation Policies of South Korea / N. Gupta, D.Healey, A.Stein, S.Ship: IDA Document D — 4984. Institute for defense analyses. August 2013. P. 3.

³ *Kim Ch.K.* Liberalization and Globalization Policy / Ch. K. Kim // Korea's Development Policy Experience and implications for Developing countries. Seoul. 2008.

⁴ URL: http://avestasakh.com/aeroporto_inchhon

⁵ *Гутарук Е.* Джон Дон Ли о том, как промышленная и отраслевая политика Южной Кореи эволюционировала в технологическую/ Е. Гутарук, П. Бахтин, О.Нехайчик, А. Зимирева. URL: <http://lei.hse.ru/news/170572817.html> (дата обращения: 15.01.2016).

⁶ *Халипов В.Д.* Инновационно-ориентированное развитие экономики Республики Корея // Теория и практика общественного развития. № 14. С. 67—70.

⁷ URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.ROYL.CD> (дата обращения 15.01.2016).

⁸ URL http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2015.pdf (дата обращения 15.01.2016); URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2014.pdf (дата обращения: 15.01.2016); URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2013.pdf (дата обращения: 15.01.2016).

⁹ MoonJoong Tcha and Chung-Sok Suh. The Korean Econome at the Crossroads. N.-Y.: RoutledgeCurzon, 2003. P. 297.

¹⁰ *Гутарук Е.* Указ. соч.

¹¹ *Kim Ch.K.* Op. cit.

¹² *Халипов В.Д.* Указ. соч. С. 68 .

¹³ URL: <http://www.motie.go.kr/www/wwwMain/main.do>

¹⁴ Industry and Technology Policies in Korea. OESD Publishing: OESD (2014) . P24—25. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/industry-and-technology-policies-in-korea_9789264213227-en

¹⁵ URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.ROYL.CD> (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁶ *Nolke A.* Multinational corporation from Emerging Market. State Capitalism 3.0.: International Political Economy Series. P. 15. URL: : <https://books.google.ru>

¹⁷ World Economic Forum (WEF). 2012. *The Global Competitiveness Report 2012—2013*. Geneva, Switzerland: WEF.

¹⁸ *Gupta N.* Op. cit. P. 3 .

¹⁹ *Кум Ен Сун.* Инновационные акценты продвижения программ международного образования университетов Южной Кореи на Сахалине: материалы Международной научной конференции «Русские корейцы и экономика Восточного моря» (23—24 апреля 2015 г.) — Университет Халлим. Республика Корея. С. 72.

²⁰ *Gupta N.* Op. cit. P. 3 .

²¹ URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2015.pdf; (дата обращения: 15.01.2016); URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2014.pdf (дата обращения: 15.01.2016); URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2013.pdf (дата обращения: 15.01.2016).

²² *Jambrishko M.* There are the World most innovative economies / M. Jambrishko, W.Lu. URL: <http://www.bloomber.com/news/articles>

²³ Индекс Герфиндаля и коэффициент концентрации конкуренции по основным отраслям промышленности России / Simple analytics. 16.10.2014. С. 3. URL: http://simple-analytics.com/data/documents/18-Indeks-Gerfindalya-i-koefficient-koncentracii-2014_1.pdf (дата обращения: 10.01.2016).

²⁴ Reference material. Statistics: Korean International Property Office. URL: <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf>

²⁵ 2010 Annual report: Statistics: Korean International Property Office. URL: <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁶ 2011 Annual report: Statistics: Korean International Property Office. URL: <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁷ 2012 Annual report: Statistics: Korean International Property Office. URL: <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁸ 2013 Annual report: Statistics: Korean International Property Office. URL: <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁹ 2014 Annual report: Statistics: Korean International Property Office. URL: <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf> (дата обращения: 15.01.2016).

Глава 6

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

В.Г. Самсонова

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

2016 г. обещает быть одним из самых трудных в российско-южнокорейском экономическом сотрудничестве. Обе страны оказались перед лицом глобальных вызовов современности и перемен, характеризующихся переходом от относительной стабильности в мировой экономической ситуации к непредсказуемости и пересмотру экономических прогнозов в негативную сторону. Не случайно в южнокорейских СМИ часто звучит мнение, что страна переживает, пожалуй, одно из труднейших положений со времен азиатского финансового кризиса 1997 г.¹ Прогнозируется также, что рост южнокорейской экономики в 2016 г. не достигнет намеченного правительством РК показателя в 3,1 %. Такие негативные оценки объясняются рядом отрицательных внутренних и внешних факторов. В том числе из внешних факторов: трудности у крупнейших торговых партнёров РК, таких как Китай и Евросоюз. К числу внутренних можно отнести падение показателей экспорта, например, в 2015 г. на 8 % до 526,8 млрд долл.² (табл. 1), неудовлетворительные результаты деятельности ведущих компаний РК, рост безработицы, снижение покупательского спроса, крупномасштабные долги домохозяйств (в 2015 г. они достигли 977,7 млрд долл.).

На наш взгляд, российско-южнокорейское экономическое сотрудничество на современном этапе находится под влиянием следующих перемен:

1. Перемены на сырьевых рынках

Стремительное падение цен на нефть оказало негативное влияние не только на основных поставщиков энергоресурсов, но и на потребителей. Значительную долю южнокорейского экспорта составляют нефтепродукты, а снижение стоимости нефти приведёт к сокращению экспорта продукции данного сегмента. К тому же крупные энергетические компании РК (в том числе Корейская национальная нефтяная компания (КННК) вынуждены замораживать свои проекты за рубежом. Это означает, что в ближайшем будущем РК будет осторожно подходить к участию в каких-либо энергетических проектах и на территории России.

Таблица 1. Показатели экспорта/импорта РК, млрд долл.

Годы	Экспорт		Импорт	
	Объем	Рост в %	Объем	Рост в %
2011	555,21	19,0	524,41	23,3
2012	547,87	-1,3	519,58	-0,9
2013	559,63	2,1	515,59	-0,8
2014	572,66	2,3	525,51	1,9
2015	526,76	-8,0	436,49	-16,9
2016 (янв.—февр.)	72,98	-15,7	60,43	-17,5

Источник: URL: http://www.kita.org/kStat/overview_BalanceOfTrade.do

2. Перемена тренда в торговле: с позитивного на негативный

Если в 2014 г. двусторонний оборот еще имел положительную динамику и составил 27,3 млрд долл. (прирост 8,5 %), то в 2015 г. негативный тренд в двусторонней торговле привел к почти 34%-ному снижению товарооборота и упал до 18,06 млрд долл. В начале 2016 года данная тенденция продолжилась, и в январе падение объемов торговли достигло 9 % (табл. 2)³. И это несмотря на неоднократные заявления, озвученные обеими сторонами, довести объем взаимной торговли до 30 млрд долл.⁴

В 2015 г. основные статьи экспорта из РФ в РК не изменились, и в январе — ноябре 2015 г. основная доля поставок приходилась на минеральные продукты — 78,8 %; продовольственные товары и сельхозсырье — 8,8 %; металлы и изделия из них — 6,1 %; продукцию химической промышленности и каучук — 2,9 %.

Таблица 2. Торговля РФ—РК, млрд долл.

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	01.2016
Оборот	18,3	10,6	17,7	25,0	24,9	25,2	27,3	18,06	1,195
<i>рост в %</i>	122,0	-42,6	168,0	140,9	-0,2	111,2	108,5	-33,8	-9,1 %
Экспорт	7,8	5,7	10,4	13,4	13,9	14,9	18,3	13,5	0,97
<i>рост в %</i>	126,3	-27,0	184,0	128,2	104,0	107,3	123,0	-26,1	-1,3
Импорт	10,5	4,9	7,3	11,6	11,0	10,3	9,0	4,56	0,225
<i>рост в %</i>	119,0	-54,1	149,4	159,1	-5,1	-5,9	-12,4	-49,4	-32,3
Сальдо	-2,7	-0,8	3,1	1,8	2,9	4,6	9,3	8,94	0,75

Источник: Федеральная таможенная служба. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580&Itemid=1976

Причем интересно отметить, что если в стоимостном выражении экспорт существенно упал, то в физическом объеме российский экспорт минеральных продуктов, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья увеличился. Это означает, что экспорт данных товарных групп фактически увеличился, но его стоимость упала за счет резкого обесценения рубля (рис. 1).

Структура российского импорта из Республики Корея также осталась неизменной: в январе—ноябре 2015 г. основная доля поставок приходилась на машины, оборудование и транспортные средства — 62 %, продукцию химической промышленности — 16,5 %, металлы и изделия из них — 10,7 %. Однако необходимо обратить внимание на интересный момент, отмеченный в работе известного южнокорейского ученого Ом Гу Хо о том, что 2014 г. характеризовался успешным экспортом оффшорного оборудования из РК в Россию (на сумму в 850 млн долл.)⁵. Почему нам интересен данный факт? Дело в том, что основными поставщиками этого вида оборудования для России всегда являлись европейские и американские компании. А зависимость российских нефтяников от западной техники составляла не менее 80 %, при этом анало-

гов некоторого оборудования в России нет⁶. В настоящее время поставки данного оборудования из этих стран осложнились в виду еще одной переменной — санкционной.

Рис. 1. Динамика курса валюты с 01.01.2014 по 12.03.2016 г., долл.

Источник: Центробанк России. URL: http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx?VAL_NM_RQ=R01235&date_req1=01.01.2014&date_req2=12.03.2016&rt=2&mode=2

3. Перемены по причине санкций

Несмотря на то что санкционный фактор не является первостепенным как для нынешнего состояния российской экономики, так и для снижения показателей российско-южнокорейского экономического сотрудничества, он все-таки играет свою значительную роль. В частности, секторальные санкции включают в себя запрет компаниям из стран ЕС инвестировать в проекты инфраструктуры (транспортные, телекоммуникационные и энергетические), в добычу нефти, газа, минерального сырья; поставлять оборудование, оказывать финансовые и страховые услуги предприятиям этих отраслей. Евросоюз опубликовал перечень товаров, состоящий из 30 позиций, в том числе некоторые виды труб и средств бурения, которые не могут быть экспортированы для ряда про-

ектов в нефтяной отрасли РФ⁷. Освободившуюся нишу занял поставщик из РК, заключив контракт на поставку бурового оборудования. Однако по неподтвержденным пока данным южнокорейская сторона отказалась продлять контракт на поставку по невыясненным причинам. На наш взгляд, санкционная составляющая, несмотря на то что официально РК не присоединилась к европейским санкциям, все-таки играет свою негативную роль в двустороннем сотрудничестве, ограничивая участие южнокорейских компаний в тех проектах и экономических сферах, которые попали под действие санкций против России.

Санкции коснулись также и партнерства в банковской сфере. Несмотря на существующие между нашими странами договоренности об активизации финансового сотрудничества⁸, в настоящий момент оно стопорится. В частности, на участие банка ВТБ в обслуживании российско-южнокорейского торгово-экономического сотрудничества негативное влияние оказывает введение против России, и в том числе по отношению к банку ВТБ, санкций со стороны США, ЕС и ряда других стран. Несмотря на то что Южная Корея формально не входит в число этих стран, крупнейшие южнокорейские банки, ссылаясь на действие этих санкций, к настоящему времени приостановили сотрудничество с банком ВТБ. Соответственно, это привело к значительным трудностям в обслуживании некоторых контрактов клиентов банка ВТБ с южнокорейскими партнерами, в основном по линии проведения аккредитивных операций.

Не торопятся южнокорейские представители и кредитовать российские банки. Новостные агентства неоднократно публиковали информацию о переговорах представителей Газпромбанка, Сбербанка, Банка ВТБ, Россельхозбанка и Внешэкономбанка с инвесторами в РК, Гонконге и Китае, но пока они безрезультатны⁹. Более того, существует мнение, что органы, отвечающие за имплементацию санкций США, стремятся заблокировать участие компаний из третьих стран в сделках, в которых из-за санкций не могут участвовать американские компании (например, в предоставлении долгосрочных кредитов). Одним из инструментов служит предупреждение, что участие в таких сделках с российской компанией, попавшей под санкции, может быть основанием для введения санкций в отношении компании-контрагента¹⁰.

При этом южнокорейская сторона очень внимательно отслеживает информацию касательно санкций против РФ и тех санкций, которые последняя вводит против некоторых стран. В частности, РК на се-

годняшний момент возлагает надежды на расширение своего присутствия в тех сферах, из которых по политическим причинам будут вынуждены уйти представители турецкого бизнеса. Например, речь идет о строительном бизнесе (участие в качестве генподрядчиков и поставщиков оборудования), туристическом, поставке продовольственных товаров, текстильной продукции и сельхозоборудования¹¹. Торговый отдел посольства Южной Кореи (КОТРА) приводит слова представителя, отвечающего за закупки в продуктовом ритейлере — компании Tri-S Food, что «Турция — это основной импортер фруктов и овощей в Россию, но после введения Россией санкций против этой страны объемы импорта из Южной Кореи или Китая могут быть расширены». Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что южнокорейские представители объективно оценивают свои возможности по замещению турецких компаний в России. В КОТРА также было отмечено, что ассортимент экспортируемых в Россию товаров из Турции и РК не сильно совпадает и выгода от замещения турецкого импорта в РФ небольшая. Однако в строительной сфере для южнокорейских компаний существует возможность обойти турецких конкурентов, поэтому прогнозируется вероятность расширения экспорта стройматериалов из РК в РФ и более активное участие предприятий из РК в строительной сфере РФ¹².

4. Цели остались прежними, а методы изменились

Анализируя основные цели, стоящие перед РК в экономическом сотрудничестве с РФ, специалисты сходятся во мнении, что важными как прежде остаётся завоевание и удержание российского рынка товаров и услуг, характеризующегося большой емкостью и существующими свободными нишами, а также поставка российских энергоносителей в целях диверсификации поставок энергоносителей.

При этом, несмотря на неизменность целей, изменились пути их реализации:

1. От более рискованных проектов к менее рискованным, с возможностью быстрого выхода без потери финансовых средств, при этом данные проекты не должны находиться под санкциями.

Если раньше южнокорейские предприятия были готовы на долгосрочные масштабные проекты, в том числе строительство заводов, то сейчас они стараются ограничиться поставкой товаров.

Наглядным примером может служить осторожная позиция южнокорейского бизнеса по отношению к крупномасштабным проектам на

территории Крыма. Отметим, что интерес у южнокорейских инвесторов к данным проектам значительный, ведь инвестиции в развитие региона планируются серьезные: в августе 2014 г. правительство РФ утвердило проект федеральной целевой программы «Социально—экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года» с общим объемом финансирования программы на уровне 681,2 млрд руб.¹³ Однако южнокорейский бизнес занимает выжидательную позицию, и в неформальных беседах южнокорейские инвесторы заявляли о том, что очень заинтересованы в участии в проектах на территории Крыма и готовы поставлять продукцию и оказывать услуги, но только если конечными заказчиками будут компании, зарегистрированные не на его территории. Это, в свою очередь, доказывает предположение о том, что РК хотя и не присоединилась к санкциям, но внимательно отслеживает ситуацию и ищет пути их обойти, не нарушая санкции, но и не теряя возможной выгоды от будущих проектов. При этом есть все основания полагать, что в ближайшем будущем (пока действуют санкции) данная осторожная политика РК, которая будет идти в ногу со своими американскими и европейскими партнерами, решившими продлить санкции против РФ, сохранится. В частности, в начале марта 2016 г. США приняли решение о продлении санкций против России до 6 марта 2017 г.¹⁴ Вслед за этим в Официальном журнале Европейского союза 12 марта 2016 г. было опубликовано решение ЕС о продлении еще на полгода санкций против 146 граждан России и Украины, а также 37 организаций¹⁵. То есть, на наш взгляд, не следует ожидать активизации южнокорейского бизнеса на российском направлении вплоть до начала 2017 г. или вплоть до снятия санкций.

2. Что касается цели РК по поставке энергоресурсов, то пути ее реализации здесь также изменились. Если ранее южнокорейская сторона высказывала интерес к участию в добывающих проектах на территории России, то сейчас РК не торопится входить в данные проекты и ограничивается закупкой энергоресурсов.

3. От долгосрочного прогнозирования к кратко- и среднесрочному. Южнокорейские компании заявляют о том, что из-за нестабильной конъюнктуры на мировом экономическом рынке они не могут составить прогноз развития на долгосрочную перспективу. В том числе сдерживают южнокорейских инвесторов и негативные прогнозы, касающиеся общего состояния российской экономики, характеризующегося спадом потребительской активности (с начала 2015 г. розничный

товарооборот в РФ сократился на 15 %¹⁶), снижением цен на нефть, девальвацией рубля. Это касается, в частности, и поставок товаров из РК в РФ, во многом из-за нестабильности курса рубля и невозможности долгосрочного прогноза курса российской валюты. Например, практически все крупномасштабные договоры на поставку южнокорейского оборудования фиксируются в рублях на дату заключения договора. Если после этого российская валюта продолжит понижительную тенденцию, то фактически поставщик оборудования будет вынужден работать себе в убыток, так как финальная оплата за поставленное оборудование в основном поступает после завершения и приемки проекта заказчиком.

4. Методы экономического взаимодействия изменены с вовлечения в проект на методы давления путем отказа от участия. Если ранее экономическое сотрудничество рассматривалось через вовлечение РК в дву- и трехсторонние проекты с участием РФ и КНДР, то сейчас РК пытается оказывать свое влияние посредством отказа от проектов, в частности от проекта «Хасан—Раджин». И это несмотря на то, что данный проект исключен из санкционного списка согласно резолюции СБ ООН № 2270, п. 29, которая *«постановляет, что КНДР не может прямо или косвенно поставлять, продавать или передавать со своей территории или ее гражданами или с использованием морских или воздушных судов под ее флагом уголь, железо и железную руду...»* и что это положение не применяется по отношению к поставкам угля из порта Раджин (Расон) (п. 29а)¹⁷.

5. Перемены в перспективных сферах сотрудничества

Что касается сферы взаимодействия, то традиционными остаются направления, связанные с поставкой южнокорейских товаров на территорию России. На наш взгляд, в последнее время произошло снижение интереса южнокорейских инвесторов к крупномасштабным, глобальным проектам, требующим долгосрочных вложений, и к проектам в сфере добычи природных ископаемых (в основном данные проекты интересуют их только как поставщиков оборудования и услуг). Громко озвученные когда-то инвестиционные планы простаивают, не торопятся бизнесмены РК и к участию в ТОРах, мотивируя это необходимостью тщательного предварительного расчета проектов. РК охотно ведет переговоры, высказывает свою заинтересованность, но дальше этого конкретных шагов пока не предпринимает.

Интерес к внутреннему рынку РФ со стороны РК высок, и это не случайно ввиду его большой емкости, наличия свободных ниш, перспективного потребительского спроса и существующей лояльности к южнокорейскому бренду со стороны российских потребителей. Завоевание и удержание существующих позиций на внутреннем рынке РФ (несмотря на внешние факторы, в том числе политические) остается одной из основных целей для южнокорейского бизнеса. Прогнозируется, что деятельность южнокорейских компаний на территории РФ в режиме санкций продолжится. Дело в том, что на фоне практически повсеместного падения экспорта продукции РК за рубежом и ухудшения показателей деятельности ведущих ее компаний южнокорейские товары все также пользуются стабильным спросом в России. В частности, в то время как чистая прибыль Самсунга рухнула в 2015 г. почти на 40 % и составила 3,22 трлн вон (2,68 млрд долл.)¹⁸, российское подразделение компании получило рост выручки по сравнению с 2014 г. на 35 %¹⁹. Такие же тенденции и в автопроме. Например, в 2015 г. количество продаж автомобилей KIA Optima в России увеличилось, несмотря на общую тенденцию снижения объемов автомобильного рынка²⁰.

Что касается падения курса рубля, о котором уже упоминалось в данном докладе, то оно имеет двойное значение для южнокорейских инвесторов, осуществивших локализацию своего производства на территории России. С одной стороны, происходит удорожание импортруемых компонентов, с другой — производственные площадки на территории России получили ценовое преимущество перед предприятиями, размещенными в других странах, что расширяет возможности для экспорта продукции. Что касается автосборочных производств, то российская площадка становится более выгодной, чем любая другая в Европе, включая Румынию и даже Турцию. Затраты на оплату труда в пересчете на один автомобиль составляют 17 тыс. руб., или около 230 евро. Снижение себестоимости и прогнозы о снижении внутреннего спроса подтолкнули завод «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» к диверсификации своих поставок с производственной площадки в России, которая теперь будет охватывать не только рынки Казахстана, Белоруссии, Азербайджана, Узбекистана, Молдовы, Армении и др., но и страны Ближнего Востока. Компания заключила договоры о поставке автомобилей российского производства в Египет и Ливан, и до конца текущего года планируется поставка более 4 тыс. автомобилей.

Еще одной перспективной сферой двустороннего сотрудничества может стать область дистанционной торговли, так называемый магазин на диване. В начале 2015 г. стало известно, что Ростелеком и южнокорейская компания GS Home Shopping Inc. (GS Shop) договорились о создании совместного предприятия в области дистанционной торговли. Партнеры запустят в России телемагазин БУМ-ТВ, инвестировав в него 20 млн долл.²¹ В настоящее время у GS Home shopping телемагазины в семи странах, включая Китай, Индию, Индонезию, Малайзию, Турцию и др.²²

Одной из перспективных сфер сотрудничества двух стран становится туризм. В настоящее время РК возлагает большие надежды на расширение турпотока (отдельное внимание уделяется медицинскому туризму) из РФ, в том числе после введения последней санкций против Турции. Что касается российского въездного туризма, то в 2015 г. на фоне резкой девальвации рубля он показал серьезный рост: по данным Росстата, за девять месяцев число иностранных путешественников в России выросло на 13,4 % — это самый значительный показатель с 2008 г. Также растет интерес со стороны южнокорейских туристов, в частности по причине падения курса рубля и удешевления стоимости турпоездки. За 2015 г. количество туристов из РК достигло 136 тыс. человек, что практически на 20 % больше по сравнению с 2014 г.²³ Способствует увеличению турпотока и вступившее в силу с 1 января 2014 г. Соглашение о безвизовом пребывании граждан одного государства на территории другого в течение 60 дней для владельцев всех типов загранпаспортов²⁴.

В заключение необходимо отметить, что по прогнозу Всемирного банка действующие экономические санкции останутся в силе в течение 2015—2016 гг. Однако, на наш взгляд, исходя из сложившейся ситуации, действие санкций может перейти и на начало 2017 г. Тем не менее, как ожидается, геополитическая напряженность постепенно будет ослабевать, при том что введение новых экономических санкций представляется маловероятным²⁵.

По нашему мнению, в российско-южнокорейском экономическом сотрудничестве в краткосрочной перспективе сохранятся проблемы с темпами роста двустороннего взаимодействия в связи с негативной макроэкономической ситуацией. Однако с точки зрения долгосрочных планов текущая ситуация может дать шанс вывести сотрудничество между нашими странами на качественно новый уровень. На наш взгляд, при активизации своей инвестиционной и торговой деятельности (без оглядки на политические факторы) у РК есть реальная возможность за-

нять те ниши, которые оказались свободными в связи с кризисными явлениями в экономике и санкциями, и закрепить свои позиции, получив от этого серьезные экономические дивиденды. При этом представляется возможной активизация двустороннего сотрудничества на новых перспективных направлениях, таких как туризм, строительная сфера, поставка товаров народного потребления, интернет торговля и др. Также возможен выход на российский рынок средних и мелких предприятий РК, имеющих по сравнению с крупными конгломератами большую свободу действий в выборе экономического партнера.

Примечания

¹ URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/biz/2015/12/602_193201.html (дата обращения: 22.03.2016).

² URL: http://www.kita.org/kStat/overview_BalanceOfTrade.do (дата обращения: 10.03.2016).

³ URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580&Itemid=1976 (дата обращения: 22.03.2016).

⁴ URL: <https://interfax.az/view/567316>; <http://www.rg.ru/2014/03/24/tovarooborot-site.html>; <http://www.vneshmarket.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=307744> (дата обращения: 22.03.2016).

⁵ 한-러 경제교류 25년의 평가와 향후 발전 전략. 엄구호(한양대 국제학대학원). Доклад на конференции ИДВ РАН — Центр АТР Ханьянского ун-та Москва, 1—2 октября 2015 г.

⁶ URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2014/10/17/56bd91e29a7947299f72c7da> (дата обращения: 21.03.2016).

⁷ Там же.

⁸ По данным министерства РФ по развитию Дальнего Востока. URL: <http://www.vtb.ru/group/press/news/releases/57761/> (дата обращения: 23.03.2016).

⁹ URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=6986816&r1=rss&r2=yandex.news> (дата обращения: 19.02.2016).

¹⁰ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2921799> (дата обращения: 24.05.2016).

¹¹ URL: http://ntb.kita.net/intro/weekly_usually_update_view.screen?menuid=ntb010301&seq=419&tab_seq=2&fix_yn=N%D0%92. 러·터키 갈등 , 국내기업에 틈새 시장 열려 (дата обращения: 02.02.2016).

¹² Там же.

¹³ URL: <http://rusplt.ru/region-news/crimea/v-kryimu-nachinaetsya-realizatsiya-federalnoy-tselevooy-programmyi-razvitiya-426553/> (дата обращения: 24.05.2016).

¹⁴ URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/03/632346-obama> (дата обращения: 22.03.2016).

¹⁵ URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/03/12/633271-es> (дата обращения: 22.03.2016).

¹⁶ URL: <http://tass.ru/ekonomika/2114861> (дата обращения: 01.02.2016).

¹⁷ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/058/25/PDF/N1605825.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.05.2016).

¹⁸ URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1629613 (дата обращения: 01.03.2016).

¹⁹ URL: http://www.shopandmall.ru/news/Samsungu_krizis_ne_pomeha (дата обращения: 01.03.2016).

²⁰ URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1637139 (дата обращения: 11.03.2016).

²¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2655744> (дата обращения: 11.03.2016)

²² URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/biz/2015/07/602_183403.html (дата обращения: 11.03.2016).

²³ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-tur1-1.htm (дата обращения: 20.03.2016).

²⁴ URL: http://russian-embassy.org/ru/?page_id=113 (дата обращения: 13.01.2016).

²⁵ URL: <http://news.sfu-kras.ru/files/rer33-rus.pdf>. Доклад об экономике России. Всемирный банк. № 33 апрель 2015. С. 36 (дата обращения: 20.05.2016).

Д.В. Мен

КАЗАХСТАН — РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: 25 ЛЕТ СПУСТЯ

Современные казахстанско-южнокорейские отношения имеют предысторию, уходящую в советское прошлое. Новый этап начался с распадом Советского Союза, когда выстраивалась внешняя политика суверенного государства, по-новому начало складываться двустороннее сотрудничество с зарубежными странами. Отметая все идеологические принципы, Казахстан стал развивать дипломатические связи не только с бывшими братскими социалистическими государствами, но и с капиталистическими. Действуя по новым принципам в международных отношениях, «Казахстан считает многополярность наиболее справедливой и рациональной формой мироустройства с точки зрения обеспечения баланса сил и международной безопасности. Сейчас ни одна страна не в состоянии в одиночку решать наиболее острые проблемы современности. Поэтому многосторонней дипломатии не существует альтернативы»¹.

Казахстан для Республики Корея (РК) весьма перспективный и динамично развивающийся партнер в Центральной Азии, располагающий богатыми природными ресурсами и большим транзитно-транспортным потенциалом. Тенденции мирового развития последнего времени подтвердили заинтересованность экономически развитых стран в сотрудничестве с Казахстаном. Возросшие экономические и политические возможности казахстанского государства позволяют ему играть более активную и весомую роль в региональных интеграционных процессах, что вывело его в ряды важных субъектов современной геополитики. А опыт быстрого экономического развития Республики Корея,

демонстрирующий эффективность свободного рынка, свободного обмена идей и основных принципов демократического общества, может найти применение в независимом Казахстане, что создает предпосылки для плодотворного сотрудничества между двумя странами.

Следует особо отметить, что Республика Корея одной из первых зарубежных стран 30 декабря 1991 г. признала суверенитет Казахстана, а через месяц, 28 января 1992 г., оба государства заключили Договор о дипломатических связях на уровне посольств. 30 июня 1993 г. в Алматы было открыто посольство Республики Корея, а 12 мая 1995 г. Указом президента РК Н.А. Назарбаева — посольство Республики Казахстан в Сеуле. Формирование внешней политики независимого Казахстана происходило на основе решения стратегической задачи — обеспечения национальной безопасности и сохранения территориальной целостности.

Казахстанско-южнокорейские двусторонние связи с первого дня установления официальных дипломатических отношений демонстрируют тенденцию последовательного позитивного развития. Это связано с геополитическим положением как Казахстана в Центральной Азии, так и Республики Корея, находящейся на перекрестке многих стратегических интересов.

На заре своей независимости Республика Казахстан определила императив развития «многосторонних и разновариантных военно-политических и экономических балансов, обеспечивающих безопасность и суверенность Казахстана, основой государственной внешней политики»², который впоследствии стал известен как «стратегия многовекторности».

В результате с момента установления дипломатических отношений между Казахстаном и Республикой Корея начался процесс активного продвижения к взаимопониманию и политическому сближению. Несмотря на различия в историческом прошлом, которые касались практически всего спектра политической, экономической, социально-культурной жизни, отсутствия в течение долгого срока каких-либо контактов, прогресс в развитии дружественных связей происходил весьма динамично.

Естественно, что информированность двух стран друг о друге на начальном этапе была скудной, опиралась на морально устаревшие и во многом стереотипно неверные представления. Сказывались противоречивость прежних идеологических принципов, ортодоксальность мыш-

ления, разница в деловой этике, менеджменте, менталитете и т. д. Важное значение имел взаимный обмен визитами президентов двух государств, общественных деятелей, бизнесменов, деятелей культуры, науки, спортсменов, студентов и др.

Большую роль в этом сыграли официальные визиты президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Республику Корея, а также президентов Республики Корея Но Му Хёна, Ли Мен Бака и Пак Кын Хэ в Казахстан. основополагающий юридический фундамент динамичного развития отношений Астаны с Сеулом был заложен в Декларации об основных принципах взаимоотношений и сотрудничества от 16 мая 1995 г., подписанной президентами двух государств — Н.А. Назарбаевым и Ким Ен Самом. Затем последовало подписание ряда документов, закладывающих надёжную правовую базу для наращивания широкомасштабного партнёрства двух стран. Они основывались на подписанной руководителями государств Декларации об основных принципах взаимоотношений и сотрудничества, которая зиждется на принципах Устава ООН.

В Декларации говорилось, что обе стороны будут поощрять широкие связи между всеми ветвями государственных структур, включая исполнительную, законодательную и судебную, а также общественными организациями. Двусторонние базовые договоры стоят особняком среди всего комплекса соглашений. Они создают правовую основу для развития международных отношений в самых различных областях взаимодействия между двумя государствами. В результате двусторонние базовые договоры между Казахстаном и Республикой Корея приобрели важность и значимость.

Основными предпосылками для этого может послужить то, что Астана и Сеул исходят в своей политике из общих ценностей, базирующихся на принципах демократии и рыночной экономики. Практически по всем основным вопросам международных отношений, в том числе касающимся укрепления режима нераспространения ядерного оружия, борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, урегулирования региональных конфликтов, обе страны занимают общие или близкие позиции. Казахстан выражает поддержку политике мира и процветания, проводимой Республикой Корея и направленной на укрепление мира на Корейском полуострове, а также поддерживает позицию Сеула в мирном урегулировании северокорейской ядерной проблемы путем диалога.

Казахстан в 2015 г. вступил во Всемирную торговую организацию, а Южная Корея активно содействовала этому важному для Казахстана политическому акту. В том же году была согласована безвизовая процедура взаимного посещения гражданами двух стран.

Для Казахстана отношения с Республикой Корея на современном этапе, с учетом ее экономического и политического потенциала, а также масштаба южнокорейского присутствия в отечественной экономике, имеют характер стратегического партнерства. Весьма ценным является опыт социально-экономических преобразований, осуществленных в Южной Корее.

В свою очередь, Республика Корея заинтересована в доступе к природным ресурсам Казахстана и сбыте здесь своих промышленных товаров. Конечно, сегодня казахстанский рынок является довольно узким, но после создания ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия) ситуация в этом плане кардинально меняется, и взаимовыгодное сотрудничество между государствами имеет хорошие перспективы и весомый потенциал развития в интересах народов обеих стран.

В настоящее время наиболее перспективным является двустороннее сотрудничество в следующих сферах: нефтехимии, энергетике (включая энергосберегающие и экологически чистые технологии, альтернативные источники энергии), строительстве, агропромышленном секторе (включая производство экологически чистых продуктов питания), здравоохранении.

Основными статьями экспорта из Казахстана в Республику Корея являются сырьевые материалы: феррохром, ферросилиций, урановый концентрат, сталь и металлопрокат, золото и серебро, натриевые соединения и другие виды химического сырья. В структуре импорта из Южной Кореи преобладают: электроника, включая аудио- и видеотехнику, телевизоры, цифровая вычислительная техника и комплектующие к ним, полиэстер и сопутствующие нефтехимические материалы, телекоммуникационное оборудование, кондиционеры, витринные стекла, а также текстильная и бумажная продукция, фармацевтические и пищевые продукты и различные товары народного потребления³. Это свидетельствует о заинтересованности Южной Кореи, не обладающей богатыми природными ресурсами, в их импорте из Казахстана.

Энергетика — это также чрезвычайно перспективное для Казахстана направление совместной деятельности, которое может стать краеугольным камнем, способствующим развитию тесного и взаимовыгод-

ного сотрудничества с Сеулом. В настоящее время поставки нефти и нефтепродуктов из Казахстана в Южную Корею недостаточно значительны. После завершения строительства нефтепровода Западный Казахстан — Западный Китай и двух газопроводов в Китай из Туркменистана и Узбекистана имеются хорошие шансы на создание общей энергетической инфраструктуры и выход через территорию КНР на рынок энергоресурсов Южной Кореи и Юго-Восточной Азии в целом.

Активно развиваются связи по линии межпарламентского взаимодействия. Так, в 2008 г. депутаты Мажилиса парламента Казахстана принимали участие в работе Второго парламентского семинара Конференции парламентариев по вопросам окружающей среды и развития, проходившего в Сеуле.

Парламентские контакты могут стать своего рода институциональным механизмом, способствующим укреплению дружбы между Казахстаном и Республикой Корея. Как известно, в Сенате парламента Казахстана действует группа по сотрудничеству с Южной Кореей, а в парламенте Кореи — Ассоциация дружбы с парламентариями Казахстана.

Во внешнеполитической сфере двусторонние отношения между Астаной и Сеулом представляются весьма важными также в контексте установления и развития сотрудничества Казахстана со странами АТР. Позиция Казахстана по ключевым международным проблемам не выходит за рамки внешнеполитического курса страны, направленного на обеспечение стабильности, формирование добрососедских отношений со всеми государствами мира. Данная позиция схожа с позицией руководства Республики Корея и проводимой им политикой, базирующейся на принципах мирного решения межгосударственных конфликтов, недопущения использования ядерного оружия и др.⁴

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Республика Корея традиционно проводит активный внешнеполитический курс, стремясь войти в число стран интеграционного ядра различных многосторонних региональных форумов — типа АСЕАН, АСЕАН+3 (включающего, помимо 10 стран АСЕАН, Китай, Японию и Республику Корея), АТЭС. В рамках этих институтов Сеул добивается принятия важных политических документов, определяющих общие подходы в сфере безопасности, декларирующих принципы уважения суверенитета и территориальной целостности, равенства, решения спорных вопросов исключительно мирными способами, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы или угрозы силой.

В связи с этим одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества представляется взаимодействие с Республикой Корея в контексте региональной интеграции и кооперации в АСЕАН. Участие в этом региональном форуме, по сути, является одним из главных путей для включения Казахстана в восточноазиатские интеграционные структуры, чему в значительной степени препятствует географическая отдаленность страны.

Не меньшую значимость имеет участие Сеула как влиятельного международного актора в деятельности Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). В ходе второго саммита глав государств — участников СВМДА, проходившего в 2006 г., Сеул получил статус полноправного члена данного форума.

С одной стороны, это способствует росту авторитета и веса СВМДА как регионального форума. С другой стороны, Сеул как влиятельный международный актор может сыграть позитивную роль в процессе урегулирования многих нерешенных вопросов международной и региональной безопасности и стабильности.

Развивая сотрудничество с Республикой Корея и используя СВМДА, Казахстан смог бы внести свой вклад в процессы урегулирования ситуации на Корейском полуострове и расширения межкорейского диалога. В целом отношения с Сеулом, с учетом его политического и экономического потенциала, а также масштаба присутствия в экономике Казахстана, предоставляют Астане широкие возможности для развития. Договорно-правовая база сотрудничества между двумя странами обширна и включает в себя межправительственные соглашения о культурном, научно-техническом сотрудничестве, сотрудничестве в области образования, информатизации, связи, энергетики, минеральных ресурсов и др.

Сегодня практически в каждом крупном университете Казахстана студенты изучают корейский язык и литературу, а также другие спецпредметы по корееведению. Десятки профессоров из Южной Кореи работают в вузах Казахстана. В то же время в Республике Корея в ряде университетов преподаются казахский и русский языки. А в КазНУ им. Аль-Фараби ежегодно сотни студентов из Южной Кореи проходят стажировку по изучению казаховедения, в то время как казахстанские преподаватели, студенты, магистранты и докторанты успешно обучаются и совершенствуют корейский язык в РК.

Резюмируя, можно сделать краткий вывод о том, что имеются все основания положительно оценить развитие двусторонних отноше-

ний между Казахстаном и Республикой Корея за истекшие 25 лет и отметить их нарастающий динамизм и перспективность. Эти дружеские отношения практически затрагивают все области жизни двух стран. Казахстанцы уже привыкли к надёжной южнокорейской бытовой технике, автомобилям, медицине и многому другому. Республика Корея в США рассматривается Казахстаном как один из ключевых партнеров в содействии в построении в стране настоящего информационного общества.

В связи со всем этим и с позиции заботы о будущих поколениях нет задачи важнее, чем углубление взаимоотношений между народами двух стран. С каждым годом возрастает значимость диалога Астаны с Сеулом. Государствам еще предстоит полностью задействовать потенциал этого сотрудничества и заложить прочные основы для расширения взаимодействия в долгосрочной перспективе.

Примечания

¹ *Токаев К.К.* Казахстан в современном мире // *Международная жизнь*. 2006. № 11. С. 19—27.

² *Ким Г.Н.* Казахстан — Южная Корея: по пути стратегического партнёрства: монография. В двух книгах. Книга 1. Этапы партнёрства и сотрудничества. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. С. 12

³ *Султанов Б.К.* Эволюция сотрудничества Казахстана и Кореи и перспективы будущего // *Материалы международной конференции «Казахстанско-корейское сотрудничество: состояние и перспективы»*. Алматы: КИСИ 2009. С. 16—17.

⁴ *Абишева М.А., Шаймергенова Т.Т.* Возможные пути урегулирования проблемы Корейского полуострова в рамках инициативы СВМДА // *Казахстан-спектр*. 2005. № 2. С. 50.

Э.Р. Расулов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Современные процессы интеграционного сотрудничества в Евразии играют важную роль в обеспечении экономического развития, укреплении безопасности и стабильности, способствуют формированию в регионе общего экономического и гуманитарного пространства. Центральная Азия (ЦА), являясь важным звеном в реализации амбициозных внешнеполитических инициатив Республики Корея, играет сегодня существенную роль в стремлении Сеула укрепить позиции и занять свою нишу в получении выгод от экономического роста государств Центральной Азии. В том числе и на фоне разворачивающихся интеграционных процессов на Евразийском пространстве, стимулирующих финансовое, экономическое и инновационное развитие данного региона.

Роль Центральной Азии, особенностью которой является ее огромный экономический потенциал, в связи с чем возрастает значение ее региональных рынков, даже несмотря на то что регион имеет и ряд проблем, сдерживающих экономическое сотрудничество. Эти сложности обусловлены неравномерным участием государств ЦА в процессах интеграции, разным уровнем и моделями социально-экономического развития, неравномерностью распределения водных ресурсов, различием уровня жизни населения. Вместе с тем интерес мирового сообщества к странам ЦА, особенно в сфере разработки природных ресурсов, продолжает расти.

В связи с этим исследованию центральноазиатского вектора внешней политики Республики Корея в последние годы уделяется

большое внимание как в экспертном сообществе самой Южной Кореи, так и в политических кругах стран Центральной Азии, для которых РК — это не только значимый поставщик современного оборудования и технологий, но и один из важнейших инвесторов в крупные стратегические проекты по освоению природных ресурсов в нефтегазовой сфере, в телекоммуникационной и других отраслях.

С точки зрения внешнеполитической стратегии Сеула предпосылками для усиления позиций РК в Центральной Азии являются:

- принадлежность страны к общим азиатским культурным ценностям;

- взаимодополняемость экономик Республики Корея и государств ЦА;

- наличие общих интересов в сфере энергетики и модернизации промышленной инфраструктуры;

- возможности расширения новых рынков сбыта;

- присутствие в Центральной Азии значительной корейской диаспоры.

Одним из факторов, служащих процессу укрепления центральноазиатского направления во внешней политике Республики Корея, является создание в 2007 г. по инициативе РК постоянно действующего форума по сотрудничеству «Республика Корея — Центральная Азия»¹, который является эффективной площадкой для взаимовыгодного диалога в различных областях. Данный регулярный формат служит площадкой для переговоров, где вместе с пятью странами Центральной Азии обсуждаются перспективы развития региона и пути совместного сотрудничества. С 2008 г. вместе с этим форумом одновременно проводится Инвестиционный форум «РК — Центральная Азия», в рамках которого южнокорейские компании, заинтересованные в инвестициях в страны Центральной Азии, принимают активное участие.

В 2016 г. в Сеуле проходит 10-й (юбилейный) форум, который проводится на уровне министров иностранных дел стран-участников, а в перспективе южнокорейская сторона планирует довести уровень данной переговорной площадки до уровня премьер-министров стран — участниц форума.

В преддверии юбилейного форума в 2015 г. был создан его исполнительный секретариат. Основная цель этого органа — разработка конкретных мер по реализации проектов сотрудничества в таких областях, как энергетика, здравоохранение, информационно-коммуникацион-

ные технологии (ИКТ), транспорт и логистика, наука и технологии, охрана окружающей среды, сельское и лесное хозяйство, текстиль, финансы, а также проработка и реализация совместных региональных проектов.

Параллельно с созданием форума одной из первых стратегических инициатив администрации президента РК Ли Мён Бака, избранного в 2008 г., была «Новая азиатская дипломатия»², направленная на активное укрепление взаимовыгодных отношений со странами Центральной Азии. Сеул также активно продвигал «энергетическую дипломатию» по отношению к государствам Центральной Азии, чтобы обеспечить себе доступ к совместной разработке энергетических ресурсов.

Укреплению сотрудничества со странами ЦА отводится большая роль и в рамках Евразийской инициативы, предложенной президентом Южной Кореи Пак Кын Хе в октябре 2013 г.³ Данная политическая идея Сеула — это новое видение многостороннего и многогранного сотрудничества, призванного связать экономическое пространство Европы и Азии, которое предполагает создание объединенных транспортных и энергетических систем. В основе появления этой инициативы лежит осознание того факта, что для стабильного экономического роста Южной Кореи необходимо развитие сотрудничества с государствами Евразии, значимость которых в мире возрастает.

В связи с этим большое внимание в экспертных кругах Южной Кореи, даже несмотря на кризис и замедление экономического развития, уделяется партнерству с Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС)⁴. Так, в частности, 27 ноября 2015 г. в Сеуле был подписан Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Министерством промышленности, торговли и энергетики Республики Корея. На основе подписанного документа планируется создание постоянно действующего механизма сотрудничества ЕАЭС и Республики Корея, где будет обсуждаться широкий круг вопросов торгово-экономического сотрудничества, меры по повышению инновационно-технологической и инвестиционной активности, изучение экономических эффектов отмены нетарифных барьеров и др. Также уже ведется детальная проработка вопроса о целесообразности переговоров между ЕАЭС и Республикой Корея по возможному созданию зоны свободной торговли. Для Южной Кореи перспективы сотрудничества с ЕАЭС означают прежде всего расширение своего экономического пространства, освоение новых рынков за счет выстраивания на многосторонней основе трансграничного и межрегионального экономического партнерства.

Для РК страны Центральной Азии являются привлекательными партнёрами в области освоения природных ресурсов, поскольку в этом регионе существуют большие запасы не только нефти и газа, но и других полезных ископаемых: меди, золота, урана и т. д. Для стран Центральной Азии Республика Корея также является привлекательным партнёром в области освоения природных ресурсов, имеющим достаточный капитал и технологии для переработки ресурсов.

РК имеет крайне ограниченные собственные природные ресурсы, в связи с чем более 95 % энергоресурсов она импортирует из-за рубежа, в том числе 84 % из стран Ближнего Востока⁵. В то же время её потребление энергоресурсов постоянно растёт, в 2015 г. оно увеличилось на 1,7 % по сравнению с предыдущим годом⁶. Использование ресурсов Центральной Азии в перспективе может помочь РК не только компенсировать свой дефицит в них, но и постепенно сократить зависимость от поставок нефти с Ближнего Востока, что также является одной из стратегических задач внешней политики Сеула на ближайшие десятилетия.

В связи с этим увеличение инвестиций Республики Корея в данный регион имеет для Сеула как геэкономическое, так и геополитическое значение. Сегодня направления южнокорейского инвестирования все больше стали отвечать стратегическим приоритетам экономик стран региона, которые интенсивно проводят политику модернизации экономической системы, диверсификации промышленности, активно инвестируя в проекты строительства социальной инфраструктуры. РК входит в число основных инвесторов не только в энергетической отрасли, но также и в сферах образования, здравоохранения и социальных услуг, профессиональной и научно-технической деятельности и др.

В рамках реализации крупномасштабных долгосрочных инвестиций РК активно развивает финансовое сотрудничество со странами Центральной Азии. Южнокорейские специалисты считают, что Сеул может сыграть главную роль в создании финансового Шёлкового пути, призывая страны ЦА к участию в качестве стратегического партнёра в создании нового глобального финансового порядка⁷.

При этом наблюдается устойчивый рост порядка 3-4 % в год инвестиций Республики Корея в страны ЦА за последние 10 лет. Превалирующая доля южнокорейских инвестиций сосредоточена в основном в Казахстане и Узбекистане, на которые приходится 95 % всех инвестиций⁸. В последние годы заметно возросло инвестиционное и торговое

экономическое сотрудничество РК с Туркменистаном. Объемы прямых инвестиций в Киргизию и Таджикистан остаются на сегодняшний день незначительными. Однако и тут сохраняется стабильный рост объема товарооборота между этими странами и Республикой Корея.

Инвестиции РК в государствах ЦА сосредоточены в основном в энергетическом секторе, строительстве, развитии инфраструктуры и телекоммуникаций, обрабатывающей и текстильной промышленности, а также в сфере услуг.

По данным южнокорейского Института международной экономической политики (КИЕР), объем прямых инвестиций РК в страны ЦА на начало 2014 г. был равен 3,2 млрд долл., что составляет 1,2 % от общего объема ее зарубежных инвестиций⁹.

Характерной чертой торговли РК со странами ЦА можно назвать взаимодополняемость экономик. Южная Корея в основном экспортирует бытовую электронику, строительные материалы, различное оборудование, легковые автомобили, спецтехнику и другие потребительские товары, востребованные в ЦА, а импорт товаров из стран ЦА в основном сосредоточен в области сырья: цветные металлы, алюминий, уран, натуральное текстильное сырье и т. д. Однако если раньше из стран ЦА в Южную Корею импортировались преимущественно первичные виды сырья, такие как хлопок-сырец, алюминий, и др., то в последнее время постепенно увеличивается импорт вторичной и переработанной продукции, такой как пряжа, ткани, обработанные металлы и др., а импорт хлопка-сырца заметно сократился. При этом в 2014 г. товарооборот РК со странами ЦА составил почти 4 млрд долл.¹⁰

Однако несмотря на постоянный рост товарооборота между РК и странами ЦА, доля последних в общей структуре внешней торговли РК по-прежнему остается незначительной и в прошлом году составила примерно 0,6—0,7 % от общего объема товарооборота РК с зарубежными странами¹¹. Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день государства региона не входят в число основных торговых партнеров Республики Корея. Тем не менее страны ЦА оцениваются южнокорейской стороной как высокоперспективные государства стратегически важного региона. Включение Центральной Азии во внешнеполитическую стратегию Республики Корея диктуется возрастанием роли и влияния региона на интеграционные процессы в Евразии в силу его ресурсного и транзитного потенциала, а также политической значимости как элемента азиатской региональной безопасности с учетом процессов,

происходящих сегодня на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии.

Полномасштабное сотрудничество со странами Центральной Азии предоставляет для Республики Корея, *во-первых*, огромный рынок для сбыта южнокорейских товаров; *во-вторых*, Центральная Азия со своими нефтегазовыми ресурсами может стать для нее новым поставщиком энергетических ресурсов; *в-третьих*, находясь на перекрестке транспортных путей евразийского континента со временем регион может стать одним из центров мирового товаропотока, что объясняет стремление РК усилить свои позиции в Центральной Азии.

Сегодня Республика Корея активно внедряет свои новейшие передовые технологии в развитие и становление экономик стран Центральной Азии, одновременно с этим наращивая инвестиционную деятельность и укрепляя торговые связи. Таким образом, оказывая экономическую и техническую поддержку и вкладывая крупномасштабные инвестиции в регион, Республика Корея, с одной стороны, поддерживает его стабильное экономическое развитие, позволяя укрепить статус консолидирующей экономики, а с другой — наращивает и усиливает свое влияние в нем. Развитие логистики, определение новых транспортных коридоров, создание соответствующей инфраструктуры и др. в долгосрочной перспективе поможет создать новые рынки для Республики Кореи, диверсифицировать географическое распределение торговли, воплощая в жизнь внешнеполитическую стратегию РК в отношении Центральной Азии.

Примечания

¹ Форум по сотрудничеству «Республика Корея — Центральная Азия» создан в 2007 г. с целью укрепления и расширения партнерства Южной Кореи и стран Центральной Азии в различных сферах. На заседаниях форума, ежегодно проводимого в разных столицах стран его участниц — Южной Кореи, Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, — обсуждаются состояние и перспективы двусторонних и многосторонних связей, поиск проектов практического сотрудничества Республики Корея и Центральной Азии.

² *Ko Jae Nam*. Broadening the Horizon of New Asia Diplomacy, «Energy and Resource Diplomacy» Institute of Foreign Affairs and National Security, Seoul, June 2009.

URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=102596 (дата обращения: 24.05.2016).

³ Remarks by President Park Geun-hye at the 2013 International Conference on Global Cooperation in the Era of Eurasia, Government Press Release published on October 18, 2013, Seoul. URL: <http://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Presidential-Speeches/view?articleId=114334> (дата обращения: 21.03.2016).

⁴ С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Договор был подписан президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации 29 мая 2014 г. в Астане. В 2015 г. к ЕАЭС присоединилась Республика Армения и Киргизская Республика. Таким образом, в рамках ЕАЭС формируется общий рынок численностью в 183 млн человек. Государства — члены ЕАЭС обязуются гарантировать свободное перемещение товаров и услуг, капиталов и рабочей силы, а также осуществлять согласованную политику в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

⁵ Korean Energy Economics Institute // «Year book of energy statistics-2015» Domestic & Imported Energy. P. 23. 2015. Ulsan.

⁶ Ibid.

⁷ 윤성학 제4차 한—중앙아시아 국제세미나 — 한-중앙아시아 수교 20주년 경제협력의 평가와 전망 — 대외경제정책연구원. P. 65. 2012, Seoul.

⁸ Герман Ким // Экономические интересы стран Центральной Азии в инвестициях Южной Кореи. 2013 г. Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ). Алматы.

⁹ 김세진, 대외경제정책연구원// 중앙아시아 투자환경 및 시사점지역 이슈분석. 2014. P. 10. Korea Institute for International Economic Policy. 2014. Seoul.

¹⁰ 관세청, 수출입무역통계, 국가별 수출입실적 (Korea Customs Service URL: <https://unipass.customs.go.kr:38030/ets/KCS2014y>.) (дата обращения: 20.03.2016).

¹¹ 한국 무역 협회 Korea International Trade Association URL: <http://stat.kita.net/stat/kts/sum/SumImpExpTotalList.screen#> (дата обращения: 24.05.2016).

Л.В. Захарова

ЗОНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНДР: СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ

Предыстория

Одним из главных инструментов, которые руководство КНДР пытается использовать для привлечения в Северную Корею иностранных инвестиций с начала 1990-х годов, стало создание специальных экономических зон¹. В 1991 г. было объявлено о создании Раджин-Сонбонской свободной экономической и торговой зоны (СЭТЗ). В начале XXI в. начали функционировать Кэсонская промышленная зона и Кымгансанская туристическая зона, в 2011 г. создана экономическая зона Хвангымпхен—Вихва.

Особенно ощутимым стал приток капитала в территории, развитием которых занимался южнокорейский бизнес. Объем вложений в развитие туристического комплекса в Кымгансане оценивается в 800 млн долл.², а в создание Кэсонского промышленного комплекса — около 1,5 млрд долл.³ На фоне других провинциальных городов достаточно развито выглядит СЭТЗ Расон, в которой действуют китайский и российский бизнес. В то же время свободная экономическая зона (СЭЗ) на островах Хвангымпхен и Вихва пока что развивается медленно. Таким образом, можно говорить лишь об относительной успешности опыта создания СЭЗ в КНДР.

В то же время в Китае и других странах, особенно развивающихся, на рубеже XX и XXI вв. этот инструмент использовался достаточно активно. Если в 1986 г. можно было насчитать 176 «особых эконо-

номических зон» в 47 государствах мира, то в 2003 г. их было уже более 3000 в 116 странах⁴.

Этот же механизм в форме «территорий опережающего развития» в настоящее время пытается использовать и Россия для привлечения инвестиций в свои дальневосточные регионы. Большим его плюсом является возможность опробовать новые правила работы бизнеса и сконцентрировать «открытость» страны для иностранцев на ограниченных территориях. При этом там будут обеспечены капиталовложения и занятость местной рабочей силы, что в дальнейшем может дать синергетический эффект для развития различных секторов экономики.

С самого начала китайский опыт оказывал значительное влияние на политику КНДР в области привлечения иностранных инвестиций. Это может быть подтверждено тем, что первый закон КНДР о совместных предприятиях, принятый в 1984 г., был очень схож с китайским аналогом 1979 г.⁵ Практика КНР по открытию для иностранных инвестиций территорий вдаль от столицы отразилась и на объявлении КНДР о создании свободной торгово-экономической зоны Раджин—Сонбон в 1991 г. В целом, по мнению группы западных экспертов, занимавшихся изучением юридической базы для осуществления прямых иностранных инвестиций в КНДР и представивших свой доклад в середине 2011 г., северокорейские законы в этой сфере были во многом схожи с китайскими, однако менее проработаны⁶.

Использование инструмента СЭЗ при Ким Чен Ыне

После прихода к власти Ким Чен Ына в стране все больше внимания стало уделяться развитию экономики и повышению уровня жизни населения. В отличие от своего отца, при котором главной была «политика приоритета армии», молодой лидер решил вернуться к идее, выдвинутой еще его дедом в 1960-х годах, и в 2013 г. провозгласил курс на параллельное экономическое и военное развитие. Из КНДР начали приходить сообщения о новых «мерах экономического управления» в сельском хозяйстве и промышленности, сутью которых стало поощрение частной инициативы и внедрение рыночных элементов в некоторых районах и на отдельных предприятиях⁷.

На этом фоне был взят курс и на увеличение количества особых экономических зон. В мае 2013 г. был принят Закон КНДР о зонах экономического развития (ЗЭР)⁸. Целью их создания провозглашается развитие внешнеэкономического сотрудничества и обменов, развитие национальной экономики и повышение уровня жизни населения (ст. 1). Под ЗЭР понимаются «особые экономические зоны, в которых предоставляются преференциальные условия для экономической активности в соответствии со специальными законами и правилами, установленными государством» (ст. 2). Зоны экономического развития могут быть как центрального подчинения, так и местного.

Создание ЗЭР осуществляется под управлением центрального руководящего органа по делам СЭЗ. В настоящее время им является Министерство внешнеэкономических связей КНДР. Оно же определяет и минимальный размер оплаты труда на предприятиях инвесторов в ЗЭР. Иностранные инвесторы могут подавать заявку о создании и освоении ЗЭР через обращение к северокорейским учреждениям, предприятиям и организациям, которые в свою очередь информируют об этих предложениях центральный руководящий орган по делам СЭЗ, который и принимает окончательное решение о создании новой ЗЭР (ст. 12). Заявление о создании местной СЭЗ подается через соответствующий провинциальный (города центрального подчинения) народный комитет (ст. 14).

Иностранные инвесторы, включая зарубежных корейцев, получив соответствующее разрешение, могут заниматься развитием ЗЭР как в формате совместного предприятия с местными партнерами, так и самостоятельно. Учреждения и предприятия КНДР также могут заниматься развитием ЗЭР при наличии разрешения от государства (ст. 20).

КНДР обещает инвесторам преференциальные условия для ведения бизнеса в области землепользования, найма рабочей силы и налогообложения. На территории зон гарантируется право иностранцев брать в аренду землю на 50 лет с возможностью продления, а также право покупать, продавать или передавать права пользования землей и права собственности на здания. Для инвесторов в строительство инфраструктуры и приоритетные сектора предусмотрена возможность бесплатного пользования землей в течение определенного периода.

Для компаний-инвесторов в ЗЭР установлена ставка подоходного налога размером в 14 % (на остальной территории КНДР — 25 %) или даже 10 % в приоритетных секторах, таких как строительство ин-

фраструктуры, внедрение высоких технологий и производство товаров, конкурентных на мировом рынке.

В торговле товарами и услугами между предприятиями внутри ЗЭР или между предприятием в ЗЭР и предприятием на основной территории КНДР цены устанавливаются по договоренности участников обмена в соответствии с международной рыночной ценой (ст. 43). Законодательство КНДР предполагает возможность для предприятий из ЗЭР приобретать на территории КНДР вне соответствующей экономической зоны нужные для хозяйственной деятельности сырьевые и материальные ресурсы или продавать выпускаемые ими изделия⁹.

После принятия закона о ЗЭР северокорейские власти выделили конкретные районы для их функционирования. В ноябре 2013 г. было объявлено о выделении 13 территорий в восьми провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов. В частности, планируется развитие экономических зон в Чхонджине, Амнокане, Манпхо и Хесане, промышленных зон в Хыннаме, Хёндоне и Вивоне, туристических зон на о. Онсон и в Синпхене, экспортных производственных зон в Сонриме и Ваудо, сельскохозяйственных зон в Оране и Пукчхоне. Большинство из них — небольшие по территории (от 2 до 4 кв. км) и расположены в разных частях страны: пять — на границе с Китаем, три на западном побережье и пять на восточном.

В июле 2014 г. КНДР объявила о создании еще шести зон экономического развития — в некоторых районах Пхеньяна, пров. Южная Хванхе, г. Нампхо, провинциях Северная и Южная Пхенан¹⁰. Кроме того, СЭЗ в Синьйджу, находящаяся рядом с новым мостом через Амнокан, была переименована в Международную экономическую зону Синьйджу. В июне 2014 г. было также объявлено о создании специальной туристической зоны в Вонсане, план развития которой, утвержденный в октябре 2014 г., рассматривал ее как часть единого туристического района Вонсан—Кымгансан¹¹.

Курс на создание небольших СЭЗ в разных районах страны для формирования местных двигателей роста, наиболее вероятно, является долгосрочной стратегией Пхеньяна. В новогодней речи 1 января 2015 г. Ким Чен Ын заявил, что страна должна ускорить реализацию «проектов зон экономического развития, включая международную туристическую зону Вонсан—Кымгансан»¹².

На различных международных мероприятиях северокорейские представители проводят презентации созданных ЗЭР (табл.), опублико-

ваны и доступны в Интернете законы, регулирующие их работу¹³. Например, в сентябре 2014 г. в китайском Даляне был проведен семинар для иностранных инвесторов, на котором северокорейские представители подчеркивали, что в стране были упрощены процедуры для иностранных инвесторов и установлены правила, отвечающие международным стандартам¹⁴.

Таблица. Краткая характеристика зон экономического развития КНДР, созданных в 2013—2014 гг.

Категория	Название и направления развития	Расположение	Площадь (кв. км)	Дополнительная информация
<i>Экспортные производственные и торговые зоны</i>	1. Сонрим (производство, туризм, торговля)	Пров. Северная Хванхэ, между Пхеньяном и Нампхо	2	Население города более 100 тыс. человек, расположены объекты тяжелой промышленности
	2. Ваудо (производство)	Г. Нампхо	1,5	Находится главная судовой верфь западного побережья КНДР, несколько заводов и три вуза
	3. Чиндо (легкая промышленность)	Г. Нампхо, граничит с ЗЭР Ваудо		Судоверфи
<i>Промышленные зоны</i>	1. Вивон (производство оборудования, горная добыча)	Пров. Чаган, на границе с КНР, в 300 км от Синьиджу	3	Вивонская электростанция, население около 60 тыс. человек
	2. Хыннам (производство оборудования, строительных материалов, химической продукции)	Район г. Хамхын, крупного промышленного центра на восточном побережье, пров. Южная Хамген	2	Население Хымхына более 700 тыс. человек, крупный центр химической промышленности, недалеко от порта Хыннам
	3. Хёндон (экологически чистая легкая промышленность, ин-	Район г. Вонсан на восточном побережье, пров. Канвон	2	Только экологически чистые производства, будет разрешен полный доступ в Интернет

	формационные технологии)			
	4. Чоннам (производство угля и химической продукции)	Пров. Южная Пхёнан, г. Анчжу		Развито производство угля, расположен химический завод
<i>Сельскохозяйственные зоны</i>	1. Пукчхон (фруктовое садоводство)	Пров. Южная Хамген, к югу от Чхонджина, восточное побережье	3	Знаменита своими плодовыми садами (груши и яблони). Население 160 тыс. человек. Небольшая обувная фабрика
	2. Оран (удобрения, сельскохозяйственный исследовательский центр)	Пров. Северная Хамген	4	Население 90 тыс. человек, есть аэропорт, выращивают рис и грибы
	3. Сукчхон (выращивание риса и других продуктов)	50 км к северу от Пхеньяна, пров. Южная Пхёнан		Знаменита высококачественным рисом, расположена в сердце сельскохозяйственной житницы КНДР
<i>Туристические зоны</i>	1. Онсон (иностранный туризм)	Остров напротив китайского города Тумень, пров. Северная Хамгён	1,7	Население 127 тыс. человек. В декабре 2013 г. подписано соглашение о совместном развитии с китайским г. Тумень
	2. Синпхён (иностранный туризм, пешеходные прогулки)	Между Пхеньяном и Вонсаном, пров. Северная Хванхэ	8,1	Туристические достопримечательности, электростанции
	3. Чонсу (трансграничный туризм)	Пров. Северная Пхёнан, на границе с Китаем	3700 га	Цель — привлечь китайских туристов, но отелей пока нет
<i>Комплексные ЗЭР</i>	1. Чхонджин (производство оборудования, строительных материалов и	Порт на восточном побережье	5,4	Третий по величине город КНДР (население 660 тыс. человек), расположен металлургический комбинат им. Ким Чака и

	металлопродукции)			другие предприятия, электростанция
	2. Хэсан (экспортное производство, сельское хозяйство, туризм)	Пров. Рянган, на границе с Китаем, в районе г. Пэктусан	2	Добыча меди, население 200 тыс. человек, электростанция Самсу
	3. Манпхо (сельское хозяйство, торговля, туризм)	Пров. Чаган	3	Население 115 тыс. человек, на границе с Китаем, богатые водные ресурсы, электростанция
	4. Амнокан (сельское хозяйство, торговля, туризм)	Два района Синьиджу, главного торгового города КНДР на границе с Китаем	6,6	Развитый торговый узел, несколько фабрик и заводов
<i>Международная зеленая зона</i>	Канрён (органическое сельское хозяйство, туризм, аквакультура, легкая промышленность)	Пров. Южная Хванхэ, рядом с Хэчжу		Чистые пляжи
<i>Зона развития высоких технологий</i>	Унчжон (биотехнологии, программное обеспечение)	Несколько районов на окраине Пхеньяна		Развивается совместно с Академией наук КНДР в качестве хаба для исследовательских и венчурных проектов

Источники: Andray Abrahamian. The ABCs of North Korea's SEZs. US-Korea Institute at SAIS Report. 2014. P.14—17.

North Korean Economic Policies and Unification. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105423

Foreign Trade of the DPRK. 2016. № 1. P. 10.

Внешняя торговля КНДР. 2015. № 4. С. 4—5.

В Законе КНДР о зонах экономического развития, как и прежде, содержится ряд положений, которые могут настораживать иностранных инвесторов. *Во-первых*, согласно ст. 7, «государство не будет национализировать или экспроприировать имущество инвесторов. Если, в слу-

чае неизбежных обстоятельств, имущество инвестора будет экспроприровано или временно использовано в государственных интересах, уведомление об этом будет сделано заранее и достаточная компенсация в соответствии со стоимостью имущества будет выплачена заблаговременно». То есть возможность национализации имущества иностранного инвестора все же не исключается. *Во-вторых*, закон КНДР гарантирует свободный вывоз и ввоз «законной прибыли» и валюты. При этом четкого объяснения того, что попадает под категорию «законной» не приводится. *В-третьих*, что касается миграционных и таможенных процедур, то иностранным инвесторам власти КНДР обещают сделать их такими, чтобы «экономическая деятельность инвесторов могла осуществляться гладко». Более подробных деталей в законе также не предусмотрено, хотя именно эти вопросы критически важны для любого иностранного инвестора.

Нельзя сказать, что законодательство других стран мира не содержит подобных «серых» зон, вызывающих вопросы. И в таких случаях очень важным является уверенность потенциальных инвесторов в том, что государство не будет активно пользоваться ими в ущерб иностранным предпринимателям. Подобная репутация нарабатывается годами и требует реализации многочисленных успешных бизнес-проектов и вывезенной иностранными инвесторами прибыли. КНДР потребуется время, чтобы наработать этот опыт.

Перспективы развития новых СЭЗ

По мнению ряда экспертов в области северо-корейской экономики, большинство из объявленных СЭЗ не смогут достичь существенных результатов из-за нехватки капитала и слабой транспортной инфраструктуры. Однако некоторые из них могли бы привлечь значительный объем инвестиций, если Северной Корее удастся улучшить отношения с соседними странами. Специалисты некоммерческой организации Choson Exchange, создающей обучающие программы для северных корейцев в области бизнеса, экономической политики и законодательства, в частности, считают, что наибольшие шансы на успех есть у СЭЗ в Вонсане, Расоне, Унчжоне и Синьйчжу¹⁵.

Пока что уровень привлечения в новые СЭЗ иностранных инвестиций невысок. Для этого есть как внутренние, так и внешние причи-

ны. Среди первых — устаревшая инфраструктура, нехватка электроэнергии, ограничения на международную связь и безвизовый въезд, а также недостаточность гарантий для иностранных инвесторов. Среди вторых — международные и американские экономические санкции и неблагоприятная геополитическая обстановка. Главной задачей властей КНДР на данном этапе является обеспечение создаваемых СЭЗ базовой инфраструктурой, включая транспорт и электроэнергию, а также продемонстрировать миру, что иностранные инвесторы в КНДР могут получать прибыль и свободно ею пользоваться. Кроме того, критически важно, чтобы улучшились отношения Северной Кореи с соседними странами, компании которых могли бы выступить в качестве основных инвесторов.

С другой стороны, результатом линии руководства КНДР на развитие СЭЗ является то, что инвесторы в стране (причем не только иностранные, но и местные) получили возможность пользоваться существенными льготами в области налогообложения, аренды земли и т. д., если их инвестиции будут осуществляться на территории, официально объявленной ЗЭР. При определенных условиях и поощрении местных властей это может привести к росту количества подобных районов, использование выгодных условий которых может способствовать развитию местного предпринимательства.

Правительство в этих зонах может опробовать новые элементы экономической политики, например, специально разработанную систему налогообложения или право частной собственности инвесторов на построенные ими объекты. Если обратиться к примеру Китая, использование инструмента СЭЗ стало прологом к дальнейшему реформированию всей экономики страны. И некоторые экономисты подчеркивают, что без улучшения инвестиционного климата в масштабах всей страны невозможно поддерживать конкурентоспособность отдельных ее территорий в долгосрочной перспективе¹⁶.

Ранее руководство КНДР пыталось использовать инструмент СЭЗ главным образом для привлечения иностранных инвестиций, зарабатывания валюты и создания рабочих мест. Территории СЭЗ были максимально изолированы от остальной экономики страны. Если политика нынешнего руководства КНДР ставит своей целью повышение экономической конкурентоспособности и превращение СЭЗ в «региональные опорные пункты в налаживании развития экономики страны»¹⁷, будет необходимо использовать потенциал внутренних связей с местным про-

изводством через субподряд, закупку сырья, местных товаров и услуг. В условиях ограниченности внешних источников инвестиций в среднесрочной перспективе подобная политика может дать позитивный результат с точки зрения развития внутреннего производства и повышения уровня жизни населения.

Примечания

¹ Под «специальной экономической зоной» в статье понимается «ограниченная территория с особым юридическим статусом по отношению к остальной территории страны и льготными экономическими условиями для национальных или иностранных предпринимателей». Синоним — «особая экономическая зона».

² Чосон ильбо. 11.04.2011.

³ *Suh Dae-hoon*. Analysis of Business Operations at Kaesong Industrial Complex. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=158&content_id=105593&category=G

⁴ *Aradhna Aggarwal*. Special Economic Zones: Revisiting the Policy Debate. // Economic and Political Weekly (Nov. 4, 2006). P. 44—53.

⁵ *Eric Yong-Joong Lee*. Development of North Korea's Legal Regime Governing Foreign Business Cooperation: A Revisit under the New Socialist Constitution of 1998. // Northwestern Journal of International Law & Business 21.1, 2000. P. 203.

⁶ See: *Peter Morley*. Legal Framework for Foreign Direct Investment in the Democratic People's Republic of Korea // Choson Exchange blog, July 2011. URL: <http://choson-exchange.squarespace.com/confi#/our-blog/938>.

⁷ Park Hyeong-jung. North Korea's 'New Economic Management System': Main Features and Problems. October 2013. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=146&content_id=105094&category=G

⁸ Law of the DPRK on Economic Development Parks. Adopted by Decree No. 3192 of the Presidium of the Supreme People's Assembly on May 29, 2013.

⁹ Внешняя торговля КНДР. 2015. № 4. С. 5.

¹⁰ ЦТАК. 23.07.2014.

¹¹ North Korea Reveals Wonsan-Mt. Kumgang International Tourism Zone Development NK Brief, October 10, 2014. URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0101V.aspx?code=FRM141002_0001

¹² Новогодняя речь тов. Ким Чен Ына. URL: <http://onekorea.ru/2015/01/02/novogodnyaya-rech-tov-kim-chen-yna/> — Перевод предоставлен Посольством КНДР в России

¹³ URL: <http://naenara.com.kp/en/trade/>

¹⁴ Pyongyang woos foreign investors. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2995173&cloc=joongangdaily%7Chome%7Cnewslist1>

¹⁵ Подробнее см.: *Andray Abrahamian*. The ABCs of North Korea's SEZs. US-Korea Institute at SAIS Report. 2014. P. 22—26.

¹⁶ *Aradhna Aggarwal*. Op. cit.

¹⁷ Внешняя торговля КНДР. 2015. № 3. С. 5.

О.В. Кирьянов

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РАСОН

Введение

Конец 1980-х годов стал периодом серьезнейших геополитических потрясений и перемен в разных частях мира, которые затронули и КНДР. Новая обстановка стала для Северной Кореи более сложной как в политическом, так и экономическом плане. Пхеньян не пошел на серьезные изменения в сфере внутренней политики, но в экономике стали просматриваться определенные нововведения. В 1991 г. было заявлено о создании в Раджине, Сонбоне и части прилегающих территорий первой в истории КНДР свободной экономической и торговой зоны, которая существует до сих пор под названием Торгово-экономическая зона Расон (ТЭЗ Расон)¹.

Правительство КНДР планировало превратить зону в крупный центр логистики, промышленности и туризма в Северо-Восточной Азии². Однако сложная мировая ситуация, обострение обстановки вокруг КНДР, кризис в экономике страны, а также не самые последовательные решения и политика Пхеньяна в отношении стратегии развития зоны привели к тому, что большинство амбициозных планов так и остались на бумаге³.

Впрочем, о полном провале данного проекта говорить не стоит. Несмотря на трудности, иностранный капитал — в первую очередь ки-

тайский — пришел в Расон. Новый импульс для развития зона получила после прихода к власти Ким Чен Ына, экономическая политика которого сделала ставку в том числе и на свободные экономические зоны (СЭЗ)⁴. В настоящий момент Расон является самой успешной северо-корейской СЭЗ, имея объективные предпосылки для дальнейшего развития. Однако ряд факторов, включая ядерные и ракетные испытания КНДР в январе—феврале 2016 г., серьезно осложняют возможности для реализации потенциала. ТЭЗ Расон является крайне важным с разных точек зрения для Северной Кореи проектом, что и предопределяет основные задачи настоящего исследования, включая изучение истории, нынешнего состояния и перспектив развития этой зоны.

I. История создания и развития торгово-экономической зоны Расон

Раджин и Сонбон территориально находятся в удаленном регионе КНДР на северо-востоке страны, располагаясь на стыке границ Северной Кореи, России и Китая и имея протяженное морское побережье. Свободная экономическая и торговая зона Раджин—Сонбон была создана 28 декабря 1991 г. на территории населенных пунктов Раджин, Сонбон и в прилегающих районах общей площадью 621 км²⁵. В сентябре 1993 г. территория зоны была увеличена до 746 км².

Примерно в это же время власти КНДР представили план развития зоны, разделенный на три этапа, но уже через два года все было сведено к двум периодам — промежуточному (1995—2000 гг.) и перспективному (2001—2010 гг.). Первый период предусматривал развитие дорожной и портовой инфраструктуры, а второй — превращение зоны в крупномасштабную международную базу логистики, где ключевую роль играли бы три основных порта зоны: Раджин, Сонбон и Унги. Кроме того, зона параллельно должна была развиваться и как район международного туризма, а также регион с ориентированными на экспорт производствами⁶.

По мере развития зоны она несколько раз меняла свое наименование. В 1994 г. был создан объединенный город центрального подчинения Раджин-Сонбон, а в 1998 г. из названия зоны исчезло слово «свободная», превратившись в экономическую и торговую зону Раджин—Сонбон⁷. С 2000 г. Раджин и Сонбон были объединены в Расон (по двум первым слогам

названия каждого из городов). Сам Расон то понижался до провинциального уровня (до 1993 г. и в 2004—2009 гг.), то снова выходил из подчинения пров. Северная Хамген, передаваясь напрямую центральному правительству (в 1994—2004 гг., с 2010 г. по настоящее время)⁸. Нынешнее название зоны — Торгово-экономическая зона Расон (ТЭЗ Расон).

Власти КНДР продемонстрировали активность по части привлечения иностранного капитала. Неоднократно проводились инвестиционные форумы, руководство Расона посещало Китай, подчеркивая привлекательность ТЭЗ для капиталовложений. Данная работа не была очень успешной, хотя определенные результаты все же удалось достигнуть. Если власти КНДР ожидали к началу XXI в. инвестиции в Расон на уровне 4,7 млрд долл., то к концу 2000 г. удалось привлечь лишь 120 млн долл. В дальнейшем тенденция существенного отставания реальных инвестиций от задекларированных подтвердилась. Развитие получили в основном мелкие и средние производства, первичная обработка пищевой продукции, сфера услуг, а не высокие технологии, как на это надеялись в Пхеньяне⁹.

В последующие годы регион получил обнадеживающий сигнал в виде 8-го пятилетнего плана экономического развития КНР в 2005—2010 гг., который предусматривал приоритетное развитие северо-восточных провинций Китая. Предполагалось, что дороги КНР будут состыковываться с северокорейской сетью и продолжаться на территории КНДР¹⁰.

Приход к власти в КНДР нового руководства в лице Ким Чен Ына привел в том числе и к тому, что в Пхеньяне стали делать ставку на развитие специальных экономических зон, неизменно отводя Расону приоритетное место¹¹.

Несмотря на неблагоприятные внешние факторы, Расон продолжает существовать в качестве одной из основных СЭЗ КНДР, куда все же удалось привлечь иностранный капитал, пусть даже не в тех масштабах, которые были запланированы изначально.

II. Нынешняя ситуация

1. Административно-правовая база функционирования Расона

ТЭЗ Расон работает на основании обширной многоплановой административно-правовой базы. Фундаментальную роль играет приня-

тый в сентябре 1984 г. Закон о совместных предприятиях (ЗСП) КНДР, который во многом был скопирован с аналогичного китайского документа от 1979 г. В 1992 и 1999 гг. ЗСП был дополнен¹².

Сама же свободная экономическая и торговая зона Раджин—Сонбон была создана решением № 74 Административного совета КНДР от 28 декабря 1991 г. Тогда вступили в силу в общей сложности 57 законодательных актов и положений, касающихся иностранных инвестиций и Расона¹³.

В период 1992—1996 гг. был принят ряд ключевых законов: об иностранных инвестициях, безвизовых поездках, представителях иностранного бизнеса, правовом урегулировании конфликтов, аренде земли, внешнеэкономических связях, рекламе, охране окружающей среды¹⁴.

В 2006 и 2010 гг. в административно-правовую базу были внесены существенные поправки и дополнения. 29 мая 2013 г. был принят Закон о зонах экономического развития¹⁵. Общий контроль над СЭЗ был передан Министерству внешней торговли, но для ряда СЭЗ, включая Расон, были сделаны оговорки. Их управление и функционирование осуществляется на основании отдельных законов¹⁶.

В сентябре и ноябре 2013 г. вступил в силу пакет положений, касающихся управления и рабочей силы Расона, а также уточняющих ряд ранее принятых законодательных актов о СЭЗ¹⁷.

Зона Расон по части доступа в нее иностранцев всегда отличалась наиболее свободным режимом, что было закреплено в различных положениях. Например, с 2010 г. эта зона стала первой, которая получила право самостоятельно выдавать разрешения на въезд иностранцев в ускоренном порядке¹⁸. Согласно словам представителей руководства ТЭЗ, власти КНДР официально позволили жителям Расона приобретать недвижимость в личную собственность, хотя до сих пор в Северной Корее это не разрешено¹⁹.

Управление зоной осуществляется в значительной степени автономно. Основную функцию в этой сфере выполняет Бюро по экономическому сотрудничеству Расона. Оно подчиняется как руководству города Расон (Народному комитету), так и расположенному в Пхеньяне Министерству внешнеэкономических связей КНДР²⁰. Основные решения принимаются на месте, тогда как столица осуществляет общий стратегический контроль²¹.

Среди последних новшеств, которые можно отнести и к административно-правовой базе ТЭЗ Расон, можно назвать предложенный в

ноябре 2015 г. властями КНДР Общий план развития ТЭЗ Расон, включающий в себя 50 нормативно-правовых актов. План рассчитан на привлечение масштабных зарубежных инвестиций в Расон (до 15 млрд долл.), предусматривая беспрецедентные для КНДР меры по открытости²².

В целом можно отметить, что на настоящий момент действует несколько десятков законов, законодательных актов и положений, которые определяют работу ТЭЗ Расон. Со временем они менялись, но при этом всегда прослеживалась одна особенность: из всех СЭЗ КНДР Расон практически всегда оставался самым свободным и открытым для иностранного капитала регионом²³.

2. Северокорейская инфраструктура и вложения КНДР

Территория ТЭЗ Расон имела и ранее достаточно развитую производственную и транспортную базу. Там были построены несколько промышленных предприятий, включая нефтеперерабатывающий завод «Сынни» (мощность до 2 млн т нефтепродуктов в год), теплоэлектростанцию Сонбона мощностью 200 тыс. кВт, судостроительные верфи и судоремонтные мастерские в Раджине, цеха по переработке морепродуктов и др. Важную роль играла портовая инфраструктура: три причала в порту Раджин (общая мощность по обработке грузов — 3,5 млн т), порт в Унсане (специализируется на древесине, до 600 тыс. т в год), порт в Сонбоне (нефтеналивной терминал, до 250 тыс. т в год). Общая численность населения в зоне составляет порядка 180—200 тыс. человек, при трудоспособном населении около 100 тыс. человек²⁴.

3. Иностранные инвестиции

Китай

Точной статистики по объемам и конкретным формам иностранных инвестиций в ТЭЗ Расон нет. Озвучиваемые разными источниками данные часто противоречат друг другу. Насколько можно судить, обобщив общий массив данных, совокупный объем вложенных в Расон средств составляет от нескольких сот миллионов до 1 млрд долл.²⁵ Однако все авторы сходятся в том, что главным инвестором является Китай²⁶. Согласно некоторым сообщениям около 70 % всех инвестиций в ТЭЗ Расон — китайские²⁷.

Данные о количестве китайских компаний, инвестировавших в Расон в той или иной форме, доходят до 800 при созданных в самой зоне 120—150 совместных предприятиях, где находятся около 6 тыс. граждан КНР²⁸.

Китайские бизнесмены инвестируют в самые разные сферы: добыча и переработка морепродуктов, жилищное строительство, сфера гостиничных услуг и общественного питания, туризм, банковская сфера, дорожная инфраструктура, текстиль, строительные материалы, электроника, торговля, логистика, телекоммуникации и пр.²⁹ Больше всего СП было создано в сфере добычи и переработки морепродуктов и легкой промышленности³⁰. Были сообщения о том, что китайцы активно берут в долгосрочную аренду крупные участки земли, а также некоторые объекты инфраструктуры, включая 1-й и 2-й причалы порта Раджин³¹.

Среди важных китайских инвестиционных проектов можно выделить строительство бетонной дороги, соединяющий Раджин с китайской границей в районе погранперехода Вончжон. Строительство было завершено в 2013 г., общие инвестиции оцениваются в несколько десятков млн долл.³² Следует также упомянуть и присутствие в Раджине китайского банка Golden Triangle³³.

Китай планировал и более масштабные инвестиции в Расон, но казнь Чан Сон Тхэка, который, как считается, был главным «куратором» сотрудничества с Пекином в руководстве КНДР, а также ракетные и ядерные испытания КНДР в конце 2012 — начале 2013 г. привели к тому, что власти КНР запретили проекты, которые предусматривают прямое участие либо гарантии государственных структур при работе с Северной Кореей³⁴. Еще больше ситуация осложнилась после ракетно-ядерных испытаний КНДР в январе—феврале 2016 г.

Россия

Россия долгое время не была заметно представлена в ТЭЗ Расон. На настоящий момент присутствие России в Расоне можно назвать заметным, но в то же время единичным. Российские инвестиции представлены совместным российско-северокорейским логистическим проектом «Хасан—Раджин», который является, возможно, самым крупным из всех зарубежных инвестиций в Расоне. Основная суть проекта заключается в создании единой железнодорожной колеи из России до 3-го причала порта Раджин и строительстве в порту транспортного терминала. Для реализации проекта было создано совместное предприятие «РасонКонТранс», учрежденное ОАО «Торговый дом РЖД» и портом Раджин (в долях 70 и 30 % соответственно). Суммарный объем инвестиций России в проект составил 10,6 млрд руб.³⁵ Объем перевезенных грузов к концу 2015 г. превысил 1,2 млн т угля. Основным заказчиком выступили Китай (73,4 %), а также Южная Корея (23,7 %) и КНДР (2,9 %)³⁶. Ожи-

далось, что к проекту в качестве соинвестора может подключиться и Южная Корея³⁷. Однако обострение ситуации вокруг Корейского полуострова привело к тому, что Сеул ввел односторонние санкции против КНДР, сделав фактически невозможным (по крайней в обозримом будущем) свое участие в проекте³⁸.

Помимо проекта «Хасан—Раджин» российские вложения в зоне также представлены рестораном русской еды «Новый мир».

Другие страны

Данные об инвестициях других стран (помимо Китая и России) еще более отрывочны. Часто среди капитала третьих стран в Расоне называют японские компании — в первую очередь от этнических корейцев Японии, которые вложились в транспортные услуги, переработку морепродуктов, торговлю и пр.³⁹

Если брать Гонконг отдельно от Китая, то его экономика преуспевает в одного из ведущих инвесторов в Расон, охватывая сферу услуг (гостиницы и рестораны) и логистику. Самый заметный проект — пятизвездочный гостиничный комплекс Empregor Hotel с казино⁴⁰. В создание комплекса вложено около 180 млн долл.⁴¹

В сфере телекоммуникаций действует тайская компания Loxley Pacific⁴². Среди других представленных стран — США, Канада, государства ЕС, Сингапур (морепродукты)⁴³, Австралия (сельское хозяйство), Тайвань (переработка табака) и др.⁴⁴

III. Перспективы развития ТЭЗ Расон

1. Достоинства и проблемы зоны

В настоящий момент торгово-экономическая зона Расон находится в непростой ситуации, которая сложна не только в краткосрочной перспективе, но и с долгосрочной точки зрения. Расон имеет как объективные преимущества, так и факторы, которые сдерживают его развитие.

К положительным факторам можно отнести выгодное географическое положение, наличие вокруг государств, делающих ставку на приоритетное развитие прилегающих к Расону регионов, важный транспортный узел, соединяющий железнодорожные, автомобильные пути и сразу несколько незамерзающих портов, заинтересованность северо-восточных провинций Китая в получении выхода к морю, наличие работоспособного населения в регионе, присутствие в зоне и прилегающих

районах природных ресурсов, разнообразную промышленную базу, живописную природу (что важно для туризма). Учитывая, что Расон в своем особом статусе существует уже четверть века, успело родиться и вырасти целое поколение, чей менталитет адаптирован к новым условиям. Сам же режим, а также административно-правовая система Расона хотя и не идеальны, но являются самыми открытыми из того, что есть в Северной Корее. На работу в ТЭЗ Расон направляются лучшие кадры из Пхеньяна⁴⁵.

В то же время много и негативных моментов. Зона существенным образом страдает от влияния неблагоприятных политических факторов и режима международных санкций, которые введены против КНДР и сдерживают приток иностранного капитала.

Часто мешают бизнесу многочисленные запреты, ограничения со стороны властей КНДР. Если на фоне остальных регионов Северной Кореи Расон является самой свободной зоной, то это нивелируется при сравнении с аналогичными образованиями соседних стран.

Вызывает вопросы и состояние инфраструктуры, многие объекты которой требуют капитальной модернизации. В качестве наиболее серьезных проблем можно выделить дефицит электроэнергии, что не позволяет развиваться производству, плохое состояние дорожной и портовой инфраструктуры.

Существуют и иные сложности. Расон расположен вдали от основных населенных центров Северной Кореи. В настоящий момент экономика окружающих зону стран (Китай, Россия, Южная Корея), да и мировая экономика в целом переживают не самый лучший период, что неизбежно сказывается на притоке инвестиций.

2. Перспективные направления дальнейшего развития

С учетом целого комплекса факторов и проблем, стоящих на пути развития Расона, возникает необходимость выделить основные наиболее реалистичные направления деятельности.

Во-первых, перспективной видится сфера логистики с формированием крупного узла, включающего в себя морские порты, железные и автомобильные дороги, а также складские мощности. Это позволило бы задействовать сразу два преимущества Расона: наличие выхода к морю и расположение на стыке трех государств, одно из которых (Китай) крайне заинтересовано в получении доступа к портам. Реализация данного направления выглядит как комплексная задача по модернизации имеющейся и созданию новой портовой, шоссейной и железнодорожной

инфраструктуры, включая грузовые и пассажирские терминалы, а также в перспективе и строительство аэропорта.

Во-вторых, Расону придется решать проблему с обеспечением зоны электроэнергией, так как иначе невозможна реализация современных проектов. В связи с этим необходима либо модернизация имеющихся в Расоне мощностей (Сонбонская ТЭС), либо создание новых электростанций, либо импорт электроэнергии из соседних стран, в отношении чего уже есть определенные планы⁴⁶.

В-третьих, учитывая определенное конкурентное преимущество в отношении стоимости рабочей силы, может быть целесообразным создание технопарков на территории Расона с различной специализацией, которая уже была опробована в зоне: легкая и пищевая промышленность, производство строительных материалов и др.

В-четвертых, дальнейшее развитие сферы оптовой и розничной торговли с созданием в Расоне крупного складского узла, рассчитанного на обеспечение товарами значительной части КНДР. Расон де-факто уже выполняют эту роль, но требуется расширение и модернизация имеющихся объектов (рынки, склады, грузовые терминалы и пр.)⁴⁷.

В-пятых, приток капитала, рост численности населения ставят вопрос о развитии жилищного строительства (жилые дома, гостиницы, офисные помещения), заведений общественного питания, магазинов и сферы услуг.

В-шестых, следует оценить с объективной точки зрения туристический потенциал Расона. Данная территория имеет определенные преимущества в глазах иностранцев как в плане изучения «северокорейской экзотики», так и осмотра природных достопримечательностей. Упрощенный режим посещения ТЭЗ, который уже действует, делает ее привлекательной для туристов (в первую очередь из Китая).

Заключение

Расон является самой первой СЭЗ КНДР и остается самой успешной с точки зрения привлечения иностранного капитала. По свидетельству самих северокорейцев, а также китайцев, Расон в народе воспринимается как очень развитый район КНДР с наиболее высокими показателями уровня жизни⁴⁸.

С другой стороны, объективной реальностью является и тот факт, что первоначальные ожидания КНДР о превращении зоны в «Гонконг Северо-Восточной Азии» пока не оправдались, а масштаб реально полученных инвестиций существенно меньше планировавшихся.

Тем не менее определенное будущее у этого проекта, как видится, есть, что признается и зарубежными исследователями⁴⁹. Перспективность заключается не только в шансе получить финансовые дивиденды, создав еще один региональный центр развития, но и в возможности оказания влияния на будущий путь развития КНДР. В случае успешного функционирования Расон мог бы стать примером для остальной части Северной Кореи, создав модель стабильного долгосрочного роста. При всех подчас неожиданных и провокационных шагах у руководства КНДР есть понимание необходимости изменений. Ким Чен Ын продемонстрировал готовность к экспериментам, где одна из ведущих ролей отведена практике СЭЗ, в том числе и с точки зрения «обкатки» на уровне отдельных территорий возможных моделей дальнейшего развития экономики государства в целом. В связи с этим роль Расона крайне важна, а, несмотря на различные трудности, предпосылки и условия для динамичного развития у этой зоны имеются, хотя, как видно, путь этот не будет простым.

Примечания

¹ *Cotton, James*. The Rajin-Songbong Free Trade Zone Experiment: North Korea in Pursuit of New International Linkages. Working Paper 1996/9. Canberra: Department of International Relations, Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1996. P. 2.

² *Kim, Mun-Song*. 'The Rajin-Songbong Free Economic and Trade Zone, and the Policy of the Government of the Democratic People's Republic of Korea', *Regional Economic Cooperation in Northeast Asia, Proceedings of the Sixth Meeting of the Northeast Asia Economic Forum, January 18—19, 1996, Honolulu, Hawaii* (Honolulu: Northeast Asia Economic Forum/Hawaii Asia-Pacific Institute, 1996). P. 71—75.

³ *Ko, Sung-Ho, Kwon, Young-Kyong, Kim, Dong-Soo*, etc. Understanding North Korea. Seoul: Institute for Unification Education, Ministry for National Unification, 2014. P. 268—269.

⁴ *Abrahamian, Andray*. The ABC of North Korean SEZs. Washington: US-Korea Institute at SAIS, 2014. P. 10—13.

⁵ *Cotton, James*. The Rajin-Songbong... P. 2.

⁶ Yonhap News Agency. North Korea Handbook. Seoul: Yonhap News, 2003. P. 353—354.

⁷ Ibid. С. 354.

⁸ *Ли Ён Хун*. Насонкёнчжетхыкку кэбары кельчонён мит чонман (Основные факторы, определяющие развитие особой экономической зоны Расон и перспективы) / Доклад, представленный на очередной конференции из серии «Семинары форума по политике JPI», прошедшей в Сеуле 10 апреля 2015 г. С. 3.

⁹ *Ko, Sung-Ho, Kwon, Young-Kyong, Kim, Dong-Soo*, etc. Understanding North ... С. 270—272.

¹⁰ Ibid. P. 271; *Abrahamian, Andray*. A Convergence of Interests: Prospects for Rason Special Economic Zone // Korea Economic Institute. Academic Paper Series. February 24, 2012. P. 3—4.

¹¹ Помимо Расона к числу зон «государственного уровня» в КНДР отнесены также Хвангымпхен-Вихвадо, Вонсан-Кымгасан, Кэсон, Синийджу и ряд других. Кроме того, существуют 16 «особых экономических зон провинциального уровня. — *Им Ыль Чхуль*. Кимчжонын сидэы кенчжетхыкку чончхэк: сильтхэ, пхёнка мит чонман (Политика в сфере особых экономических зон при Ким Чен Ыне: текущая ситуация, оценка и перспективы) / Сборник статей конференции «Юрасиасидэы тонбукакенджева ханбандо» (Северо-Восточная Азия и Корейский полуостров евразийской эпохи), проведенной 22 мая 2015 г. в Сеуле Humanities Korea Research Center. С. 16.

¹² *Abrahamian, Andray*. The ABC... P. 9.

¹³ Yonhap News Agency. North Korea... P. 354.

¹⁴ *Cotton, James*. The Rajin-Songbong... P. 1.

¹⁵ *Им Ыль Чхуль*. Кимчжонын сидэы кенчжетхыкку чончхэк: сильтхэ, пхёнка мит чонман (Политика в сфере особых экономических зон при Ким Чен Ыне: текущая ситуация, оценка и перспективы) / Сборник статей конференции «Юрасиасидэы тонбукакенджева ханбандо» (Северо-Восточная Азия и Корейский полуостров евразийской эпохи), проведенной 22 мая 2015 г. в Сеуле Humanities Korea Research Center. С. 21.

¹⁶ *Abrahamian, Andray*. The ABC... P. 12.

¹⁷ *Им Ыль Чхуль*. Кимчжонын сидэы... С. 20.

¹⁸ *Abrahamian, Andray*. The ABC... P. 23.

¹⁹ Ibid. P. 24—25.

²⁰ Ibid. P. 18—19.

²¹ *Abrahamian, Andray*. Report on Rason Special Economic Zone, Democratic People's Republic of Korea. CE 2011—001 // Choson Exchange. September 2011. P. 2.

²² Пукхан 'Насонхыкку чонхапкэбалькехвек' хвакчон... «Хонгхонгсик модель чихян» (Северная Корея утвердила 'Комплексный план развития экономической зоны Расон'.... « Движение в сторону модели Гонконга» // Информагентство Ёнхап. 18.11.2015.

²³ *Им Бль Чхуль*. Кимчжонин сидэы... С. 23.

²⁴ *Abrahamian, Andray*. Report on... P. 4.

²⁵ Так, например, один из корейских авторов называет цифру в 370 млн. евро при 68 китайских компаниях инвесторов. — *Ли Ён Хун*. Насонкёнчжетхыкку кэбары кёльчонёин мит чонман (Основные факторы, определяющие развитие особой экономической зоны Расон и перспективы) / Доклад, представленный на очередной конференции из серии «Семинары форума по политике JPI», прошедший в Сеуле 10 апреля 2015 г. С. 3.

²⁶ *Ko, Sung-Ho, Kwon, Young-Kyong, Kim, Dong-Soo*, etc. Understanding North ... С. 269.

²⁷ *Lim, Soo-Ho*. 'China-North Korea relations and Rajin-Sonbong Special Economic Zone'. SERI Quarterly, Vol. 3, No. 3, July 2010. P. 123—129.

²⁸ *Ли Ён Хун*. Насонкёнчжетхыкку кэбары... С. 3.

²⁹ *Им Бль Чхуль*. Кимчжонин сидэы... С. 25.

³⁰ *Ли Ён Хун*. Насонкёнчжетхыкку кэбары... С. 3.

³¹ *Abrahamian, Andray*. A Convergence of... P. 4.

³² *Abrahamian, Andray*. The ABC... P. 24.

³³ *Abrahamian, Andray*. Report on... P. 3—4.

³⁴ *Abrahamian, Andray*. The ABC... P. 24—25; *Им Бль Чхуль*. Кимчжонин сидэы ... С. 25.

³⁵ По разным подсчетам совокупные инвестиции российской стороны составили от 270 до 350 млн долл.

³⁶ Данные получены автором от Департамента международного сотрудничества ОАО «РЖД» в конце 2015 г.

³⁷ *Кирьянов О.В.* Российско-северокорейский проект «Хасан — Раджин»: начало объединения Юга и Севера Кореи? // *Азия и Африка сегодня.* 2015. № 6. С. 65—68.

³⁸ ROK Ministry of Unification. 2016. «Announcement of Unilateral Sanction Measures against North Korea by the ROK Government.» *Ministry of Unification*, March 8. URL: www.eng.unikorea.go.kr

³⁹ *Jo, Jin Cheol.* Rajin-Seonbong, New Gateway of Northeast Asia // *Annals of Regional Science.* 41 (4). 2007. P. 942—943; Frank, Rudiger. Rason Special Economic Zone: North Korea as It Could Be. URL: www.38North.org. 16.12.2014

⁴⁰ Yonhap News Agency, North Korea... P. 353—354.

⁴¹ North Korea Opening (Gasp!) a Casino // *The New York Times.* 31.07.1999. URL: <http://www.nytimes.com/1999/07/31/world/north-korea-opening-gasp-a-casino.html>.

⁴² *Abrahamian, Andray.* Report on... P. 4.

⁴³ Korea North: Mining Laws and Regulations Handbook. Volume 1. USA. Washington DC: International Business Publications, 2007. P. 252.

⁴⁴ *Jo, Jin Cheol.* Rajin-Seonbong... P. 943.

⁴⁵ *Abrahamian, Andray.* A Convergence of... P. 3—5.

⁴⁶ *Abrahamian, Andray.* Report on... P. 3.

⁴⁷ Получено в ходе личных интервью автора с работающими в Расоне иностранцами.

⁴⁸ Подобные заявления в ходе личных поездок автора в приграничные с КНДР районы Китая неоднократно делали как долгое время сотрудничающие с КНДР китайские бизнесмены, которые посещали разные регионы Северной Кореи, так и сами северокорейцы. Кроме того, согласно опросу, проведенному исследователями Сеульского государственного университета среди 200 перебежчиков из КНДР, покинувших Север и приехавших на Юг в 2012—2013 гг., большинство из них хотели бы жить именно в Расоне, если бы имели шанс вернуться в КНДР. — N. Korea's Rajin-Sonbong Vibrant with Capitalist Activity // *Asian Media Group.* 14.11. 2013. URL: <http://goldsea.com/Text/index.php?id=14803>.

⁴⁹ *Abrahamian, Andray.* Perusing North Korea's Economic Development Zones / The paper presented at the international conference »Doing Business in North Korea: Opportunities and Challenges« held on January 28th, 2015 in Seoul by The Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University. P. 40.

Глава 7

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

А.А. Гурьева

ТРАДИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕКУЩИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННЫХ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Традиционное для корейской культуры восприятие роли текста в установлении/поддержании социальной гармонии многогранно проявляется в общественной жизни Республики Корея. Данная работа ставит целью на материале современных текстов, связанных с текущими проблемами в корейском обществе (социальными, гендерными, политическими, экологическими), рассмотреть основные идеи, которые восходят к традиционным моделям, выделить эти модели, дать обзор их значения в текстах различной тематики (литературные тексты, тексты плакатов, объявлений, учебные и прочие тексты) и тем самым определить специфику подхода к решению текущих проблем, выявляя новые тенденции.

I. Модель единства нации, восходящая к древним представлениям о социуме как едином целом

Идея единства нации рассматривается в научной литературе в различных контекстах, но при этом остается не вполне изученной. М.И. Никитина выявляет древние корни этой идеи, связанной с мировоззренческой системой, определяя ее как систему облика¹. Проводимые сегодня исследования касаются развития этой идеи в литературе эпохи Чосон (1392—1897): литературовед Соня Хойслер рассматривает опыты поддержания единства через поэтическое слово в творчестве Ким Сисы-

па (1435—1493)². В современных текстах, затрагивающих текущие события, эта идея нередко акцентируется.

Примечательно, что данное восприятие формируется в сознании народа с юных лет. Характерным примером может служить учебник для старших классов по предмету «Традиционная этика», в котором производится сравнение ценностного мира восточной (= корейской) и западной культур. Объясняя разницу между присущим корейскому обществу коллективизмом и индивидуализмом Запада, составители учебника поднимают проблему смещения ценностей в западном обществе. В тексте активно проводится мысль о необходимости сохранения традиционных ценностей, подразумевающих отсутствие разобщенности между членами общества и приоритет коллективизма. Идея единства общества представлена как залог благоденствия страны, особенно в условиях активного заимствования чужеродных элементов («Поскольку западная культура уже стала частью нашей культуры, хотя бы ради того, чтобы понять самих себя, нам надо понять Запад»³). Поддача информации о чужой культуре с образовательной целью с упором на необходимость знать и сохранять основы культуры собственной напоминает особенности просветительского движения в Корее в начале XX века, предлагавшего «учась у других, совершенствовать свое». Воплощением идеи о приоритете корейской культуры в условиях глобализации можно назвать фразу из учебника «Мораль» для начальных классов: 한국적인 것이 가장 세계적인 것이다⁴.

Направленность на коллективное сознание прослеживается в риторике корейской социальной рекламы, которая преимущественно оформлена пригласительной формой конечной сказуемости, т. е. с грамматической точки зрения представляет собой приглашение к совместно выполняемому действию (자리를 양보합시다 — «давайте уступать место», 뛰지 맙시다 — «давайте не бежать (по лестнице в метро)», 다시 뛰자 — «давай сделаем еще рывок» (во время финансового кризиса 1997—98 г.). Призыв к единению прослеживается и в случаях, когда не употреблена пригласительная сказуемость: 경제가 흔들려도 가정이 뒤흔친다 — даже когда шатается экономика, семья сплачивается.

Примером употребления данной модели является также стихотворение «Токто» (독도) Ли Ёндока, в котором идея сплоченности нации является основным мотивом⁵. Параллелизм строк «Обращенный к небу корейский народ» и «Обращенная к стране душа» служит развитию мысли: «корейский народ — единая душа». Выражение является пере-

фразированной строкой из *сичжо* поэта XV в. Чон Мончжу (1338—1392) («разве может изменить обращенное к государю сердце»), которое стало символом преданности и нерушимости связи между государем и подданным, старшим и младшим. Далее в тексте любовь к части своей территории соотносится с сердцем (букв. «душа» *маым*) и остовом (букв. «внутренность костей» *пнёсок*) как составными частями человека:

«Это любовь, хранящаяся в сердцах,

Выточенная в костях сорока восьми миллионов».

В традиционной поэзии сочетание души и остова человека, как правило, встречается в текстах, посвященных теме подвига младшего во имя спасения старшего и во благо родной страны⁶. В приведенных фрагментах раскрывается связь с древними представлениями о государстве как едином целом (по суги, едином теле).

Глобализационные процессы затрагивают и деловую сферу, проявляясь в соответствующих текстах. Как отмечает М.С. Мальцева, крупные корейские компании стремятся к обретению авторитета «глобальной компании», «используют международные корпоративные стандарты и принципы управления»⁷, но между тем в основе способов управления, принятия решений часто лежат особенности традиционного корейского менталитета⁸. Специалист по коммуникативной культуре в сфере бизнеса Чо Сехён предлагает изменить базовые формулировки, принятые в сфере обслуживания клиентов. Например, говоря о «кассе», словосочетание «место продажи билетов» (표 파는 곳), сформулированное с позиций обслуживающей стороны, заменить, тем самым встав на место клиента, на словосочетание «место приобретения билетов» (표 사는 곳) или же «место остановки автобуса» (버스 서는 곳) — на «место посадки на автобус» (버스 타는 곳)⁹. Такие меры — «краткий путь к комфортной коммуникации»¹⁰. Между тем они содержат элемент индивидуализации: прежний формат предлагал позицию «Мы делаем это для Вас», новый — соответствует позиции «Вы делаете это сами».

Определенные изменения наблюдаются и в литературных текстах. Одна из актуальных в современной прозе тем — тема распада семьи. Ли Сан Юн отмечает, что последние десятилетия в ряде произведений показаны семьи в состоянии кризиса, когда отношения между членами семьи искажены или утрачены, а отдельные члены семьи могут находиться в состоянии морального падения. Однако в соответствии с традиционными идеалами фабула таких произведений предполагает постепенное преодоление разобщенности, намечая тенденцию к восста-

новлению нарушенных связей. Например, прежде воплощавшая идеальные черты мать может изображаться в ситуации тайной любви или даже измены мужу, однако часто именно она, т. е. старший, служит единению семьи¹¹.

Примечательным образом развивается наметившаяся в современной прозе тенденция к индивидуализации главного героя. Так, последние два десятилетия в корейских рассказах появился новый тип центрального персонажа. И.В. Цой отмечает, что в прозе начала XXI в. «все больше сюжетов посвящается героям — выходцам из маргинальных слоев, либо представителям субкультур»¹². Характерно, какой выход современная проза предлагает герою, который утратил свое место в обществе или испытывает трудности в поисках своего пути в жизни: в произведениях такого типа обретение героем самого себя может происходить через возможность самореализации, которая сопряжена с включением в социум. Это осуществляется путем выбора определенного рода деятельности, в котором сочетается индивидуальное и коллективное: герой находит работу, часто необычную работу (чтец книг одиноким людям, владелец магазина звуков), соответствующую особенностям его внутреннего мира, и при этом постепенно завоевывает уважение других людей. Таким образом, восстановление внутренней гармонии возможно благодаря восстановлению утраченного единства с окружающими.

В указанных случаях идея сплочения часто оказывается сопряженной с идеей преодоления трудностей, в текстах проводится мысль о том, что вместе их преодолевать легче. Именно трудности служат поводом для сплочения разобщенных членов семьи. Однако идея носит амбивалентный характер: разобщенность является первопричиной многих социальных проблем.

II. *Идея преодоления трудностей, которая восходит к модели взаимоотношений между противоположностями*

Как известно, мотив трудностей и их преодоления является одним из центральных в корейской литературе, особенно литературе новой и современной. Кроме того, это часть разговорного дискурса: слова *스트레스* («стресс»), *고생* («страдания»), *힘들다* («тяжко») часто используются корейцами, причем порой безосновательно (например: «Пришлось простоять в пробке целый час» — «Как Вы, должно быть, настрадались»). Обычно эта особенность связывается с концепцией *хан* — одним из центральных компонентов корейского национального

характера. Кроме того, человек, который прошел через трудности, вызывает симпатию и кажется более близким и понятным.

Идея преодоления является важным элементом в политическом дискурсе. Е.В. Ли выявляет такую особенность в речах южнокорейских политиков, как ориентация на эмпатию¹³. Знаменитая книга бывшего президента Республики Корея Ли Мёнбака «Чудес не бывает» (신화는 없다) строится на идее трудного пути автора к должности руководителя страны. Подтверждение важности этой идеи можно обнаружить и в книге «Выдвигаться на должность президента» (대통령 출마하기) из учебной серии для школьников. В ней акцентируется необходимость включения элементов, связанных с преодолением трудностей, в предвыборные речи участника президентской гонки¹⁴.

В то время как во многих текстах выявляется мотив важности преодоления трудностей, одним из способов их преодоления, который предлагается в корейской культуре, является сам текст. Традиционные, восходящие к глубокой древности представления о тексте, в первую очередь тексте поэтическом, как инструменте положительного воздействия на мир, оказывают определенное влияние на современные тексты, причем не только на литературные.

Кроме того, это восприятие проявляется в организации различных кампаний, основанных на распространении текстов или книг. В качестве примера можно отметить проводимые книжными магазинами программы, в рамках которых предлагается ознакомиться с той или иной литературой, способствующей решению социальных проблем и помогающей в преодолении жизненных сложностей. Например, именно задача помощи нации в преодолении сложностей и развитии в счастлирое и здоровое общество, вслед за которым таким станет и весь мир, ставится кампанией книжного магазина «Кёбо мунго» в Сеуле¹⁵. Такая же функция возлагается в ряде других задач на рассказы историй из жизни, которые читатели присылают в популярные журналы. Характерный пример — сборник таких жизненных историй, собранный из журналов за много лет известными корейскими литераторами и изданный под названием «Маленькие истории» (작은 이야기)¹⁶. В предисловии к сборнику говорится о том, что чтение таких историй должно помочь стране, а затем и планете превратиться в цветущее пространство благоденствия.

Важно отметить, что многие тексты таких историй, которыми читатели делятся друг с другом посредством журналов, повествуют о

неких трудных ситуациях, с которыми столкнулись их авторы. В тех случаях, когда история счастливая изначально, в ней, как правило, содержится некий подтекст, указывающий на то, что ее автор желает дать надежду другим читателям или сделать мир вокруг лучше¹⁷.

Можно предположить, что по мере развития интернет-сообщества такие истории, присылаемые в журналы, постепенно вытесняются текстами в блогах. Размещая информацию, корейские блогеры тяготеют к тому, чтобы она приносила эстетическое наслаждение читателям: авторы делятся впечатлениями от прочитанных стихов, от увиденных произведений искусства. Возможно, так выражается посыл сделать мир лучше. О правильности данного предположения свидетельствует следующий случай: путешествующая по Европе корейская пара рассказывает случайным попутчикам корейцам о своем увлечении путешествиями и при этом сетует на нехватку возможности передать полноту впечатления другим людям.

К текстам, в которых поднимается тема улучшения социума и мира при помощи искусства, в частности искусства слова, относится цикл «Петербургских стихов» Чон Хёнчжона (род. 1939) (페테르부르크 시편, 1999). Прямая связь между тяготами и успехом проведена лексически в вошедшем в цикл стихотворении «Та легкость!», посвященном впечатлению от просмотра балета. Всё стихотворение строится на контрасте легкости и тяжести, боли и полета. Приобретенная через тяжелый труд легкость танца способствует преодолению жизненных тягот, при этом чтобы взмыть в воздух, оторвавшись от «тяжести бытия», лирический герой аплодирует до боли в ладонях:

*Той легкости, что зажигает зрителей,
Что на одном дыхании обращает
Всю тяжесть бытия этого города, нашей
Поступи, той легкости я
Аплодировал до боли в ладонях,
Пока не взмыл туда,
Пока не взмыл я в воздух.*

«Специфика соотношения легкости и тяжести в данном тексте объясняется дальневосточной концепцией гармонического взаимодействия двух противоположностей»¹⁸. По сути, к данной модели восходит сама идея преодоления, которая в корейских текстах неразрывно связана с представлениями о преодолении трудностей как пути достижения успеха.

III. Модель соотношения открытого/замкнутого пространства с мужским/женским началом

Одной из важных оппозиций во взаимоотношениях двух начал *инь* и *ян* является оппозиция между открытым пространством (*ян*) и замкнутым пространством (*инь*). В традиционной литературе эта модель часто фигурирует в любовной поэзии, посвященной тоске покинутой возлюбленной женщины (ср. распространенное устойчивое выражение *токсук конбан* 獨宿空房: пустая комната, в которой я сплю в одиночестве). В современных текстах смещение традиционных ассоциаций служит раскрытию тем, сопряженных не только с гендерными отношениями, но и с экологическими или политическими проблемами.

Характерным примером могут служить два произведения современной прозы: рассказ Ким Сынока (род. 1941) «Поездка в Мучжин» (무진 기행, 1964) и рассказ Хван Сунвона (1915—2000) «Тракторка чисел» (숫자 풀이, 1974), в которых главный мужской персонаж проводит долгое время в замкнутом пространстве, избегая участия в важных для страны политических событиях. Так, в первом рассказе мать героя скрывает его в маленькой комнате от призыва в армию во время военных действий. Герой второго рассказа не принимает участия в демонстрациях 1960 г., и это решение накладывает трагический отпечаток на его жизнь: он замыкается дома в размышлениях о своем поступке, постепенно утрачивая способность к нормальному общению¹⁹. В соотношении героев и замкнутого пространства, традиционно связанного с женским началом, можно усмотреть намек на слабость героя, недостаток в нем мужественности. В связи с этим особого внимания заслуживает такая особенность развития сюжета в обоих рассказах, как неуспех в личных взаимоотношениях. В первом случае герой ведет себя неадекватно с понравившейся женщиной, вызывая ее отвращение; во втором — малодушно отказывается от зарождающейся любви ради брака по расчету²⁰. Замкнутое пространство в этих рассказах можно назвать осовремененным воплощением модели «пустой комнаты, в которой я сплю в одиночестве», и в этом случае оно символизирует мужчину, утратившего прищипанные мужчине качества.

Другой пример, в котором мотив замкнутого пространства задействован автором произведения о современном состоянии человечества, — рассказ Пхён Хеён (род. 1972) «Аои гарден» (아오이 가든). Пространство в рассказе ограничено одним городом, охваченном эпидемией, в результате которой жители не могут покинуть его. Население

города составляют только женщины, которые, лишаясь возможности встречи с противоположным полом, не могут родить ребенка. Сам же город перенасыщен хтоническими существами, связанными с *инь*, а распространение болезни связывается с женщиной в красном шарфе. Анализируя рассказ, А.В. Погадаева предполагает, что в этих образах можно усмотреть идею нарушения баланса между *инь* и *ян*²¹. Так, город перенасыщен *инь*, причем можно предположить, что *инь* претендует на место *ян* (красный цвет шарфа — цвет, традиционно соотносимый с началом *ян*), а в условиях нарушения баланса невозможна новая жизнь. Пхён Хеён изображает мир в извращенном, страшном состоянии, пытается обратить внимание читателей на современные проблемы²². Для раскрытия этой темы автор обращается к идее баланса и гармонии как источника и главного условия жизни.

IV. Идея о гармонии, которая восходит к модели баланса между *инь* и *ян*

Рассмотренные выше примеры так или иначе сопряжены с идеей гармонии и необходимости ее поддержания. Также гармония в некоторых современных текстах становится центральным мотивом и при этом служит раскрытию их основной темы. В текстах широкого диапазона нарушение гармонии изображается как основная причина проблем, с которыми сталкивается общество.

На уровне семьи и отношений между поколениями нарушение гармонии влечет за собой серьезные последствия. В учебнике «Традиционная этика» разъясняется, что вызванный дисгармонией распад семьи приводит к девиантному поведению детей, выпадению из социума представителей среднего поколения и одиночеству поколения старшего²³. Отметим, что связь между гармоничными отношениями в рамках одной семьи и благополучием страны в целом составляла важный элемент традиционных воззрений на общество. Она также может объясняться с позиций модели общества как единого тела, которая была рассмотрена выше: когда не в порядке один орган или часть тела, страдает все тело. Примером может служить описанная в сочинении Ирёна (1206—1289) «Дела, опущенные в “Записях о событиях трех государств”» (삼국유사) история о том, как за совершенное одним человеком нарушение целостности коллектива учителя и его учеников (также мыслившегося как единое тело) государь наказал весь род этого человека, включая последующие поколения²⁴. Другой пример — роман Ким Манчжуна (1637—1692) «Скитания госпожи Са по югу» (사씨남정기):

конфликт в семье чиновника негативно повлиял на ситуацию при дворе, и исправлением ситуации — т. е. в первую очередь восстановлением семьи — занимался сам государь²⁵.

Нарушение гармонии во взаимоотношениях между людьми также сопряжено с благосостоянием общества, поскольку правильные отношения составляют его основу. Сформулированные в конфуцианстве «пять отношений» *орюн* и «три устоя» *самган* красной нитью проходят через множество произведений традиционной литературы и угадываются в литературе современной. Сборники притч о поведении, воплощающих эти конфуцианские принципы (*이륜행실도* и *삼강행실도*) стали одними из первых книг, изданных на корейском языке при помощи письменности *хангыль*²⁶. В современной Корее приоритет правил взаимоотношений остается неизменным. Правилам поведения и построения отношений отводится существенная часть учебного процесса в школах, правильные взаимоотношения служат девизом учебных заведений («Школа, в которой ученики уважают учителей, а учителя любят учеников» *학생들이 선생님을 존경하는 학교, 선생님들이 학생을 사랑하는 학교*). Развитию темы гармонии/нарушения гармонии человеческих взаимоотношений в литературе можно посвятить отдельную научную работу.

Нарушение гармонии является причиной кризиса в обществе, влечет за собой политические конфликты и вызывает экологические катастрофы. Отсутствие баланса между началами, на которых строится мир, рушит основы мира. Не случайно тексты, направленные на укрепление отношений между мужчиной и женщиной (воплощение начал *ян* и *инь*), традиционно входили в государственный ритуал и исполнялись при дворе²⁷.

* * *

Представленный выше обзор позволяет сделать вывод о том, что в основе наиболее важных моделей, которые можно выделить в репрезентации современных проблем, лежат традиционные представления о гармоническом взаимоотношении между противоположностями как базовом принципе организации социума и существования мира. В современных текстах затрагивается проблема как индивидуальной гармонии человека с самим собой, так и всеобщей гармонии, причем, первое является частью второго. Нарушение баланса и гармонии представляет собой одну из ключевых причин возникновения социальных и прочих со-

временных проблем. Обретение же гармонии часто достигается через преодоление трудностей, при этом именно гармония понимается как путь преодоления проблем и достижения благосостояния общества. Таким образом, гармония представляет собой цель и средство одновременно. Важную роль в укреплении гармонии играет текст, что связано с традиционным пониманием текста как инструмента положительного воздействия на мир.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982.

² *Haessler Sonja.* The Perception of Korean History in the Poetry of Kim Sisup (1435—1493) // Ёльсан кочжон ёнгу. Вып. 29. 2009.

³ Чонтхон юлли. Кодын хаккё. Сеул. Министерство образования и человеческих ресурсов. 2006. (Традиционная этика. Учебник для старших классов). С. 58.

⁴ Тодок. 4—2. Сеул. 2004. (Мораль. Учебник для 4 класса. 2 часть). С. 81.

⁵ Подробнее разбор стихотворения см.: *Гурьева А.А.* Ёнпхёндо, Фукусима, Токто: южнокорейские поэты о некоторых текущих событиях // Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на конференции корееведов России и стран СНГ. ИДВ 2012. С. 297—305.

⁶ Подробнее см.: *Никитина М.И.* Указ. соч.

⁷ *Мальцева М.С.* Южнокорейские компании в глобальном мире // Международный научный корееведческий семинар, приуроченный к 20-летию Центра Корейского языка и культуры. СПбГУ. С.16—17.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ *Чо Сехён.* Хвеса-есо тхонханын кхомюникхейсён. Сеул: Вичжыдомхаусы. 2010. (Чо Сехён. Коммуникация внутри компании. Сеул. 2010). С. 60.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ли Сан Юн.* Образ матери в корейской литературе: традиции и современность. Международный научный корееведческий семинар, приуроченный к 20-летию Центра Корейского языка и культуры. СПбГУ. С.23—24.

¹² Цой И.В. Образ корейской молодежи в литературе 1970-х и 2000-х годов (на примере творчества писателей Чхве Инхо (1945—2013) и Пак Мингю (р. 1969)) // Международный научный корееведческий семинар, приуроченный к 20-летию Центра Корейского языка и культуры. СПбГУ. С. 24—25.

¹³ Ли Е.В. Этнокультурные основания ARGUMENTUM AD MISERICORDIAM в политическом дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 4(12). 2010.

¹⁴ Тэтхоннён чхульмахаги. Аильби сиричжы. Сеул: Исследовательский центр по проблемам образования «Аин». 2006. (Выдвигаться на должность президента. Серия III ве. Сеул: Институт образования, 2006).

¹⁵ Подробнее об этой кампании и ее анализ см.: Гурьева А.А. Письменное слово в современной корейской культуре (кампания «Книги, дающие силу душе») // Корейский полуостров и вызовы глобализации. Доклады, представленные на X научной конференции корееведов России и стран СНГ. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2006.

¹⁶ Чагын няги. Сост. Лю Сихва. Чон Чхэбон. Сеул: Сэмтхо, 2000. (Маленькие истории. Сост. Лю Сихва, Чон Чхэбон.).

¹⁷ Феномен «Маленьких историй» рассматривается в выпускной квалификационной работе Д.В. Ободовой на получение степени бакалавра, защищенной на Восточном факультете СПбГУ в 2010 г.

¹⁸ Гурьева А.А. Петербург глазами корейского поэта (о цикле «Петербургских стихов» Чон Хёнчжона (1939-) // «Вестник Центра корейского языка и культуры». Выпуск 7. СПб. 2004. С. 29—38.

¹⁹ Анализ рассказа см.: Углова А.В. Некоторые особенности творчества Хван Сунвона (1915—2000) на примере рассказа «Траговка чисел» (1974) // Вестник Центра корейского языка и культуры. № 16. СПб., 2014. С. 142—151.

²⁰ Анализ рассказа см.: Троцевич А.Ф. Несколько слов о западном влиянии в современной корейской прозе (Ким Сынок. Поездка в Мужжин. Путевые записи. 1964) // Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию корееведения в СПбГУ. 14—16 октября 1997. СПб.: СПбГУ, 1997.

²¹ Анализ творчества Пхён Хеён и, в частности рассказа «Аои гарден» см.: Погадаева А.В. Проблемы современного общества в творчестве корейской писательницы Пхён Хеён // Корея: уроки истории и вызовы современности. М.: ИДВ, 2013.

²² Там же.

²³ Чонхон юлли. Кодын хаккё. Сеул. Министерство образования и человеческих ресурсов. 2006. (Традиционная этика. Учебник для старших классов). С. 58—59.

²⁴ *Никитина М.И.* Указ. соч.

²⁵ Подробнее см.: *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в). СПб.: издательство СПбГУ, 2004.

²⁶ Там же.

²⁷ *Никитина М.И.* Указ.соч.

Е.А. Похолкова

ЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В ЮЖНОКОРЕЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Традиционно под термином «политическая корректность» (РС — political correctness — соответствующий установленным правилам), который зародился в США в 1980-е годы в университетской среде не как политическая платформа или общественное движение¹, понимается практика прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых социальных групп.

Термин был усвоен (калькирован) русским и корейским языками (*정치적 올바름*², *чончхичжок ольбарым*) в последнее десятилетие XX века. Заимствование термина, как показывают статистические данные и языковые отчеты, опубликованные при поддержке южнокорейского Национального института корейского языка (*국립국어원, куннип-куговон*)³, говорят о том, что в южнокорейской языковой и неязыковой действительности есть стремление к соблюдению мировых норм политической корректности, однако язык, словообразовательной основой которого до сих пор являются иероглифические компоненты, обладает рядом ограничений для формирования политкорректной лексики. Более того, в Республике Корея язык политкорректности очень тесно связан с политикой очищения языка от иностранных вкраплений, особенно вошедших в язык в эпоху японского колониализма.

Непосредственный интерес представляло изучение материалов, опубликованных в начале 2000-х годов Национальным институтом корейского языка, которые посвящены непolitкорректной лексике, подходам к явлению политкорректности в языке и обществе и тенденциям эвфемизации современного корейского языка.

Подходы к изучению политкорректности

Подходы к изучению политкорректности различны. Иногда эта категория трактуется как особая идеологическая реалья, языковое движение, культурно-поведенческая и языковая тенденция, языковая толерантность и пр. В последнее время некоторые лингвисты говорят о непolitкорректности самого термина «политическая корректность», о его спорном характере, главным образом из-за первого компонента словосочетания⁴. Таким образом, говоря о политической корректности в языке, некоторые англоговорящие ученые предпочитают термин bias-free или inclusive language⁵, что соответствует русскому «общественно приемлемый»⁶, «идеологически выверенный», «толерантный».

Наиболее точным видится нам толкование «политической корректности» Н.Г. Комлева⁷ как «утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность американской политики, имеющее дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декодируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы против СПИДа». На данном этапе развития этого феномена в мире и в связи с разнообразием подходов в изучении этого явления вполне целесообразна попытка определять политическую корректность как особую культурно-поведенческую и языковую категорию.

Гипотезами происхождения термина «политическая корректность», историей вопроса, вопросами эвфемизмов в русском и английском языках занимались различные зарубежные⁸ и отечественные⁹ ученые. С.Г. Тер-Минасова говорит о явлении как о «тенденции, проявляющейся в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.»¹⁰. Л.В. Цурикова характеризует явление в рамках не только языкового, но и социально-поведенческого аспекта как «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества»¹¹. В.Д. Рэймонд полагает также, что под «политкорректностью» следует понимать идеолого-политическое движение в

1980—1990-е годы в США, распространяемое либеральными группами и заключающееся в навязывании строгого соблюдения нейтрального языка применительно к полу, возрасту, сексуальной ориентации, расовой принадлежности, гражданским правам и ограничению свободы слова при обсуждении вышеперечисленных тем»¹².

В связи с этим термин «политкорректность» стал использоваться в контексте борьбы с дискриминацией, которая получила классификацию по различным признакам: аблеизм (от англ. ableism) — притеснение лиц по физическим недостаткам; этноцентризм — дискриминация культур, отличных от доминирующей; гетеросексизм — дискриминация людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией; лукизм (от англ. lookism) — создание стандартов красоты и привлекательности и ущемление прав тех, кто им не соответствует.

В России термин понимается особым образом и не получил широкого распространения. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, в русской речевой культуре само явление реализуется слабо. Оно характерно больше для западноевропейских языков, что объясняется высокой социальной и поведенческой культурой, менталитетом и идеологией общества, установившего культ отдельной личности¹³. Таким образом, в последние годы все чаще употребляются термины «толерантность» или «терпимость», которые лишь частично соприкасаются с понятием «политическая корректность». Политическая корректность является лишь языковым воплощением более всеобъемлющего понятия толерантности, которая в широком понимании подразумевает выработку терпимости по отношению к определенным группам людей: национальным и сексуальным меньшинствам, инвалидам, малоимущим и некоторым другим¹⁴.

Категория политической корректности антропоцентрична, так как в подавляющем большинстве случаев ее денотативной основой является человек. Имена, называющие его, модифицируются при помощи словообразовательного и лексического уровня языковой системы и практически никак не модифицируются на синтаксическом уровне в языках с отсутствующей грамматической категорией рода¹⁵ (gender-neutral languages, genderless languages¹⁶).

Эвфемия рассматривается как одно из средств выражения категории политической корректности в языке. Этими вопросами занимались такие ученые, как И.Р. Гальперин, А.М. Карцев, Л.П. Крысин¹⁷, Б.А. Ларин, В. П. Москвин, Д. Болинджер, С. Виллак, Б. Уоррен и др. В

ряде работ представляются различные классификации эвфемизмов по следующим их признакам, а именно эвфемизмы:

- 1) исключающие расовую и этническую дискриминацию;
- 2) смягчающие дискриминацию по половой принадлежности, созданные с целью повышения статуса женщины и исключающие проявления сексизма в языке;
- 3) созданные для исключения дискриминации по социальному статусу;
- 4) смягчающие возрастную дискриминацию;
- 5) направленные против дискриминации по состоянию здоровья;
- 6) направленные против дискриминации по внешнему виду;
- 7) связанные с защитой окружающей среды и животного мира;
- 8) отвлекающие от негативных экономических последствий;
- 9) направленные на прикрытие антигуманной политики государства, особенно военных действий¹⁸.

Язык политкорректности в Корее

Ниже в статье будут представлены примеры языковой политической некорректности, выявленные в южнокорейских СМИ, и возможные варианты эвфемизации, предложенные Национальным институтом корейского языка. В зарубежной литературе мы наблюдаем все больше критики по отношению к политкорректности, так как политика, изначально направленная на искоренение дискриминации и предрассудков по отношению к меньшинствам, со временем стала дискриминационной по отношению к большинству.

В статье выдвигается гипотеза, что в Республике Корея движение политкорректности — как ни в какой другой стране — идет в рамках языковой политики гораздо в большей мере, чем в других странах, т. е. не от социальных явлений к естественному движению языка, а от насильственных мер, принимаемых государством в сфере фиксации языка, и затем в культурно-поведенческую сферу. Более того, именно в Республике Корея термин «политическая корректность» звучит актуально, ибо именно там движение политкорректности не потеряло политического окраса, так как включает в себя очень важное направление — политику очищения языка от японизмов ханмунного происхождения¹⁹. Так, например, в год 70-летия Освобождения Кореи (2015) в рамках го-

сударственной политики очищения языка были вынесены на обсуждение в парламент, а затем приняты языковые поправки в Гражданский кодекс РК. Было внесено 133 лексических и 64 стилистических исправления; таким образом, поправке подверглись 1056 статей Кодекса из 1118.

Существенная часть лексики была признана неполиткорректной на основе принципа генетической принадлежности к японской ханмунной лексике. Например, *공박* — *곤궁하고 절박한 사정* («бедный» заменили на «находящийся в стесненных обстоятельствах»); *가주소* (假住所) — *임시주소* («место временного проживания» — «временный адрес»); *제각*(除却) — *제거* («исключать»); *포태*(胞胎) — *임신* («беременность»); *해태*(懈怠) — *게으른* («тунеядство» — «лень»). Возможно, первый термин технически более корректен с точки зрения общих понятий политкорректности и эвфемии, а второй политкорректен с точки зрения корейской политкорректности).

Также в рамках политики сохранения родного языка Научный институт сравнительных исследований Японии и Кореи во главе с его директором Ли Ёнок²⁰ к 70-летию Освобождения Кореи в августе 2015 г. выпустил книгу «Названия корейских диких цветов и трав, насильственно переименованных в период японского колониализма»²¹. 24 февраля 2016 г. совместно с газетой «Хангёрэ» и Институтом корейского языка и письменности активисты провели 11-й научный семинар «Политкорректность и проблемы языка»²². Наиболее актуальным вопросом, поднимавшимся на этом заседании и получившим в дальнейшем освещение в прессе, стали обвинения нынешней власти и правящей партии в избыточном использовании антонимов *정상* — *비정상* («нормальный» и «ненормальный»), а также грамматически обезличенных конструкций с непереходными страдательными глаголами, которые снимают ответственность с политических деятелей и журналистов (например, *전혀졌다*, *점쳐진다*, *파악된다* — «сообщается», «видится», «оценивается»). Критике подверглись и современные жаргонизмы, которые прочно вошли в лексикон молодежи и активно используются СМИ: *엔(N)포세대* — «поколение, отказавшее себе во всем»; *헬조선* — «ужасная Корея»; *흙수저* — «дети из бедных семей» (досл. «глиняная ложка»); *금수저* — «дети из богатых семей» (досл. «золотая ложка»); *이생망* — «полный неудачник» (досл. *이번 생활에 다 망했다*).

Для данного исследования мы использовали отчет, подготовленный Чо Тхэрин, Ан Саньсу и Пак Чэхёном при содействии Нацио-

нального института корейского языка в 2006 г.²³, в котором были представлены данные о неpolitкорректном употреблении лексических единиц в СМИ. Это исследование было проведено путем сплошной выборки лексем за 2006 г. из печатных (10)²⁴, электронных (4000 статей четырех электронных газет и 10 других ресурсов)²⁵ и телевизионных СМИ (149 программ шести телеканалов²⁶). Затем Национальный институт корейского языка стал осуществлять подобное исследование каждый год по материалам южнокорейских СМИ. В результате все случаи нетолерантного словоупотребления были классифицированы по следующим признакам:

1) дискриминация по половой принадлежности (неприемлемое наименование женщин; выделение женщин; термины, образованные путем использования элементов, указывающих на женский пол; термины, отражающие предрассудки традиционного общества; слова, занижающие статус женщины);

2) дискриминация по физическим характеристикам (по состоянию здоровья и его отклонениям; по внешнему виду);

3) дискриминация по принципу национальности и расы (дискриминация и занижение других народов и рас; националистические высказывания; регионализм и дискриминация);

4) дискриминация по социальному статусу, происхождению и профессии, уровню заработной платы и пр.

Интерес представляет тот факт, что, несмотря на то что понятие политической корректности и толерантного отношения к различным группам населения получило развитие во всем мире, в южнокорейской действительности и академических кругах практически полностью игнорируются темы политкорректного отношения к сексуальным меньшинствам, темам экологизма, прав животных, негуманной политики государства.

Основываясь на результатах исследования, мы делаем выводы о том, что южнокорейская языковая действительность, регулируемая специальными органами (такими, как Национальный институт корейского языка), является отображением внеязыковой действительности. Таким образом, способы эвфемизации неpolitкорректной лексики предлагаются для тем, которые понятны и принимаемы обществом и наиболее актуальны для современной Республики Корея.

Интересным фактом является то, что в корейской языковой действительности есть и термин «политкорректность» (정치적 올바름 —

чончхичжок альбарым), и термин «эвфемизм» (완곡어 — *вангого*), и, несмотря на то что в большинстве российских и западных работ эти две темы всегда обсуждаются в одной связке, в корейских источниках они обсуждаются отдельно. Возможно, в корейском обществе ещё не до конца осознали, что эвфемия является следствием политкорректной картины мира. Национальный институт корейского языка выдвигает такие громоздкие понятия, как 차별적, 비객관적 언어 표현 개선 (досл. «улучшение дискриминирующих и необъективных выражений»).

Таким образом, термину «политкорректность» до сих пор приписывается большая политическая функция, а эвфемии — бытовая, связанная с тактом и природным потенциалом корейцев и корейского языка говорить эвфемизмами, даже в тех ситуациях, когда в этом нет необходимости.

Рассмотрим приведенные в отчете Национального института корейского языка примеры, представляющие особый интерес.

1. Неполиткорректная лексика, затрагивающая расовую или национальную дискриминацию:

살색 → ²⁷살구색 («телесный» → «бежевый» [досл. цвет персика]) (как и в английском на волне политкорректности *skin* → *beige*); 유색인/ 백인/ 흑인/ 황인 → 유색인종/ 백인종/ 흑인종/ 황인종 («цветной, белый, черный, желтый» → «представитель цветной, белой, черной, желтой расы»); 조선족, 고려 사람/ 고려인, 교포 → 한국계, 한인, 한국(우리) 피가 흐르는 한국인, 부모가 한국인인 교포2 세 («корейские переселенцы, этнические корейцы, корё сарам» → «представители корейской расы 2-го поколения, в которых течет корейская кровь»); 혼혈아, 코시아 (Korean+Asian), 하프코리안, 새터민 → 다문화 아동 («дети из смешанных семей» → «дети из мультикультурных семей»); 외국인 노동자/ 동북아 이주 노동자 → 외국인 근로자 («иностранные рабочие» → «иностранные трудящиеся»); 결혼 이민자, 결혼 이주 여성, 외국인 며느리 → 국제 결혼 여성, 국제 결혼으로 ...에서 한국으로 이주한 여성 («женщины, иммигрировавшие ради вступления в брак» → «женщины, иммигрировавшие в Корею для создания межнационального брака»); 귀순자, 탈북자, 새터민 → 북한이탈주민 («перебежчик → северокорейские граждане-беженцы»).

2. Единицы, исключаящие один из полов, признаются неполиткорректными, однако замечателен тот факт, что во многих случаях Национальный институт корейского языка фиксирует проблему или языковую дисгармонию, однако способов ее разрешения не предлагает, ог-

раничиваясь таблицами под названием 문제는 있으나 대안 제시가 어려운 경우 («Случаи отсутствия вариантов замены при наличии проблемы»): 삼성맨 «Самсунг-мен», 셀러리맨 «селлари-мен», 영업맨 «бизнесмен», 세일즈맨 «сэйлсмен»; 신사 협정 «джентльменский договор»; 효자 상품 «подарок родителям» (досл. «подарок почтительного сына»); 어부 «рыбак» (гендерное выделение мужчин); 형제 «братья и сестры» (морфологически не обозначаются сестры, только подразумеваются); 모교 «альма-матер», 자매도시 «города-побратимы» (досл. «города-сестры»). Единицы, в которых в препозиции мужчина, тем самым игнорируется гендерное равенство: 부모/ 학부모/ 조부모 «родители, родители школьников, бабушка и дедушка» (досл. «папа мама»), 소년소녀 «мальчики и девочки», 무남독녀 «единственная дочь», 남남북녀 посл. «идеальный брак: мужчины с Юга, женщины с Севера», 신사숙녀 «господа и дамы», 아들딸 «сын и дочь», 자녀 «дети» (досл. «мальчик и девочка»), 남매/ 오누이 «брат и сестра». К подобным случаям неполиткорректности отнесены случаи расположения людей не в алфавитном порядке, а по гендерному признаку «мужчины перед женщинами» и по социальной значимости. Парадоксально, что приводятся и противоположные примеры неполиткорректного употребления единиц, в которых в препозиции женщина: 엄마아빠 «мама и папа», 모부자가정 «полные семьи» (досл. «семья, в которой есть мама, папа, ребенок»), 편모편부 «родители-одиночки» (досл. «мать-одиночка и отец-одиночка»), 할머니 할아버지 «бабушка и дедушка», 어머니님 아버지님 «мама-папа».

В языке с отсутствием грамматической категории рода подчеркнутое выделение пола с помощью специальных морфем, с одной стороны, является неизбежным, а с другой стороны, в современном языке политкорректности Республики Корея признается неприемлемым: ooo (여, 35) ooo (45) — в газетном тексте в последние десятилетия появилась традиция в скобках указывать пол женщины и возраст, если пол не указан, значит это мужчина; 여자 장사 «женщина-предприниматель», 여전사 «женщина-военнослужащий», 여경 «женщина-полицейский», 여기자 «женщина-журналист», 여류 건축가 «женщина-архитектор», 여배우 «актриса», 여성 개발자 «женщина-разработчик», 여성 대변인 «женщина-представитель», 여성 아나운서 «женщина-диктор», 여성 작곡가 «женщина-композитор», 여성 헬기 조종사 «женщина — пилот вертолета», 주부 선수 «спортсменка», 여 원장 «женщина — директор центра», 여성 과학자 «женщина-ученый», 여자 웨이터 «официантка»,

여종업원 «сотрудница», 커리어 우먼 «кариа (от англ. career) вуман»; 남자 고등학생 «школьник», 남자 리듬체조선수 («мужчина) гимнаст».

Подчеркнутый акцент на женской или мужской внешности, лукизм также признается неприемлемым в СМИ, и Национальный институт корейского языка призывает избегать подобных выражений: 가냘픈 외모 «утонченный/худой на вид», 애교의 여왕 «королева флирта», 회사의 꽃 «цветок компании» (о женщинах в офисе), 미녀 «красотка», 여우짓 «лисьи повадки», 착한 가슴 «пышная грудь», 44size «44 размер», 개미허리 «осиная талия» (досл. «муравьиная»), 몸짱 «красивое тело», 얼짱 «красивое лицо», S라인/쭉쭉빵빵 «красивые формы»; 진짜 사나이 «настоящий мужчина», 마초 «мачо», 터프가이/박력가이/탱크 «брутальный мужчина».

3. Слова, подчеркивающие приоритет одних регионов РК перед другими и принижающих значимость других, признаны неполиткорректными: 강남권/강남구 — 비강남권 «район Каннама (престижный, богатый) — не район Каннама», 강남 — 강북 «к югу от реки (Каннам) — к северу от реки», 서울권역/수도권 — 비서울권역/지방/비수도권 «столичный — провинциальный»; 서구 — 비서구 «западный, западноевропейский — незападный», 선진국 — 중진국 — 후진국 «развитые страны — развивающиеся страны»; 서울로 올라가다 — 지방으로 내려가다/상경 — 하경 «приехать в Сеул — отправиться из Сеула» (досл. «подняться вверх — спуститься вниз»); 여의도 면적 몇 배 (измерение площади чего-либо размерами о. Йоййдо); 판자촌/비닐하우스촌/빈곤 지역 «бедные районы»; 달동네 «бедные районы» (досл. «район по соседству с Луной (на горе), изначально создан как красивый эвфемизм, но теперь также попал в категорию неполиткорректной лексики)).

4. Неполиткорректные высказывания и их рекомендованные политкорректные эквиваленты для людей с физическими и умственными отклонениями:

불구자 → 장애인/장애우 → 장애인 «инвалиды» → «люди с ограниченными возможностями»; 청각장애자/귀머거리, 농아자, 병어리/언어장애자 → 청각 및 언어장애인 «глухой» → «человек с нарушениями слуха и речи»; 바보/백치 → 정신박약 → 정신지체 → 지적장애 «человек с задержкой умственного развития»; 봉사/소경 → 맹인/장님 → 시각장애인 «слепой» → «незрячий»; 정상인/일반인 → 비장애인 «обычный/нормальный человек» → «не инвалид»; 정신분열증 → 조현병 «расстройства психики» → «шизофрения»; 지랄병 → 간질 →

뇌전증 «падучая» → «эпилепсия»; 증독 → 의존증/ 과몰입증 «зависимость», 성전환수술 → 성확정수술 «операция по перемене пола».

5. Эвфемизмы, называющие некоторые профессии и людей определенного рода занятий:

과출부/ 가정부 → 가사도우미 «домработница» → «помощница по хозяйству», 간호부 → 간호원 → 간호사 «медсестра/ медбрат», 때밀이 → 목욕관리사 «помывщица» → «сотрудник бани», 식구 → 가족 «члены семьи», 노인 → 어르신 «старые люди» → «пожилые, старшее поколение», 부랑자 → 노숙자 «бездомный», 보모 → 베이비시터 → 아이돌보미 «няня», 영세민 → 생활보호대상자 → 기초생활수급자 «пенсионер, получающий пособие», 신용불량자 → 채무불이행자 «неплатежеспособный», 불법체류자 → 미등록 체류자 «нелегальные иммигранты», 산파 → 조산원 → 조산사 «акушер(ка)», 운전수 → 기사 «водитель», 간수 → 교도관 «надзиратель» → «смотритель», 비행청소년 → 위기청소년 «молодые правонарушители», 청소부 → 환경미화원 «уборщица → клининг-менеджер», 미망인 (未亡人) → 비망인 «вдова» (в первом случае префикс «ми-» обладает значением «пока не», что добавляет, на взгляд южнокорейских лингвистов, ненужную коннотацию, тем самым предлагается активно использовать второй термин, где префикс «пи-» обладает нейтральной коннотацией; на наш взгляд, для носителей корейского языка префиксы в устоявшихся словах настолько семантически не мотивированы, что именно создание новых непривычных слов повлечет за собой своего рода дисфеминизацию, обратную по своей природе эвфемизации слов).

6. Некоторые учреждения, требующие эвфемизации:

감옥 → 형무소 → 교도소 «тюрьма» → «места лишения свободы», 고아원 → 보육원 «детский дом» (дословно в первом слове заключался смысл «место для оставленных детей», а во втором — «место для ухода и воспитания детей»); 탁아소 → 어린이집 «ясли» (в первом случае дословно «место, где оставляют ребенка», во втором случае — «детское учреждение»), 납골당 → 봉안당 «колумбарий» (дословно в первом случае «место, где выдаются (хранятся) останки (кости)», а во втором случае — «место спокойствия и совершения обрядов»), 실업계 고등학교 → 전문계 고등학교 → 특성화 고등학교 «школа с профессионально-техническим уклоном» (по факту для альтернативно одаренных детей, профтехучилище).

7. Особые случаи непризнания политкорректными международные термины, фонетически заимствованные корейским языком; полит-

корректными считаются термины родного языка; возможно, это тенденция в рамках языковой политики очищения языка, когда фактически международными политкорректными терминами являются именно слова с латинскими корнями: 제노포비아 → 외국인 혐오 «ксенофобия», 이슬람포비아 → 이슬람 혐오 «исламофобия», 호모포비아 → 동성애 혐오 «гомофобия».

8. Единственный случай проявления политкорректности к домашним животным, который мы обнаружили в отчетах Национального института корейского языка: 애완동물 → 반려동물 «домашнее животное» (дословно в первом случае «любимчик», во втором «компаньон»).

В преддверии 2015 г. в южнокорейских СМИ активно обсуждался случай непolitкорректного употребления названия грядущего 2016 г. 병신년 (丙申年), так как без параллельного написания иероглифами могло переводиться омонимичными корнями: 병신 «сумасшедшая(ий)» и 년 «женщина». Борцы за политкорректность увидели в этом слове ущемление прав людей с умственными и психическими расстройствами и дискриминационно-оскорбительное название женщин, а многие понимали, что на волне недовольства властью подразумевается конкретная политическая персона. В социальных сетях развернулась кампания (#병신년_소재_농담_NO_캠페인, 병신년을 병신년이라 못부르고...) против шуток по поводу названия нового года. Таким образом, всех журналистов вынудили использовать не традиционный синокорейский термин, а исконно корейское описание 붉은 원숭이의 해 «год красной обезьяны». В связи с этим стали возмущаться другие общественные деятели, например поэт Ан Дохён, который в своем Твиттере 1 января 2016 г. критиковал СМИ за то, что они довели ситуацию до абсурда. Общественная организация IRIS (인문비평공동체), которая занимается правами людей с ограниченными возможностями, в своем блоге написала, что от таких кампаний и антикампаний отношение граждан к инвалидам не изменится в лучшую сторону, подобные стремления к политкорректности не изменят негативного отношения к людям с отклонениями, поэтому надо решать вопрос принципиально и искоренять причины дискриминации.

Подводя итоги, следует отметить, что во всем мире политкорректность подразумевает идеи антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы против СПИДа. Однако в южнокорейской действительности и академических кругах практически полностью игнорируются темы политкорректного

отношения к сексуальным меньшинствам, темам экологизма, прав животных, негуманной политики государства. Термину «политкорректность» до сих пор приписывается большая политическая функция, а эвфемии – бытовая. Национальный институт корейского языка РК в рамках политкорректности ведет активную политику очищения корейского языка от «сложных» иероглифических терминов эпохи японского колониализма. Очищению подвергаются и некоторые интернациональные термины на основе латинских корней, несмотря на то что исконно корейский термин является более семантически мотивированным и тем самым более некорректным. Таким образом, государство, осознавая проблемы, существующие в обществе, пытается их решить, начав с языковой политики, действуя от языка к социальным проблемам, а не наоборот, как зачастую происходит в мире.

Примечания

¹ Debra Lucas Muscoreil. Political correctness// St. James Encyclopedia of popular culture. Vol 4. St. James Press, 2000. — P. 78.

² URL: <https://namu.wiki/w/jeongchiyeokolbaruem> (дата обращения 01.03.2016).

³ *Jo Tae Rin*. Sahojeok uisatong yeongu. Chabyeoljeok, bigaekkwanjeok eoneo pyohyeon gaeseon-uel wihan gicho yeongu. Gunnip gugowon. 2006. (Чо Тхэрин. Исследования в сфере социальной коммуникации. Исследование дискриминационных и необъективных конструкций в корейском языке. Национальный институт корейского языка, Сеул, 2006).

Pak Jae Hyeon. Sahojeok uisatong yeongu. Jiyeok, minjok, injong-e daehan chabyeoljeok eoneo pyohyeon gaeseon yeongu. Gunnip gugowon. 2009. (Пак Чэхён. Исследования в сфере социальной коммуникации. Исследование дискриминационных и необъективных конструкций, касающихся расы, национальности, региона, эвфемизация. Национальный институт корейского языка, Сеул, 2009).

An Sang Su. Sahojeok uisatong yeongu. Seongchabyeoljeok eoneo pyohyeon sarye josa mit daean maryeon-uel wihan yeongu. Gunnip gugowon. 2007. (Ан Саньсу. Исследования в сфере социальной коммуникации. Исследование дискриминационных и необъективных конструкций, касающихся пола и гендера, эвфемизация. Национальный институт корейского языка, Сеул, 2007).

⁴ *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. *Michele A. Berdy*. Bias-Free and Inclusive English. Мосты 4, М.: Р. Валент, 2004.

⁵ *Michele A. Berdy*. Op. cit. URL: <http://www.inclusion.msu.edu/Education/BiasFreeCommunication.html> (дата обращения: 22.02.2016).

⁶ Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь под ред. Г.В. Чернова. М.: Полиграмма, 1996. С. 750.

⁷ *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 1999. — С. 279—280.

⁸ *Allan K., Burridge K.* Euphemism and Dysphemism, Oxford University Press, 1991. — 84 p. *Allen I.L.* Unkind Words: Ethnic Labelling: from Redskin to WASP. NY-Westport-London, 1990. — 115 p. *Allen I.L.* The Language of Ethnic Conflict. Columbia University Press, 1983. — 80 p. *Beard H., Cerf C.* The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. Villard Books NY, 1995. — 195 p. *Beckwith F.J., Bauman M.E.* Introduction // Are You Politically Correct?: Debating America's Cultural Standards. Prometheus Books, Buffalo, NY, 1993. — pp. 9—12. *Bolinger D.* Language: The Loaded Weapon. Longman, London-NY, 1984. — 214 p. *Bryson B.* Made in America. Minerva, London, 1995. — 450 p. *Buckley W.F.* The Right Word. Random House, NY, 1996. — 240 p. *Coates J.* Women, Men and Language. Longman, London-NY, 1989. 154 p. *Chaika E.* Language: The Social Mirror. Heinle&Heinle Publishers, Boston, 1994. — 436 p. *D'Souza D.* Illiberal Education: the Politics of Race and Sex on Campus. The Free Press NY, 1991. — 250 p. *Edwards A.D.* Language in Culture and Class. Heinemann Educational Books, London, 1976. — 284 p. *Foster B.* The Changing English Language. Macmillan, London-Melbourne-Toronto, 1968. — 360 p. *Frank A., Anshen F.* Language and the Sexes. NY, 1983. — 120 p. *Frank F., Treichler P.* Language, Gender and Professional Writing Modern Language Association, NY, 1989. — 138 p. *Freeman R., McElhinny B.* Language and Gender // Sociolinguistics and Language Teaching Cambridge University Press, 1996. — pp. 220—229. *Gamer J.F.* Politically Correct Bedtime Stories. Macmillan, NY-Oxford-Singapore-Sydney, 1994. — 120 p. *Goodheart E.* PC or not PC // Our Country, Our Culture: The Politics of Political Correctness A Partisan Review Press, NY, 1994. — pp. 50—57. *Macauley R.* The Social Art: Language and Its Uses. Oxford University Press, 1994. — 221 p. *Miller C., Swift K.* Words and Women. Anchor Books NY, 1977. — 147 p. *Orwell G.* Language and Politics. URL: www.assumption.edu/dept/history/His130/PoliticsAndLanguage.html. *Ravitch D.* Multiculturalism: E Pluribus Plures // Are You Politically Correct?: Debating America's Cultural Standards. Prometheus Books, Buffalo, NY, 1993. — pp. 165—185. *Smith P.M.* Language, the Sexes and Society. Basil Blackwell, L., 1985. 211 p. *Spender D.* Man Made Language. Routledge & Kegan Paul, L., 1980. — 250 p. *Taylor J.* Are You Politically Correct // Are You Politically Correct?: Debating America's Cultural Standards. Prometheus Books, Buffalo NY, 1993. — pp. 15—33. *Walker S.* Hate Speech: The History of American Controversy. University of Nebraska

Press, Lincoln and London, 1994. — 167 p. *Warren B.* What Euphemisms Tell Us About the Interpretation of Words // *Studia Linguistics* N.46, № 2. — 1992. — pp. 128—145.

⁹ *Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* О смыслах понятия «толерантность» // *Век толерантности: Научно-публицистический вестник* М.: Изд-во МГУ, 2001. — С. 8—18. *Городецкая Л.А.* Концепция многокультурности в американском образовании и ее применимость к российским общественным реалиям // *Вестник МГУ. Серия 19. № 1 Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2001. — С. 7—17. *Григорян А.А.* О сексизме, антисексизме и политкорректности // *Личность. Культура. Общество.* М., 2003. — Спец. вып. 1—2. — С. 466—474. *Туманова Ю.Л.* Политическая корректность как социокультурный процесс (на примере США): Дис. . канд. социол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. — 157 с. *Туманова Ю.Л.* Политическая корректность: как это делается в России // *Россия и Запад: диалог культур* Вып. 8 Т. 1. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. — С. 195—202. *Иванова О.* Политкорректность в России // *Вестник Евразии.* 2002. № 3. — С. 62—71. *Кацев А.М.* Языковое табу и эвфемия. Л., 1988. — 80 с. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в роли эвфемизма // *Русский язык в школе.* 1998. № 2. — С. 71—74. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // *Русский язык конца XX столетия (1985—1995).* М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 385—405. *Крысин Л.П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* Екатеринбург, 2003. С. 458—463. *Латишина М.Н.* Антифеминизм в языке (на материале семантических сдвигов в английском языке) // *Вестник СПбГУ Серия 2.* 1997. — С. 59—64. *Латишина М.Н.* Ксенофобия в языке (на материале семантических сдвигов в значении английских слов) // *Вестник СПбГУ Серия 2. Вып. 2.* 1997. — С. 58—62. *Ларин Б.А.* Об эвфемизмах // *История русского языка и общее языкознание. Избранные работы.* М., 1977. — С. 101—112. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. — 208 с. *Мельникова Л.В.* Толерантность как сберегающий подход к современной культуре: Автореф. дис. . канд. философ. наук. Тюмень, 2003. — 21 с. *Москвин В.П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // *Вопросы языкознания.* 2001. № 3. — С. 58—70. *Остроух А.В.* Политическая корректность в США: культурологический аспект проблемы: Дис. канд. филол. наук. М., 1998. — 179 с. *Палажченко М.Ю.* Политическая корректность в системе высшего образования: за и против // *Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2002. № 4. — С. 97—106. *Палажченко М.Ю.* К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // *Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2004. № 1. — С. 81—89. *Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.В., Кравцова А.Р., Осипова В.С.* Психосемантиче-

ский анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000. — 73 с. *Потапов В.В.* Многоуровневая структура в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1. — С. 103—130. *Потапов В.В.* Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания: М.: Рудомино, 2000. — С. 32—40. *Ретунская М.С.* Тематические группы социально маркированной лексики в английском языке // Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем. Саратов, 1989. — С. 22—31. *Румянцева М.И.* Тенденции изменений в современном английском языке под влиянием теории феминизма // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Тюмень, 1997. — С. 85—90. *Рябова Т.Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. М.: 2003. Вып. 1—2. С. 120—139. *Стернин И.А.* Толерантность и коммуникация // Фило-софские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. — С. 331—344. *Цурикова Л.В.* Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. — С. 94—102. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003. — 194 с. *Шульгин Н.Н.* За горизонтами политкорректности // Вопросы философии. 2003. № 6. — С. 54—68.

¹⁰ *Тер-Минасова С.Г.* Указ. соч.

¹¹ *Цурикова Л.В.* Проблемы когнитивного анализа дискурса // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. № 2. 2001.

¹² *Raymond W.J.* Dictionary of Politics. Brunswick Publishing Co., Lawrenceville, Virginia, 1995.

¹³ *Тер-Минасова С.Г.* Указ. соч. С. 227.

¹⁴ *Панин В.В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория. Автореферат на соискание степени канд. филол. наук. Тюмень, 2004. С. 11.

¹⁵ *Солдатова М.В.* О чем говорят мужчины... с женщинами. Перевод литературно-художественного диалога с корейского языка на английский и русский с учетом пола собеседника // Мосты 4 (48). М.: Р. Валент, 2015.

¹⁶ *Michele A. Berdy.* Bias-Free and Inclusive English. Мосты 4, М.: Р. Валент, 2004.

¹⁷ *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи. / Русистика. Берлин. 1994. № 1—2. С. 28—49. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения: 22.02.2016).

¹⁸ Панин В.В. Указ. соч.С. 17.

¹⁹ URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2015/10/06/0200000000AKR20151006068100004.HTML?input=1195m>. Hanjaeo ilbonsik pyohyeon swipke (дата обращения: 22.02.2016); URL: <http://www.kookje.co.kr/news2011/asp/newsbody.asp?code=0100&key=20151007.22002203953>. Minbeop ilbonsik hanjaeo pyohyeon swipke bakkun da (дата обращения: 22.02.2016).

²⁰ *Yi Yun Ok*. Han-il munhwa eoullim yeonguso.

²¹ URL: <http://www.seoul.co.kr/news/newsView.php?id=20150815019001>. Yi Yun Ok. Changssi-gaemyeongdoen uri pulkkot. Han-il munhwa eoullim yeonguso (Ли Юнок. «Названия корейский диких цветов и трав, насильственно переименованных в период японского колониализма»).

²² Hangeorye malguel yeonguso jugwan je 11cha yeongu balpyohoe 'jeongchi-jeok olbaruemgwa eoneoui munje'. URL: <http://www.hani.co.kr/arti/culture/book/732200.html> (дата обращения 22.02.2016). Gangjaegeman jayu... bulgongpyeonghan damnon gujo bakkuya.

²³ *Jo Tae Rin, Pak Jae Hyeon, An Sang Su*. Sahojeok uisatong yeongu. (Чо Тхэрин, Пак Чэхён, Ан Саньсу. Исследования в сфере социальной коммуникации), 2006, 2009, 2007. (см. выше).

²⁴ Gyeonghyang-sinmun, Gungmin-ilbo, Donga-ilbo, Munhwa-ilbo, Seoul-sinmun, Joseon-ilbo, Jungang-ilbo, Hangeorye-sinmun, Maeil-gyeongjae, Suepochue-seoul.

²⁵ Pueresian, Dokkaebi-nyusue, Ttangi-ilbo, Maeil-nodong-ilbo, Maeil-nodong-nyusue, Ijeilli, Omynews, Surprise, Daejabo, Breaknews, Joseon-ilbo, Jungang-ilbo, Donga-ilbo, Hangeorye-sinmun.

²⁶ KBS 1, KBS 2, MBC, SBS, EBS, YTN.

²⁷ → Обозначает предпочтительные политкорректные варианты, предложенные Национальным институтом корейского языка.

М.В. Солдатова

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: ВЫВЕСКА НА ПЛОЩАДИ КВАНХВАМУН

Художественная литература в целом и поэзия в частности играют важнейшую роль в сохранении и передаче культурного кода, объединяющего нацию. Может быть, поэтому в непростые социально-политические времена люди, захваченные водоворотом неопределенной реальности и пытающиеся нащупать твердую почву для дальнейшего существования, нередко обращаются к литературе, в первую очередь имеющей статус классической, в своем стремлении опереться на некие непреходящие ценности. Этот потенциал художественной литературы сознательно используют государственные власти и общественные организации в разного рода проектах (вплоть до поочередного чтения гражданами отрывков из известных текстов) и, реже, коммерческие организации в социально ориентированной рекламе.

Интересным примером подобной рекламы служит вывеска на здании страховой компании Кёбо на площади Кванхвамун в Сеуле, РК. Эта вывеска, ведущая свою историю с 1991 г., изначально была призвана способствовать повышению имиджа компании, но вскоре приобрела социальную значимость национального масштаба. Уже четверть века каждый сезон на этой вывеске появляются новые, выбранные специальным комитетом литературные строки, наиболее соответствующие духу времени и отвечающие социальному запросу корейской нации. В рамках

данного исследования хотелось бы проанализировать некоторые наиболее интересные с точки зрения имплицитного содержания строфы с вывески Кванхвамун разных лет с целью изучения культурного кода, на носителей которого они ориентированы.

Прежде всего, необходимо отметить, что само понятие «культурный код» до сих пор является объектом дискуссии. Неопределенность термина «код» (code), используемого в семиотике, в значительной степени связана с набором лексических значений самого слова¹. В толковом словаре английского языка Collins мы видим такие определения слова code: 1) a set of rules (laws)... (именно в таком значении слово используется в юриспруденции); 2) a system of replacing the words in a message with other words or symbols... (так, например, азбука Морзе по-английски называется Morse code); 3) a group of numbers or letters which is used to identify something; 4) any system of signs and symbols that has meanings; и, наконец, 5) genetic code, the information, which determines the structure and function of cells, and characteristics of all living things. Сейчас в России словосочетание «культурный код» — с легкой руки политиков — все чаще используется чуть ли не в значении, близком к последнему. Но все вышеупомянутые толкования не вполне соответствуют тому феномену, о котором ведут речь ученые-семиотики. Не вызывает сомнений лишь то, что в определении понятия должно присутствовать слово «система».

Одним из первых стал использовать в семиотике слово «код» Р. Якобсон. В 1953 г., говоря, кроме прочего, о связи языка и культуры, он утверждал: «The most essential problem for speech analysis is that of the code common to both sender and receiver and underlying the exchange of messages» [«Основная проблема анализа речи — это проблема лежащего в основе сообщения кода, общего для отправителя и получателя»]². Развивая эту теорию, У. Эко писал, что именно коды, лежащие в основе человеческой коммуникации, позволяют осуществлять процессы означения (signification) и интерпретации (interpretation)³. Ю.М. Лотман под «кодом» подразумевал, в более узком смысле, «систему без памяти»⁴.

Эти выкладки едва ли удовлетворят практикующих переводчиков и преподавателей конкретного языка, для которых «культурный код» было бы логичнее понимать как некую многоуровневую динамическую систему, позволяющую воспринимать и интерпретировать (переводить) смысл, заложенный в сообщении, адресованном носителю такого кода. В качестве уровней, доступных для освоения неносителями

«кода», можно было бы выделить: 1) знания об окружающем мире, включая объекты природы и объекты культуры; 2) менталитет как способ восприятия окружающего мира и себя в нем на основе, в частности, неких ценностей; 3) языковую картину мира, подразумевающую сформированность определенных концептов; 4) вовлеченность носителей «кода» в разного рода дискурсы; 5) коллективную память и т. д. В таком контексте очевидно, что условием (более или менее полного) понимания текста «чужого» культурного кода является, прежде всего, расширение, используя термин Г. Гадамера, «смыслового горизонта»⁵ интерпретатора до той степени, при которой возможно его слияние («fusion of horizons») со «смысловым горизонтом» текста.

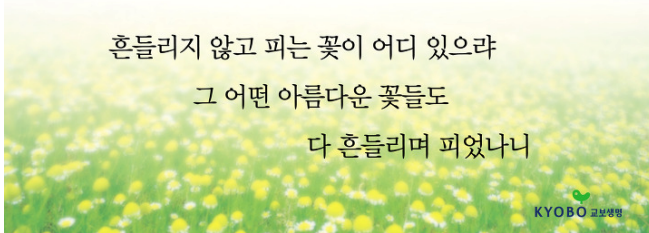
Выявление упомянутых уровней и связей между ними представляется, собственно говоря, задачей не менее интересной, чем раскрытие «культурного кода» южнокорейцев.

С 1991 по 1997 г. на вывеске Кванхвамун сменялись в основном лозунги социально-экономического характера, не представляющие в контексте данного исследования особого интереса. Но в 1998 г, когда на страну обрушился кризис, в страховой компании Кёбо было принято решение использовать вывеску не для её рекламы, но для моральной поддержки населения. Именно тогда на вывеске появились строки из стихотворения Ко Ына «낮선 곳» [«Неведомые края»]: «떠나라 [Отправляйся] / 낮선 곳으로 [В неведомые края,] / ... / 그대 하루하루의 반복으로부터 [Оставив повторяющиеся будни]».

Приблизительный смысл этих строк не так уж трудно понять иностранцу, но корейцы знают и последнюю строфу стихотворения, где есть слова «재생» [«возрождение»] и «탄생» [«рождение»], подразумевающие, в частности, религиозные аллюзии (парадоксально неочевидно, христианского или буддийского толка), намек на то, что страдание будет вознаграждено в другой жизни.

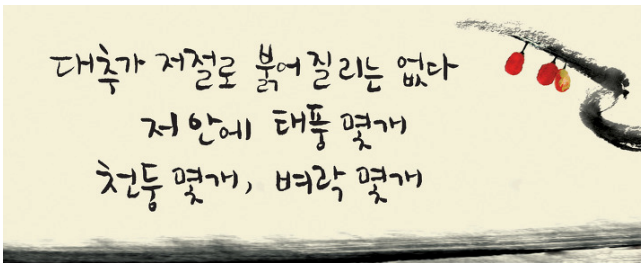
Еще любопытнее другое: Южная Корея благодаря консолидированным усилиям всего народа успешно преодолела кризис и давно живет очень даже неплохо, но ощущение именно настоящего времени как трудного, за которым по достижении определенных результатов должно последовать время более легкое, постоянно актуализируется, в том числе на бытовом уровне, выражаясь в неготовности признаться, что жить стало лучше, и постоянных жалобах на разного рода 고생 [трудности].

В различные годы на вывеске Кванхвамун мы видим строки, говорящие о том, что только через испытания можно двигаться вперед и добиваться прогресса.

[Есть ли цветок, что цветет, не качаясь? / Даже прекраснейшие цветы / Качаясь, цвели.]

도종환 [То Чонъхван]. «흔들리며 피는 꽃» [«Цветок, что цветет, качаясь»]. Весна 2004 г.

[Не просто так созревают плоды жожоба. / В каждом тайфуны / Громы и молнии.]

장석주 [Чанъ Сокчу]. «대추 한 알» [«Плод жожоба»]. Осень 2009 г.

Не случайно представители страховой компании Кёбо и известные люди, принимавшие участие в отборе строк для вывески, говоря о целях проекта, как правило, употребляют слова «위로», «위안» [«утешение»], «희망» [«надежда»]. Эти же слова используют горожане, рассказывая о своем восприятии представленных строк.

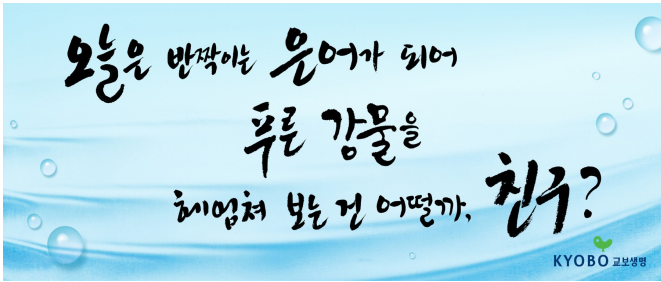
Еще одна «изотопная линия» (термин А. Греймаса), которая прослеживается в изречениях с вывески Кванхвамун, — коллективизм. Зимой 1998 г. на вывеске были начертаны, например, такие строки Ко Ына:

모여서 숲이 된다 [Объединившись, мы становимся лесом].

나무 하나하나 죽이지 않고 숲이 된다 [Становимся лесом, ни одного дерева не убивая].

그 숲의 시절로 우리는 간다 [В эпоху леса возвращаемся].

Еще более интересной кажется следующая строфа:

[Стать блестящей рыбкой Аю, / По синим водам реки / Поплыть — ты не против, друг?]

신해욱 [Син Хэук]. «푸른 강물» [«Синие воды реки»]. Лето 2006 г.

Эта строфа появилась на вывеске Кванхвамун в преддверии чемпионата мира по футболу в Германии, следовавшего за тем, что прошел в Южной Корее и Японии в 2002 г., и был так значим для корейцев. Страна надеялась, что корейские футболисты закрепят успехи, достигнутые на домашнем чемпионате. Но речь шла, скорее, о надежде, чем о твердой уверенности. Примечательно, что в последнем круге отбора с этой строфой конкурировали, наряду со строками Г. Башляра, такие строки из стихотворения 이명수 [Ли Мёнсу] «파도» [«Волны»]:

쓰러지는 사람이 바다를 보아라 [Падающий, посмотри на море]!

일어서는 사람이 바다를 보아라 [Поднимающийся, посмотри на море]!

쓰러지기 위해 일어서는 [Поднимающиеся, чтобы упасть].

일어서기 위해 쓰러지는 [Падающие, чтобы подняться].

Строфа про рыбку Аю представляет собой не отрывок, а целое стихотворение, но понять его невозможно без знания особенностей поведения упомянутой рыбки. Тут необходимо отметить, что русские, как и европейцы, если они по роду деятельности не связаны с природой в той или иной ее ипостаси, знают о природе не так уж много. В отличие от корейцев и других азиатских народов. Область общих неспециальных знаний, безусловно, является важной составляющей культурного кода. «은어» — *Plecoglossus altivelis*, а по-русски рыба Аю — водится в прибрежной полосе северо-западной части Тихого океана, где плавает косяками, но для нереста входит в реки, упорно двигаясь против течения. То есть мы опять видим утверждение таких ценностей, как коллективизм и упорный труд на общее благо. А кроме того — близость к природе, выраженную через уподобление человека элементу природы, и это еще одна изотопная линия проекта.

В изречениях разных лет нам то и дело попадают растения, рыбы, птицы, насекомые, гармонично вписывающиеся в естественный ход природных событий, пережившие невзгоды зимы и радующиеся весне. На первый взгляд, в этот ряд попадают и строки Ю Чонъхо, появившиеся на вывеске осенью 2004 г.:

[Кузнечик, / В зарослях травы / Всю ночь не спишь, / Духом воспрянь! / Осень пришла, придет и весна.]

유종호 [Ю Чонъхо]. «시는 죽었다» [«Поэзия мертва»]. Осень 2004 г.

На самом деле, в стихотворении, из которого будто бы взята цитата, сказано обратное.

시는 죽었다 [Поэзия мертва]

유종호 [Ю Чоньхо]

詩는 죽었다 [Поэзия мертва].
神은 죽었다 [Бог мертв].
함부로 허락되고 백죄 [Теперь все что попало может]
아무렇게나 시가 되나니 [Поэзией оборотиться].

여치야 [Кузнечик],
번지 없는 풀밭에서 [В зарослях травы]
밤을 새는 여치야 [Всю ночь не спящий],
인마 [Вот так!]
인제 너희 죽었다 [Теперь и вы мертвы]!
인제 우린 죽었다 [И мы мертвы]!

Истинный смысл строк на вывеске становится понятен только по выяснении, что стихотворение корейского поэта является откликом на стихотворение английского поэта Дж. Китса (1791—1821). Во второй строке видим еще и скрытую цитату из Ф. Ницше (1844—1900). То есть налицо не простое отражение традиционного мышления, а, ни больше ни меньше, манифестация вписанности корейской культуры в мировую.

The Grasshopper and Cricket

John Keats

The poetry of earth is never dead:
When all the birds are faint with the hot sun,
And hide in cooling trees, a voice will run
From hedge to hedge about the new-mown mead;
That is the Grasshopper's — he takes the lead
In summer luxury, — he has never done
With his delights; for when tired out with fun
He rests at ease beneath some pleasant weed.

The poetry of earth is ceasing never:
On a lone winter evening, when the frost
Has wrought a silence, from the stove there shrills
The Cricket's song, in warmth increasing ever,
And seems to one in drowsiness half lost,
The Grasshopper's among some grassy hills.

Кузнечик и сверчок

Пер. С.Я. Маршака

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листе,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участием в летнем торжестве,
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуту или две.
Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. В полях метет метель,
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забившись где-то в щель,
И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

Носители английского языка, по идее, должны легче раскрывать аллюзии, таящиеся в стихотворении Ю Чонъхо, поскольку цитируемая работа Ницше на английском носит название «God is dead», каковое переключается со словами Китса «The poetry is never dead». На русский же название работы немецкого философа чаще переводят как «Бог умер», в переводе же «Кузнечика и сверчка» на русский язык вообще не оказывается подобной клаузы. Кроме представленного перевода С.Я. Маршака существует перевод Б.Л. Пастернака и другие менее известные, но нигде мы не находим клаузы, подходящей для наших целей.

Изменение строк, выбор из поэтического произведения строк не подряд не редкость для проекта. Изменение строки и замену явной

апелляции к коллективной памяти о Корейской войне на неявную мы видим на следующей вывеске:

[Пусть вернутся все, кто ушел. / Пусть падает снег! / Под снегом возлюбим!]

고은 [Ko Ён]. «강설» [«Снегопад»]. Зима 2004 г.

На интернет-страничке страховой компании Кёбо, посвященной вывеске Кванхвамун, изречение комментируется следующим образом: «Несет в себе призыв к объединению, преодолению в новом году разногласий, подразумевая возвращение людей, оказавшихся в трудных обстоятельствах, людей, разошедшихся друг с другом. Идея в том, чтобы люди отважились воспрянуть духом и преодолеть обстоятельства. Журавль — один из десяти традиционных корейских символов долголетия, и журавли, вместе со снегом, символизирующим обновление и тепло, представляются добрыми предзнаменованиями нового года; стая журавлей, летящих вместе, как будто предлагает людям объединиться и положить начало новой эре»⁶. Вроде бы, нигде прямо не говорится об отношении Севера и Юга, но строки на вывеске — это измененная цитата из стихотворения Ко Ёна «강설» [«Снегопад»].

강설 [Снегопад]

고은 [Ko Ён]

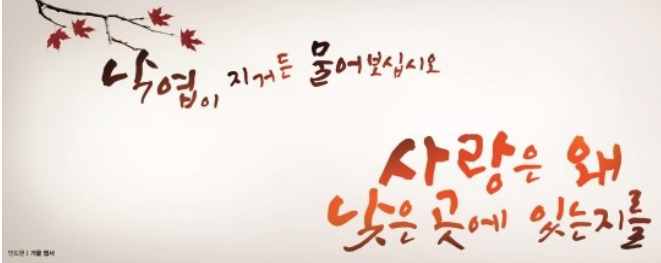
폐허(廢墟)에 눈 내린다 [На руины падает снег].
적(敵)도 동지(同志)도 [Враги и друзья],
함께 모아자 [Соберемся вместе]!
함께 눈을 맞자 [Пусть падает снег]!

눈 맞으며 껴안고 울자 [Под снегом обнимемся и расплачемся].
 폐허(廢墟)에 눈 내린다 [На руины падает снег].
 우리가 1950년대(年代)에 깨달은 것은 [Мы осознали в пятидесятые]
 인산인해(人山人海)의 죽음이 아니라 사랑이다 [Не гибель бесчисленно-
 го множества людей, но любовь].
 눈이 내린다 [Падает снег].
 눈이 내린다 [Падает снег].
 모든 죽은 사람들까지도 살아나서 [Воскреснете все погибшие],
 함께 눈을 맞자 [Пусть падает снег]!
 눈 맞으며 울자 [Под снегом расплачемся]!
 우리는 분명 죄(罪)의 족속(族屬)이다 [Мы все соучастники].
 눈을 맞자 [Пусть падает снег]!
 눈 맞으며 사랑하자 [Под снегом возлюбим]!

Очевидно, в стихотворении говорится о людях, ушедших не просто куда-то, а в мир иной, но вместо словосочетания «세상을 떠나다» [«оставить этот мир»] используется глагол «죽다» [«гибнуть, умирать»]. В 2004 г. у власти в Южной Корее был президент Но Мухён, проводивший в отношении Северной Кореи «политику мира и процветания», которая в целом являлась продолжением «политики солнечного тепла» Ким Дэчжуна. Активно шли переговоры по поводу встреч разделенных семей. Интересно следующее: в книге «История Кореи: с древности до начала XXI в.» С.О. Курбанов пишет: «в <<...>> программах обоих южнокорейских президентов — Ким Дэчжуна и Но Мухёна Северная Корея выступала в качестве *пассивного* объекта, которому следует оказывать всестороннюю помощь и который следует *вести* в направлении реализации южнокорейской политики межкорейских отношений»⁷. Но в своем стихотворении Ко Ын, используя пригласительную форму конечной сказуемости, ведет речь о встрече равных: «Враги и друзья... мы все соучастники», — утверждает он. И коллективная память южнокорейцев о войне как о бедствии, в котором были виноваты все и пострадали все, позволяет увидеть в изречении глубокий философско-политический смысл, на который намекает и оформление, поскольку символ долголетия — журавль — заставляет задуматься именно о жизни и смерти, а не просто о разлуке.

К сожалению, как мы знаем, надежды жителей Юга на сближение с Севером по ряду причин не оправдались. Но жизнь пошла своим чередом. С обретением Южной Кореей социальной и экономической

стабильности на вывеске стали все чаще появляться изречения о любви и внимании друг к другу, обычно понятные без объяснений. Есть среди них, однако, и весьма любопытные образцы:

[Когда падают листья, спроси, / Почему любовь / Живет там, внизу.]
안도현 [Ан Дохён]. «가을 엽서» [«Осенняя открытка»]. Осень 2012 г.

Даже после прочтения всего стихотворения смысл этих строк остается неочевидным для иностранца.

가을 엽서 [Осенняя открытка]

안도현 [Ан Дохён]

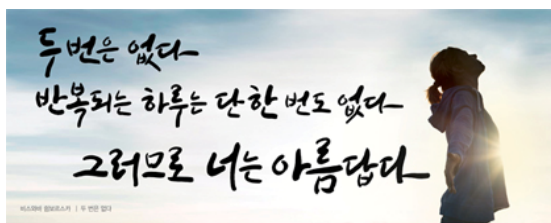
한 잎 두 잎 나뭇잎이 [Листья, один за другим],
낮은 곳으로 [Вниз]
자꾸 내려앉습니다 [Падают, падают],
세상에 나누어줄 것이 많다는 듯이 [В знак того, что в этом мире есть
чем делиться].
나도 그대에게 무엇을 좀 나눠주고 싶습니다 [Я тоже хотел бы поде-
литься чем-то с тобой].
내가 가진 게 너무 없다 할지라도 [И пусть у меня особо ничего нет],
그대여 [Ты]
가을 저녁 한때 [Осенним вечером]
낙엽이 지거든 물어보십시오 [Когда падают листья, спроси],
사랑은 왜 [Почему любовь]
낮은 곳에 있는지를 [Живет там, внизу].

Ключевое слово этого стихотворения, как раз не попавшее на вывеску, — «делиться». Дерево делится листьями с землей, и листья, перегнивая, удобряют землю, на которой дерево растет. Эта идея тесно

связана с ощущением вовлеченности человека как части природы в бесконечный круговорот, при котором готовность отдать оборачивается приобретением. Так тема любви некоторым образом перекликается с темой общего, коллективного блага. Примечательно, что, объясняя выбор этих строк, представитель Страховой компании Кёбо сказал: «В мире, где каждый реализует свои амбиции, царит суэта; мы выбрали для осенней вывески эти строки, чтобы люди, глядя на листопад, задумались об истинной значимости любви и жертвенности»⁸. Корейское общество меняется, вовлекаясь в глобальные процессы, и, видимо, даже такие знаковые идеи теперь требуют напоминания о себе.

Можно было бы продолжить углубляться в детали, но и по вышеприведенным примерам видно, что в качестве заметных изотопных линий проекта можно выделить следующие: 1) неслучайное обретение блага в результате ежедневных усилий и преодоления трудностей; 2) коллективизм; 3) близость к природе; 4) любовь как внимание, забота друг о друге. Плюс еще одна намечающаяся линия: 5) не бросающаяся в глаза уникальность каждого человека и каждого прожитого человеком дня. Не случайно в результате голосования, проведенного по поводу вывески Кванхвамун среди пользователей корейского Интернета в 2011 г., на первое место вышли строки «사람이 온다는 건 [Приход человека] — / 실은 어마어마한 일이다 [Грандиозное событие]. / 한 사람의 인생이 오기 때문이다 [Ведь он приносит с собою целую жизнь]». 정현중 [Чонь Хёнджонь]. «방문객» [«Посетитель»]. Лето 2011 г.

И ушедшей зимой на вывеске красовались строки лауреата Нобелевской премии по литературе 1996 г. польской поэтессы Виславы Шимборской:

[Ничто не случается дважды / Ни разу не повторится день / Поэтому ты прекрасен.]

Wisława Szymborska [Вислава Шимборска]. «Nic Dwa Razy» [«Ничто не случается дважды»]. Зима 2015 г.

Примечания

¹ Nöth, *Winfried*. Human Communication from the Semiotic Perspective. In F. Ibecwe SanJuan & T.M. Dousa (Eds.) *Theories of Information, Communication and Knowledge: A Multidisciplinary Approach*, 97—119. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer. P. 106.

² *Jakobson, Roman*. 1953/1971. Results of a Joint Conference of Anthropologists and Linguists. In R. Jakobson. *Selected Writings: Word and Language*, Vol. 2, 554—567. Hague: Mouton. P. 558—559.

³ См.: *Eco, Umberto*. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press; *Eco, Umberto*. 1984. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana University Press. 1976.

⁴ См.: *Lotman, Yury*. М., 2009. Culture and Explosion (Tr. by W. Clark). Berlin: de Gruyter Mouton.

⁵ См., напр.: *Mangion, Claude*. Philosophical Approaches to Communication. Bristol, Chicago: Intellect. 2011.

⁶ URL: <https://www.kyobo.co.kr/ci/gb/gb/SCIGBNLM003R01.form#>

⁷ *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2009. С. 626—627.

⁸ JoongAng Ilbo. 2012.09.03. URL: : <http://news.joins.com/article/9217901>

Е.А. Хохлова

ПЕЙЗАЖНАЯ ЖИВОПИСЬ РАННЕГО ЧОСОНА: НЕ «КАК?», А «ПОЧЕМУ?»

Ранним этапом развития живописи Чосона в южнокорейском искусствознании принято считать период с 1392 по 1550 г.¹ В это время происходило её становление. Была открыта придворная академия живописи Тохвасо, придворные художники работали в разных жанрах, таких как: *сансухва* («горы и воды»), *сакунчжа* («четыре благородных растения»), *ёнмохва* («птицы и животные»), портрет и др. Также с середины XV в. началось формирование *мунинхва* — «живописи интеллектуалов»². По известным историческим причинам сохранилось небольшое количество картин, написанных в ранний период. Основная их часть — пейзажи, и это не случайно. С приходом новой династии пейзаж занял особое место в культуре Чосона. «Горы и воды» начали рисовать ещё в период правления династии Корё, не позднее XII в., однако большую популярность пейзаж получил после того, как произошло возвышение интеллектуалов-аристократов, приверженцев неоконфуцианства.

Из пейзажной живописи сохранилось несколько створок ширм и свитков на тему *сасипхальгён* («Восемь видов четырех времен года» *사시팔경도*), «Восемь видов Сосана» (*소상팔경도*), один свиток под названием «Путешествие во сне в Персиковый сад» (*몽유도원도*), а также несколько изображений мудрецов, созерцающих природу. Среди сохранившихся работ можно выделить два направления: монументальный пейзаж и пейзаж более интимный.

К монументальному пейзажу можно отнести картины на сюжеты «Восемь видов четырех времен года» и «Восемь видов Сосана». Они представляют собой выполненные в одном стиле изображения природы с неизменным набором элементов, таких как: клубящиеся горы, водные потоки, большое количество незаполненного пространства и маленькие фигуры людей. Данные сюжеты были популярны среди аристократов и создавались предположительно придворными художниками. «Путешествие во сне в Персиковый сад» — это единственная работа, автор и время создания которой установлены. Остальные работы не были атрибутированы, существуют лишь предположения об их авторстве. Изображения мудрецов, созерцающих природу, представляют собой пейзажи, на которых изображена фигура человека на фоне природы, при этом пейзажное пространство сужено.

В целом пейзажи раннего Чосона — это изображения вымышленных, концептуальных, идеализированных видов природы. Чтобы понять, что эти пейзажи не являются изображением конкретных ландшафтов, достаточно сравнить силуэты нарисованных и реальных корейских гор. Способ построения композиции и технику художники отрабатывали, изучая китайские свитки, не работая с натурой, поэтому в сохранившихся ранних пейзажах сложно найти общее с реальной корейской природой.

Расцвет раннего пейзажа произошел во время правления вана Седжона (1418—1450) и вана Сонджона (1469—1494), когда творил придворный художник Ан Гён (?—?), заложивший основу чосонского пейзажа. Пейзаж формировался на основе художественной традиции династии Корё, а также китайских империй Сун и Мин. Считается, что путем переосмысления заимствованных из Китая стилей школ Ли-Го, Ма-Ся сформировался чосонский стиль пейзажной живописи, который доминировал на протяжении двух столетий и получил название *ангён-хва* («школа Ан Гёна» — 안견파)³. Интеллектуалы и члены королевской семьи восхищались пейзажами в стиле Ан Гёна и северосунского художника Го Си. Их в меньшей степени привлекали современные минские пейзажи, высокую оценку получали созданные чосонскими художниками пейзажи в стиле китайских классиков.

Самым популярным сюжетом являлся «Восемь видов Сосана» (рис. 1). Из небольшого количества дошедших до нас картин раннего периода двадцать написаны на данный сюжет, что свидетельствует о его популярности. «Восемь видов Сосана» писали придворные художники.

Так, например, точно известно, что один из свитков был создан Ан Гёном под руководством принца Анпхёна (1418—1453). Данный свиток не сохранился, но считается, что именно Ан Гён сформировал корейский вариант «Восьми видов Сосана», поэтому все сохранившиеся ранние пейзажи на данную тему приписывают кисти данного художника или его школе⁴.

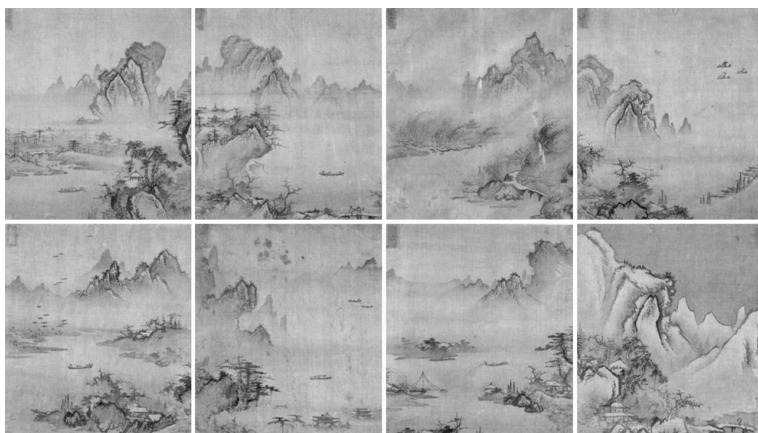

Рис. 1. Предположительно Ан Гён. «Восемь видов Сосана». XVI в. Шёлк, тушь. 35,3x29,9 см. Центральный государственный музей Республики Корея.

«Восемь видов Сосана» — это изображение места слияния рек Сянцзян и Гуйцзян. Начиная с эпохи Северной Сун, китайские поэты и художники воспевали красоту этих мест, с ними связано множество мифов и легенд. На восьми картинах изображены ландшафты, по два на каждый сезон года. Для каждого из восьми была задана тема, например «Река, небо, вечер, снег», «Улетающая или спускающаяся на воду стая диких гусей», «Дождливый вечер в Сосане». Художник, бравшийся за написание пейзажа, должен был создать произведение, соответствующее названию. Был сформирован набор обязательных элементов, из которых выстраивалось изображение. При этом достоверное изображение реальной местности не являлось задачей художника⁵. Интеллектуалы раннего Чосона любили читать стихотворения, описывающие красоты

Сосана, и созерцать написанные придворными художниками на основе поэтических описаний пейзажи. Известно, что принц Анпхён, прочитав стихи императора Южной Сун Нин-цзуна (1195—1224), описывающие виды Сосана, дал задание придворным художникам нарисовать восемь пейзажей на основе поэтического описания⁶. Таким образом, художники, не имевшие возможность увидеть реальные китайские ландшафты, создавали воображаемые пейзажи на основании письменных описаний.

Другой популярный жанр — «Восемь видов четырех времен года», по две картины на каждый сезон. Изображения сезонов создавали как в виде серии из восьми картин, так и по отдельности. Сохранился альбом «Восемь видов четырех времен года», также приписываемый кисти Ан Гёна (рис. 2).

Рис. 2. Предположительно Ан Гён. «Восемь видов четырех времен года». XV в. Шёлк, тушь, 35,2х28,5 см. Центральный государственный музей Республики Корея.

В целом картины сильно похожи на «Восемь видов Сосана». Очевидно, что изображения четырех времен года состоят из константных элементов, встречающихся в большинстве ранних пейзажей: высокие клубящиеся горы и простирающаяся далеко водная гладь, туман, высокие водопады. Композиция выстроена строго: на одной стороне листа сосредоточена основная часть горного массива, а другая часть

оставлена незаполненной для создания эффекта бесконечно простирающегося пространства. Данное композиционное построение было сформировано под влиянием сунского пейзажа и является общим для всех сохранившихся ранних монументальных пейзажей Чосона XV—XVI вв.

Свиток Ан Гёна «Путешествие во сне в Персиковый сад» (1447), как было упомянуто выше, является единственным атрибутированным и датированным пейзажем раннего Чосона (рис. 3). Свиток был нарисован по заказу принца Анпхёна. Мотивом заказа стал сон принца, в котором он в компании чиновников из придворной академии Чипхёнчжон совершил путешествие в Персиковый сад. Путешествие в Персиковый сад было описано поэтом Тао Юаньминем (365—427) в произведении «Персиковый источник». Персиковый сад — это идеальное место, где люди занимаются сельским хозяйством и ведут мирное гармоничное существование. Принц, не желая забыть прекрасный сон, попросил художника запечатлеть его. Ан Гён изобразил на картине путешествие принца из реального мира в мир утопии. После того как пейзаж был завершен, Анпхён созвал выдающихся придворных и попросил написать поэтические комментарии к произведению. В итоге был создан свиток длиной более десяти метров с пейзажем и комментариями 21 придворного. Горы нарисованы на манер Го Си, в целом произведение выглядит фантастично и монументально. Нет отсылки к реальной местности, художник нарисовал пейзаж так, как подсказало ему творческое воображение. Судя по тому, что представители интеллектуальной элиты участвовали в создании свитка, картину можно назвать стандартом искусства новой династии⁷.

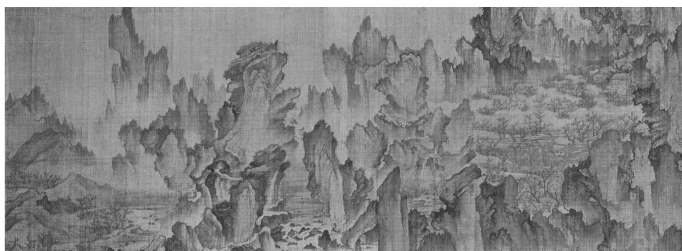

Рис. 3. Ан Гён. «Путешествие во сне в Персиковый сад». 1447. Шёлк, тушь, 38,7x106,5 см. Библиотека университета Тхэнни, Япония.

Помимо монументальных пейзажей создавали и картины, на которых была изображена фигура человека на фоне природы, дан крупный план, пейзаж сводился к изображению части горы и водного потока. Такие произведения создавали художники-интеллектуалы. В ранний период происходило становление живописи интеллектуалов, и немногие аристократы на тот момент занимались живописью. Только к концу XV в. интеллектуалы начали рассматривать живопись как занятие, достойное их статуса. Ярким примером раннего пейзажа, созданного интеллектуалом, служит работа Кан Хиана (1417—1465) «Мудрец, созерцающий воду» (고사관수도) (рис. 4). Отметим, что, будучи талантливым живописцем, Кан Хиан не хотел остаться в истории художником. На картине изображен удалившийся от мирской суеты интеллектуал в момент созерцания природы. За ним — скала, перед ним — водный поток. Изображен, скорее всего, не конкретный человек, а образ человека, мудреца, принявшего идею о единстве человека и природы⁸. Пейзаж также не является изображением конкретной местности, а представляет собой образ, выражающий принцип мироздания. Здесь также отражена идея о том, что природа — это не статичное явление, а бесконечное движение, и человек является частью этого процесса. И только тот, кто «следует закону природы, плывет на волнах познания», как записано в трактате «Хуайнань-цзы»⁹. Природа — священное место, куда можно попасть, освободившись от мирских страстей и зол.

Какую же функцию выполнял пейзаж в раннем Чосоне? Почему предпочтение отдавали воображаемому пейзажу? По причине того, что ни профессиональные художники, ни художники-любители не занимались теоретической разработкой проблем живописи (в отличие от Китая, где было создано большое количество трактатов), не просто дать точный ответ на вопрос о том, какие идеи выражены в ранних чосонских пейзажах. Однако нельзя не согласиться с мнением южнокорейского исследователя Ан Хвиджуна, который пишет, что пейзажная живопись раннего Чосона — это «типичный продукт конфуцианской культуры»¹⁰.

Пейзаж становится популярным с приходом новой династии, он становится главным жанром наряду с «четырьмя благородными растениями». Интеллектуалы-неоконфуцианцы стимулировали развитие пейзажа, поскольку данный жанр, предположительно, служил средством реализации идеалов, а также способом нравственного совершенствования¹¹. Пейзажная живопись едва ли выполняла исключительно декора-

тивную функцию. Ширмы с изображением природы ставились в кабинете ученого мужа, однако не только для того, чтобы украсить пространство. Сунский пейзаж, служивший образцом для монументальных пейзажей раннего Чосона, как считается, нес в себе идею «поиска человеком истоков своего существования в мироздании», что придавало пейзажной живописи сакральный, религиозный характер¹².

Рис. 4. Кан Хиан. «Мудрец, созерцающий воду». XV в. Бумага, тушь. 23,4x15,7 см. Центральный государственный музей Республики Корея.

В создаваемых чосонскими художниками спокойных, величественных пейзажах могло раскрываться «подчинение природных явлений порядку *ли*»¹³. Все ранние пейзажи — это изображения не конкретных ландшафтов, а некоего идеального мира, это природа вне времени, вне конкретики, это идеальный мир, в котором царит вечный порядок¹⁴. Ранние монументальные пейзажи находятся в рамках одного шаблона, который был, возможно, сформирован с целью реализовать основные положения неоконфуцианского учения. Пейзажная живопись разрабатывалась в Чосоне для конфуцианской элиты, хотя сами

интеллектуалы не занимались живописью, тем не менее художники рисовали по заказу элиты и реализовывали их идеалы. Основное положение неоконфуцианства — это тождество первопринципа *ли*. Мир *ли* невозможно увидеть глазами; все, что видит человек, — это лишь материальное воплощение — энергия *ки*. Первопринцип не виден, но именно он движет миром, он является законом, на котором построен мир. Считают, что в живописи интеллектуалы стремились изобразить *ли*¹⁵. Интеллектуалы считали, что задача живописи — изображение первопринципа, а не внешней оболочки предметов и явлений. В живописи воплощался не постоянно изменяющийся вместе с движением энергии *ки* мир, а первопринцип *ли*¹⁶.

Кроме того, пейзажи, очевидно, выполняли компенсаторную функцию, служа источником душевного спокойствия и способом отвлечься от повседневных забот и поразмышлять о принципах устройства мироздания, а также о месте человека в мире. Интеллектуалы, рассматривая изображения гор и вод, мысленно отправлялись в путешествие. Пейзажную живопись, созданную с этой целью, называли *ваюсансу* (досл.: «горы и воды, которые можно посетить лежа [дома]»).

XV в. — это период становления династии. Неоконфуцианство обрело статус государственной идеологии. Учение провозглашало идею создания сильного государства во главе с монархом, улучшения жизни, построения правильного общества на основе «вечного и естественного» закона общественной системы¹⁷. Был сформирован идеал безустанно самосовершенствующегося ученого мужа, преданного подданного, активно занимающегося делами государства на благо правителя и народа. Чувство долга и ответственности за происходящее в государстве, стремление к идеалу прошлого соседствовали с идеями о вреде активной деятельности, которые приводили к распространению стремления к соединению с природой и духовному отшельничеству глубоко в горах, вдали от «мирской пыли». В жизни интеллектуалов Чосона, для которых и которыми создавалась пейзажная живопись, присутствовал внутренний конфликт, сводившийся к необходимости выбора между жизнью в обществе и уединением в деревне¹⁸. При этом жизнь в мире людей, выход на службу представлялись злом, а жизнь в деревне, вдали от людей, считалась добром¹⁹. Естественно, были сформированы представления об идеальном мире, где человек живет свободно от страстей и алчности. Наиболее привлекательной утопией оказалась «Персиковый источник», придуманный поэтом Тао Юаньмином. Многие интеллектуалы верили в

существование идеальных мест, подобных деревне, описанной Тао Юаньмином, на Корейском полуострове. Описаны истории о путешествиях с целью отыскать такие места. Желание найти деревню с идеальным общественным укладом были описаны в поэзии и выражены средствами живописи.

Природа, монументальная и сказочно прекрасная, является местом обитания человека-отшельника, отказавшегося от мирской жизни в пользу неспешного существования в гармонии с природой. Представители правящей элиты, высокообразованные люди, для которых придворные художники рисовали пейзажи, отождествляли себя с героями картин — путниками, странниками, отшельниками. В пейзажах могло быть выражено осознание тщетности жизни, посвященной исполнению долга, стремление забыть на время о долге и насладиться мыслью о возможном свободном существовании вдали от мирской суеты. Для интеллектуалов Чосона характерно сочетание идеи необходимости исполнения долга с желанием оставить мир людей. Пейзажи не являются отражением безудержного желания оставить государственную службу. Наоборот, они выражают готовность посвятить себя государственной службе. Пейзажи с изображением прекрасных идеальных мест служили средством успокоения, некой духовной отдушиной трудившимся на славу государства чиновникам. Они и сегодня дарят чувство вселенского спокойствия и умиротворения.

Также, возможно, монументальные пейзажи являются изображениями идеального государства, где царит гармония, т. е. в них выражены стремления интеллектуалов построить идеальное конфуцианское государство, как было при правлении Яо и Шу. Один из авторов колофона к свитку «Восемь видов Сосана», созданного по заказу принца Анпхёна, Сон Саммун (1418—1456) назвал себя «человеком, живущим в эпоху процветания и благоденствия»²⁰. На монументальных пейзажах можно увидеть большое количество построек. Возможно, это и есть изображение идеального государства, а не стремление к уединению и отшельничеству.

Итак, поскольку пейзажная живопись создавалась для интеллектуалов, в ней выражены их сознание и стремления. Вне зависимости от того, какие идеи раскрывались в картинах, главное назначение пейзажа — доставлять удовольствие образованному человеку. Природа служила предметом раздумий, поэтому пейзаж не мог не приобрести универсальную значимость. В раннем Чосоне он мог служить инструментом

утверждения государственных ценностей, способом проникнуть в скрытую от глаз тайну мироздания, а также помочь интеллектуалам насладиться идеей духовного отшельничества.

Примечания

¹ В Республике Корея принято выделять следующие четыре этапа развития искусства Чосона: ранний (1392—1550), средний (1550—1700), поздний (1700—1850) и закат династии (1850—1910). *Ан Хвичжун*. Хангукхвехваэ ихе (Понимание корейской живописи). Сеул, 2004. С. 166.

² Под интеллектуалами мы подразумеваем *мунинов* (по кит. *вэньжэнь*), т. е. образованных или, как их еще называют, «учёных мужей».

³ *Ан Хвичжун*. Указ. соч.

⁴ *Пак Хэхун*. Тонян хвехвава Сосанпхалгыёндо (Дальневосточная живопись и «Восемь видов Сосана»). Сансухва: исанхьянль кумкуда (Пейзаж: в поисках уюта), Каталог выставки. Государственный музей Республики Корея. 2014. С.234.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ *Soyoung Lee*. Art of the Korean Renaissance, 1400—1600. Metropolitan Museum of Art. 2009. С. 78.

⁷ Там же. С.75.

⁸ *Пак Ёнсук*. Хангук мисуль ияги (Рассказы об искусстве Кореи). Сеул. 2003. С. 332.

⁹ Там же. С. 334.

¹⁰ *Ан Хвиджун*. Указ. соч.

¹¹ *Пак Хэхун*. Указ соч. С. 233—234.

¹² *Осенмук В.В.* Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун в Китае. М., 2001. С. 18—19.

¹³ *Глухарева О.Н.* Искусство Кореи. М. 1982. С. 139.

¹⁴ *Ко Ёнхи*. Чосон сансухва (Пейзажная живопись Чосон). Сеул, 2007. С. 103.

¹⁵ *Пак Учхан*. Хангук мисуль ёкса (История корейского искусства). Сеул, 2014. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху феодализма. М., 1971. С. 17—18.

¹⁸ Ан Дэхи. Ет мунхак сок исанхянэ сэге (Утопия в произведениях классической литературы). Сансухва: Исанхянль кумкуда (Пейзаж: в поисках утопии). Каталог выставки. Государственный музей Республики Корея. 2014. С. 222.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Soyoung Lee*. Op. cit. P. 78.

А.В. Погадаева

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В КОРЕЕ

С точки зрения художественного текста детектив не относится к высокохудожественным жанрам. Из трех признаков художественности (динамический метаморфизм, вымышленность и наличие стилистически маркированных элементов) в жанрах, подобных детективу, проявляются лишь два¹. Неудивительно, что и в Корее детектив долгое время считался низким жанром. До сих пор в книжных магазинах продаются прежде всего переводы западных и японских произведений этого жанра. В год в стране печатается около 350 новых детективов, но лишь 10 % из них принадлежат перу корейских писателей². Таким образом, не так много корейских писателей, работающих в этом жанре. Назовем некоторых наиболее популярных из них: Пан Ингын (방인근), Хо Муннён (허문녕), Ли Сану (이상우), Ли Сугван (이수광). В 1983 г. была основана Ассоциация корейских писателей детективов (한국추리작가협회), которая раз в год издает сборник «Детективные истории года» (올해의 추리문학)³.

Интересно проследить историю возникновения и развития детективного жанра в Корее. Прежде чем начать рассматривать данную тему, необходимо дать определение термину «детектив». Согласно Словарю литературоведческих терминов, «**Детектив** — это (англ. — сыщик; от лат. — раскрытие) художественное произведение с особым типом сюжета, связанным с раскрытием загадочных преступлений, противостоянием добра и зла, где, как правило, добро побеждает зло. Для детектива как жанра характерны следующие основные ограничительные

признаки: 1) наличие тайны преступления (чаще всего убийства); 2) моральное и физическое столкновение на этой почве сыщика-профессионала или сыщика-любителя и преступника; 3) процесс расследования, при котором проверяются и отрабатываются различные версии случившегося, испытанию подвергаются разные подозреваемые и сам ведущий расследование; 4) установление личности преступника; 5) восстановление всех обстоятельств преступления».

Первым корейским писателем в жанре детектива корейские исследователи считают Ли Хэджо (이혜조, 1869—1927). В советское время в корееведении этот писатель рассматривался прежде всего как автор новой прозы (신소설). Центральным его произведением считалась повесть «Колокол свободы» (자유종, 1910). В то время как этот писатель, на наш взгляд, намного многограннее и интереснее. Ли Хэджо ищет новые формы в литературе, отличные от всего, что существовало прежде. Он писатель-новатор. Прежде всего, он создает целый ряд произведений на сюжеты традиционной корейской литературы, наполняя их новым актуальным для своего времени звучанием и проблематикой: «Цветок в заточении» (옥중화, на сюжет повести «Чхунхян» 춘향전), «Кровь цветка» (화의혈, элементы сюжета повестей «Чхунхян», «Симчхон» и «О Розе и Алом Лотосе»). Ли Хэджо в 1908 г. также пишет повесть «Меч, изгоняющий демонов» (구마검), действие повести разворачивается в древние времена, но главная цель произведения — критика современных социальных проблем, развенчивание предрассудков, связанных с верой в духов и шаманизмом. Ли Хэджо известен и как переводчик. В частности, он перевел и переработал научно-фантастический роман Жюль Верна «500 миллионов бегумы» и опубликовал его под названием «Железный мир». Кроме того, он перевел и адаптировал для корейского читателя новеллу «Дело вдовы Леруж» (*L'Affaire Lerouge*, 1866) одного из основателей детективного жанра во Франции Эмиля Габорио (*Émile Gaboriau*, 1832—1873). Сюжет этой новеллы лег впоследствии в основу рассказа Ли Хэджо «Зонтик» (박쥐우산, 1920).

Первый рассказ в жанре детектива «Две нефритовые дудочки» (쌍옥적) был опубликован частями в «Имперской газете» (제국신문) в период с 4 декабря 1908 г. по 12 февраля 1909 г. В этой газете Ли Хэджо публикует целый ряд самых разнообразных произведений. Первые напечатанные сочинения помечены жанровым показателем «сосоль» (소설, в конце XIX — начале XX в. этим термином обозначается любая художественная проза), например «Мертвый цветок» (고목화). А чуть

позже он начинает печатать произведения, помечая их новыми жанровыми показателями, придуманными им самим: «драматическая проза» (연극소설), «политическая проза» (정치소설), «семейная проза» (가정소설) и др. В частности, рассказ «Две нефритовые дудочки», помеченный термином «детективная проза» (정탐 소설), дал начало корейской детективной литературе⁴. Данный термин состоит из иероглифов 偵 («чон»), означающий «шпионить», «разведывать», и 探 («тхам») со значением «искать». Таким образом, термин можно перевести как «проза о выслеживании»⁵.

События рассказа происходят в начале XX в., когда в поезде на линии Сеул—Инчхон у господина Кима пропадает сумка с деньгами. Похитителями являются братья, ведущие по ложному следу детектива Чон Сунгома, которому было поручено это дело. К признакам детективной истории исследователи относят события, обусловленные логическими связями, а не сверхъестественными силами. Кроме того, в центре истории лежит происшествие, которое расследует полиция. Однако с рассказом Ли Хэджо не все однозначно, так как, по всей видимости, он является переложением китайского или японского произведения, что было характерно для литературы того времени. Кроме того, сюжету не хватает целостности.

После успешной публикации рассказа в газете по частям сразу было принято решение напечатать его отдельным изданием, но из-за изменившейся политической обстановки в стране книга, состоявшая из 118 страниц, вышла в свет позже — в декабре 1911 г. Почти через 100 дней (что говорит о популярности рассказа) выходит переиздание этого произведения, но уже в другом издательстве. Во втором издании объем рассказа был сокращен до 104 страниц. Третье издание было осуществлено в апреле 1917 г., количество страниц в котором сократилось до 98. Сложно сказать, по какой причине был сокращен объем произведения. Одной из возможных причин исследователи указывают возросшие цены на бумагу. Последнее издание, вышедшее при жизни писателя, было опубликовано ровно через год — в 1918 г. В новом издании было 74 страницы, что никак не повлияло на содержание рассказа, так как сокращение объема произошло за счет того, что из текста убрали деления на абзацы и части. А вот обложка книги была изменена полностью⁶.

В «Имперской газете» были опубликованы и другие детективы Ли Хэджо, например упомянутый выше рассказ «Зонтик» (박쥐 우산,

1920) и детективная история «Чье-то преступление» (누구의 죄, 1913). До сих пор исследователи ведут споры относительно авторства этих произведений, так как они были опубликованы в газете анонимно. Однако в обоих произведениях отмечается целый ряд сходств: стиль, прорисовка героев, мотивы, что позволяет сделать вывод, что они были написаны одним автором. Рассказ «Зонтик» не выходил отдельным изданием, но второй детектив «Чье-то преступление» был опубликован в собрании рассказов в 1921 г. под одним из псевдонимов Ли Хэджо — Хэгван (해관자 解觀子)⁷.

Первым собственно корейским детективом считается новелла «Человек-демон» (마인), опубликованная в 1939 г. писателем Ким Нэсоном (김내성, 1909—1957), все литературное творчество которого связано именно с этим жанром.

Интересно отметить, что это не первый детектив, написанный Ким Нэсоном. Первая история — «Кровавый гранат» — была написана им в Японии на японском языке. В Японии она так и не была опубликована. Ее издали уже в Корее в переводе на корейский язык в 1950-е годы⁸.

Первая опубликованная история «Эллиптическое зеркало» (타원형의 거울, *Daenkei no Kagami*, 1935) была создана также на японском языке и вышла в свет в журнале «Профиль» (*Purofiru*) именно в Японии, когда автор учился в университете в Токио. Рассказ начинается с объявления в журнале «Фантом», в котором читателям предлагается распутать ужасное преступление, произошедшее в Сеуле шесть лет назад, когда в ванной была найдена убитой жена одного писателя. В доме кроме супругов находились две служанки и молодой писатель. Следователь выяснил, что у убитой и молодого писателя был роман и что в день убийства они сильно поругались. Но никаких прямых доказательств причастности молодого писателя к убийству найдено не было. Позже муж убитой кончает жизнь самоубийством. И вот спустя шесть лет молодой писатель получает возможность снять с себя все подозрения и реабилитировать свое доброе имя. Он начинает писать письма редактору журнала, открывая завесу тайны⁹.

После этого Ким Нэсон написал целый ряд детективов на японском языке. Все они были объединены в сборнике *Kim Nae-seong Tantei Shousetsu Sen* («Собрание детективных рассказов Ким Нэсона»).

После возвращения на родину в 1936 г. писатель переводит некоторые свои старые детективы с японского на корейский и публикует

их. В период, когда Корея находилась под протекторатом Японии, в разных журналах публиковались детективные рассказы на японском языке как самих японцев, так и корейских авторов. Некоторые из этих детективных рассказов были собраны и опубликованы в Корее в 2014 г. в «Сборнике детективных историй на японском языке, изданных в Сеуле» (경성의 일본어 탐정 작품집), в него вошли 22 рассказа японских и корейских писателей, а также переводы двух новелл («Пестрая лента» и «Серебряный») о Шерлоке Холмсе¹⁰.

Новелла «Человек-демон», в которой таинственные исчезновения людей расследует детектив Ю Буллан (유불란), имела огромный успех. Имя Ю Буллан созвучно имени знаменитого французского «джентельмена-разбойника» Арсена Люпена из историй французского писателя Мориса Леблана (1864—1941)¹¹. Детектив Ю Буллан расследует преступления в целом ряде рассказов Ким Нэсона, в том числе японского периода. В новелле «Человек-демон» он пытается предотвратить убийство всемирно известной певицы Чу Ынмон (추은몽). Первое покушение на ее жизнь было совершено на бале-маскараде в ее собственном доме, когда неизвестный человек, одетый клоуном, попытался ее убить. Позже Чу Ынмон получает красный конверт, в котором обнаруживает письмо с угрозой. После чего следует цепь интригующих таинственных событий¹².

После Освобождения наиболее известным писателем в жанре детектива стал Ким Сонджон (김성중, родился в 1941). Его наиболее известные произведения: «Последний свидетель» (최후의 증인), «Глаза восхода» (여명의 눈동자) и др. Роман «Глаза восхода» (1981), состоящий из 10 частей, дал начало одноименному сериалу. Действие романа охватывает огромный период времени: от японского колониального периода до Корейской войны.

Рассматривая историю детективного жанра в Корее, необходимо упомянуть книгу Ли Чонмёна (이정명) «Ветер, касающийся звезд» (별을 스치는 바람), которая вышла в 2014 году в переводе на английский язык под названием «Расследование» (Investigation). Это история о преступлении, основанная на реальных событиях. С точки зрения криминальной истории, это не очень удачное произведение, скорее его стоит оценивать как историю из жизни поэта Юн Донджу (윤동주, 1917—1945). Во время учебы в Японии в 1943 г. поэт был арестован за участие в движении за независимость Кореи и приговорен к двум годам тюрьмы, после чего был отправлен в тюрьму в пре-

фектуре Фукуока, где в 1945 г. скончался. В основе истории лежит убийство одного из самых жестоких тюремных охранников и цензора Сугиямы, тело которого обнаруживает его коллега Ватанабе Юичи. Сугияма был найден повешенным с зашитым ртом, а в кармане был обнаружен листок со стихотворением. Ватанабе было поручено расследовать это убийство. Стихотворение приводит его к заключенному Юн Донджу, который таинственным образом связан с убитым. Не совсем понятно, почему при переводе было изменено название произведения, так как оно отсылает к стихотворению, которое цитируется в тексте повествования. Когда Юн Донджу был арестован, при нем был найден неизданный сборник его стихотворений «Небо, ветер, звезды и стихи» (하늘과 바람과 별과 시), часть из которых цитируется в произведении. В 2015 г. книга «Расследование» попала в номинанты на премию газеты «Independent» за переводную прозу (Independent foreign fiction prize, IFFP), но не попала в «шорт-лист» (в отличие от Харуки Мураками, впервые попавшего в пятерку лучших)¹³.

На русском языке пока не опубликовано ни одного корейского детектива, но в 2016 г. должно выйти два детективных рассказа (в сборнике современной корейской литературы издательства «Гиперион» и в специальном номере журнала «Иностранная литература», посвященном литературе Кореи).

Итак, в ходе нашего небольшого исследования выяснилось, что корейцы понимают под словом «детектив» (в настоящее время прежде всего используется термин *чхуримиль* [추리물]) не совсем то, с чем принято ассоциировать это слово в западной литературе. Упомянутый термин говорит сам за себя: «чхури» (추리 推理) переводится как «вывод, умозаключение». Корейцы чаще всего причисляют к детективному жанру рассказы, в которых просто произошло убийство, а также истории, которые мы бы скорее отнесли бы к жанру триллера. Если вернуться к западному определению детектива, в Корее совершенно не обязательно должна быть тайна преступления, не обязательно даже присутствие сыщика. Таким образом, получается, что применение западного термина «детектив», как и других жанровых показателей, принятых на Западе, не совсем обосновано и целесообразно. В литературах стран Дальнего Востока, в частности в Корее, существует своя жанровая система с присущими ей особенностями, спецификой и представлениями.

Примечания

¹ Псурцев Д.В. Динамический политропоморфизм художественного текста и адекватность перевода (лекция на IV научно-практическом семинаре по теории и практике перевода «Поиск баланса между адекватностью и эквивалентностью в переводе с корейского на русский»), ИСАА МГУ, 19—20 ноября 2015.

² Юн Минён. Хангук чхури мунхак-ый одже, оныль кыриго нэиль (Корейская детективная литература: вчера, сегодня, завтра.), «Кёнхян синмун», дата выхода: 06.11.2009. URL: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=200906110930035 (дата обращения: 02.04.2016).

³ Сайт Ассоциация корейских писателей детективов. URL: <http://www.mystery.or.kr/> (дата обращения: 10.02.2016).

⁴ Позже этот термин был заменен на 탐정 소설.

⁵ В корейско-русском словаре дается словосочетание 탐정 (정탐) 소설 и переводится как «детективная литература» (Большой корейской-русский словарь. М., 1976. Т. 2. С. 271.).

⁶ Су Сонгон. Чхвечхо-ый чхури сосоль «Ссанокчок»-ый мисытхори (Загадка первого детектива «Две нефритовые дудочки»). Сайт научного института по исследованию национальной литературы. Дата выхода: 14.10.2012. URL: <http://www.mimnun.org/index.php?query=serial09&numerals=24&PHPSESSID=5fc4da9c43499efd6f6b1e6411a230> (дата обращения: 10.02.2016).

⁷ Чхве Сонюн. Ынгуксанин-ый «Нугу-ый чве»-ва мусомён «Пакчвиусан»-ый пхильджа мундже. (Проблема установления авторства рассказов «Чье-то преступление» и «Зонтик»), диссертация, 2013.

⁸ Онлайн-магазин книжного магазина «Кёбо мунго». URL: <http://www.kyobobook.co.kr/product/detailViewKor.laf?&mallGb=KOR&ejkGb=KOR&barcode=9788996253297&orderClick=LBB&Kc=SETRETAgendasearch> (дата обращения: 10.02.2016)

⁹ Ho-ling. Platinum Rose. Blog «Where I write about detective fiction». Дата публикации: 01.10.2015 URL: <http://ho-lingnojikenbo.blogspot.nl/search/label/Kim%20Nae-seong%20%7C%20%EA%B9%80%EB%82%B4%EC%84%B1%20%EF%BC%88%E9%87%91%E4%BE%86%E6%88%90%EF%BC%89> (дата обращения: 10.02.2016)

¹⁰ Онлайн-магазин книжного магазина «Кёбо мунго». URL: <http://www.kyobobook.co.kr/product/detailViewKor.laf?ejkGb=KOR&linkClass=052117&barcode=9788960713703> (дата обращения: 10.02.2016).

¹¹ Так же, как японский писатель Таро Хираи (1894—1965), известный под псевдонимом Эдогава Рампо, который является созвучным с именем американского писателя Эдгара По.

¹² Хангук чхвечхо-ый понгёк чанпхён чхури сосоль «Маин» (Первый корейский серийный детектив «Человек-демон»). Blog «Paperhouse», дата выхода: 09.11.2009. URL: <http://paperhousebook.tistory.com/4> (дата обращения: 10.02.2016).

¹³ *Tony Malone*. «The Investigation» by Jung-Myung Lee (Review — IFFP 2015, Number 5), дата выхода: 22.03.2015 URL: <https://tonysreadinglist.wordpress.com/2015/03/22/the-investigation-by-jung-myung-lee-review-iffp-2015-number-5/> (дата обращения: 10.02.2016).

Глава 8

РАСШИФРОВЫВАЯ КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Ю.Г. Смертин

КОРЕЙСКИЙ ШАМАНИЗМ: ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Шаманизм был единственной системой верований корейцев до прихода из Китая конфуцианства, буддизма и даосизма в первые века н.э. Когда иностранные учения укоренились на корейской почве, шаманизм взаимодействовал с ними, приспосабливал их к местным условиям и способствовал их взаимосвязи¹. Можно говорить об определенной «шаманизации» китайских религий в Корее. В свою очередь, шаманистические верования подверглись влиянию более развитых религиозно-философских систем, прежде всего буддизма и даосизма. Все это свидетельствует о том, что шаманизм является постоянным фактором корейской жизни, уникальным ключом к пониманию корейской традиционной культуры и менталитета корейцев.

Существует множество определений шаманизма, вытекающих из точки зрения исследователя на эту проблему². Несмотря на различия в дефинициях, все специалисты выделяют особую роль шамана, способного во время особого ритуала (камлания) и в особом состоянии общаться с потусторонними силами ради разрешения насущных проблем людей.

Мудан

Шаманские функции чаще всего выполняют женщины из низших социальных классов. Даже в настоящее время большинство корейских шаманов (*мудан*) имеют низкий уровень образования: 20 % из них

окончили начальную школу, 10 % имеют незаконченное начальное образование, а остальные вообще не посещали школу³.

Мудан претендуют на особые отношения с духами, вступают в контакт с ними, понимают их желания и являются посредниками в диалоге между людьми и добрыми и злыми духами, а также духами умерших с целью обеспечения коллективного и частного благосостояния.

Пантеон корейского шаманизма огромен. Условно его можно разделить на две группы. К *первой* относятся божества и духи окружающего мира: Солнца, Луны, звезд (особенно семи звезд Большой Медведицы), Земли, гор, рек, морей, дороги, огня, ветра, дерева, камня, загробного мира, животных, земледелия, дома, родовспоможения и др. Во *вторую группу* входят персонифицированные объекты почитания: мифические первопредки, основатели древних корейских государств, полководцы древности и другие выдающиеся деятели корейской истории, буддийские и даосские божества и др.⁴

Шаманами в Корее в основном становятся двумя путями. В первом случае шаманский дар приобретает в результате «избранничества»: в человека вселяется дух, чему предшествует так называемая шаманская болезнь (*синбён*), выражающаяся внезапным и резким ухудшением физического и психического состояния, исчезновением границы между сном и реальностью, слуховыми и зрительными галлюцинациями. Заболевшая, осознав природу недуга, обращается к известному шаману, который проводит специальную церемонию для выяснения воли духа. Затем следует ритуал посвящения в *мудан*, в ходе которого происходит вселение духа в кандидата. Видимыми проявлениями этого является непроизвольное сокращение мышц тела, за чем следует экстатический танец. В конце церемонии шаман подтверждает одержимость кандидата духом⁵.

Отныне *мудан* и дух составляют единое целое. Дух, который владеет шаманом (*мусин*), дает ему сверхъестественные способности во время отправления ритуала. Но поначалу (в течение 3—5 лет) новичок помогает опытному коллеге в проведении церемоний и учится у него профессиональным премудростям, в частности учит наизусть длинные шаманские песни-заклинания (*муга*)⁶.

Боговдохновенная *мудан* имеет в своем доме алтарь, посвященный «своему» духу, на котором расставлены ритуальные принадлежности, в том числе даосские и буддийские: зеркала, веера, колокольчики, ритуальный меч, старинные монеты, керамические сосуды и проч.

Над этими предметами на стене помещается изображение духа (*мусиндо*), а под ними — барабан в форме песочных часов (*чанго*) и одежды для переодевания во время церемонии. Этот тип харизматического *мудан*, называемый *кансинму*, распространен по всему полуострову, включая север⁷.

Другой путь предполагает наследование права проведения шаманского ритуала по семейной мужской линии: от деда к отцу, от отца к сыну. Но *мудан* становится не мужчина, а женщина, которая приходит в эту семью в результате замужества. Девочка, предназначенная быть отданной в семью *мудан*, с десятилетнего возраста обучается основам ритуала. После свадьбы мать мужа учит невестку искусству проведения церемоний, и когда муж наследует от отца право быть шаманом, жена становится *мудан*. Наследственная *мудан* (*сесымму*) имеет исключительное право отправлять ритуалы в определенном районе. Она не олицетворяет себя с духом (божеством), не вступает с ним в диалог, а лишь передает ему желания клиентов, выполняя только роль жреца, руководящего церемонией⁸. Ее действия носят более формализованный, «ремесленнический» характер по сравнению с боговдохновенным шаманом: для нее характерны механическая декламация, медленные танец и пение, употребление малого количества костюмов.

Шаманские практики

Детали шаманских практик варьируются в зависимости от региона, но общие черты включают использование изображений народных божеств (некоторые божества имеют происхождение в даосизме и буддизме), жертвоприношения духам в виде пищи, алкогольных напитков, денег. Церемония сопровождается музыкой и танцами, пением и декламацией. В состоянии транса *мудан* общается с духами: изгоняет злых духов и сообщает волю добрых духов. Кульминацией действия может быть хождение шаманки босыми ногами по лезвиям ножей, что является демонстрацией ее духовной силы.

Описанная церемония называется *кут*. Она проводится в особом, святом месте: это может быть алтарь в доме *мудан*, частный дом, в котором сооружается временный алтарь, или деревенское святилище, посвященное духу-охранителю местного сообщества (*синдан*). Часто в литературе под *кут* понимают любой шаманский обряд в Корее, но в

строгом смысле это «широкомасштабный *чевый*, сопровождаемый шаманскими песнями и танцами»⁹. Простые обряды, призванные обеспечить удачную поездку, улучшить супружеские отношения или излечить легкую болезнь, называются в разных местностях по-разному (*писон*, *чхисон*, *сонбибим*) и включают в себя простые действия: например, шаманка передает просьбу духу, потирая ладони.

Существует два основных типа *кута*: *ильбан-кут*, который проводится в семейном коллективе, и *тан-кут*, осуществляемый в интересах деревенской общины.

1. *Ильбан-кут*

Ильбан-кут включает все обряды, связанные с исполнением надежд живущих людей, с желанием, чтобы душа умершего отправилась на небеса для вечной жизни, с назначением духа-охранителя дома.

Шаманизм в Корею тесно связан с традиционным домом, и, по мнению корейского исследователя Джун Ёнли, эти феномены культуры невозможно понять в отрыве друг от друга. Корейский дом не только сохраняет шаманские традиции, но и является шаманским святилищем¹⁰.

Показателен в этом отношении обряд *сонджу понхан* — церемония, посвященная главному божеству дома, чье имя *Сонджусин*. Обряд проводится при въезде в новый дом. *Мудан* определяет дату и готовится к *куту*: в доме устанавливается стол и *сонджутэ* — ветка сосны с прикрепленной к ней свернутым листом белой бумаги, олицетворяющая мировое дерево и космическую ось — по ней *Сонджусин* спускается с небес.

Шаманка начинает *кут* с изгнания из дома злых духов, для чего в течение нескольких минут бьет в барабан. Затем *мудан* призывает духа — охранителя дома и, держа сосновую ветку, танцует перед церемониальным столом. Этот акт называется «развлечение духа». После этого она снимает с ветки бумагу, разворачивает ее на столе, кладет на нее монеты, вновь сворачивает, окунает в воду или *макколли* (алкогольный напиток типа браги) и прикрепляет намокшую бумагу к стене или верхней части опоры крыши. Набрав горсть риса и разбросав его в три приема, она выкрикивает: «Пусть этот рис превратится в десять тысяч больших мешков риса». За этим следует ритуальное песнопение, во время которого члены семьи кладут белую бумагу на стол и высыпают на нее три меры риса. В конце церемонии возжигается свеча¹¹. Детали описанного *кута* могут меняться в зависимости от региона, но основной его

порядок неизменен. Как и любой *кут*, он состоит из 12 ступеней (*кори*), которые можно объединить в четыре этапа: призывание духа, развлечение духа плясками и танцами, вселение духа в шаманку и передача через нее своей воли, проводы духа.

После поселения в доме *Сонджусин* обитает в маленьком квадратном бумажном пакете, в который насыпано немного риса, вымоченного в рисовом вине. Пакетик с наклеенными на него зернами риса прикрепляется к главной балке самой большой комнаты. Вместители духа периодически обновляется (это можно делать и без шамана)¹².

Кроме главного духа — охранителя дома существуют другие домашние духи: двора, очага, отхожего места, ворот дома, кладовой, свинарника и т.п. Среди них выделяется *Тходжу* (дух — владыка домовладения). Он обитает в бутылке или банке, содержащей зерна риса и обвязанной соломой; хранится она за домом или во дворе среди глиняных горшков с соевым соусом.

Важные функции выполняет другой домашний дух — *Самсин* (дух чрева). Ему молятся женщины, желающие зачать ребенка. *Самсин* обитает в тыкве или бумажном пакете, содержащих немного риса и бумажные талисманы (*пуджок*) с изображением мистических диаграмм, текстами молитв. Убежище духа вешается в углу жилой комнаты. Жертвенной пищей *Самсина* является богатый йодом и железом суп из водорослей (*миёккук*), который корейские матери едят сразу после рождения ребенка. *Самсин* также является духом — покровителем младенцев и малышей¹³.

Духам дома посвящается обряд жертвоприношения, называемый *коса*. Он проводится осенью, в десятый лунный месяц с целью моления о благоприятной судьбе семьи, отвращения несчастья и изгнания злых духов. Накануне церемонии хозяйка дома, которая играет в этом обряде ведущую роль, совершает омовение, перед воротами устанавливает сосновые ветки и натягивает веревки из рисовой соломы, готовит жертвоприношения. Приглашенный шаман передает желания клиента каждому духу посредством песен, танцев и барабанного боя. Утром семья собирается за столом и ест жертвенную пищу. В последнее время обряд *коса* часто упрощается и ограничивается несколькими поклонами перед миской с рисовыми лепешками.

Важное место в семейных обрядах занимает церемония *чиногви*, совершаемая на 49-й день после смерти человека; она связана с проходами умершего в Следующую жизнь (*чосын*) и достижением им Иде-

ального неба (*кыннак*). Первые 11 ступеней церемонии такие же, как в любом *куте*. Основным содержанием заключительной 12-й ступени является декламация *мудан* шаманского мифа о *Пари-конджу* («Брошенная принцесса») — родоначальнице и покровительнице шаманок¹⁴. Исполнение сопровождается звоном колокольчиков, которые *мудан* держит в левой руке, и барабанным ритмом.

Следующая стадия заключается в обходе шаманкой церемониального стола, который выносится из главной комнаты во двор. При этом за ней следуют члены семьи умершего, держа в руках горящие свечи и благовонные палочки. Сделав 10 или 15 кругов, шаманка берет в правую руку меч, поднимает его над головой, указывая на небо, вертит против часовой стрелки, а затем перебрасывает его над столом своей ассистентке. Заканчивается эта часть церемонии пяти- или шестикратным обходом стола против часовой стрелки.

После этого за столом устанавливаются так называемые тернистые ворота, через которые должна будет проходить душа покойника. К верхней части ворот прикрепляются две длинные полосы тканей — хлопчатобумажной и из волокон конопли, которые символизируют дорогу из этого мира в мир иной. Ударяя в маленький гонг, *мудан* проходит вдоль полос ткани, разделяя их грудью надвое. Смысл этой процедуры заключается в прокладывании умершему дороги в Следующую жизнь. После этого шаманка заворачивает «душу» покойника в белую бумагу и несколько раз проносит через «тернистые ворота», чтобы душа не застряла на пути в иной мир.

На следующей стадии душа умершего приглашается вселиться в *мудан*. Последняя накалывает «душу» на декоративную шпильку для волос и «умирает». Голосом покойника она воспроизводит жалобы души, а затем отправляет ее обратно, исполняя финальную песню-заклинание¹⁵.

2. Тан-кут

Коллективный *тан-кут* призван обеспечить гармоничную жизнь, здоровье и благополучие всех жителей деревни. Обряды этого типа сопровождаются ритуальными песнями и танцами, музыкой деревенского ансамбля. Существует три основных вида деревенских праздников стиля *кут*:

1) *тансандже-кут*. Это ежегодный обряд поклонения Горному духу (*Сансину*), одному из самых почитаемых божеств шаманизма. Это дух горы или холма, расположенного к северу от деревни. *Сансину*,

как полагают специалисты, поклонялись на Корейском полуострове с I в. н. э., и он ассоциировался с *Тангуном*, мифическим родоначальником корейцев и основателем корейского государства¹⁶. С приходом буддизма *Сансин* получил статус бодхисатвы, и его изображения можно встретить как в деревенских алтарях, так и в буддийских храмах. На картинах он представлен тигром, стариком с белой бородой и высоким лбом (как даосские бессмертные-*сяни*) или стариком в сопровождении тигра. *Сансина* молят о предотвращении стихийных бедствий. *Мудан* в этом *куте* не участвует, шаманские функции отчасти выполняют деревенские музыканты, которые во время обхода деревни бьют в барабаны и просят богатого урожая и процветания жителей. В конце церемонии следует коллективное жертвоприношение. Распространен этот вид *кута* на юго-западе полуострова.

Подобный праздник, называемый *сансиндже*, отмечается в конфуцианском стиле и не считается *кутом*, хотя в его основе находится *тансандже-кут*. В правление династии Чосон (1392—1910 гг.), когда происходили гонения на буддизм и утверждение неоконфуцианства в качестве государственной идеологии, предпринимались попытки исключить и шаманизм из социальной жизни¹⁷. Однако сделать это оказалось невозможным: люди стали приспособлять к конфуцианским ритуалам народные верования. Так возник *сансиндже*, который проводится спокойно, без песен и танцев, в форме конфуцианских семейных ритуалов, но основа его остается шаманистской. Деревенские патриархи призывают *Сансина*, кланяются ему, предлагают вина, прощаются с духом и выпивают за благосостояние жителей деревни¹⁸;

2) *пёльсин-кут* — обряд под руководством шамана по умиротворению духа — покровителя деревни, моления за мир и процветание, а также изгнания злых духов. В нем участвуют деревенские музыканты. Он также сопровождается театрализованным представлением в масках, сочетающим в себе конфуцианское морализаторство и развлекательные моменты¹⁹. Заканчивается *пёльсин-кут* ритуальным жертвоприношением в общинном святилище, обычно расположенном за деревней на горе. Зримым воплощением местного духа являются ритуальные столбы *чансын* с антропоморфными чертами и шесты — *соттэ*, на вершинах которых находятся деревянные изображения птиц. *Пёльсин-кут* проводится в основном на юго-востоке страны раз в три с половиной, а иногда 10 лет;

3) *тодан-кут*. Этот обряд тоже посвящен Горному духу, но от начала до конца проводится профессиональным шаманом, который про-

сит защиты и процветания для местных жителей. Никаких конфуцианских элементов здесь не присутствует, церемония носит подчеркнуто праздничный характер и заканчивается всеобщим пением и танцами, славящими добродетели *Сансина*. Как и *пёльсин-кут*, *тодан-кут* проводится раз в несколько лет; он популярен в центральном регионе, в районах Сеула и Кэсона²⁰.

Помимо описанных церемоний стиля *кут* существуют и некоторые другие²¹, но ограниченные размеры статьи не позволяют раскрыть их содержание.

Новые лики корейского шаманизма

Какое место шаманизм занимает в духовном универсуме современных корейцев? Как его ярко выраженный иррационализм сочетается с жизнью высокотехнологичного общества XXI в.?

Шаманизм в сегодняшней Корее — это живая религия, которой привержены большинство простых людей и которая дает им чувство безопасности, надежды на лучшую жизнь, придает смысл этой жизни. Шаманизм доказал свою органичность: его общественную значимость в XX в. не смогли поколебать модернизационные попытки режима Пак Чжонхи в 1970-х годах искоренить «предрасsudки» путем разрушения деревенских святилищ и алтарей, преследования практикующих шаманов.

С 1970-х годов начинаются бурные исследования в области шаманизма, он провозглашается основой корейской культуры. То, что раньше считалось предрасsudком, превратилось в последнее время в предмет национальной гордости. Будучи глубоко включенной в процесс глобализации, Корея в культурном плане хочет остаться уникальной страной, отличной от других. Культура, традиции и обычаи народа тщательно изучаются научным сообществом при мощной поддержке государства. Постоянно и повсеместно устраиваются фестивали народной культуры, которая неотделима от шаманизма. В школах и университетах уделяется серьезное внимание культурному прошлому и настоящему страны.

Установить число последователей шаманизма в Республике Корея довольно трудно. Исследователи дают разные цифры: более 10 млн (из примерно 50 млн населения)²²; около 87 % населения страны²³. Такой разброс объясняется, видимо, тем, что применяются разные методи-

ки подсчета. Одни ученые записывают в приверженцы шаманизма только активно соблюдающих религиозные традиции, другие считают шаманистом любого, кто кладет камешек в кучу камней и привязывает полосу ткани к дереву на горном перевале или обращается к *мудан* с целью добиться успехов в бизнесе. Последних в Корее становится все больше²⁴. Все чаще устроители церемоний открытия шикарных отелей и офисов крупных компаний приглашают шаманов для проведения соответствующих ритуалов. На многих рынках Сеула целые ряды отведены для продажи свиных голов, используемых для жертвоприношений.

В Корею начала XXI в. шаманки живо реагируют на веяния времени и включают в сонм традиционных объектов почитания духов бизнеса, торговли, электричества и т.п. — «духов капитализма», по выражению Л. Кендалл. «Старые» духи тоже не забыты: если раньше они ассоциировались с процветанием крестьянской семьи, то теперь к ним обращаются с просьбой о покровительстве семейному бизнесу, снижении налоговых ставок и т.п. Чаще всего церемонию с участием *мудан* заказывают мелкие предприниматели — владельцы ресторанчиков, магазинов, небольших производств, т. е. все те, кто неуверен в стабильности своего положения²⁵.

При изобилии современных товаров изменяются и вкусы духов. Теперь жертвоприношения им не ограничиваются сушеной рыбой, традиционными сладостями, рисовым вином. Все чаще их заменяют экзотические импортные фрукты, виски, шоколадные батончики Snickers, дорогие куклы и мягкие игрушки. Во всех этих вещах закодировано моральное и эмоциональное значение. Когда символы современного благополучия помещаются в шаманский алтарь, они локализуются внутри специфического социального и культурного пространства и становятся частью связей между человеком и духом. Корейцы, жившие относительно недавно в бедности, хотят поделиться со своими предками достижениями развитого общества. И сами духи умерших родственников устами шаманок просят преподнести им вещи, о которых они не имели понятия в земной жизни.

Конечно, для большинства корейцев шаманизм — это не единственный способ решения жизненных проблем. Но когда осознается ограниченность рационализма современной жизни, многие корейцы охотно обращаются к религии предков, ища в ней эмоциональное облегчение и надежду.

Заключение

Традиции шаманизма — это традиции повседневной жизни людей. Издревле он помогал преодолевать болезни, избегать бед, делал понятной эту и будущую жизнь. Этот религиозный комплекс впитал в себя мифы, легенды, сказки, исторические сюжеты, что способствовало становлению и сохранению исторического сознания народа, выработке чувства патриотизма и национальной гордости. Это, в свою очередь, обеспечивало единство нации.

Гонения на шаманизм со стороны властей в разные периоды истории Кореи вытесняли его на периферию общественной жизни, но не смогли уничтожить веру, которая передавалась из поколения в поколение в течение многих веков и была основой жизни простых людей. Неудивительно поэтому, что в XX в. Корея в поисках своей национальной идентичности обратилась к исконной религии, прежде всего к ее культурным аспектам.

Разумеется, современный шаманизм является продуктом многовековой трансформации исконных верований корейцев под влиянием политических и социальных условий. В некоторой степени он представляет собой культурный конструкт, который нынешнее государство и интеллектуальная элита хотят сделать важным компонентом этнического сознания корейцев в условиях глобализации. Такая целенаправленная политика в сочетании с запросами общества на национальную самоидентификацию позволяет предположить, что у шаманизма в Корее есть будущее в XXI в.

Примечания

¹ См.: *Cho Hung Youn*. Cultural Interbreeding between Korean Shamanism and Imported Religions // *Diogenes*. 1999. № 187. P. 50—61.

² *Элиаде М.* Шаманизм: архаическая техника экстаза. Киев, 2000. С. 464; *Kim Tae-kon*. Korean Shamanism-Muism. Seoul, 1998. P. 172; *Ионова Ю.В.* Шаманство в Корее // *Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии*. М., 1980. С. 8.

³ *Choi In-hak*. Korean Shamanism // *Мёнчи омунак*. 1978, № 2. P. 100.

⁴ *Ibid.* P. 93—94.

- ⁵ Kim Tae-kon. Op. cit. P. 48—49, 51.
- ⁶ Погадаева А.В. Шаманские песнопения в корейском фольклоре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koryo-saram.ru/shamanskie-pesnopeniya-v-koreisko-m-folklore> (дата обращения: 23.12.2015).
- ⁷ Kim Chungo. Korean Shamanism: The Cultural Paradox. Burlington, 2003. P. 29.
- ⁸ Kim Tae-kon. Op. cit. P. 25, 57—58.
- ⁹ Ibid. P. 172.
- ¹⁰ Lee Jung Young. Shamanistic Thought and Traditional Korean Homes // Korean and Asian Religious Tradition. Toronto, 1977. P. 123.
- ¹¹ Kim Tae-kon. Op. cit. P. 135—136.
- ¹² Korea. A History and Cultural Dictionary. Ed. by K. Pratt, R. Rutt. L., 1999. P. 492.
- ¹³ Ibid. P. 366.
- ¹⁴ См.: Концевич Л.П. Пари-конджу // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 287—288.
- ¹⁵ Kim Tae-kon. Op. cit. P. 137—140; Ким Г. Шаманизм в Корее [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/3466662/Герман_Ким_ШАМАНИЗМ_В_КОРЕЕ (дата обращения: 12.01.2016).
- ¹⁶ Covel A.C. Folk Art and Magic. Shamanism in Korea. New Jersey, 1993. P. 44—46.
- ¹⁷ Подр. см.: Ефимов А.В. Роль и место корейского шаманизма в социальной истории Кореи (проблемы трансформации). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 154—210.
- ¹⁸ Canda E. The Korean Mountain Spirit // Korean Journal. 1980. № 9. P. 69.
- ¹⁹ См.: Смертин Ю.Г. Корейский театр масок хахве: инверсия социальных ценностей // Феномены культуры Китая и Кореи. Краснодар, 2007. С. 293—306.
- ²⁰ Yu Tong-sik. The Life and Indigenous Beliefs of the Common People // Introduction to Korean Studies. Seoul, 1998. P. 666—667.
- ²¹ Подр. см.: Lee Jung Young. The Communal Rituals of Korean Shamanism // Journal of Asian and African Studies. № 1—2 (January—April), 1974. P. 82—91.

²² *Джарылгасинова Р.Ш., Силантьев Р.А.* Корейский шаманизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rubricon.ru>. 2003. С. 2 (дата обращения: 20.06.2014).

²³ Korean Religions (Seoul). 1970. Vol. 11. № 1. P. 671.

²⁴ *Ланьков А.Н.*, 2003. Странники по потустороннему миру [Электронный ресурс] // URL: <http://lankov.ru>. (дата обращения: 23.12.2015).

²⁵ *Kendall L.* Shamans, Nostalgias, and the IMF. South Korean Popular Religion in Motion. University of Hawaii Press. 2010. P. 134.

Н.А. Чеснокова

МЕСТО РОЖДЕНИЯ КОРЕЙЦА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНАНТ ЕГО БУДУЩЕГО: СТЕРЕОТИПЫ И РЕГИОНАЛИЗМ

*Кильчжу, Кильчжу — назвали «счастливым» уезд,
но счастливых я там не нашел — вовсе он не Кильчжу...¹
Ким Пёнён Саккат (金炳淵, 1801—1863)*

Идея о том, что место рождения определяет будущее человека, пришла в Корею из Китая через культурное и литературное наследие. Можно вспомнить известные слова Конфуция (551—479 гг. до н.э.): «Прекрасна та деревня, в которой господствует любовь. Если при выборе места мы не будем селиться там, где царит любовь, то откуда можем набраться ума?»² или историю о том, как мать Мэн-цзы (327—289 гг. до н.э.) трижды меняла место жительства, чтобы ее сын вырос достойным человеком³.

Критерии выбора подходящих земель менялись с течением лет. Причинами были и политические мотивы, и преднамеренная дискриминация того или иного района. Но одним из ключевых факторов вплоть до настоящего времени остается теория *пхунсу чирисоль* 風水地理說 (также известная как *пхунсу* 風水) — традиционная корейская география, объясняющая физические процессы, происходящие на земле и под землей, при помощи философских концепций (теория *ым-ян*, теория о пяти элементах — *ым-ян охэньсоль* 陰陽五行說).

Легитимный правитель Ван Гон 王建 (877—943)

Впервые теория *пхунсу* была записана корейским буддийским монахом Тосоном⁴ (道誥, 827—898) в сочинении, называемом «Секретные записи Тосона» (道誥秘記 *Тосон пиги*), оказавшем значительное влияние на последующие поколения.

Одним из аспектов теории *пхунсу* является утверждение, что все горы на Корейском полуострове представляют собой единый «большой ствол», начинающийся с горы Пэктусан. Впервые данное предположение было высказано Тосоном, затем его развили сторонники течения «за реальные знания» *сирхак*, позднее — автор «Описания избранных деревень» (擇里志 *Тхэнииджэ*) Ли Джунхван (李重煥, 1690—1756?) и автор «Описания горных меридиан» (山經表 *Сангёнпхё*) Син Гёнджун (申景濬, 1712—1781). В начале XX в. гипотеза была подтверждена научной экспедицией и принята как неоспоримый факт. В 1903 г. профессор геологии Кото Бундзио (小藤 文次郎, 1856—1935) опубликовал свое англоязычное исследование «Очерки рельефа Кореи» (*An Orographic Sketch of Korea*)⁵, где отметил: «Об этом [едином горном хребте, начинающемся на Ляодунском полуострове и проходящем по Корейскому полуострову — *Н. Ч.*] век назад заявил корейский географ, и теперь его слова подтверждены [экспедицией] доктора Шолноки [Dr. Eugen von Cholnoky]»⁶.

«Большой ствол» носит название «Пэктусанский» — *Пэкту тэган* 白頭大幹 — и представляет собой цепь значительных горных хребтов и вершин. Начинается он с Пэктусана — самой высокой горы полуострова, считающейся «главным предком» всех гор, а затем, проходя вдоль побережья Восточного моря, спускается сначала к югу, а затем — юго-западу, где заключительным высоким пиком является гора Чирисан⁷. *Пэкту тэган* проходит через большинство корейских провинций, в ином же случае окружает их, формируя естественные границы.

Согласно теории *пхунсу*, Пэктусан является источником жизненной энергии *сэнги* (生氣), проходящей по *Пэкту тэган* и спускающейся по хребтам, выходя на поверхность там, где горы снижаются и образуются равнина.

Благоприятные места, откуда выходит *сэнги*, называются *мёндан* (明堂), и там люди стараются расположить жилой дом, дворец или совершить захоронение — каждое *мёндан* хорошо для определенной цели, и правила также регламентированы *пхунсу*.

Изучение топографии и поиск *мёндан* описаны в «Секретных записях Тосона», а также в других геомантических трудах. В задачах данной статьи не стоит подробное изучение рекомендаций *пхунсу* относительно выбора *мёндан*, поэтому мы не будем останавливаться на этом.

С X в. *пхунсу* является одним из критериев характеристики местности: богата ли она жизненной энергией *сэнги*, истощена ли, могут ли там рождаться «благородные мужи», на которых обопрется правитель или которые прославят свое имя и имя своих предков в науке, литературе, военном искусстве.

Согласно легенде, Тосон предсказал восшествие корёского правителя Тхэджо Ван Гона (太祖 王建, 877—943) на престол и оставил тому письмо с геомантическими рекомендациями, среди которых, к примеру, указание, что Кэсон — наиболее подходящий город для столицы⁸.

Доподлинно неизвестно, так ли это, но для своих потомков Ван Гон составил «Десятичастное наставление» (訓要十條 *Хунё сунчо*) — политическое завещание, которое должно было служить фамильным руководством по управлению страной. В одном из пунктов «Наставления» Ван Гон противопоставлял геомантическим «добродетелям» земель Пхеньяна (на знать которого опирался) исконную «порочность» территории бывшего Позднего Пэкче и склонность ее насельников к мятежу, запретив приближать последних ко двору и давать им важные посты⁹. Другим пунктом Ван Гон предписывал жестко контролировать постройку новых буддийских храмов, чтобы они не «ослабили добродетельные силы земли»¹⁰.

Здесь мы видим использование теории *пхунсу* в политике: преднамеренную дискриминацию жителей определенных частей страны и предотвращение увеличения финансовых затрат и передачи государственных земельных угодий.

Примечательно, что правитель следующей династии — ван Тхэджо Ли Сонге (太祖 李成桂, 1335—1408) — принадлежал к фамилии Ли из Чонджу пров. Чолла.

Что касается использования теории *пхунсу* для характеристики земель, то столица обычно располагалась в самом «благоприятном месте, богатом *сэнги*», а увеличение числа мятежей, народных волнений

или внезапных стихийных бедствий означало, что «добродетельные силы земли» иссякали, и необходимо искать новое место для дворца.

В период Корё, соответственно, лучшим местом был Кэсон, чье геомантическое расположение позднее часто описывалось как одно из редчайших. В «Описании избранных деревень» встречаем: «Великолепна та гора, что находится близ встречи реки с морем. Одной из таких редких гор является Огван в Кэсоне. ... Монах Госон сказал, что Огван представляет собой гору типа «дерево», которую символизирует элемент воды. Так энергия распространяется [по склонам и хребтам] далеко и сохраняется долго. От Огван [она] идет к горе Сонак, которую геоманты считают горой типа «земля, смотрящая в небеса»¹¹. Огван здесь выступает как один из отрогов *Пэкту тэган*.

Южнокорейский исследователь Юн Хонги, уже несколько десятилетий изучающий теорию *пхунсу* и её значение в истории Кореи, полагает, что создание «легенды» о Ван Гоне — один из первых зафиксированных (в данном случае в «Истории Корё» [高麗史 *Корёса*, XIV в.]) случаев использования теории *пхунсу* в качестве способа легитимизации власти¹².

Партийная борьба в Корее в XVI—XVIII вв.

В конце XVI в. в Корее началась партийная борьба, достигшая апогея к концу первой трети XVIII в. и повлиявшая на существовавший к этому времени в стране регионализм.

Становление первых партий ученые соотносят с событиями начала 1570-х годов, когда между Ким Хёвоном (金孝元, 1542—1590) и Сим Ыйгёмом (沈義謙, 1535—1587) разгорелся конфликт из-за должности заведующего кадрами *чоллан* 銓郎 в министерстве чинов¹³. Эта невысокая должность считалась ключевой, так как заведующий кадрами рекомендовал чиновников для назначений.

В 1575 г., когда Ким уходил с должности, он мог порекомендовать кого-то в качестве своего преемника. Ожидалось, что новым *чоллан* станет брат Сима, но, когда Ким поступал на службу, Сим выражал свое недовольство и препятствовал его работе. Поэтому Ким не стал рекомендовать брата Сима. Небольшой конфликт перерос в от-

крытый скандал. Стронниками Ким Хёвона были преимущественно обладатели низших и средних чинов, и их стали называть «восточными», так как дом Кима находился на восточной окраине столицы. Сим Ыйгём же жил западнее, ближе к дворцу государя, и его сторонники, среди которых большинство занимали высокие чины, стали именоваться «западными». К концу XVI в. «восточные» разделились на две «партии»: умеренных «южан» и радикальных «северян» — названия вновь происходили от географического расположения резиденций лидеров групп.

В те времена бытовало множество горьких шуток, появившихся как отклик на постоянную межпартийную борьбу. Одна из них приводится писателем Пак Тусе (朴斗世, 1650—1733) в произведении «Ночная беседа в Ёровоне» (要路院夜話記, *Ёровон яхваги*): «Когда богатый *янбан* спрашивает бедного, обучил ли он уже своего младшего сына счету, показал ли ему стороны света, тот отвечает, что счету, мол, обучил, а вот стороны света не стал показывать: “Теперь и без того слишком хорошо знают восток, запад, юг и север. И стоит ли опасаться, что дети не узнают это сами?”»¹⁴.

При этом, как отмечает А.Н. Ланьков, между партиями в Корее в XVI—XVIII вв. отсутствовали «не только различия в политическом курсе, но и, собственно говоря, политический курс как таковой»¹⁵. Основными причинами разногласий были борьба за власть, за высокие должности. Различались партии по философским воззрениям, по географическому положению (месту проживания большинства представителей партии, расположению частных государственных академий *совон* (書院), объединявших *янбан* одной партии).

Место рождения, родственные связи, место обучения, принадлежность к партии, происхождение супруги или супруга, карьерный рост — все было связано между собой и заранее прогнозировало потенциальное будущее чиновника.

Сравним две литературные характеристики, данные жителям провинций Чосона в XVI и XVIII вв., чтобы определить, как изменилось за этот период отношение к месту рождения человека как детерминанту его будущего.

Представление Ли Хвана о жителях восьми провинций

Ли Хван (Тхвеге) (李滉 退溪, 1501—1570) — один из выдающихся теоретиков конфуцианского учения, основавший в Андоне¹⁶ «образцовый» *совон* Тосан (陶山書院), где «воспитывались поколения ревнителей и хранителей конфуцианского «благочестия»»¹⁷. Он жил в период, когда раскол между партиями только начинался, и, как один из наиболее влиятельных и уважаемых ученых того времени, всеми силами пытался противостоять разобщению, опасаясь за будущее страны. Смерть помешала ему продолжить поиски компромисса.

Ли Хвану принадлежит яркая характеристика жителей провинций Чосона, в которой он проводит аналогию между бессознательными поведенческими паттернами жителей в той или иной части страны и повадками животных¹⁸. При сравнении Ли Хван, по-видимому, руководствуется собственными умозаключениями.

Жителей пров. Пхёнан он сравнивает с «лошадьми» за их небольшой рост, бесстрашие, храбрость, упрямство и упорство. Вспоминает, что они хоть и не участвуют в интригах, но жестоки (вплоть до преднамеренных убийств) и преданы до конца.

Жители пров. Хамгён — «быки», так как, по мнению Ли Хвана, глупы (что выражается в большом числе несчастных случаев). Вскользь он замечает, что в западной части провинции обычаи скорее китайские, чем корейские, а сама она удалена и малонаселённая, что закономерно: Хамгён — северный холодный регион, куда ссылали провинившихся чиновников. Глупость Ли Хван описывает так: «Дети без числа тонут или заживо сгорают; путешественники падают в воду при проходе через сгнивший мост; старики замерзают в дороге или заносятся снегом. Жители строят свои хижины нередко в опасных местах у подножия оголенных гор; несмотря на то что их дома регулярно сносятся лавинами, все уцелевшие в живых упрямо продолжают оставаться на старом месте».

Жители пров. Хванхэ — «собаки»: они драчливы и задорны; «привязаны к родине, в браке много детей, как щенят».

В пров. Канвон живут «медведи», так как, по мнению Ли Хвана, люди там простые, дики, неразвиты, малограмотны, прямодушны и глупы, что он связывает с низким культурным уровнем из-за многочислен-

ных буддийских монастырей. Здесь вспоминается «Наставление» Ван Гона, в котором правитель предостерегал потомков от строительства новых храмов, чтобы те не «ослабили бы добродетельные силы земли». Примечательно, что современник Ли Хвана, поэт и чиновник Чон Чхоль (鄭澈, 1536—1594), также в своих стихах указывает на недалекость и озлобленность жителей провинции: «Простой народ провинции Канвондо, / Зачем живешь ты в спорах и вражде?..»¹⁹

Не слишком жалует Ли Хван и родную пров. Кёнсан. По его мнению, большинство живущих там — «тигры», потому что драчливы, мстительны и жестоки. Философ утверждает, что «даже женщины этой провинции отличаются крайне мстительным нравом, не останавливаясь перед самоубийством после пустой домашней ссоры, чтобы после смерти в качестве злых духов мстить мужьям».

В пров. Чолла, считает Ли Хван, проживают «лисицы», потому как люди трусливы, лукавы и коварны: «Один мертвец из провинции Чолла стоит трех живых людей из провинции Чхунчхон». Также Ли Хван упоминает, что в Чолла часто происходят мятежи.

Жители пров. Чхунчхон — «сороки», так как у них хорошие нравы, приятный на слух диалект.

А столичную пров. Кёнги населяют «фазаны»: им присуще франтовство, склонность к украшениям и изменчивой моде. Возможно, не случайно Ли Хван характеризует жителей Чхунчхон и Кёнги именно как птиц: в Чхунчхон проживали знатные рода, из которых часто выбирались супруги для королевского рода.

Представление Ли Джунхвана о жителях восьми провинций

Другая характеристика жителей Чосона сохранилась в одном из наиболее ярких произведений корейского Ренессанса — «Описании избранных деревень» Ли Джунхвана, который, в отличие от Ли Хвана, чаще опирается на географические особенности местности²⁰.

Так, по его словам, у жителей пров. Пхёнан «нрав самый добрый», а в пров. Хамгён, что «граничит с северными иноплеменниками, все ожесточённы».

В пров. Хванхэ, «так как горы и реки опасны, многие люди упрямы и жестоки». В пров. Канвон «ущелья, и многие люди глупы».

В Кёнсан «нравы просты и искренни», а чолласцы «уважают коварство, поэтому [их] легко подвигнуть к злу».

Выходец из пров. Чхунчхон, Ли Джунхван критикует ее жителей, считая, что они «гонятся за властью и выгодой». Не видит он достоинств и среди жителей Кёнги: «За столичными стенами поля и деревни, потому люди обманывают, торгуя».

При этом важно, что сам Ли Джунхван далее сообщает, что «таковы, в общих чертах, нравы жителей восьми провинций. Однако это — описание простолюдинов. Что же касается обычаев *садэбу*²¹, то это неверно».

Мы понимаем это так, что он предлагает отказаться от стереотипных представлений о выходцах из той или иной провинции, так как для «благородного мужа», конфуцианца, важна та атмосфера, в которой он находится.

В отличие от Ли Хвана, Ли Джунхван увидел межпартийную борьбу и связанные с ней изменения в обществе в разгаре. «Описание избранных деревень» он создавал в ссылке, где оказался после «массовых казней периода *син-им*» (辛壬士禍, 1721—1722), в которых пострадало более трехсот человек. Поэтому одна из основных высказываемых им идей — это необходимость отказа от партийной борьбы и избрание отшельничества. Эта мысль не нова. Еще Конфуций говорил: «Искренне веруй и люби учиться, храни до смерти свои убеждения и совершенствуй свой путь. В государство, находящееся в опасности, не входи; в государстве, объятom мятежом, не живи; появляйся, когда во Вселенной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония...»²²

«Скрыться» можно, не демонстрируя свой статус, не примыкая ни к «старым», ни к «молодым», ни к «южанам» и др. То есть удалившись от государственных дел и занимаясь самосовершенствованием, а не становясь «заложником» своего места рождения. В «Описании избранных деревень» Ли Джунхван приводит также характеристики различных ландшафтов, оценивая их с точки зрения *пхунсу* и определяя наиболее подходящие для уединенной жизни места.

Одной из проблем чиновника XVIII в. он считает именно то, что место прожизвания и/или место рождения выступает как детерминант для всей жизни, не позволяя заниматься самосовершенствованием, полноценно служить правителю.

Вместе с тем мы видим, что за два века изменилось отношение к жителям провинций Кёнсан и Чхунчхон. Однако разница в описаниях может быть связана также с предвзятым отношением Ли Хвана и Ли Джунхвана к родным провинциям.

Современное состояние

После разделения Корейского полуострова и становления там двух независимых государств мы можем говорить, что многовековая традиция связывать будущее человека с местностью, где он был рожден, постепенно уходит в прошлое.

Но вместе с тем с региональной самоидентификацией мы сталкиваемся и в наши дни через диалекты, особенности политической и экономической деятельности. Одним из примеров современного регионализма является «противостояние» между регионами Хонам и Ённам, корни которого уходят еще в период Трех государств. Хонам, отождествляемый с единой чосонской пров. Чолла, находится на месте бывшего государства Пэкче, а Ённам, отождествляемый с Кёнсан, — на месте Силла.

Оба региона на современных выборах поддерживают кандидатов — выходцев из родных земель, уделяя значительно меньше внимания политическим программам и поставленным кандидатами целям. Усиление региона Ённам также связано с деятельностью президента Пак Чон Хи (1917—1979; президент 1963—1979), который старался экономически развивать «родной» край в отличие от региона Хонам, откуда был родом его противник — Ким Дэ Джун (1925—2009; президент 1998—2003).

На протяжении средневековой корейской истории по отношению к Чолла сохранялось негативное отношение: и Ли Хван, и Ли Джунхван писали, что в этой провинции люди «хитры, коварны, легко поддаются злему умыслу». Это свидетельствует о существовавшей в обществе тенденции дискриминировать выходцев из Чолла. В наши дни, после исчезновения средневековых суеверных представлений, чолласцы часто выступают в оппозиции к правящей партии. Можно вспомнить, например, неприятие между Чолла и Ли Сын Маном (1875—1965; президент 1948—1960), Пак Чон Хи, Чон Ду Хваном (род. в 1931 г.; президент 1980—1988).

Среди 11 корейских президентов действительно много выходцев из проа. Кёнсан: Пак Чон Хи, Чон Ду Хван, Ро Дэ У, Ким Ён Сам, Но Му Хён²³, Пак Кын Хе.

Любопытно, что в конце 1990-х годов после победы чолласца Ким Дэ Джуна на выборах пресса сообщала, что его президентство — результат недавнего переноса могилы родителей в выбранное геомантом с точки зрения *пхунсу* место близ Сеула, *мёндан*²⁴. Это можно рассматривать как современную легитимизацию власти через *пхунсу* и акцентуализацию изменения детерминирующего территориального фактора.

* * *

Так как Корея является этнически гомогенной нацией, в ней чрезвычайно силен культурный компонент. Территориальный детерминант также с древних времен не утрачивает своего значения, будучи выраженным через теорию *пхунсу*, литературу, особенности политики и экономики в стране.

Его корни уходят в период Трёх государств, Корё, позднее Чосон. Вместе с тем необходимо отметить, что с течением времени в связи с возросшей мобильностью населения и массовым переселением он ослабевает.

Примечания

¹ Рисунки тушью. Корейская классическая поэзия на китайском языке / пер. с кит. Гурьевой А.А., Ждановой Л.В., Кроля Ю.Л., Меньшикова Л.Н., Троцевич А.Ф. СПб.: Гиперион, 2015. (Серия «Золотой фонд корейской литературы», IX). С. 136.

² *Конфуций. Суждения и беседы* / пер. с кит. П.С. Попова. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. С. 43. 4:1.

³ *Мэн-цзы*. Предисл. Меньшикова Л.Н., пер. с кит., указ. Колоколова В.С. / Под ред. Меньшикова Л.Н. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. («Памятники культуры Востока»). С. 227—228.

⁴ Тосон был столь уважаем, что получил посмертно, уже в период Корё в правление вана Сукчона 肅宗 (1095—1105), титул «государева наставника» (*ванса* 王師). *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. (*Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности, вып. 35). С. 324.

⁵ *Koto B.* An Orographic Sketch of Korea // Journal of the College of Science, Imperial University, Tokyo, Japan. Vol. XIX. Article 1. 1903. P. 1—86.

⁶ *Ibid.* P. 39. В сносках упоминается, что «корейский географ» — это Ли Джунхван (*J-Chyung-hoan* 李重煥).

⁷ Подробнее о Пэкту тэган см.: *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. С. 322—323.

⁸ *Yoon Hong-key.* The culture of fengshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. New York, Lexington Books, 2006. P. 266—267.

⁹ *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* История Кореи: В 2 т. Т.1: С древнейших времен до 1904 г. / Ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т.М. Симбирцева. (*Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.*) М., Наталис, 2011. С. 218.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ли Джунхван.* Тхэнниджи (Описание избранных деревень) / ред. Чхве Намсон. Сеул, Чосон кванмунхве, 1912, P.14. (данный манускрипт доступен в одном из хранилищ старинных рукописей Университета Корё (г. Сеул) .

¹² *Yoon Hong-key.* *Op. cit.* P. 242.

¹³ *Тихонов В.М., Кан Мангиль.* Указ. соч. С. 311.

¹⁴ *Пак Тусе.* Ночная беседа в Ёровоне. Пхеньян, 1956. С. 53. Цит. по: *Елисеев Д.Д.* Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). М.: Главная редакция Восточной литературы, Наука, 1977. С.151.

¹⁵ *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI—XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995. С. 93.

¹⁶ В 2010 г. Андон (пров. Северная Кёнсан) попал в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в том числе как выдающийся образец «благоприятного расположения» с точки зрения традиционной теории *пхунсу*.

¹⁷ *Тихонов В.М.* В Андон, к Ли Хвану // Восточная коллекция. 2007. № 4 (31). С. 64.

¹⁸ Описания приводятся по: *Кюнер Н.В.* Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Владивосток, 1912. Т.1. С.218—270. Указано также, что аналогичная характеристика была опубликована V. du Rouelle, Les Coreers juges por un de leurs sages. Melanges Japonais,

13, январь, 1907. С.43—55 и в фельетоне *Корейцы по описанию корейцев* // газета «Россия». 1907. 2 августа. С. 2—3.

¹⁹ Одинокий журавль: из корейской поэзии XVI века: факс. кор. ориг. / Чон Чхоль; [поэт. пер. Жовтиса А. Л.; подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Концевича Л.Р.; науч. пер. стихов со старокор. яз. Концевича Л.Р., Ицковой Н.Л.]. 2-е доп. изд. М., Наталис, 2009. С. 45.

²⁰ Описания ниже приводятся по: *Ли Джунхван*. Тхэнниджи (Описание избранных деревень). С. 57—58.

²¹ Садэбу 士大夫 — чиновничьи кланы.

²² *Конфуций*. Суждения и беседы / пер. с кит. П.С. Попова. С. 78—79.

²³ Родная деревня Но Мухёна — Кимхэ находится на территории не бывшего Пэкче, а государства Кая.

²⁴ *Yoon Hong-key*. Op. cit. P. 45.

Н.Г. Носкова

ЭТНОНИМЫ ЧОСОН И ХАН В НАЗВАНИЯХ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Сегодня на Корейском полуострове существует два государства. Южные корейцы называют свою страну *Тэхан мингук* (대한민국, Республика Корея), где слово «Корея» передается с помощью слова *тэхан*. Официальное название Северной Кореи — *Чосон Минджуджуи Инмин Конхвагук* (조선민주주의인민공화국, Корейская Народно-Демократическая Республика), где «корейская» передается с помощью слова *чосон*. *Чосон* и *хан* восходят к древним этнонимам, которые впоследствии были перенесены на названия государств. На протяжении всей истории Кореи к ним обращались не единожды. Важно отметить, что они могли сменять друг друга в названиях государств либо же функционировать одновременно, при этом смысл, которым они наполнялись, не оставался неизменным.

Этимология этих этнонимов в отечественном корееведении была подробно рассмотрена в работах Л.Р. Концевича¹ и Ю.М. Бутина². Поэтому в данной статье рассмотрим подробно причины, определившие выбор того или иного этнонима в качестве основы для названия страны, а по сути, определим значение, которое приписывалось этим названиям.

Название страны, безусловно, является важной составляющей этнического самосознания, под которым мы понимаем чувство принадлежности к определенному этносу, осознание членами одной этнической общности своего группового единства и своего отличия при соотношении с другими этническими общностями. Однако выделить определенные элементы этнического самосознания достаточно сложно, это

связано, в частности, с тем, что оно не есть нечто постоянное. На разных этапах существования этноса соотношение компонентов этнического самосознания меняется, и центральное место занимает тот компонент, который является наиболее значимым в данных условиях. Внешним проявлением этнического самосознания является самоназвание (этноним). Несмотря на постоянно происходящие изменения в структуре этнического самосознания, сам этноним достаточно устойчив и его замена — нечастый случай. Этноним часто совпадает с названием соответствующего языка, в некоторых случаях он становится названием государства и политонимом (т. е. используется в качестве названия всех граждан государства). Такую ситуацию можно увидеть и на Корейском полуострове.

Название государства, с одной стороны, можно рассматривать как формальный конструкт, с другой же — закрепление этого конструкта в обществе невозможно без наличия определенной базы, способствовавшей этому. Многочисленные дискуссии, которые разворачивались каждый раз, когда ставилась задача определения названия для Корейского государства, свидетельствуют о не совсем формальной его роли. Ведь название страны должно восприниматься как политический символ, символ единства, для этого оно должно основываться на четкой теоретической базе и быть широко воспринято населением³.

В начале XXI в. вопрос о названии страны также продолжает оставаться актуальным для корейского общества. Особый интерес он вызывает в свете возможного объединения Севера и Юга. Еще в 1993 г. стали обсуждаться варианты названия для единой страны. Свои мнения по этому поводу тогда высказали поэт Ко Ён и профессора Пак Хёнчхэ и Хан Ёну. Ко Ён в качестве вариантов рассматривал *Чосон*, *Корё* и *Хангук*, а также предлагал обсудить вариант *Ариран*. Пак Хёнчхэ отстаивал вариант *Корё*, Хан Ёну — *Кхориа* (Кореа, 코리아). Вариант *Кхориа* в 2010 г. поддержал и профессор Чо Донголь⁴. Профессор Чон Губок, отмечая, какие вопросы могут возникнуть в случае принятия названия *Корё ёнбандже* (고려연방제, Федерация Корё) — варианта, предложенного Севером, и *Кхориа*, предложенного Югом, остановился на названиях *Чохан* или *Ханджо*, т. е. на вариантах, образованных из сочетания слогов от *Тэхан мингук* и *Чосон*. Особенно он выделил *Чохан*, где *чо* соответствует *Чосон Тангуна* и *хан* — *Самхан*⁵.

Южнокорейское общество также не остается в стороне от обсуждения вопросов, связанных с названием страны, что свидетельст-

вует о важности этого вопроса. 4 июля 2002 г. на новостном сайте OhmyNews была опубликована статья «Название нашей страны — не “Кхориа”»⁶. В ней отмечалось, что «Кхориа» — это название Кореи, которое используется преимущественно в англоговорящих странах, настоящее же название страны — *Тэхан мингук* (*Хангук* или *Тэхан*), что закреплено на государственном уровне. Поэтому автор статьи призывал граждан называть свою страну правильно.

Обратимся к названиям корейских государств, образованных от древних этнонимов *чосон* и *хан*. На территории Корейского полуострова и в Северо-Восточном Китае с глубокой древности обитали многочисленные неханьские племена, часть которых дала основанным ими племенным государствам свои названия. Среди таких племен было и племя *чосон*⁷. Современное же *Хангук* восходит к *Самхан* («Три хан»), наименованию союза племен *махан*, *чинхан* и *пёнхан*, которые населяли в последние века до новой эры южную и центральную части Корейского полуострова⁸.

В названиях корейских государств *чосон*, так же как и *хан*, фигурирует несколько раз: *Чосон*, который в современной историографии принято называть *Ко-Чосон* (Древний Чосон), просуществовавший до 108 г. до н.э.; *Чосон* (династия Ли) — государство, образованное в 1392 г. и получившее свое название в 1393 г., оно сохранялось до 1897 г. Во время японского колониального господства (1910—1945 гг.) Корея была переименована в *Чосон*; а с 1948 г. *чосон* входит в качестве именной части в название КНДР. Этноним *хан* присутствовал в названии протогосударств *Махан*, *Чинхан*, *Пёнхан*. К *хан* снова обращались в 1897 г., когда была провозглашена *Тэхан джегук* (대한제국, Корейская империя), и в 1919 г., когда *Тэхан мингук* (Республика Корея) стало названием новой независимой Кореи, это название было провозглашено Временным правительством, созданным в Шанхае. В названии современной РК (*Тэхан мингук*) *хан* также сохраняется.

Рассмотрим, в каких условиях проходил выбор названия страны в 1393 г. Ли Сонге основал новую династию, название для нее было определено как *Чосон*. Единого мнения о том, как проходил выбор, по каким причинам был определен именно этот вариант, среди исследователей нет. Так, С.О. Курбанов, с одной стороны, отмечает, что такое же название имело самое древнее государство, основанное Тангуном, а также то, что такое название приближало по длительности историю Кореи к истории Китая. С другой стороны, говоря о самом процессе выбо-

ра, он подчеркивает, что сохранялись традиционные вассальные отношения с Китаем, поэтому Ли Сонге должен был утвердить такое название страны, которое при дворе китайского императора не вызывало бы возражений. Китайский император Тай-цзу предложил на выбор два возможных названия страны, Ли Сонге выбрал *Чосон*⁹.

Несколько иную трактовку этих событий можно найти в работе китайского ученого Сун Вэйго. Он пишет, что после того как Ли Сонге пришел к власти, к минскому двору был отправлен специальный посланник с просьбой пожаловать название страны: *Хванён* (место происхождения семьи Ли Сонге) или *Чосон* (название первого корейского государственного образования). На что Тай-цзу заметил: «Среди всех династий Восточных варваров только династия *Чосон* может быть достойной похвалы. Кроме того, он [Киджа] пришел издалека, государство может быть основано под его именем». Это был единственный пример в истории Корейского полуострова, когда к китайскому императору обратились с просьбой даровать название страны¹⁰. Такой же точки зрения придерживаются и южнокорейские исследователи Ким Самун и Ли Ванбом. Ким Самун пишет, что Ли Сонге отправил к минскому императору два названия страны и попросил выбрать. В итоге, учитывая легенду о том, как Киджа стал ваном *Чосона*, для нового государства также был выбран *Чосон*. Таким образом, *Чосон* династии Ли официально как бы находился в подчиненном положении по отношению к династии Мин, но при этом прямого политического вмешательства с ее стороны не было¹¹.

Чон Доджон описал в «*Чосон кёнгукчон*» (조선경국전, «Законы для управления государством Чосон», 1394 г.) причины, почему должно использоваться именно *Чосон* в качестве названия страны: Силла, Пэкче, Когурё были сильными только в своем ограниченном регионе государствами, а также они были независимыми, т. е. находились вне установившихся отношений с Китаем. Поэтому, учитывая, что именно *Чосон* имеет глубокие исторические корни (отсылка к Чосону Тангуна, Киджа и Вимана), а также тот факт, что было получено разрешение от минского Китая, это название являлось самым подходящим¹².

Однако, как отмечает Ли Ванбом, *Чосон* в том значении, в котором он был отправлен в качестве возможного варианта, отличался от того *Чосона*, который был принят китайской стороной. Так, в документах, отправленных к минскому двору, было записано, что тем самым *Чосон* будет наследовать «*Чосон Тангуна*» и «*Чосон Киджа*».

В Китае, в отличие от Кореи, не признавался «*Чосон Тангуна*», там акцентировали внимание именно на «*Чосон Киджа*» и поэтому выбрали *Чосон*. Тем самым в названии отражалось зависимое от династии Мин положение нового корейского государства. Однако с точки зрения Кореи это могло рассматриваться и в качестве определенного дипломатического хода¹³.

Достаточно сложным представляется вопрос о том, какая из ассоциаций была более важна в ранний период династии Ли: связь Чосона с Тангуном или с Киджа. Но, безусловно, уже тогда Тангун имел важное значение, ведь предание о нем было записано еще раньше — в 1285 г. в «*Самгук юса*» («Дела, опущенные в “Исторических записях трех государств”») и в 1287 г. в «*Чеван унги*» («Рифмованные записи об императорах и государях»). В ранний период династии Ли существовала необходимость определить Тангуна в качестве основы исторического сознания, для этого миф рационализируют: теперь в нем Тангун сам спускался с небес и основывал Древний Чосон¹⁴.

Однако в то же время сохранялось представление о реальности Киджа. Сун Вэйго считает, что почитание Киджа существовало еще в период Трех государств. В Когурё Киджа почитали как божество. В период династии Корё его рассматривали как историческую личность. Вера в Киджа имела символическое политическое значение. Кроме того, он отмечает, что из ранних исторических записей понятно, что корейцы верили в историю пожалования Киджа Чосона. На протяжении династии Ли эта вера достигла своего пика. Чосон Киджа стал важным «знаменем» для династии Ли, а почитание Киджа было важной частью правительственных дел и ритуалов государства Чосон. Причина этого в том, что люди государства Чосон видели в *Киджа Чосон* важное звено в отношениях между Чосон и династией Мин. Это было гарантом в достижении статуса «маленького Китая» в сфере китайского влияния. Кроме того, он также отмечал, что в Пхеньяне до начала XV в. не было отдельного храма, посвященного Тангуну. Был храм Киджа, в котором отводилось место для таблички Тангуна, что является подтверждением его возросшей роли¹⁵.

Следующая смена названия страны произошла в 1897 г., когда Корея была провозглашена как *Тэхан джесугук* (Корейская Империя).

Нужно отметить, несмотря на то что *хан* не выступало в качестве названия страны, это не означало, что это слово не имело широкого употребления. Однако значение его наполнялось разными смыслами в

разные исторические периоды. Еще в X в. оно могло трактоваться как общее название для *Махан*, *Чинхан* и *Пёнхан*, могло пониматься и как *Самгук*, объединявшее государства *Когурё*, *Пэкче* и *Силла*, а могло восприниматься и как «наша страна», «наш народ»¹⁶. В период династии Ли слово «*самхан*» использовалось достаточно широко в значении «наша страна». Такой вывод делает Ли Джон на основе анализа употребления этого слова в «Истинных записях династии Чосон» («*Чосон ванджо силлок*»)¹⁷. Также необходимо отметить, что в XVIII в. Ли Ик и Ан Джонбок выдвигают идею *самхан джонтоннон*, согласно которой Киджун, последний ван Чосон Киджа, пришел на земли *Махан* и стал ваном. Таким образом, Самхан воспринимается как наследница Древнего Чосона¹⁸, и возникает историческая преемственность между севером и югом полуострова.

Выбор именно *Тэхан джегук* в 1897 г. в качестве нового официального названия государства связывают в том числе и с активными исследованиями *самхан* в поздний период династии Ли.

С.О. Курбанов так комментирует выбор вана Коджона в качестве названия страны «Великая Хан»: словом *хан* назывались три протогосударственных образования, сформировавшихся к югу от р. Ханган в III-II вв. до н.э. Это были самые древние корейские государства, не связанные с китайской культурой, соответственно этот выбор должен был указывать на древность и самобытность Кореи. «Великая» же было добавлено, вероятно, для «уравнения» Кореи с Японией, которая в то время именовала себя «Империя Великая Япония»¹⁹.

Ли Ванбом приводит разговор вана Коджона с правительственными чиновниками Сим Сунтхэком и Чо Бёнсэ, в котором они полностью соглашались с необходимостью изменить название государства, и изменить его именно на *Тэхан*. Особо подчеркивалось, что *Чосон* связан с Киджа, поэтому это название с самого начала не было подходящим²⁰. 13 октября 1987 г. был обнародован закон, в котором говорилось об изменении названия государства. Теперь Корею стали называть *Тэхан*, такое название использовалось вплоть до августа 1910 г.

Трактовать значение изменения названия можно по-разному. Оно, безусловно, связано с изменением внешнеполитического положения Кореи, так как отношения, которые долгое время связывали Китай и Корею, исчерпали себя. *Тэхан* воспринималось как не зависимое от воли Китая название корейского государства. Однако Ли Ванбом отмечает, что возможно и другое толкование: произошло освобождение не от за-

висимости от Цинского Китая, а от представления, согласно которому *Чосон* воспринимался как «маленький Китай», и в то же время сохранилось наследование традиции Мин²¹. Таким образом, из государственной политики ликвидировались дипломатические отношения, характеризовавшиеся преклонением перед великой державой, и, переняв традицию Мин, страна становилась империей. Но поскольку отказались также и от названия *Чосон*, которое когда-то было одобрено Мин в форме *Чосон Киджа*, то изменение названия может трактоваться и как показатель независимости от Китая в целом²².

Вскоре, после того как в 1910 г. был подписан Корейско-японский договор об объединении, Корея была вновь переименована в *Чосон*. Из всех печатных изданий было изъято слово *тэхан*, что можно трактовать как часть работы по уничтожению духа и самосознания корейского народа. С.О. Курбанов отмечает, что возвращение к названию *Чосон* в период японской аннексии было связано еще и с тем, что именно с ним связывалось подчиненное положение Кореи по отношению к внешнему миру²³. С другой стороны, важно, каким образом это возвращение к прошлому названию было воспринято корейцами. Нет свидетельств об отрицательном отношении к *чосон*. Кроме того, необходимо отметить, что именно на начало XX в. приходится всплеск интереса к Тангуну, который непосредственно связан с Чосоном, активизируется его роль как основы самосознания корейского народа.

Несмотря на то что японским генерал-губернатором было объявлено о смене названия государства, на самом деле речь шла только о названии колонии. Запрет на использовании японцами слова «хан» повлек за собой то, что оно стало символизировать антияпонский дух. Как отмечал Ли Ванбом, в основном можно было наблюдать такую ситуацию, когда в названиях различных организаций, появившихся на территории Кореи, использовалось *Чосон*, за ее пределами же в названиях чаще использовалось *Тэхан*²⁴. Кроме того, в это время начинает проследиваться еще одна тенденция в использовании *чосон* и *хан*: правые силы в корейском обществе предпочитали название *Тэхан*, левые — *Чосон*.

11 апреля 1919 г. в Шанхае было образовано Временное правительство, в то же время была оглашена Временная конституция, в которой Корея именовалась как *Тэхан мингук* (Республика Корея).

Ли Ванбом достаточно подробно останавливается на процессе выбора названия. Он писал, что первым, кто предложил название *Тэхан мингук*, был Син Согу. Однако против выступил Ё Унхён, аргументиро-

вав тем, что *Тэхан* использовалось недолго в конце династии Ли, и поскольку та страна пала, нет необходимости ее возрождать. Тогда Син Согу сказал: «Погибла как *Тэхан*, значит и расцветет как *Тэхан*»²⁵.

После освобождения от японской оккупации вновь обострился вопрос о названии государства. Дискуссии возникали при каждом обсуждении Конституции, и тогда на третьем ее чтении (12 июля 1948 г.) Ли Сынман обратился с просьбой не тратить больше время на обсуждение названия государства²⁶. В тот день было проведено голосование, на котором из присутствующих 188 человек за *Тэхан мингук* проголосовало подавляющее большинство. Таким образом, под давлением Ли Сынмана было определено название новой республики.

16 января 1950 г. был принят закон «О названии страны, названии некоторых районов и цветах», в котором официальным названием страны было объявлено *Тэхан мингук*. Для удобства предлагалось использование сокращения *Тэхан* или *Хангук*. Чтобы отделиться от власти северокорейского правительства употребление *Чосон* запрещалось, а такие слова, как *Чосон-хэхён* (Корейский пролив), *Тончосон-ман* (Восточно-Корейский залив), *Сочосон-ман* (Западно-Корейский залив) и другие, заменялись соответственно на *Тэхан-хэхён*, *Тонхан-ман*, *Сохан-ман*.

В Северной Корее в качестве именной части названия государства было определено *Чосон*. После разделения Корейского полуострова и образования в 1948 г. двух независимых государств противостояние *хан* и *чосон* было очень заметным: сама дискуссия об официальных названиях стран была под запретом. В обоих государствах не только нельзя было использовать официальное название другой страны, но также велся контроль за тем, чтобы читатели не видели эти названия в иностранных СМИ. Так, в иностранных еженедельниках *Time* и *Newsweek*, доставляемых в Южную Корею, официальное название Северной Кореи и ее флаг закрашивались черным цветом, а во время церемонии открытия Олимпийских игр, которую показывали в прямом эфире, они были скрыты за мозаикой²⁷.

О чем может свидетельствовать использование корейцами в качестве основы для названия своей страны разных этнонимов? О коренных изменениях этнического самосознания, о происходящих процессах этнической парциации, которая ведет к разделению некогда единого этноса на два? В пользу этого говорят результаты опроса «Самосознание корейцев»²⁸, проведенного в 2005 г. в Южной Корее. Согласно ре-

результатам этого опроса, взгляд южных корейцев на Северную Корею сильно изменился за последние годы. Если раньше, территорию Северной Кореи они считали «невозвращенной», а объединение Севера и Юга — задачей по воссоединению нации, то, согласно новым данным, 78 % опрошенных признают Южную и Северную Корею отдельными и независимыми государствами. Кроме того, 77 % признались, что им важно чувствовать себя гражданином РК, и только 64 % — частью корейской нации. То есть главным элементом корейского самосознания в его южнокорейском варианте становится принадлежность именно к политической общности, нации Республики Корея, а не к корейскому этносу или населению Корейского полуострова.

С другой стороны, если учитывать тот факт, что каждая из стран другую называет в соответствии со своим названием — в Южной Корее Северную называют *Пукхан* (북한, Северная Хан), а в Северной Южную — *Намчосон* (남조선, Южный Чосон), т. е. отождествляет себя с другой стороной и тем самым подчеркивает свое единство с ней, — то с вышеуказанным предположением согласиться сложно. Нельзя отбрасывать и тот факт, что этнические процессы не происходят изолированно, на них оказывают огромное влияние политические и социально-экономические факторы, поэтому от результатов внутрикорейского политического диалога во многом зависит сохранение общекорейского самосознания, а значит, возможно, и будущее название единого корейского государства.

Примечания

¹ *Концевич Л.Р.* Исторические названия Кореи // Этнонимы. М.: ГРВЛ, 1970. С. 61—77.

² *Бутин Ю.М.* Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск: 1982.

³ *Хо Эль.* Конгук кваджон-есое кукхо нонджэн-е тэхан пунсок (Анализ дискуссий, связанных с выбором названия, развернувшихся в период образования государства) // Хангук минджок мунхва, 2004. Вып. 24. С. 350.

⁴ *Чон Губок.* Ури нара кукхого — ханбандо тхониль иху кукхо чеджон-ыльвихан кичхо ёнгу (Исследование названий государств в Корее — Базовое исследова-

ние для определения названия страны после объединения государств Корейского полуострова) // Чансогак, 2013. Вып. 29. С. 310.

⁵ Там же. С. 326—327.

⁶ *Ким Ёнджун*. Ури нара кукхо-нын «Кхория»-га анида (Название нашей страны — не «Кхория») // OhmyNews. 4 июля 2002 г. URL: <http://entertain.naver.com/read?oid=047&aid=0000005680> (дата обращения: 05.01.2016 г.).

⁷ *Концевич Л.Р.* Указ.ю соч. С. 63.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб., 2002. С. 197.

¹⁰ *Sun Weiguo*. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson // Chinese Studies in History. Vol. 44. No. 4. Summer 2011. P. 22.

¹¹ *Ким Самун*. Кукхо-ро понын пунель-гва тхонхап-е хангукса (Разделение и объединение в истории Кореи сквозь призму названий государств) //Иммуль-гва сасан, 2007. Вып. 115. С. 210—211.

¹² *Ли Ванбом*. Кукхо «Тэхан мингук»-е мёнмён (Название страны «Тэхан мингук») // Хванхэ мунхва, 2008. Вып. 60. С. 50.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ *Со Ёндэ*. Чонтхон сидэ-е тангун инсик (Представление о Тангуне в традиционном обществе) // Тангун-гва Ко Чосонса, 2000. С. 181.

¹⁵ *Sun Weiguo*. Op. cit. P. 21.

¹⁶ *Ли Джон*. Ханбандо ёкса-е тхумёнтвен самхан кэнём-е пёнхва-е тэхан кочхаль (Об изменении понятия *самхан* в истории Корейского полуострова) // Хангук чиёк чири хахве хакуль тэхве, 2012. Вып. 2. С. 59.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Чон Губок*. Указ. соч. С. 323.

¹⁹ *Курбанов С.О.* Указ. соч. С. 324—343.

²⁰ *Ли Ванбом*. Указ. соч. С. 51—53.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 54.

²³ *Курбанов С.О.* Указ. соч. С. 354.

²⁴ *Ли Ванбом*. Указ. соч. С. 61.

²⁵ Там же. С. 63.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Опрос проводился совместно Институтом Восточно-азиатских исследований и газетой «Чунан ильбо» с 31 августа по 16 сентября 2005 г., в нем приняло участие 1038 человек. Результаты были опубликованы в газете «Чунан ильбо» 13.10.2005 г. URL: http://pdf.joins.com/article/pdf_article_prv.asp?id=DY01200510130114 (дата обращения: 05.01.2016 г.).

И.В. Цой

ПАК КЁННИ О ПОНЯТИИ МՕТ

Идея написать статью на данную тему родилась в процессе знакомства с творчеством корейской писательницы Пак Кённи (1926—2008), а также в связи с опытом преподавания на занятиях по корейскому языку и литературе. Несомненно, те, кто приступает к изучению корейского языка и культуры, так или иначе встречаются на своем пути такие культурные термины или понятия, как *мՕт* (멋), *хан* (한), *чՕнь* (정) и др. И здесь всегда встает вопрос об определении этих понятий, о том, как перевести их на русский язык или, по крайней мере, дать им правильное описание. Наверное, все, кто изучает корейский язык, знакомы с этими выражениями, которые довольно частотны и широко используются в повседневной речи современных корейцев: например, 멋쟁이 — *франт*, 멋있는 집 — *стильный дом*, 멋있는 풍경 — *прекрасный пейзаж*, 멋있는 글씨 — *изящный почерк*, 멋있어 보인다 — *выглядеть элегантно, модно*. Однако когда просишь носителя языка конкретно разъяснить, как он понимает эти лексемы, зачастую возникает затруднение и вопрос остается открытым. Но однозначно то, что без знания этих культурных категорий не представляется возможным серьезное изучение традиционной корейской культуры. Ведь не случайно о такого рода понятиях говорят как о присущих только корейской нации, корейскому образу мышления. Поэтому поговорить на эту тему представляется полезным со всех точек зрения. В процессе рассмотрения вопроса упоминается такая область, как эстетика, однако стоит оговориться, что это не

предмет научной компетенции автора статьи, поэтому в качестве иллюстрации будет представлена точка зрения корейской писательницы Пак Кённи. Почему выбор пал именно на этого автора¹?

Пак Кённи известна в Корее как автор знаменитого исторического романа-эпопеи «Земля» (토지), над которым она работала в течение 26 лет своей жизни (1969—1994). Об этом 20-томном романе писали многие корейские и зарубежные литературоведы, первые тома произведения были переведены на несколько иностранных языков, а также существует как его экранизация, так и драматический сериал (в настоящее время идет работа над переводом на русский язык первой части первого тома). Можно сказать, что этот роман стал вершиной литературного творчества писательницы, однако далеко не только вышеупомянутым произведением исчерпывается заслуга автора в истории развития корейской литературы XX в. Пак Кённи выходит за рамки чисто художественного творчества, когда говорит о таких глобальных вещах, как смысл литературы и творчества, исторический путь Кореи, отношение к природе и к окружающей среде, отношения между корейцами и японцами, понимание искусства. Энциклопедические знания и жизненный опыт автора ложатся в основу многих ее размышлений и раздумий. В качестве примера можно привести сборник эссе Пак Кённи под названием «Боль жизни» (생명의 아픔), который был издан в 2004 г., за несколько лет до ее ухода из жизни. По сути, это плод её многолетних наблюдений и рассуждений о мире, о корейской национальной культуре, здесь представлен оригинальный взгляд автора на известные вещи, в полной мере раскрывается философское мировоззрение писательницы. Автор говорит с читателем напрямую, от первого лица, вовлекая его в разговор о «вечных вопросах времени».

Говоря о национальной культуре Кореи, Пак Кённи немалое внимание уделяет такой культурной категории или понятию, как *мёт* (멋) наряду с категориями *хан* (한恨), *чёнъ* (정情), *хынъ* (흥興) или *хё* (효孝). Конечно же, в любой национальной культуре есть понятия, которые присущи именно данному этносу или народу, которые произрастают из родного языка и становятся неотъемлемой составляющей менталитета, образа мышления народа. И о том, что писали по этому поводу корейские исследователи, будет изложено ниже.

В 40-е годы XX в. в журнале «Стиль письма» (문장) вышла статья автора Син Сокчхо (신석초) под названием «Рассуждая о *мёт*» (멋

설, 1941), которая задала тон дискуссии о смысле понятия *мёт*. Наиболее активно полемика разворачивается в 50-е годы прошлого столетия и в последующие периоды, когда выясняется, что, несмотря на повсеместное использование этого слова в разных контекстах, дать ему точное определение затруднительно и четкого объяснения нет. В целом исследователи в Корее приходят к выводу, что *мёт* — это то, что характерно именно для корейской нации, это исконно корейское явление, которое можно прочувствовать даже на кончике корейских носков *пёсён*, в складках развевающейся при ходьбе корейской традиционной одежды *ханбок* или в корейских традиционных танцах, когда исполнитель танцует «плечами», слегка приподнимая или опуская их, или же на мгновение застывает в определенной позе². Интересен комментарий специалиста по корейской традиционной музыке Алана Чарльза Хеймана (1931—2014), который долгое время жил в Корее и написал статью о корейских традиционных танцах³. Изучая корейское традиционное танцевальное искусство, Хейман заметил, что именно в корейском танце сущность понятия *мёт* проявляется наиболее ярко, когда *мёт* можно рассматривать как сочетание *хынъ* (흥興 — *воодушевление; подъем; интерес; удовольствие*) и *хан* 恨 (горечь; сожаление; тоска; досада).

Если говорить об этимологии этого слова, то большинство корейских специалистов приходят к мысли, что лексема *мёт* (멋) происходит от слова *мат* (맛) — *вкус*. Иначе говоря, эти два родственных слова различаются лишь в следующем: *мёт* — это то, что обозначает или передает чувство, чувственное восприятие (감성적 멋) — букв. *чувство прекрасного*, а *мат* передает ощущения на уровне физиологии (감각적 맛). Например, ученый Чо Чихун (조지훈) в своей статье пишет, что если обратиться к корейско-английскому словарю, изданному Гейлом в 1891 г. (Gale J.S. Korean-English Dictionary, 1891)⁴, то в нем лексемы *мёт* и *мат* переводятся одинаково, а именно как «*вкус*», «*интерес*» (*taste; interest*)⁵. А вот другой пример перевода, который дается этим двум лексемам: 멋 — *relish; taste; zest; gusto; aroma; flavor; savor; interest; delight; pleasure* (p. 786). 맛 — *taste; savor; flavor* (p. 756) с указанием в скобках [풍미]; *relish; zest; gusto; aroma* (p. 757) с указанием в скобках [묘미]⁶. Однако в корейско-английских словарях, изданных в более позднее время, эти слова переводятся уже по-разному. Например, во взятом на выбор корейско-русском словаре, изданном в 2007 г., *мёт* переводится как *вкус, элегантность, щегольство, а такие выражения, как 멋 있다 / 멋 없다, 멋쟁이, 멋지다* — соответственно как *привлека-*

тельный, модный / непривлекательный, немодный, щеголь, франт⁷. Со словом *맛* 맛, например, могут использоваться прилагательные⁸ 짭짭하다 — *довольно соленый*, 구수하다 — *приятный на вкус*, appetitный, 시큼하다 — *уксусный*, т. е. те определения, которые имеют отношение к области **ощущений (감각)**, в данном случае вкусовых; со словом же *멋* 멋 могут использоваться прилагательные⁹ 구성지다 — *«вкусный» в значении «привлекательный, приятный»*, 덩뎡하다 — *простой, покладистый*, 능청거리다 — *лукавый*, 거들먹거리다 — *опрометчивый, неосторожный*, т. е. те определения, которые связаны с областью **чувственных восприятий (감성)**¹⁰. С другой стороны, некоторые ученые указывают на то, что в традиционном корейском обществе слово *맛* было более употребительно среди *яibanов*, а слово *멋* — среди простолюдинов¹¹. В целом же большинство корейских ученых отмечают, что трансформация понятия *멋* произошла под влиянием смены исторических реалий и от того, что каждый рассматривает ту или иную действительность под своим углом зрения¹².

В частности, корейские исследователи рассуждают следующим образом: когда речь идет об одном конкретном объекте, например о небе, об облаках, о дереве, то не говорят, что *это* 멋있는 하늘 — *красивое небо* или 멋있는 나무 — *красивое дерево*. Отсюда, *멋* — это гармоничное сочетание нескольких образов, предметов, будь то природный пейзаж, на фоне которого построен дом, или образ женщины, у которой прекрасно не только лицо, но и ее наряд, походка или жесты (ср.: 아름다운 여자 и 멋있는 여자). Можно предположить, что для корейцев очень важен момент гармонии (조화미), и истоки такого образа мышления зародились еще во времена традиционного аграрного общества¹³. С другой стороны, корейские исследователи отождествляли понятие *멋* с общими философскими представлениями на Востоке, когда речь заходила об учении *중용* (中庸) — учении о Середине и Постоянстве. В этом случае *멋* представлялся как 정조 (情操) — благородные чувства как пример следования этому учению. Однако, по словам ученого Чо Чихуна, отличие корейского *멋* как понятия о гармонии в данном случае состоит в том, что *멋* здесь не пассивное состояние, когда не нарушается «гармония в целом» (=전체적 조화), а когда, буквально «немного перевесив «гармонию Середины и Постоянства» =중용적 조화», *멋* способствует появлению «новой, активной гармонии» =새롭고 적극적인 조화¹⁴. Другой исследователь Ким Чонгиль в своей статье рассуждает о *멋* буквально как о балансе между нормой и тем, что нарушает нор-

му¹⁵. Еще одно его утверждение о *мѳт* — это то, что в этом понятии передается и элемент самоиронии, когда субъект действия, оказавшись в определенной затруднительной ситуации, достойно переживает ее, позволив себе философское отношение к происходящему, в данном случае через самоиронию¹⁶. Например, такой взгляд на вещи наблюдается в традиционной корейской поэзии в жанрах *сичжѳ* (시조) и *каса* (가사)¹⁷.

Выше в качестве иллюстрации были представлены некоторые точки зрения корейских исследователей о сущности понятия *мѳт*. В дальнейшем речь пойдет о понимании природы *мѳт* корейской писательницей Пак Кённи. Но прежде следует отметить, что дискуссия о *мѳт*, как правило, проходила между корейскими лингвистами, которые применяли лингвистический (научный) подход и в большинстве случаев рассуждали именно о семантике этого слова. Пак Кённи же рассматривает вопрос с эмоционально-поэтической точки зрения, т. е. как писатель, и говорит о *мѳт* с точки зрения сущности этого культурного явления.

В ее сборнике эссе «Боль жизни» этому вопросу посвящены две главы: одна под названием «О понятии *мѳт*» (멋에 대하여)¹⁸ включена в первую часть, которая называется «Боль жизни» (생명의 아픔); вторая глава — «*Мѳт* как ритм жизни и души» (생명과 영혼의 울동으로서의 멋¹⁹) включена во вторую часть под названием «Культура жизни» (생명의 문화). В первом эссе автор размышляет о том, как зародилась эта дискуссия и откуда появилось это понятие. Слово *мѳт* — это исконно корейская лексема, которая является одной из наиболее частотных в словаре современного корейского языка и широко употребляется в разных контекстах. Однако парадоксальным является тот факт, что именно это понятие невозможно выразить одним определением, дать ему точную дефиницию. По мнению писательницы, в настоящее время это понятие значительно упростилось, если говорить о его семантике. Пак Кённи говорит о том, что «у нашего народа *мѳт* — это первообраз творчества»²⁰, и поэтому «*мѳт* — это продукт не цивилизации, а культуры»²¹. Возможно, автор подразумевает в данном случае социально-культурное пространство и, рассуждая об этом, выстраивает следующую схему: начиная с древних верований, шаманизма и заканчивая такими общественно-политическими системами, как социализм и капитализм, с течением времени пространство соответственно уменьшалось, сужалось, а вместе с этим

упрощалось и понимание мироустройства²². Другими словами, если шаманизм — это пример гармоничного сосуществования природы и людей, их естественная взаимосвязь и общение, то пришедший позднее буддизм уже более отчетливо структурирует миропорядок. Позже конфуцианство еще сильнее упорядочивает систему взаимоотношений, таким образом, выстроив жесткую иерархию и тем самым постепенно ограничивая пространство для свободной деятельности, а в обществах социализма и капитализма уже в полной мере доминируют материализм и прагматизм, практически полностью «перекрывая кислород» и ограничивая свободный выбор. В конечном итоге, человек подчиняет себе окружающую среду согласно лозунгу «Человек — хозяин природы», хотя изначально являлся ее частью. Отсюда и потеря изначального понимания *мѳт* как творческого начала. По словам Пак Кённи, рождение творческих мыслей, движущая сила творчества возможны только в условиях, когда пространство не ограничивается теми или иными условными рамками. Это именно то пространство, где вполне естественно сосуществование природы и свободы — этих, по мнению писательницы, двух основных составляющих творческой активности²³. Поэтому она неоднократно повторяет, что необходимо «расширять пространство», искать новые направления для творческой мысли.

С другой стороны, некоторые ученые сравнивают корейское понятие *мѳт* с японским иероглифом *ики* — 粋 (*изящный, шикарный, утонченный*). Но в понимании Пак Кённи *ики* лишь отдаленно коррелирует с *мѳт* и только в том случае, когда говорится об эстетической составляющей этих двух понятий, т. е. о чувственном, о красоте, о прекрасном²⁴. С этой точки зрения, *ики*, по словам писательницы, содержит в себе, скорее, такие элементы, как эротичность и гротеск²⁵, которые, как правило, упоминаются либо в связи с женскими образами или утонченными манерами, либо в связи с образом поведения. Наоборот, в японском языке не найти полного соответствия такой корейской лексеме, как *мѳт*²⁶. Пак Кённи связывает это с тем, что изначально японцы — очень прагматичная нация, пространство в их представлении строго распределено и упорядочено, поэтому в таких условиях нет возможности действовать свободно и естественно. Иначе говоря, автор отмечает, что корейцам изначально присуще понимание пространства как символа свободы, естественности, гармоничных отношений природы и человека.

Во втором эссе, посвященном понятию *мът*, Пак Кённи приводит в пример исторический труд «Самгук Юса» (三國遺事, 1285) — «Дела, опущенные в “Исторических записях трех государств”»²⁷ буддийского монаха Ирёна (일연, 1206—1289)²⁸. Здесь автор вновь возвращается к сравнению с миром природы, упоминая о тех или иных персонажах из «Самгук Юса», и использует известное выражение 천의무봉 (天衣無縫)²⁹, буквально — «на небесном одеянии нет швов», что означает «безупречный, без изъяна». Такое совершенное состояние и есть *мът* в понимании писательницы.

Пак Кённи утверждает, что понятие *мът* — это продукт культуры, а культура, в свою очередь, наоборот, формируется на основе *мът*, и в конечном итоге глобальная мечта всего человечества — это «интеграция мира через интеграцию культуры»³⁰. В представлении корейцев традиционно человек находился в триаде между небом и землей, выполняя функцию сохранения баланса сил и их гармоничного распределения. Пак Кённи следующим образом представляет, что есть культура в понимании корейца³¹: «Культура основывается на воодушевлении (подъеме) и продвигается за счет поисков сущности *хан*». Отсюда, «если *мът* — это эстетика мысли, поведения и образа жизни, то воодушевление (подъем) — это радость от творчества, а *хан* — это вопрос о сути жизни и надежда»³². *Мът*, по мнению автора, — это само естество, а естество — это и есть жизнь; отсюда, если это естественные проявления разума или духа, то они и воплощают в себе *мът*. С другой стороны, *мът* — это баланс, гармония, которая помогает устоять. То есть, возвращаясь к представлениям корейцев о триаде «небо — человек — земля», можно предположить, что Пак Кённи рассматривает понятие *мът* значительно шире, а именно — как проявление естества жизни, как гармонию и баланс сил, уравнивающих мироздание и помогающих установить порядок. То есть *мът* в понимании писательницы не является чем-то искусственным, поверхностным. Автор сравнивает *мът* с «линиями, по которым протекают красивые эмоции, чувства»³³. И в данном контексте эта идея совпадает с представлениями корейцев о линиях: прямые линии грубы, кривые линии имеют плавность, мягкость, буквально «текучесть», и эта любовь к кривым линиям просматривается как в естественных природных ландшафтах, так и в любых видах искусства в Корее, будь то архитектура или живопись, современный дизайн, корейский традиционный костюм или даже кончик корейского носка *пёсён*. Писательница понимает жизнь как движение, чувство ритма, и в

данном случае *мѳт* для нее — это жизнь в движении, в естественном сочетании природного и духовного.

Почему Пак Кённи рассматривает сущность понятия *мѳт* именно таким образом? Возможно, в связи с этим стоит упомянуть несколько моментов. *Во-первых*, это её приобретенный в результате малых и больших трагических потрясений жизненный опыт (уход отца из семьи, потеря мужа, потом сына, арест зятя — поэта Ким Чиха, перенесенная операция, в результате которой она лишается одной груди). Пак Кённи оказалась невольной свидетельницей исторических событий, связанных с Кореей середины XX в., на примере своей семьи пережила тяготы колониального периода и послевоенных лет. Она сумела не изменить своим принципам и жила так, как писала, а писала так, как жила. *Во-вторых*, это и значительное влияние малой родины — города Тхонёна (통영), в котором писательница провела свои детские и юношеские годы. Тхонён входит в число городов, в которых, согласно недавним опросам, корейцы хотели бы жить больше всего. Город расположен на южном побережье Восточного моря, и Пак Кённи не случайно называет его «Неаполем Чосона», описывая Тхонён в первой главе романа «Дочери аптекаря Кима» (김약국의 딸들, 1962). Действительно, с точки зрения географии город идеально расположен и знаменит своими морскими пейзажами. Говорят, что Тхонён — это место, где пребывают в гармонии море и острова. Возможно, поэтому он издавна славился своими традиционными ремеслами и тем, что здесь родилось много выдающихся деятелей искусства: писатели, поэты, художники, музыканты, прославленные мастера-ремесленники. Говоря о своем родном городе, Пак Кённи нередко вспоминает такие знаменитые изделия прикладного творчества, как мужские традиционные головные уборы *кат* из конского волоса, низкие обеденные столики *собан* или лакированные предметы мебели, инкрустированные перламутром. Поэтому Тхонён называют также и городом искусства. Писательница завещала бережно обращаться с тремя вещами из своего имущества: со старой швейной машинкой, с толковым словарем корейского языка и со шкафом, изготовленным мастером из Тхонёна. В своем завещании она следующим образом объяснила свою просьбу: «Швейная машинка — это моя жизнь, толковый словарь — это моя литература, а шкаф из Тхонёна — это мое искусство»³⁴. Эти три составляющих творческого пути Пак Кённи уже само по себе и есть проявление понятия *мѳт*, когда «жизнь — литература — искусство» находятся в естественной гармоничной связи друг с другом.

Особенность Тхонёна еще и в том, что этот город славится своим духом независимости. В силу сложившихся исторических обстоятельств Тхонён, будучи военно-морским и торговым портом, оказался в эпицентре жестоких боев во время Имчжинской войны (1592—1598), а в эпоху колониального господства стал местом компактного поселения японцев. Все эти факторы оказали влияние на автора романа «Земля» и вызвали у нее живой интерес к теме сохранения исконной корейской культуры и искусства.

Подводя итоги рассуждениям о сущности *мёт*, можно сказать, что *мёт* — это сочетание нескольких понятийных уровней. Самый первый и самый поверхностный — это визуальные отличительные признаки, такие как *красота, изящество, элегантность*. И здесь понятие *мёт* коррелирует с понятием *ми* (미). Это именно тот случай, когда *мёт* переводят на русский язык как «чувство прекрасного», «вкус прекрасного», «прекрасное». Однако это лишь одна из составляющих этого понятия, а именно, когда человек получает эстетическое удовольствие от созерцания объектов материальной (например, архитектура, традиционная одежда, ремесленные изделия) и нематериальной культуры (танец, музыка). Другой уровень понимания *мёт* — это манера поведения, жесты, движения — *грациозный, утонченный*. Также лексема *мёт* используется, когда говорят об этических поступках, о достойном и благородном поведении. Еще *мёт* употребляется в значении «вкус», «стиль», «настроение». Как правило, все эти определения присущи современной, можно сказать, упрощенной интерпретации лексемы *мёт* и часто используются именно в подобных контекстах. Однако понятие *мёт*, с точки зрения Пак Кённи, — это не просто сочетание эстетического вкуса и этики поведения, в нем заключен более глубокий смысл, а именно — идея гармонических естественных отношений между природой и человеком (*баланс*), движение жизни и души в неограниченном свободном пространстве. Для автора *мёт* — это не есть нечто застывшее и искусственное, это живость души и ума, которая и способствует рождению творческих идей и мыслей, это высшая степень проявления силы духа. И поэтому писательница, обращаясь к современному читателю, надеется, что это уникальное понятие все же вернет свое первоначальное значение, и понимание корейской исконной культуры не будет сведено к таким упрощенным определениям.

Примечания

¹ См. для сравнения также два эссе на эту же тему: 맛과 멋 (Вкус пищи и вкус прекрасного); 멋 (О прекрасном). В кн.: 피천득. 인연.수필집.샘터, 1996. (76—77, 쪽); (215—217, 쪽). На русском яз.: *Пи Хи Чхон Дык*. Карма. Избранные эссе / Перевод Касаткиной И.Л., Чон Ин Сун, Ким Хё Джа, Габрусенко Т.В. / Изд. ООО «МЦК МГУ». М., 2005. С. 61, 161—163.

² *Kim Jong-Gil*. Meot: Korea's Unique Aesthetic and Moral Value. — In Comparison with Japanese Iki — // *Anthology of Korean Studies, Volume IV. Korean Literature: It's Classical Heritage and Modern Breakthroughs*. HOLLYM, 2003. P. 278.

³ *Alan C. Heyman*. The Psyche and Unique Character of Korean Dance // *Korea Journal*, 30.11 (Nov.-Dec., 1990). P. 61—62.

⁴ У Гейла действительно так — в переиздании его словаря 1931 г.: 맛 — 味 (—미) Taste; flavor; interest (P. 511). 멋 — Taste; flavor; interest (P. 520) // *韓英大字典. The Unabridged Korean-English Dictionary by James Scarth Gale. Third Edition. Edited by Alexander A. Pieters. Seoul. The Christian Literature Society of Korea. 1931.*

⁵ *Чо Чихун*. Изучение *мёт* // *Корейцы и литературная мысль*. Ильчогак, 1968.

⁶ *The New World Comprehensive Korean-English Dictionary*. Si-sa-young-o-sa, Inc. Seoul, Korea. 1988. 2519 p.

⁷ *Корейско-русский словарь / под ред. Пак Хёнгу*. Общество корейской и русской литературы. М.: Русский язык и литература, 2007. С. 233.

⁸ См. статью: *Мёт* // *Большой энциклопедический словарь национальной культуры Кореи*, Академия корееведения. URL: <http://100.daum.net/encyclopedia/view/14XXE0018111> (дата обращения: 03.02.2016). С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Ср.: 멋 있는 사람 # 멋 있는 음식, 맛 있는 음식 # 맛 있는 사람 // *Kim Jong-Gil*. Meot: Korea's Unique Aesthetic and Moral Value. — In Comparison with Japanese Iki // *Anthology of Korean Studies, Volume IV. Korean Literature: It's Classical Heritage and Modern Breakthroughs*. HOLLYM, 2003. P. 279—280.

¹¹ См. статью: *Мёт* // *Хангук минчжок мунхва тэбэкквасачжон*, Хангукхак чунан ёнгувон. *Мёт* // *Большой энциклопедический словарь национальной культуры Кореи*, Академия корееведения. URL: <http://100.daum.net/encyclopedia/view/14XXE0018111> (дата обращения: 03.02.2016).

¹² Ср.: 맛도 모르고 vs 멋도 모르고 // Kim Jong-Gil. Meot: Korea's Unique Aesthetic and Moral Value. — In Comparison with Japanese Iki // Anthology of Korean Studies, Volume IV. Korean Literature: It's Classical Heritage and Modern Breakthroughs. HOLLYM, 2003. С. 279.

¹³ Человек жил в гармонии с природой, считал себя ее частью и поэтому обладал особой жизненной силой 정신미.

¹⁴ Чо Чихун. Указ. соч.

¹⁵ Kim Jong-Gil. Указ. соч. Р. 280.

¹⁶ Ibid. Р. 282—283.

¹⁷ Ibid. Р. 281—282.

¹⁸ Пак Кённи. О понятии *мът* // Боль жизни. Ирум, 2004. С. 42—52.

¹⁹ Пак Кённи. *Мът* как ритм жизни и души // Боль жизни. Ирум, 2004. С. 111—118.

²⁰ Пак Кённи. О понятии *мът*... С. 48.

²¹ Там же. С. 48.

²² Там же. С. 49—50.

²³ Пак Кённи на примере своей собственной жизни доказала это утверждение, удалившись от мирской суеты и полностью посвятив свое время литературному творчеству на лоне природы.

²⁴ Например, когда *мът* отождествляют с таким понятием, как 풍류 風流 — изящество, вкус, элегантность (определенный стиль жизни) // Kim Jong-Gil. Указ. соч. Р. 281.

²⁵ Пак Кённи. О понятии *мът*... С. 50—51.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Перевод названия проф. Аделаиды Фёдоровны Троцевич. См.: «История корейской традиционной литературы (до XX в.)». СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 243.

²⁸ Пак Кённи упоминает о двух персонажах из «Самгук Юса»: хваран Чхоён и старик, подносящий цветок госпоже Суро.

²⁹ Пак Кённи. *Мът* как ритм жизни и души... С. 114.

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ *Пак Кённи. Мёт как ритм жизни и души...* С. 18.

³⁴ См. ст. *И Гиру* (старший репортер газеты «Хангёре»). Двенадцать мастерских Тхонёна: современное переосмысление как секрет нового расцвета (на рус. яз.) // *Koreana. A Quarterly on Korean Culture & Arts*. С. 1—2. URL: http://www.koreana.or.kr/months/news_view.asp?b_idx=4418&lang=ru&page_type=list (дата обращения: 12.02.2016).

М.Е. Осетрова

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ КУХНЯ КАК СРЕДСТВО ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

**(по материалам полевого исследования
северокорейских ресторанов Москвы)**

Введение

Уже после того, как автором была определена тема доклада на 20-й конференции корееведов России и стран СНГ и началась его подготовка, неожиданно исследуемый вопрос на некоторое время вошёл и в общекорейскую новостную повестку дня. Имеется в виду призыв южнокорейского правительства к своим гражданам от 16 февраля 2016 г. воздержаться от посещения северокорейских ресторанов за рубежом в связи с проведением КНДР очередных ядерных испытаний¹.

Конечно, это лишь небольшой и малозначительный штрих в общей картине очередного всплеска межкорейского противостояния, однако он свидетельствует о том, что тема корейской кулинарии тесно связана с корейским национальным самосознанием, политикой национальной идентичности и даже вопросами объединения, о чём автор уже неоднократно указывала в своих работах².

Ранее тема восприятия и официальной репрезентации национальной кухни в КНДР исследовалась автором на основе анализа пись-

менных и визуальных источников (материалов СМИ, этнографических справочников и кулинарных книг КНДР, свидетельств северокорейцев, живущих в других странах и др.)³. Эта статья представляет собой следующий этап исследования проблемы и основывается на результатах полевого исследования, проведённого автором в работающих в настоящее время в Москве северокорейских ресторанах.

Северокорейские рестораны, работающие за рубежом, представляют собой интересный феномен для понимания значения национальной кухни как инструмента официальной политики культурной идентичности. В условиях, когда КНДР продолжает придерживаться принципов закрытости в своих контактах с внешним миром, подобные рестораны превращаются фактически в единственную площадку, где страна может демонстрировать себя и свою современную культуру широкой международной публике на практически регулярной основе и, соответственно, транслировать определённые культурные и идеологические установки о себе с помощью языка национальной кулинарии и пищевых традиций. Таким образом, они становятся не только местом, где можно попробовать блюда северокорейской кухни, но и в некотором смысле средством публичной дипломатии. Это подтверждается и тем, что работа всех подобных ресторанов не является частной предпринимательской инициативой северокорейских граждан, а курируется и контролируется государственными организациями КНДР. Поэтому деятельность таких ресторанов нельзя считать исключительно коммерческой.

В южнокорейской и англоязычной прессе подобные рестораны чаще всего обсуждаются в контексте зарабатывания Севером валюты и другой, не связанной с продвижением национальной кулинарии за рубежом, деятельностью⁴. Однако данная статья, не обладая необходимыми для проверки этого утверждения данными и ресурсами, не ставит такой цели, а фокусируется на изучении работы данных ресторанов как средства публичной дипломатии КНДР.

О полевым исследовании

Статья написана на основе данных, полученных в ходе полевого исследования, проведённого автором в январе-феврале 2016 г. в двух ныне действующих северокорейских ресторанах Москвы — «Корё»

(ул. Орджоникидзе, д. 11, стр. 9, открыт с августа 2011 г.) и «Рынрадо» (Ломоносовский пр., д. 29, корп. 1, открыт с июля 2015 г.). Исследование включало в себя изучение меню и интерьера ресторанов, а также серию интервью с управляющими, администраторами и официантками. Основная цель исследования заключалась в выяснении, как данные рестораны представляют корейскую кухню иностранной публике и какие внекулинарные (общекультурные) смыслы через неё транслируются.

Северокорейские рестораны за рубежом (общие данные)

КНДР не раскрывает точных данных о количестве и принципах работы своих ресторанов за рубежом. Однако некоторую ограниченную информацию можно почерпнуть из южнокорейских и западных источников. Так, известно, что подобные заведения стали открываться с начала 1990-х годов. По данным, обнародованным недавно МИД РК, сегодня насчитывается около 130 северокорейских ресторанов в 12 странах мира⁵. Очевидно, что их число постоянно растёт, так как в 2013 г. СМИ писали о 60 ресторанах в одной только Азии⁶, а в 2014 — 110 в мире⁷. Большинство их расположено в Восточной Азии: прежде всего в Китае и по одному или по несколько — в Непале, Бирме, Камбодже, Малайзии, Индонезии, Вьетнаме, Таиланде, Монголии, Сингапуре, ОАЭ и Лаосе. В Европе первый северокорейский ресторан открылся в Нидерландах (Амстердам) в 2012 г., однако через несколько месяцев его закрыли из-за несовпадения интересов между голландской и северокорейской сторонами. Вскоре ресторан вновь начал работу, но уже с другими управляющими⁸. Есть также свидетельства, что недолгое время один подобный ресторан был открыт в Австрии (Вена)⁹.

В России с начала 1990-х годов существовало довольно много северокорейских ресторанов, причём не только в Москве, но и в некоторых городах неевропейской части России (Владивосток, Хабаровск, Иркутск). Однако многие из них, проработав несколько лет, закрывались. Первый подобный ресторан был открыт в Москве. Он назывался «Пхеньян», находился по адресу ул. Сретенка, д. 23/25 и просуществовал до марта 1997 г.¹⁰ На сегодняшний день в Москве есть два подобных

ресторана, в которых, как указывалось выше, и было проведено полевое исследование.

Как уже отмечалось, все подобные рестораны курируются государственными предприятиями и организациями КНДР. Существует ряд зарубежных представительств центрального пхеньянского ресторана «Оннюгван», а также международная сеть ресторанов «Пхеньян», которую, по некоторым данным, курирует северокорейская пищевая гос. компания «Хэданхва»¹¹.

Особенности представления корейской кухни в северокорейских ресторанах Москвы

В интервью представители северокорейских ресторанов в Москве постоянно отмечали, что цель открытия данных заведений — ознакомление москвичей и гостей города с корейской кухней, т. е. продвижение её в России. Главными отличительными признаками и достоинствами национальной кулинарии неизменно называются её целебные качества и выдающаяся польза для здоровья. Кроме того, сотрудники ресторанов особенно подчеркивают, что у всех их блюд «истинный» и «чистый» вкус, что повара готовят их «по традиционным рецептам». Однако изучение меню показало, что это не всегда так. *Во-первых*, само оформление и подача многих блюд выглядят достаточно современно и не похожи на исторические образцы старой Кореи (посуда, декорирование). Однако любое иностранное влияние на формирование корейской кухни представителями ресторанов отрицается, будь то японское (например, роллы *кимпан*) или советское (например, блюдо *сокоги яньпечху мари*, и по виду, и по названию, очевидно, родственное голубцам — в ресторане «Рындадо»). Эта черта находит подтверждение и при анализе северокорейских кулинарных книг, этнографических справочников и журналов¹².

Во-вторых, некоторые блюда, очевидно, принадлежат уже к современным паттернам питания северокорейцев. Например, маринованная баранья ножка или лягушачьи окорочка в панировке (меню ресторана «Корё»). По сведениям, полученным от сотрудника посольства РФ в КНДР, работающего сейчас в Пхеньяне, сегодня мясо лягушки свободно можно купить в Северной Корее, существует специальная ферма по их

выращиванию. Готовое блюдо носит название *ханыль-ттак*, поскольку так назвал его сам Ким Ир Сен, когда воевал на Дальнем Востоке. В связи с этим данный вид мяса даже считается питательнее куриного и стоит иногда дороже.

Ферментированные овощи *кимчхи* и *пхёнъянь-нэнъмён* (холодная лапша по-пхеньянски) выделяются в северо-корейских ресторанах за рубежом в качестве основных национальных пищевых символов (далее НПС) корейской кухни. В ресторане «Корё» для посетителей есть специальные материалы на русском языке, подробно описывающие историю и питательные свойства этих блюд. НПС — весьма типичная черта, они играют важную роль в репрезентации национальной кухни в мире. Обычно такими символами становятся либо наиболее распространённые в повседневном рационе блюда, либо наиболее яркие с точки зрения создания привлекательного образа данной пищевой традиции. Интересно отметить, что это искусственный конструкт и что подобные пищевые символы могут меняться в зависимости от эпохи, внутреннего положения в стране и/или изменений мировых гастрономических тенденций. НПС Северной и Южной Кореи далеко не всегда совпадают.

Внекулинарные атрибуты

Помимо непосредственно блюд корейской кухни, которые подают в северо-корейских ресторанах, культурно-символические смыслы передаются и через так называемую внекулинарную атрибутику. Имеются в виду детали интерьера и другие аспекты, не связанные напрямую с кухней, но также влияющие на впечатление, создаваемое у посетителей ресторана. Так, в ресторане «Корё» к таким атрибутам можно отнести северо-корейскую национальную живопись (преимущественно пейзажную), оформление интерьера элементами традиционной архитектуры и крестьянского двора (черепичные крыши, муляжи связок красного перца и т.п.), стойку с национальными костюмами. Кроме того, периодически гости могут бесплатно взять в «Корё» номера знаменитого северо-корейского иллюстрированного журнала «Корея» на русском языке. Все эти элементы призваны привнести в обстановку ресторана «национальный колорит» и дать почувствовать не только «вкус Кореи», но и её дух. Однако следует отметить, что в «Корё» эти элементы поданы весь-

ма скромно, без нарочитого «азиатского гламура», характерного для многих других ресторанов азиатской кухни в Москве в наши дни.

Другим важным внекулинарным атрибутом является демонстрация в ресторане в фоновом режиме видеозаписей северокорейских военных парадов или музыкальных концертов военно-патриотической тематики. На сегодняшний день ни в «Корё», ни в «Рынрадо» персонал не проводит музыкальные выступления, которыми славятся северокорейские рестораны в других странах, особенно в Азии. Представитель ресторана «Рынрадо» объяснила это тем, что «русские клиенты, в отличие от китайцев, обедая в ресторане, предпочитают спокойную, нешумную атмосферу». Представитель «Корё» сказала, что «в их ресторане имеется передвижная сцена для подобных выступлений, но устраиваются они не часто и по специальному заказу». Правда, в «Корё» также есть отдельный кабинет с караоке, где гости могут исполнить популярные северокорейские, советские, современные российские и даже китайские песни. В таких условиях видеозаписи становятся проявлением официальной северокорейской массовой культуры, которая также наряду с корейской кухней символизирует КНДР. Более того, это, пожалуй, единственный (но очень мощный) элемент в северокорейских ресторанах, который связывает пищевое и политическое (так как на видео часто появляются образы лидеров страны, военная техника, памятники военной истории и др.). В остальном в данных ресторанах пищевая тема больше подаётся в контексте национального.

Отдельного рассмотрения заслуживают официантки подобных ресторанов — всегда аутентичные северные кореянки. Они фактически являются «визитной карточкой» северокорейских ресторанов во всем мире. Как отмечают источники, хорошо знающие работу данных заведений, обычно это не только девушки с профильным образованием в области сервиса или эстрадных искусств, но и представительницы политически лояльных семей Пхеньяна¹³. Обычно это очень молодые и внешне привлекательные девушки. Одно это уже делает их «живой рекламой» ресторанов. Такие особенности персонала дают ресторанам возможность производить на клиентов впечатление «женственности» и «мягкости», резко контрастирующее с распространённым военизированным и жёстким образом КНДР. В связи с этим вспоминается практика, имевшая место в колониальной Корее, когда японцы печатали открытки Кореи, где часто изображали корейских девушек (например, профессиональных артисток *кисен*). Так колониальная Корея в глазах

потребителей данной печатной продукции приобретала ярко выраженный «феминизированный» и «подчинённый» образ. Разумеется, северокорейские рестораны сегодня не стремятся производить «подчинённое» впечатление, но, возможно, нотки женственности и мягкости идут на пользу созданию приятной атмосферы в ресторане. Тем не менее с образом *кисен* северокорейских официанток роднит и тот факт, что они не только обслуживают гостей ресторанов, но и устраивают для них музыкальные представления.

Наконец, следует отметить роль национальной государственной символики в данных ресторанах. Ярче всего она представлена в «Корё».

В первую очередь заслуживает внимания само название ресторана. Как известно, «Корё» — это не только имя средневекового корейского государства, которое в 918 г. объединило Корейский полуостров и которое является знаковым в северокорейской интерпретации национальной истории, но и то имя, которое КНДР предлагала для обозначения будущей объединённой Кореи.

Кроме того, и вывеска, и центральная стойка в «Корё» оформлены с использованием образа государственного флага КНДР, а также образа корёского рыцаря. Представитель ресторана в интервью сказала, что этот образ отражает «горячее желание нашего народа к объединению».

Название «Рынрадо» тоже очень понятно и близко любому северокорейцу. Такое имя носит небольшой остров на р. Тэдонган в Пхеньяне. С одной стороны, это имя ассоциируется с красотой северокорейской столицы и природы, популярным местом встреч и прогулок влюбленных, а с другой — это символ современного, модернизированного Пхеньяна (например, именно на этом острове находится знаменитый стадион им. Первого мая — одна из основных пхеньянских достопримечательностей).

Все эти внекулинарные атрибуты также играют важную роль в создании для зарубежной публики образа национальной кухни и КНДР в целом и превращают подобные рестораны в средства публичной дипломатии.

Выводы

По результатам полевого исследования северокорейских ресторанов Москвы можно сделать следующие выводы:

во-первых, подтвердились заключения предыдущего доклада, где автор на основе анализа письменных и визуальных источников по северокорейской кухне утверждала, что в КНДР представление национальной кулинарной традиции для внутренней и для зарубежной аудитории резко отличается. Во втором случае темы национальной кухни даются без политики и идеологии, но с сильным подчеркиванием национального аспекта. Кроме того, до сих пор в КНДР национальная кухня не воспринимается как отражение национального характера и ментальности корейцев, а подаётся лишь как часть национальной материальной культуры;

во-вторых, очевидно, что корейская национальная пищевая традиция в КНДР и РК всё же едина, однако её восприятие и интерпретация претерпели большие изменения в двух корейских государствах. Так, значительно различаются сегодня не только их официальные названия (*чосон рёри* — на Севере, *хансик* — на Юге), но и культурно-символические смыслы, транслируемые через тему национальной кухни, национальные пищевые символы, а также кулинарная иерархия;

в-третьих, результаты исследования дают основания полагать, что в последнее время в КНДР идут постепенные изменения в области понимания и репрезентации своей национальной пищевой традиции за рубежом. И происходит это во многом под влиянием южнокорейских тенденций в отношении национальной кухни и южнокорейских программ по продвижению корейской кухни в мире, хотя на словах северяне противопоставляют свою кулинарную традицию южнокорейской. Возможно, и решение открыть второй северокорейский ресторан в Москве было принято в связи с ростом среди россиян популярности корейской культуры, и кухни в частности. Не случайно «Рынрадо» поместил на главной странице своего сайта фотографию *пибимпана* — главного на сегодняшний день национального пищевого символа Юга. Кстати, когда автор спросила, почему был выбран именно *пибимпан*, представитель «Рынрадо» объяснила это именно популярностью *пибимпана* среди москвичей. В пользу этого предположения говорит и то, что в последнее время в некоторых северокорейских ресторанах, расположенных в Азии,

официантки включают в свою музыкальную программу выступления с элементами *К-pop* хореографии.

Таким образом, автор делает вывод, что сфера национальной кулинарии является полем, где можно наблюдать пример непрямого (скрытого) межкорейского культурного взаимовлияния. Южане посредством посещения подобных ресторанов знакомятся с северокорейскими пищевыми и культурными реалиями. А северяне не прочь использовать «козыри» Юга, если те не идут вразрез с общей культурно-политической линией КНДР. Например, на Юге часто с гордостью упоминают, что в 2006 г. престижный американский журнал *Health* включил *кимчхи* в пятёрку самых здоровых продуктов мира. Этот факт активно пропагандируется и северянами — как внутри страны, так и за рубежом¹⁴. В декабре 2013 г. южане зарегистрировали своё *кимчхи* в качестве нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, а через два года это сделали и северяне¹⁵.

Примечания

¹ Гражданам Южной Кореи запретили посещать рестораны КНДР // Российская газета, 17.02.2016. URL: <http://www.rg.ru/2016/02/17/grazhdanam-iuzhnoj-korei-zapretili-poseshchat-restorany-kndr.html> (дата обращения: 18.02.2016).

² См.: *Осетрова М.Е.* Национальная кухня и корейский национализм // Россия и Корея в меняющемся мире. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 252—264; *Осетрова М.Е.* Роль корейской кухни в формировании национального самосознания современных корейцев // *Корейский полуостров: уроки истории/ Доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ.* Москва, 30—31 марта 2010 г. М.: ИДВ РАН. С. 223—230.

³ *Осетрова М.Е.* Восприятие и способы репрезентации национальной кухни в КНДР и РК // *Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография.* М.: ИДВ РАН. С. 220—233.

⁴ North Korea's Overseas Restaurants Used for Espionage and Gaining Hard Currency // *The Washington Free Beacon*, 15.10.2013. URL: <http://freebeacon.com/national-security/north-koreas-overseas-restaurants-used-for-espionage-and-gaining-hard-currency> (дата обращения 24.02.2016); *North Korean Restaurants in China Send \$10,000–30,000 Annually Back to Its Native Country* // *NK Daily*, 19.06.2007. URL:

<http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk00100&num=2239> (дата обращения: 27.02.2016).

⁵ South Koreans asked not to eat at North Korean restaurants, *The Korea Times*, 17.02.2016. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/02/485_198258.html (дата обращения: 24.02.2016).

⁶ North Korea's Overseas Restaurants Used for Espionage and Gaining Hard Currency. URL: <http://freebeacon.com/national-security/north-koreas-overseas-restaurants-used-for-espionage-and-gaining-hard-currency>, 15.10.2013 (дата обращения: 24.02.2016).

⁷ Haeoe bukhan sikdan hyeonhwang (The current state of affairs with overseas North Korean restaurants), 17.02.2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3D_nnFNtJ_w (дата обращения: 24.02.2016).

⁸ DPRK Restaurant in Amsterdam Reopened Under New Ownership, North Korea Leadership Watch, 21.01.2014. URL: <https://nkleadershipwatch.wordpress.com/2014/01/21/dprk-restaurant-in-amsterdam-reopened-under-new-ownership> (дата обращения: 28.02.2016).

⁹ КНДР открыла ресторан в Амстердаме, Взгляд, 06.02.2012. URL: <http://vz.ru/news/2012/2/6/559271.html> (дата обращения: 28.02.2016).

¹⁰ *Строгов М., Оазис Д., Броше П.* Путеводитель Москва. City-Guides, 1997. Country-Guides. URL: <http://oldmemory.ru/?file=put-moskva-1997-46> (дата обращения 14 февраля 2016 г.). См. также: URL: <https://www.prima-inform.ru/cat/cc/mrs-bistro-ooo-preobraz-iz-restorana-phenian-05-03-97-1067759931304> (дата обращения: 14 февраля 2016 г.).

¹¹ Korea Pyongyang Haedanghwa Foodstuff Company, *North Korea Economy Watch*, 13.03.2012. URL: <http://www.nkeconwatch.com/category/dprk-organizations/companies/haedanghwa-foodstuff-company/> (дата обращения: 18 февраля 2016 г.).

¹² См.: *Осетрова М.Е.* Восприятие и способы репрезентации национальной кухни в КНДР и РК. С. 226.

¹³ См. свидетельство северокаорейской перебежчицы Ли Э Ран, работавшей в Северной Корее в области общественного питания, а в настоящее время возглавляющей Академию северокаорейской кухни в Сеуле: *Ли Э Ран*. Пукхан сиккек (Северокаорейский гурман). Сеул: Учжин Ливинг Хаус. — на кор.яз. 2012. С. 50. Также см.: комментарий корееведа и бывшего британского поверенного в делах в Пхеньяне Джеймса Хора по следующей ссылке. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/>

jun/26/north-korean-restaurants-springing-up-around-asia-to-raise-money-for-regime (дата обращения 16 февраля 2016 г.).

¹⁴ *Кан Рён Сир, Хан Бон Чхан, Ким Чи Хо*. Обзор по Корее. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках. 2013. С. 142.

¹⁵ *Кимчи* внесли в список культурного наследия ЮНЕСКО, *Интерфакс*, 03.12.2015. URL: <http://www.interfax.ru/world/482932> (дата обращения 2 февраля 2016 г.).

Список авторов

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Ванин Юрий Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: eug.vanina@gmail.com

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: nastyagur@hotmail.com

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, зав. лабораторией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: emelianova49@mail.ru

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ.

E-mail: dyachkov@naver.com

Евсеев Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ.
E-mail: vlad.evseev@gmail.com

Ефимов Андрей Валериевич, кандидат исторических наук, первый секретарь МИД РФ.
E-mail: ranam98@yandex.ru

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Иванов Константин Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета.
E-mail: kostadin@yandex.ru

Кику Дмитрий Владимирович, кандидат политических наук, член Группы экспертов Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР, учрежденного резолюцией 1718 (2006).
E-mail: kiku@un.org

Ким Ен Сун, кандидат экономических наук, проректор по международной и инновационной деятельности Южно-Сахалинского института экономики, права и информатики.
E-mail: kim.sofja2011@yandex.ru

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: kim@ifes-ras.ru

Кирьянов Олег Владимирович, собственный корреспондент «Российской газеты» на Корейском полуострове и в АТР.
E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

Лобов Роман Николаевич, аспирант Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: romanlob@hotmail.com

Мен Дмитрий Вольбонович, доктор политических наук, профессор кафедры корееведения и японоведения Казахского национального университета им. аль-Фараби.
E-mail: mendima@gmail.com

Носкова Наталья Геннадьевна, аспирант Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета.
E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета.
E-mail: lovchin@yandex.ru

Осетрова Мария Евгеньевна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: m.e.osetrova@gmail.com

Пак Александр Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.
E-mail: fenixmirage@yandex.ru

Погадаева Анастасия Викторовна, преподаватель кафедры истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: ikanmanis@gmail.com

Похолкова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.
E-mail: sirotina_e79@mail.ru

Расулов Эльдар Рахманджанович, заведующий отделом Кореи Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан.
E-mail: elchi@rambler.ru

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vikapak@yandex.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Смертин Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета.

E-mail: usmer@hotmail.com

Солдатова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: maria_soldatova@hotmail.com

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: suslina.ss@mail.ru

Сухинин Валерий Евгеньевич, Чрезвычайный и полномочный посол, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ.

E-mail: jkim@mgimo.ru

Толорая Георгий Давидович, доктор экономических наук, руководитель Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

E-mail: rusmirasaf@yandex.ru

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель кафедры восточной филологии и кафедры цивилизационного развития Востока Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: innachoi@hotmail.com

Чеснокова Наталия Алексеевна, старший преподаватель кафедры истории и филологии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: chesnatalie@gmail.com

Якимова Дарья Андреевна, аспирантка Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: hayabusa__@mail.ru

Яковлева Любовь Николаевна, младший научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

E-mail: miyo2008@ya.ru

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF FAR EASTERN STUDIES
Center for Korean Studies

KOREAN PENINSUALA IN THE EPOCH OF CHANGES

Moscow
IFES RAS
2016

CONTENT

Foreword

Zhebin A.Z.

Conferences of Russian Koreanologists
at the IFES Mark the 20th Anniversary 7

Chapter 1. RUSSIA, KOREA AND INTER-KOREAN RELATIONS

Toloraya G.D., Yakovleva L.N.

Korean Peninsula in Russia's Asian Strategy in the Context of the Crisis 16

Sukhinin V.E.

The 25th Anniversary of Relations between Russia and South Korea:
Some Assessments 28

Kim En Un

The Right Turn in the ROK's Politics: the Current State
and Prospects of Inter-Korean Relations 34

Vorotsov A.V.

Korea' Re-unification: Current Approaches of the DPRK and the ROK 45

Chapter 2. KOREAN PENINSULA: BOMBS, MISSILES AND SANCTIONS

Asmolov K.V.

The Current State of China-Korea Relations 55

Dyachkov I.V.

North Korean 'Hydrogen Bomb' Test and Satellite Launch
Highlight Difficulties in Resolving the Nuclear Issue 69

Evseev V.V.

The Prospects of Creating Missile Defense in the Republic of Korea 79

<i>Kiku D.V.</i> Unprecedented UN Security Council Sanctions Regime against North Korea: a Prelude to Further Escalation or Detente?	86
--	----

**Chapter 3. KOREA VIS-A-VIS JAPAN:
HERITAGE PROBLEM**

<i>Ivanov K.V.</i> The History of the Colonial Korea: Politics Projected into the Past	94
<i>Ovchinnikova L.V.</i> The Japanese Colonial Administration and Its Political and Ideological Methods of Influence on the Korean Population	104
<i>Yakimova D.A.</i> The General and the Specific in the Japanese Colonial Policy in Korea	114
<i>Lobov R.N.</i> Preliminary Stage of Republic of Korea — Japan Normalization Talks	127
<i>Grinyuk V.A.</i> The 70th Anniversary of the End of the Second World War and New Turns in the Relations between Japan and the Republic of Korea	134

Chapter 4. IN HISTORY'S BACKYARD

<i>Vanin Yu.V.</i> A Little-known Page in the History of the Korean Liberation Movement	142
<i>Diakova O.V.</i> Koryo-Jurchen's Borderlands: Contacts and Conflicts	150
<i>Efimov A.V.</i> The Affinity of the Korean and Nivkh People on Certain Anthropological Issues	157
<i>Pak A.V.</i> The Place of the Protestant Church in the Korean History	167

Chapter 5. ROK ECONOMY IN FRONT OF NEW CHALLENGES

<i>Suslina S.S.</i> South Korean Economy: the Problem of Balanced Growth	176
<i>Sinyakova A.F.</i> The Energy Sector of the Republic of Korea: Overview and Current Trends	188
<i>Kim Yong Sun</i> The Innovative Potential of South Korea	199

Chapter 6. EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS OF TWO KOREAN STATES

<i>Samsonova V.G.</i> Russia-South Korea Economic Cooperation in the Era of Changes	212
<i>Men D.V.</i> Kazakhstan and the Republic of Korea: 25 Years Later	224
<i>Rasulov E.R.</i> Central Asia in the Foreign Policy Strategy of the Republic of Korea	231
<i>Zakharova L.V.</i> Economic Development Zones in the DPRK: Status and Prospects	238
<i>Kiriyanov O.V.</i> The Present Situation and Prospects of the North Korean Rason Economic and Trade Zone	249

Chapter 7. CULTURAL HERITAGE: PAST AND PRESENT

<i>Guryeva A.A.</i> Traditional Models in Representation of Current Issues in Contemporary South Korean Texts	262
<i>Pokholkova E.A.</i> On Some Issues of Political Correctness in the South Korean Mass Media	274

<i>Soldatova M.V.</i> Poetic Lines in Urban Space as an Element of Social Advertising: Gwanghwamun Poetry Placard	290
<i>Khohlova E.A.</i> Early Joseon Landscape Painting: not how but why?	303
<i>Pogadaeva A.V.</i> The Origin and Development of Detective Genre in Korea	314
 Chapter 8. DECIPHERING A CULTURAL CODE	
<i>Smertin Yu.G.</i> Korean Shamanism: Past in Present	322
<i>Chesnokova N.A.</i> Place of Birth as a Potential Determinant of the Future in Korea: Prejudice and Regionalism	334
<i>Noskova N.G.</i> Ethnonyms Joseon and Han in the Names of the States of the Korean Peninsula	346
<i>Tsoi I.V.</i> Park Kyong-ni 박경리(1926-2008). About the concept of meat 멋	357
<i>Osetrova M.E.</i> North Korean Cuisine as an Instrument of Public Diplomacy	369
 Authors	 380
 Abstracts	 390

ABSTRACTS

Zhebin A.Z.

Conferences of Russian Koreanologists at the IFES Mark the 20th Anniversary.

The author analyzes the contribution to Korean studies in Russia made by an annual conference of Russia and CIS countries' specialists on Korea that has been organized since 1996 by the Center for Korean studies (CKS) at the Institute of Far Eastern Studies (IFES) under the Russian Academy of Science in Moscow. Starting in December 1996 as a conference of Moscow specialists on Korea this forum quickly became the most representative and stable platform for the regular presentation of research results, exchange of views, discussions and meetings of Koreanologists in Russia. In 2005 they were joined by specialists from Uzbekistan, Kazakhstan, Belarus and Ukraine. 529 papers were presented at 19 previous conferences. They were published in 21 volumes (twice the papers were published in two parts) with a total of 342 printed pages. 160 speakers — representatives of academic, university and industrial science, employees of government agencies, private companies and media, which represented more than 40 different organizations from more than 20 Russian cities delivered their papers at the conferences. Among them — such prominent orientalists as academicians M.L.Titarenko and A.V. Torkunov, other scholars who had made a great contribution to the development of Korean studies in Russia — M.N.Pak, V.F.Lee, V.P. Tkachenko, V.N.Dmitrieva. Throughout its existence, the conference enjoyed support from top officials in charge of Korean affairs at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Among the participants were Russian ambassadors Yu.D.Fadeev, V.I.Denisov, V.E.Suhinin, A.A.Timonin, A.I.Matsegora. Presentations by these and other well-known specialists have become an excellent school of Oriental Studies for a growing number of young scholars, post-graduate students interested in Korean Studies. The conferences' materials show a broad range of research in Russia in the field of Korea politics, economy, history and culture, Russian-Korean and international relations in Northeast Asia.

Keywords: Korea, Korean Studies in Russia, conference, research.

Toloraya G.D., Yakovleva L.N.

Korean Peninsula in Russia's Asian Strategy in the Context of the Crisis

North Korea's most recent nuclear test and «satellite launch» changed the Korean peninsula's political landscape more than might be expected, given that Russia and China toughened their stance on the issue.

North Korea's behavior led to unprecedentedly severe sanctions imposed by the United Nations Security Council against it. Along with the unilateral measures of the USA, South Korea and Japan they may have an extremely negative impact on North Korea's economy. However, it is unlikely that they will make the country to abandon its nuclear and missile programs.

Tougher sanctions and rise of tensions that is used as a pretext for the U.S. increased military presence in the region including a possible THAAD (Terminal High Altitude Area Defense) deployment to South Korea damage Russia's and China's strategic security and economic interests. But if Russia supports hardline policy of the others, it could find itself in a weaker position.

Maintaining the achieved level of cooperation with the North Korean authorities is becoming more crucial given that China pushes for «two plus two» talks to replace the 1953 Armistice. In that case, Russia will face outright exclusion from the negotiations.

Under the current circumstances, it is worth considering the resumption of five-party talks proposed by the South. Russia should try to convince North Korea that it will take its position into account and support its concept of a peace treaty with the USA (under written security guarantees from the other four states) as the cornerstone for a new peace system in the region.

The report provides an analysis of the current situation on the Korean Peninsula and perspectives of multilateral solutions, positions of the main actors, Russia's interaction with the states concerned and some recommendations to step up its foreign policy in East Asia.

Keywords: Korean Peninsula, North Korea, South Korea, nuclear test, missile program, sanctions, THAAD.

Sukhinin V.E.

The 25th Anniversary of Relations between Russia and South Korea: Some Assessments

Diplomatic ties between the USSR and the Republic of Korea resulted from more than ten years of contacts between the sides and mutual

understanding that ignoring the neighboring state is rather unwise despite ideological differences.

Notwithstanding the fact that huge initial expectations of each country towards the partner failed short, it does not override the fundamental objective interest in each other.

The Soviet Union was seen by Seoul as one of the two superpowers, therefore mutual recognition could considerably strengthen the position of Seoul in North-East Asia and be very useful in terms of confronting Pyongyang. However, serious problems in our country and the dissolution of the USSR cooled the huge interest of South Korea towards our country.

Moscow also took a turn towards South and today is promoting its own interests on the Korean peninsula to ensure peace and security there.

The author gives a brief analysis of cooperation between the two countries in different fields as well as of the specification of this cooperation in the documents signed lately. It is pointed out that the statement of «the strategic cooperation and partnership» (2008) is more a goal for future than an achieved result, especially considering the relationship of Seoul with the US and China.

Nevertheless, relations between our two countries are very important and should not be painted either in bright or in black colors only. Our mutual goal is to make efforts to develop mutually beneficial neighborly cooperation between our countries in various fields.

Keywords: relations between Russia and South Korea, 25 years-long history, «strategic partnership» as a goal for future, good neighborhood based on real potentials.

Kim En Un

The Right Turn in the ROK's Politics: the Current State and Prospects of Inter-Korean Relations.

The conservatives of the Republic of Korea (ROK) returned to power in the presidential elections of 2007. Since the inauguration of a conservative President on February 25, 2008 a right turn in the political life of the ROK has begun. It is accompanied by significant changes in the political and economic life, as well as the foreign policy of the country. South Korea's military and political alliance with the United States has strengthened. Payments from the ROK's budget for the costs of the American troops stationed in the country have increased. The implementation of the agreement reached under President Roh Moo-Hyun concerning the OpCom's transfer to the South Koreans in 2012 has been postponed indefinitely.

The right turn in the South Korean politics has had a particularly noticeable impact on the inter-Korean relations. President Lee Myung-Bak bet on the absorption of the DPRK. The consequence of this policy was almost complete cancellation of all the agreements achieved under presidents Kim Dae-Jun and Roh Moo-Hyun, inter-Korean on the normalization of inter-Korean relations and large-scale cooperation. Sinking of Corvette «Chonan» in the Yellow sea in March 2010 led to imposing comprehensive sanctions by the ROK against the DPRK on May 24, 2010, which resulted in the almost complete curtailment of trade and cooperation between them. In recent years, inter-Korean relations have been often characterized by the escalation of tensions accompanied by military buildup by both countries and strengthening of the DPRK's nuclear potential. Numerous initiatives on inter-Korean relations by President Park Geun-Hye have not yield any adequate practical results. Apparently, there are no prospects for a breakthrough in inter-Korean relations until the change of administrations in the United States and the ROK.

Keywords: ROK, politics, right turn, military alliance between the ROK and the USA, inter-Korean relations.

Vorontsov A.V.

Korea Unification. The DPRK and the ROK current approaches

In recent years the Korean peninsula unification problem has sounded very loudly again. This time Seoul is playing a leading part.

The South Korea's current government has been the task of creating trust between North and South. However, three years later, analysts decided that this target has been replaced in practice by the policy of forcing the union through the acceleration of «collapse and regime change» in North Korea. Today, most of the discussion in South Korea centers has the topic what and how Seoul should do after the reunification.

The ROK President of South Korea, Park Geun-hye keynote speech in Dresden in March, 2014 where reunification was proposed to be done based on «the German version», so the reunification of Korea by absorption of the North by the South, can serve as proof of such thesis.

Naturally in Pyongyang, this proposal was met negatively. In September 2014, at the UN General Assembly in New York, the Minister of Foreign Affairs of North Korea, Lee Soo-young, gave a detailed response recalling the concept of reunification of Korea formulated by Kim Il Sung — a union based on the creation of «the Federal Republic of Korea.»

Today, this debate between the officials of the two Koreas continues to gain momentum. In course of the polemics Seoul argues in favor of the support of the international community, since its participation, and especially that of the United States in the preparation of reunification is necessary and even essential.

Pyongyang contrary is sure that the coexistence of the two systems is the only realistic way for the reunification of Korea and that in the course of the integration process the two Korean sides «should not blindly copy the experience of other countries, but form the structure corresponding to the realities and specifics of Korea... then there will be no need to use other people's brains, seek permission from external forces or their approval of our decision on how to realize the unification.»

Key words: Korea, unification, absorption, confederation, coexistence.

Asmolov K.V.

The Current State of China-Korea Relations

After the latest escalation of regional tensions and the new sanctions against North Korea, imposed with the participation of China, the question of how Beijing will maintain its unswerving policy toward the Korean Peninsula does not lose relevance. In the author's view, the trends that define the scope of the political context now remain unchanged, and therefore we can say that, despite some volatility, the Chinese policies on the Korean issue also remain unchanged. In pursuit of its national interests China, as well as the Russian Federation does not provide exclusive support for either North or South Korea.

China-Korea relations are influenced by a number of overlapping trends, both China's claims on the status of a regional superpower and tensions between China and the United States, in which «greater Republic of Korea» with American troops on its territory means a serious strategic threat to China. The balance of these trends at any given moment will determine the measures being taken, but the complete giving up of the DPRK remains highly unlikely. It is a very valuable card in the big game. However, this does not exclude tensions between China and the DPRK, where Beijing will try to make Kim's regime less self-willed, and Pyongyang — to ensure its freedom of movement.

Keywords: China, ROK, DPRK, China-Korea relations, Chinese-American relations, nuclear crisis, Chinese foreign policy.

Dyachkov I.V.

North Korean ‘Hydrogen Bomb’ Test and Satellite Launch Highlight Difficulties in Resolving the Nuclear Issue

The 2016 North Korean nuclear test and missile launch were hardly a surprise, since the preparations were long and not secret, and we are already at the point when one can speak of yet another test. The only relatively unexpected detail was North Korea’s adamancy to call the tested device a hydrogen bomb. Nonetheless, given the history of the nuclear issue, this move still looks logical and goes to show: resolving the problem may prove quite difficult due to a number of factors.

First, concerned parties’ ideological biases as well as secrecy and lack of information make assessing the DPRK’s nuclear capabilities difficult. Radical skepticism is as useless as alarmism; political planning is impossible without a realistic and exact understanding of how developed North Korean nuclear and missile technologies are.

Second, the way Pyongyang presents its research (i.e. the hydrogen bomb claim) tells that North Korea intends to attract the international community’s attention and employ its tried tactic: exchange limited concessions for economic and political gains.

Third, recurring inter-Korean clashes, certain statements on the need to advance own military nuclear research made by South Korean politicians after the test, Japan’s remilitarization all remind us that the threats of nuclear proliferation and regional military conflict are all too real.

Fourth, the question of how and when the issue can be resolved is left open. North Korean tests demonstrate that sanctions and the policy of ignoring the issue bring the solution no closer. The long pause in the six-party talks allows its critics say the format is useless. Besides, it would be difficult to persuade Pyongyang to abandon its military atom: it creates both a security guarantee and an opportunity for negotiations.

The conclusion is simple: solving the nuclear issue is impossible without addressing its cause. In other words, the target must be the reason North Korea desires nuclear weapons rather than the weapons themselves (most likely nonexistent). Dialogue will not solve the problem on its own, but it will prevent the worst and prepare the soil for long-term resolution.

Keywords: DPRK, missile technology, nuclear nonproliferation, Korean peninsula nuclear problem, nuclear test.

Evseev V.V.

The Prospects of Creating Missile Defense in the Republic of Korea

On January 6, 2016 North Korea conducted another (the fourth) nuclear test. However, the power of the underground explosion was 6 kt, which allows doubts on the test of thermonuclear bomb. More likely, only a trigger was tested — the initiator of the thermonuclear reaction. It can be proved by the lack of a specialized reactor enriching tritium in the DPRK. Another nuclear test of North Korea will encourage the Republic of Korea, which has conducted experiments on the production of highly enriched uranium, to develop nuclear weapons. The Republic of Korea currently has no power either for the production of enriched uranium or reprocessing spent nuclear fuel (allowing separate plutonium). But, given the extremely high scientific and industrial potential of the country, such capacity can be achieved within 2—3 years after the adoption of an appropriate political decision. Washington will do its utmost to restrain nuclear missile ambitions of Seoul, so in the short term, in response to the North Korean nuclear challenge, it is expected to accelerate work on the establishment of South Korean multyecheleon national missile defense (NMD). Appropriate land, sea and air-based systems may be used. As a ground-based system to intercept North Korean missiles combat troops not only air defense systems Patriot PAC-3 will be involved, but also anti-missile system and THAAD, capable to intercept at an altitude of 150 km. Naval component of the missile defense system will be presented with the ships equipped with missile weapons control system «Aegis» with the SM-3 interceptor missiles. Besides, heavy drones in the shock option can intercept North Korean missiles, if they are in relative proximity to the launch pad. This will force the DPRK to strengthen nuclear and missile capabilities, but will affect the security of the Korean Peninsula negatively.

Keywords: missile defense, missile and nuclear capabilities, missile weapons control system «Aegis», thermonuclear bomb, nuclear test.

Kiku D.V.

Unprecedented UN Security Council Sanctions Regime against North Korea: a Prelude to Further Escalation or Detente?

Sanctions are one of the most important tools available to the UN Security Council which facilitate a negotiated settlement of international problems. The Security Council has the exclusive prerogative to impose sanc-

tions on Member States in order to support the legitimate aims set forth in the UN Charter.

One example of using such interventions is the sanctions regime against the Democratic People's Republic of Korea (DPRK), imposed by the UN Security Council nearly 10 years ago (14 October 2006).

Keywords: United Nations Security Council, DPRK, sanctions regime, nuclear issue on the Korean Peninsula.

Ivanov K.V.

The History of the Colonial Korea: Politics Projected into the Past

Perhaps all countries have some «problematic» periods of their history. For Korea, in particular the Republic of Korea, one of those is the colonial period (1910—1945), when Korea was part of the Empire of Japan and the preceding period of the Japanese Protectorate (1905—1910). Evaluation of the historical role of the colonial period of Korea and the processes that occurred during that period, in the Republic of Korea has not undergone a fundamental revision and, in general, is negative.

For scientists and politicians in the Republic of Korea any non-negative statement about any events that accompanied the Japanese colonial regime, have to be necessarily framed by a number of reservations.

After signing the basic agreement on the relations between Japan and South Korea in 1965, the Korean government, primarily for economic reasons, in fact, refused to claim compensation for the crimes of the Japanese colonial regime. However, in the late 1980s — early 1990s a public request was formed in Korea to resume claiming of material compensation for the victims of the Japanese regime (primarily former «comfort women»), as well as claiming of bringing an official apologies by the Japanese government. A new round of territorial dispute over the the islands of Dokdo (Takeshima, Liancourt) was also added to this process.

For the Republic of Korea the colonial discourse has recently become not only a means of foreign pressure on Japan, but also a means of social and political mobilization within Korea itself. Substantial efforts are aimed at preserving of this situation both in the mass media and in the education system of Korea.

Keywords: Korea, Japan, historiography, colonial modernization, comfort women, Dokdo.

Ovchinnikova L.V.

The Japanese Colonial Administration and Its Political and Ideological Methods of Influence on the Korean Population

Documents of the Japanese colonial administration are considered to be an important source for the scientific research on the pre-war Korean history. Being editions for official use, they were published by the Japanese General-Governor's Office, Police and Court in the 1920s — 1930s and early 1940s. Compiled for pragmatic or practical purposes, these documents were used by senior Japanese colonial officials. They provide us with an original source of scientific research and a broad framework of enquiry concerning situation and various aspects of the history of colonial Korea, including strategy and tactics of the Japanese rule and methods of suppressing the liberation movement. Suppression prevailed among different means of control, but an ideological system was also formed. It combined aggressiveness and circumspection, cruelty and ability to adjust to different circumstances. Being maneuverable and adjustable, the Japanese colonial rule combined numerous means and methods.

In the late 1930s it became more difficult to sustain public tranquility in the colony, so the Japanese administration implemented its policy of ideological influence on the local people. The main attention was drawn to patriotic propaganda and education. A 'Campaign for national spirit mobilization' was carried out. Also the colonial administration inspired the Koreans to organize 'patriotic groups' which were united into the so-called 'Union of mobilization of national spirit'. New measures were taken in such spheres as education (new policy in schools, libraries, etc.), military service for the Koreans and others. Different kinds of patriotic groups and organizations were formed. Their aim was to promote the ideas of 'Greatness of Japan' and 'Unity of the Japanese and Korean people', as well as to reduce the increasing protest of the Korean people against the Japanese suppression and war.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, ideological influence, patriotic education.

Yakimova D.A.

The General and the Specific in the Japanese Colonial Policy in Korea

The Korean Peninsula came under the control of Japan only after the Treaty of annexation was signed in 1910. Japan considered stability in Korea as the main guarantee of national security. The Japanese policy in Korea was a unique phenomenon in the colonial history. However, to identify specific

features of the Japanese approach, it is necessary to conduct a comparative analysis of the colonial policy of Japan in Korea and Taiwan with the policies of the major European powers: the British in India and Ireland, the French in Algeria and the German in the Alsace-Lorraine. In the field of administrative management the Japanese always used the principle of direct control. The system of Japanese military police in Korea and Taiwan was a unique phenomenon, although France and Germany also used the gendarmerie to maintain order in their colonies. However, only representatives of the Korean «kempeitai» participated in all life spheres of the Korean society: from road construction to healthcare. In Taiwan the Pao-Chia system helped police to maintain order. Concerning cultural assimilation of the Koreans and the Taiwanese Japan as well as Germany speculated historical facts and ethnic affinity with the local population, representing the annexation as a reunification of the brotherly people. However, unlike European powers, Japan sought to impose on indigenous population not only their culture, but values such as loyalty to the Emperor of Japan. Compared with the Japanese policy in Taiwan, assimilation in Korea was more repressive, because of the fierce resistance from the local population.

Keywords: colonization, assimilation, cultural assimilation, colonial policy, «kempeitai», the Pao-Chia system, «dictatorship paragraph», policy of the «military rule», policy of the «cultural rule», Bundesrat, Reichstag, Indian national Congress.

Lobov R.N.

Preliminary Stage of Republic of Korea — Japan Normalization Talks

After the Republic of Korea was established in 1948, the new government faced with a difficult task of integration in the post-war system of international relations. South Korea had to define its foreign policy priorities and approach to building relations with the key regional actors, in particular — with neighbor countries, and especially with Japan.

On the one hand, it is well known that the ruling elite in the South Korea (including the President Yi Syngman personally) did not feel any sympathy for the former mother country. And, in those conditions, a foreign policy strategy toward Tokyo was determined. On the other hand, from the end of the 1940s till the early 1950s some measures to establish contacts between Tokyo and Seoul were taken. It was promoted by many factors, both internal and external.

This paper considers some issues related to the start of talks on establishing diplomatic ties between the Republic of Korea and Japan.

Keywords: Korea, Japan, Korea — Japan relations.

Grinyuk V.A.

The 70th Anniversary of the End of the Second World War and New Turns in the Relations between Japan and the Republic of Korea

The Statement of the Japanese Prime Minister S. Abe on the occasion of the 70th anniversary of the end of the Second World War was published on August 14, 2015. This document for a long time will be a model of official Tokyo's attitude to predatory wars and the colonial policy of the Japanese empire in the first half of the 20th century. The statement of Prime Minister T. Murayama in 1995 and the statement of Prime Minister Dz. Koizumi in 2005, on the occasions of the 50th and 60th anniversaries of the end of the Second World War respectively, contained apologies for the misfortunes which aggression and colonial rule of the Japanese militarism brought to other nations. S. Abe only stated his adherence to the position of his predecessors on the problem of the historic responsibility, but avoided the direct expression of apology and confession. It was the manifestation of S. Abe's revisionist attitude to the historic past.

An official meeting of Prime Minister S. Abe and the President of the Republic of Korea Park Geun-hye took place on November 2, 2015. It was the first official meeting of the two leaders for three years. The long interval between contacts of S. Abe and Park Geun-hye demonstrated a low level of relations between Tokyo and Seoul in the previous period. At the meeting on the 2nd of November 2015 an agreement was reached on the ultimate solution of the problem of compensations to «ianfu» («comfort women»). The solution of main problems concerning the compensation to «comfort women» was declared at the end of 2015. But the revisionist position of S. Abe on the problems of history made South Korean people criticize the agreement.

Keywords: the 70th anniversary of the end of the Second World War, aggression, colonial rule, «comfort woman».

Vanin Yu.V.

A Little-known Page in the History of the Korean Liberation Movement

Historiography of the Democratic People Republic of Korea and, consequently, Soviet and Russian historiography, had for a long time been

silent on the undisputable fact that Kim Il-sung and his guerilla force spent a major part of World War II in the Soviet Far East. This topic was open to discussion only when the eighth volume of Kim Il-sung's memories «In the Whirlpool of the Century» was published in 1998. Kim Il-sung's guerilla force moved to the Soviet Far East during the fall of 1940. In 1942—1945 it was a part of the 88th special rifle brigade of the Far Eastern Front, specially organized from Chinese and Korean guerilla groups, with the participation from Soviet citizen of Chinese, Korean, Nanay, etc. origin, for reconnaissance and subversive missions in the Japan-occupied territories of Manchuria and Korea. The paper discusses the formation, military and political training and activities of the Korean battalion of the 88th brigade, its activities and role in the Korean liberation, cooperation with Soviet military and political structures, as well as the Korean guerillas' comeback to assist the Soviet administration and the nascent national statehood. The author's task is to estimate the objectivity of Kim Il-sung's narrative about those events and to re-define the importance of the topic for the adequate historiography of World War II in the Far East, the history of liberation of Korea and Soviet-Korean relations.

Keywords: DPRK, World War II, Kim Il-sung, Far East, Korean battalion, liberation, historiography.

Diakova O.V.

Koryo-Jurchen's Borderlands: Contacts and Conflicts

Due to the geographical location Korean people and Tungus-Manchu tribes are longtime neighbors and their history is closely linked. For example, in the north-east of Koguryo (37 BC-668), several generations of the tribe Sumo Mohe (medieval Tungus-Manchu) lived. They had a strong cavalry and regularly provided military aid to Koguryo people. After the defeat of the state some of the Koguryo people moved to the Tungus state named as Bohai (698—926) and took quite active part in handicraft, agricultural, and other activities.

The falling of the Bohai state happened almost simultaneously with the emergence of the Koryo kingdom (918—1392). Jurchens leading its origin from Heishui Mohe became the north-eastern neighbors of the Koryo kingdom. During the pre-state period Jurchens and the Koryo kingdom had regular trade contacts and even some Jurchen families moved into Koryo. Its authorities welcomed that process and considered it as a security action suitable for Koryo's north-eastern frontiers.

Some Jurchens leaders were awarded honorary ranks, but Koryo's authorities continued to regard the Jurchens as barbarians. The situation changed in the opposite direction after the Jurchens strengthening and unification. They began to struggle for leadership in the region. In 1107 the Koryo army attacked the Jurchen people. It killed 400 Jurchen chiefs and heads, burned 150 fortresses and villages, and nine fortresses were built on the south side of the Tumen river which had previously been under the Jurchens' control.

However, in 1109 the Jurchens demanded demolishing the fortresses and returning the lands. After creating their own state in 1115 the Jurchens defeated Liao, then China and began to feel themselves equal to the Chinese Empire.

At the same time Koryo lived in internal contradictions, but still considering the Jurchens barbarians and a vassal state. Regular military conflicts started. In the end Koryo was compelled to accept vassalage to the Jurchen's state.

Keywords: Koryo, Jurchens, a vassal state, China, Tungus-Manchu.

Efimov A.V.

The Affinity of the Korean and Nivkh People on Certain Anthropological Issues

The problem of ethnogenesis of the Korean people has not received adequate explanation so far. Most scientists support the theory about possible links of the Koreans with the Tungus peoples that are believed to be included in the Altai macrofamily. On the other hand, one can not ignore the conclusions of some Korean, Russian and Japanese scientists on possible links between the Korean, Japanese and Nivkh languages. Linguistic ties virtually guarantee the existence of common ethnographic traits that became the subject of the author's research in this work.

Keywords: Korea's ethnography, mythology, Paleo-Siberian people.

Pak A.V.

The Place of the Protestant Church in the Korean History

Despite the fact that the first contacts of Protestants with Koreans began in the 1830s they often had a random character, facing cold indifference of population and repression by the authorities. The first genuine contact between Scottish missionary John Ross and Koreans took place only in the 1870s outside of Korea, in Manchuria. John Ross laid down the principle of reliance on local cultural tradition and translation of the Bible into «hangul» (the Korean national alphabet) and that later became a strong foundation for

the subsequent promotion of Protestantism in Korea. In the 1880—1890s in the environment of ideological and religious vacuum in a very short period of time American missionaries took initiative in spreading Protestantism in Korea. By the time of Korea's opening for contacts with the European powers and Japan, among all the Christian trends only Protestant missionaries (mostly from America) managed to achieve great success in Korea. Not only had they introduced progressive ideas of the western culture to the then unified Korean state, but also involuntarily paved the ideological way for the Korean national liberation movement with their educational activity and this proved itself to be true during the Japanese colonial period (1910—1945).

However, even after the defeat of militaristic Japan and liberation of Korea the Protestant church was not sidelined from the most important events in the Korean history: during 1945—1948 the Korean Christians from both sides of the 38th parallel made a considerable contribution to the establishment of two independent states: the ROK and the DPRK. They actively fought against military dictatorships in 1970—80s, participated in informal Inter-Korean dialogue between the North and the South, and today they continue to have influence on developing of political course in the Republic of Korea. Problems and prospects of the Protestant church's role in South Korea in the 21st century are of huge scientific and research interest.

Keywords: Protestantism in Korea, Charles Gutslaf, John Ross, American missionaries, national liberation movement in Korea.

Suslina S.S.

South Korean Economy: the Problem of Balanced Growth

The paper is devoted to the analysis of the current dynamics, tendencies and problems of the South Korean economy's development. The author analyzes measures undertaken by the South Korean government to change the current development model. Taking in consideration global tendencies the author will make a try to introduce the main results of the imbalanced economic development where external economic factors are overestimated. The main task of the report is to evaluate the measures of the South Korean government to eliminate the disproportion in the development of external and internal sectors of the South Korean economy, in particular the policy to reinforce economic growth through more balanced development of export and domestic market.

Keywords: South Korean economy, external economic factors, imbalanced development, foreign trade, foreign investment, economic strategy.

Sinyakova A.F.

The Energy Sector of the Republic of Korea: Overview and Current Trends

The Republic of Korea is one of the largest energy importers in the world. In 2014 it ranked 9th in the global energy consumption and was listed among five major world importers of liquefied natural gas, coal, oil and oil products. There are no other ways to import oil and LNG energy supplies than by means of the tanker fleet. Despite the almost complete absence of own energy commodities, a number of the largest and most modern refineries belong to South Korea. In order to ensure national energy security, oil and gas corporations seek opportunities to develop foreign deposits.

Economic situation in the Republic of Korea leads to high domestic energy consumption and the economic growth is associated with a high share of exports in electronics, semiconductors, shipbuilding.

Recently South Korean export markets have noticeably narrowed, this is a challenge that the country has already faced. Reduction of oil quotations throughout 2015 and obvious continuance of this tendency in 2016 is another problem to deal with.

The article provides an overview of the current situation in energy sector of the Republic of Korea, as well as an analysis of the economic situation, taking into account the decline in oil prices and the possible impact on the Korean economy.

Keywords: South Korean economy, energy consumption, oil, refinery, fossil fuels.

Kim Yong Sun

The Innovative Potential of South Korea

The aim of the article is to study the conditions for the development of South Korea's innovative potential. The country has made progress in industrial production through innovation in a short time. A backward and agrarian country turned into an industrial marvel of the 21st century. Therefore, this study is important for Russia, where it is necessary to modernize industrial production in the short term.

The innovation is viewed as a composite of four elements typical for this country: west case technologies and R&D, state administration of investments and resources, patent activity and education. The study has shown that the prime successful driver of innovation development was an integrated approach to the development and implementation of industrial policy, based

on the proximity of west case technologies, international integration of national patenting, landmark paradigms of the state administration in R&D, and modernization of the national education.

Evolution of cooperation paradigms was dictated primarily by the contents of partnerships among business, government and educational institutions and also by external problems. At the initial stage the partnership was aimed at using innovative resources for the growth of domestic production. Then it turned out that patents, approved scientific and technical developments in the form of utility models became an independent resource of export. Korean industrial giants got a new advantage in the international market. At the same time generation and development of the innovative capacity in the previously agrarian country brought about conflict within the society and changed established social perceptions and concepts of business dealing. Threats for the development of the innovative potential are closely connected with traditions of the Korean nation, and societal costs of quick economic growth.

Keywords: innovative capacity, R&D, pragmatic administration of great resources and investments, patent activity, patent specialty, initiative 577, SWOT — analyses of innovative capacity.

Samsonova V.G.

Russia-South Korea Economic Cooperation in the Era of Changes

In recent years Russia and South Korea have faced with global challenges and changes which are characterized by transition from relative stability in the global economic situation to unpredictability and revision of economic forecasts to negative. For Russia the major challenges are exogenous factors, in particular anti-Russian sanctions, weakening ruble and instability in raw materials market, whereas the Republic of Korea's main problems are the difficulties in finding new growth drivers for the solution of long-term domestic economic and social issues, such as deterioration of the competitive advantages of South Korean products, strong dependence on exports, high rate of youth unemployment, rapid growth of aging population, household debts etc. Under present circumstances, the two countries can gain from intensification of bilateral economic partnership. It is an opportunity for Russia to diversify its economic and trade relations and reduce negative effects of the sanctions. It is an opportunity for South Korea to carve out new niches, in particular substituting some representatives of the European business in Russian market. However, the reality with the bilateral economic cooperation is

not good enough. There is an uncertainty with the implementation of the majority of large-scale joint economic projects on the Korean Peninsula, and the negative trend in bilateral trade has led to a 34 % reduction of trade turnover in January-November 2015 compared with the same period of 2014.

Keywords: weakening ruble, sanctions, trade turnover, Russia-South Korea economic cooperation, investments.

Men D.V.

Kazakhstan and the Republic of Korea: 25 Years Later

Based on an interdisciplinary approach the article deals with the international cooperation of Kazakhstan and South Korea since the establishment of diplomatic relations. The article examines political and economic relations between the two countries. The author emphasizes that all necessary conditions have emerged for this study. After the collapse of the Soviet Union mutually beneficial and equal cooperation on generally accepted principles of peaceful coexistence have become a new fundamental basis for the bilateral relations. Similarity of socio-political goals creates favorable conditions for the development of multilateral cooperation. The article emphasizes that the geopolitical situation, strong political and economic system, abundant natural resources made Seoul perceive Kazakhstan as a strategic partner in the Central Asian region. In its turn, for Kazakhstan that has public interests in the Asia-Pacific region, it is important to develop strong relations with the Republic of Korea, which occupies one of the leading positions in the region. Summits of the two presidents have become regular and transformed into a new stage of strategic partnership. Principal approaches of Seoul and Astana to the issues related to peace and stability on the Korean Peninsula are the same. Kazakhstan has a positive attitude to the political dialogue between South Korea and North Korea, as well as improvement of inter-Korean relations.

Keywords: South Korea, Kazakhstan, international relations, political approach.

Rasulov E.R.

Central Asia in the Foreign Policy Strategy of the Republic of Korea

Current processes of integration cooperation in Eurasia play a key role in providing economic advancement, strengthening safety and stability, contribute to the establishment of the region's common economic and humanitarian space. Central Asia is an important link in the implementation of

South Korea's ambitious foreign-policy initiatives and nowadays plays an important role in Seoul's desire to strengthen its positions and take its «niche» in gaining from the region's economic growth in the context of integration processes in Eurasia.

Considering the fact that South Korea's share of export in the global export turnover of 2014 had come to 3,1 % which made it possible to take the 6th position in the list of the world's biggest exporting countries after China, USA, Germany, Japan and Netherlands, availability and development of new travel corridors to international trade centers is really of current interest.

At the same time, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tadjikistan and Turkmenistan, which have overland link with each other and maintain close economic relations, are considered to be a region with great energy and mineral potentials as well as broad market for South Korean goods and attractive fields for possible investments.

Keywords: Central Asia, Republic of Korea, Uzbekistan, foreign policy, relations.

Zakharova L.V.

Economic Development Zones in the DPRK: Status and Prospects

Creating special economic zones is one of the main tools that the North Korean leadership has been using to attract foreign investment since the early 1990s. In 1991 it announced the establishment of a special economic zone in Rajin-Sonbong. In the early 21st century new SEZ in Kumgang and Kaesong started to function with a SEZ in Hwanggumbyeon and Wihwa islands joining them in 2011.

After Kim Jong-un came to power the number of special economic zones in the DPRK has been increased. In May 2013 the Law on Economic Development Zones (EDZ) was adopted. The North Korean authorities provide investors with preferential treatment in the fields of land use, labor recruitment and taxation. They guarantee the right to lease land for 50 years with a possibility of extension. The rate of corporate income tax in the EDZs is set at 14 % of the net profit, and 10 % for the enterprises in the priority sectors such as the construction of infrastructure, introduction of advanced science and technology and production of internationally competitive goods.

In November 2013 the allocation of 13 areas in 8 provinces for the accelerated development with the participation of foreign investors was announced. In mid-2014 North Korea announced the creation of 6 additional zones of economic development in some areas of Pyongyang, South Hwang-

hae province, Nampho, North and South Pyongan provinces. The main characteristics and development plans for the new EDZ have been published.

The report analyzes the current status, features and prospects of the development economic zones in the DPRK.

Keywords: DPRK, economy, SEZ, economic development zones, investment.

Kiriyarov O.V.

The Present Situation and Prospects of the North Korean Rason Economic and Trade Zone

The region known now as the Rason Economic and Trade Zone (RETZ) became the first experience of North Korea with special economic zones (SEZ) policy where measures for attracting foreign investments and capital were introduced. Established in 1991 Rason has its own legal framework that has changed and developed significantly with time.

As for now judging by the volume of foreign investments attracted the RETZ is the most successful region among more than two dozens of special economic zones declared by the DPRK authorities. However, the scale of the foreign capital inflow turned out to be considerably smaller than it was expected by the government of North Korea at the time of the zone's establishment.

The foreign investments in the RETZ are represented mainly by small-scale factories and small or middle-size investment projects with only few exceptions. The foreign capital in Rason is dominated by the Chinese business with some presence of investors from Hong Kong, Japan, USA, Europe, Canada and some other countries. Russia is represented in the zone by arguably the biggest (in terms of invested money) logistic project «Khasan-Rajin» implemented in cooperation with North Korea.

The Rason Economic and Trade Zone has good potential for growth and development due to its favorable geographic position, ice-free ports and other advantages. At the same time many negative factors such as political issues, international sanctions, etc. do exist and become an obstacle for realizing the potential of the zone. Recent nuclear and missile tests conducted by the DPRK in January-February 2016 have further complicated the situation and made the prospects of foreign investments inflow less real.

This article presents a brief description of the RETZ's development, analyzes the forms and scale of the foreign capital in the zone, summarizes advantages and disadvantages of the situation and provides some vision for the zone's future as well as the most desirable forms of cooperation and investments.

Keywords: DPRK, China, Russia, Rason, Rajin, Special Economic Zone, trade, investment, politics.

Guryeva A.A.

Traditional Models in Representation of Current Issues in Contemporary South Korean Texts

The paper determines some of the models which may be traced in texts relating to current issues in the Korean society (social issues, gender issues, political issues, environmental issues etc.): 1. The model of unity of the nation; 2. The idea of overcoming difficulties which relates to the model of relations between the opposites; 3. The model of relationship between the open/discreet space with male/female; 4. Idea of harmony which traces its roots to the model of balance between *ying* and *yang*. The texts include literary texts, slogans, announcements, educational texts etc.

The research shows that the basis of the above models is the traditional understanding of the world as based on the principle of harmonic interrelation between the opposites. Contemporary texts deal with both individual harmony and general harmony, and the former is a part of the latter. A break of balance is usually shown as a cause of many social and other contemporary problems. While harmony may be achieved through overcoming difficulties, harmony is at the same time the way to solve problems and to gain prosperous society. Thus, harmony is a goal and a means. Texts play important part in attaining harmony, and this idea relates to the traditional perception of a text as an instrument of positive influence on the world.

Keywords: traditional element in contemporary Korean culture, text in Korean culture, traditional models, representation of current issues in South Korea, Korean communication culture, intercultural communication.

Pokholkova E. A.

On Some Issues of Political Correctness in the South Korean Mass Media

Traditionally, the term «political correctness» (PC), which originated in the USA in the 1970s, was used by liberals who began imposing political correctness to prevent recognition of differences among gender, religion, belief system, sexual orientation and nationality. It means the alteration of one's choice of words in order to avoid either offending a group of people or reinforcing a stereotype considered to be disadvantageous to the group. More specifically, groups, which claim some status as systemically oppressed or

discriminated against will periodically attempt to change the terms by which they are referred to and demand that society as a whole change its usage of words as well. The term was adopted by the Russian and Korean languages by word loaning («политическая корректность», 정치적 올바름) in the last decade of the 20th century. Based on the statistics and language reports, published by the National Institute of the Korean Language (국립국어원), Republic of Korea, we come to a conclusion that South Korean linguistic and extra-linguistic reality, tend to comply with the global standards of political correctness, but language and word-forming which still base on Hanmun elements has a number of restrictions in terms of the formation of a politically correct vocabulary. Moreover, political correctness in the Republic of Korea is very closely related with the policy of language purification, particularly from the words which penetrated into the Korean language during the time of the Japanese colonialism.

Keywords: politically correct, euphemism, tolerance, discrimination.

Soldatova M.V.

Poetic Lines in Urban Space as an Element of Social Advertising: Gwanghwamun Poetry Placard

Literature in general and poetry in particular play a key role in the preservation and transmission of cultural code, unifying the nation. Maybe that is why in the difficult social and political times people caught by the whirlpool of uncertain reality, trying to find solid ground for further existence, often turn their attention to literature, first of all, to the classic one as the bearer of eternal values. This potential of literature is knowingly used by the authorities and public organizations in various projects (up to the public turn-by-turn reading of famous texts) and, sometimes, by commercial organizations in socially oriented advertising.

A very interesting example of such advertising is Gwanghwamun Poetry Placard on the Kyobo Life Building in Seoul, Republic of Korea. This Placard, leading its history since 1991, was originally designed to enhance the company's image, but soon acquired a social significance on a national scale. For over 20 years, at the beginning of each season new poetic lines appear at this Placard. The lines are selected by a special committee as the most consistent with the spirit of time and meeting the socio-psychological needs of the South Korean people. The ideas concentrated in these highly metaphorical lines from various poems well-known in the ROK are not always clear for

representatives of other cultures. Using comparative approach based on isomorphism, the author tries to analyze a certain number of poetic stanzas from Gwanghwamun Placard which are remarkable in terms of implicit content in order to reveal stable patterns and contribute to better understanding of the cultural code of the society, the project is oriented toward.

Keywords: cultural code, urban space, social advertising, Gwanghwamun Poetry Placard.

Khohlova E.A.

Early Joseon Landscape Painting: not how but why?

Landscape is the most popular genre of Korean classical painting. During the reign of the Joseon Dynasty «mountains and water» were painted more often than anything else. In the landscapes various aspirations of intellectuals were implemented, they revealed human understanding of the world, the idea of a man's place in the world. In the early period of the Joseon Dynasty a large number of scrolls, screens, album pages with images of nature were painted. Court artists and munin hwagas («intellectuals artists») painted landscapes. The early Joseon landscapes are mostly idealized images of nature, the artists painted landscapes they never saw creating fictional views, the Chinese landscapes served as the basis of their fantasies.

A few domestic and foreign researches about landscape of early Joseon mainly describe the appearance and explain the content. Explanation of the historical and cultural context of a work is often limited to a brief description of the socio-political situation in which a landscape painting was created. However, because any work of art is a product of its time and was created to express not only the personal ideas of the author, but also views and ideals common to the contemporary society, the author believes that the early Joseon landscape should be seen as a tool for understanding of the worldviews of the creators. Therefore, this paper attempts to reveal the contents of the early Joseon Dynasty landscape painting. It analyzes what tasks of the state scale and more private themes found expression in the survived landscapes of the early Joseon.

Keywords: landscape painting, early Joseon.

Pogadaeva A.V.

The Origin and Development of Detective Genre in Korea

Detective stories have been lower genre in Korea for a long time. Up till now in the bookstores you can mainly find translations of Western and

Japanese authors. Around 350 new detective stories are published annually in Korea, but only 10 % of those are written by Korean authors.

It would be interesting to make a research about the origin of this genre in Korea. The author of the first detective stories in Korean was Yi Hae-jo 이혜조 (1869—1927), he was also the first to introduce the term for such type of literature — «detective prose» (경탐 소설). From December 4, 1908 till February 12, 1909 «Imperial newspaper» 제국신문 published in series the story of Yi Hae-jo «Two nephritic pipes» 쌍옥적 which became the first detective story in Korea. Yi Hae-jo is mainly famous as the founder of the «new prose» in Korea, he was also involved in translations, for example, he translated and adapted to Korean readers the novel «The Lerouge Affair» (1866) written by one of the founders of detective genre in France Émile Gaboriau (1832—1873). The plot of this story became a base for the novel of Yi Hae-jo «Umbrella» 박쥐 우산 (1920).

The first real Korean detective story is «The Deamon man» 마인, published in 1939 by the writer Kim Nae-sông 김내성 (1909—1957). The most famous writers of this genre in Korea are Kim Sông-jong (1941) 김성중, Pang In-gûn 방인근, Hô Mun-nyông 허문녕, Yi Sang-u 이상우, Yi Su-gwang 이수광. In 1983 the «Association of Korean detective story writers» was founded.

Keywords: detective story, Yi Hae-jo, crime literature, translations.

Smertin Yu.G.

Korean Shamanism: Past in Present

This article examines the phenomenon of Korean shamanism and its interaction with foreign religions (Confucianism, Buddhism, Taoism, and Christianity) and the impact on the spiritual universe of Koreans in the past and present. The traditions of shamanism are the traditions of people's daily lives. Since ancient times, this religion has helped to overcome diseases, avoid troubles, made clear this and future life. This religious complex has absorbed myths, legends, fables, historical subjects, which contributed to the formation and preservation of the historical consciousness of the people, development of patriotism and national pride. This, in turn, ensured the unity of the nation. Special attention is paid to the figure of shaman who mediates between humans and spirits during special ceremonies (*kut*) and the ways by which the shaman purchases specific features. The author examines in detail the two types of ceremonies: *ilbanh-kut*, which is held in the familygroup, and *tang-kut*, carried out for the benefit of the village community. The author

concludes that in contemporary Korea distinct irrationalism of shamanism is combined with the life of a high-tech society. This contributes to the fact that in the 1970s in the search of national identity the Korean society has turned to the native religion, especially its cultural aspects. Shamanism in Korea today is a living religion, which gives the majority of ordinary people a sense of security and hope for a better life.

Keywords: Korea, shamanism, mudan, kut, spirits.

Chesnokova N.A.

Place of Birth as a Potential Determinant of the Future in Korea: Prejudice and Regionalism

Natural environment is one of the key elements of the world image. It defines foreign and domestic policies, functions as a basis for regionalism, influences literature and arts. For long time geography has been playing a significant role in Korean history and culture at first introduced as *p'ungsu chiri söl* 風水地理說 based on a landscape analysis.

Sinocentrism in Korea was widespread until the end of the XIX century. Geographical closeness of Korea to China led to a huge cultural and economical exchange and formed diplomatic contacts between Korea and neighbor countries. Chinese philosophy and *fengshui* 風水 taught a place of birth determines the future of a person, and this article tries to answer the question whether this belief in such a determinant was strong in Korea and, if so, for how long it lasted.

The article aims to give a description of prejudice towards common folks from different areas in history and modernity. It covers up several writings where the connection between land and a person was mentioned, including a note by Yi Hwang 李滉 (1502—1571) and Yi Chung-hwan 李重煥 (1690—1756?). In conclusion the current situation in the Republic of Korea is described.

Keywords: traditional geography, regionalism, Yi Hwang, Yi Chung-hwan, prejudice.

Noskova N.G.

Ethnonyms *Joseon* and *Han* in the Names of the States of the Korean Peninsula

Ethnonym is an external manifestation of ethnic identity. Despite the fact that the structure of ethnic identity is continually changing, a case of an

ethnonym's change is rare. Ethnonym coincides with the name of the language, sometimes it becomes politonym and the name of the state.

Joseon and *han*, parts of official names of the states located on the Korean Peninsula, are derived from ethnonyms. These ethnonyms were used in the names of states more than once throughout the Korean history. It is important that *Joseon* and *han* could replace each other or operate simultaneously. Their meanings were not permanent. The name of the state, on the one hand, can be considered as a formal construct, on the other hand its recognition in society is impossible without a certain base. The debates that unfolded every time when a new name for the Korean state was decided did not testify to its formal role. The report focuses on the process of selecting a new name for the state, on the reasons that determined this choice and on the meaning of *Joseon* and *han* at different times.

Keywords: Korea, ethnonym, name of the state, *han*, *Joseon*.

Tsoi I.V.

Park Kyong-ni 박경리(1926—2008). About the concept of meat 몇

Literary works of famous Korean writer Park Kyong-ni 박경리 (1926—2008) go far beyond writing purely fiction. The author worked in a variety of prose genres and in the last years of her life also published several books of poetry. Appealing to readers through the characters in short stories, novellas and novels, as well as in her essays, the author presents a whole philosophical system based on cultural ideas of the Koreans. If you look at the dates of life of Park Kyong-ni, it becomes obvious that the author was born and raised in Korea during its very difficult period. The writer witnessed important historical events that occurred during this time on the Korean Peninsula. She herself suffered all the hardships and difficulties of the era. Her life experience, as well as her great erudition and encyclopedic knowledge, and her life away from the hustle and bustle of a large metropolis in the nature's lap in solitude, helped her write the most famous 20-volume novel «Land» 토지, translated into several foreign languages. And in the future, the Russian translation of the novel's first volume will be published. However, this article focuses on the essay collection of Park Kyong-ni called «The Pain of Life» 생명의 아픔, which was published in 2004 and consists of several chapters united by a particular theme. In this collection the author speaks to the reader in the first person and reflects on such global and «eternal» issues as the environment, an attitude to nature and life, the concept of culture and literature, relationship with Japan. In one of the chapters, the author presents her vision

of the unique Korean cultural category — the meot **몫**. Without knowledge of this concept the Korean system of cultural ideas will be only half-seen. Park Kyong-ni considers that important for the Korean culture and consciousness category in her own way.

Keywords: Park Kyong-ni, multi-volume novel, cultural ideas of the Koreans, the meot concept, philosophical system, collection of essays.

Osetrova M.E.

North Korean Cuisine as an Instrument of Public Diplomacy

North Korean restaurants operating outside the DPRK are an interesting example to explore the meaning of national cuisine as an instrument of the state official politics of national cultural identification. While the DPRK is still quite closed in its contacts with the outside world, such restaurants become practically the only place where the country can demonstrate its culture, traditions and way of life to the broad international audience on a regular basis and thus transmit certain cultural and ideological messages using the language of national foodways. Under such conditions we can regard these restaurants not just as the places to taste the Korean food but in a sense as an instrument of the DPRK's public diplomacy.

The paper presents the results of a field research conducted by the author in two North Korean restaurants (*Koryo* and *Reungrado*) operating in Moscow at present time. The main purpose of the field research was to investigate how these restaurants present the Korean cuisine for foreign clientele, what extra-culinary meanings they transmit and in this regard, if it is possible to see their activity as an instrument of public diplomacy of the DPRK.

The author argues that the sphere of national food culture is a terrain where we can trace the actual evidences of indirect (latent) inter-Korean cultural interaction in spite of the fact that on the surface both states declare the independence and authenticity of their vision of national culinary tradition. The author also asserts that in contrast to the previous decades, nowadays the DPRK has started to reconsider its attitude toward the cultural resource of the national foodways in order to use it more actively as an element of the official politics of national identification.

Keywords: Korean cuisine, North Korean restaurants abroad, national food tradition and identity, national identity politics of the DPRK.

Научное издание

Корейский полуостров в эпоху перемен

Редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 14.11.2016.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 26,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 12

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.